

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 9

№ 7 (80)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2011

Волгоград
2011

Учредитель: ГОУ высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ»

д-р хим. наук проф. член-корр. РАН *И. А. Новаков*

Редакционная
коллегия серии:

д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева*
(ответственный редактор);

д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ
им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;

д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;

д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;

д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*;

д-р ист. наук проф. Российского государственного гуманитарного университета
В. Д. Зимина;

д-р филос. наук, зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;

д-р пед. наук, зав. каф. иностранных языков ВолгГТУ *А. М. Митина*;

канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь)

д-р ист. наук, зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;

д-р филос. наук профессор ВолГУ *Н. В. Омельченко*;

д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовщиков*;

член-корр. РАО, д-р пед. наук, зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч.
ст. № 7(80) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2011. – 180 с. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного зна-
ния. Вып. 9).

ISBN 978–5–9948–0808–5

Содержит статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитар-
ных наук.

Ил. 10. Табл. 20. Библиогр.: 314 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Димитрова С. В., Леонтьева Е. Ю.</i> Трансцендентальная свобода: сущность и особенности.....	5
<i>Виноградова Н. Л.</i> Проблема понимания в социальном взаимодействии.....	9
<i>Смирнов К. С.</i> Массовая культура современного общества как предпосылка антропологического кризиса.....	12
<i>Стручалина А. П.</i> Антропология денег.....	16
<i>Копылов С. И., Шелекета В. О.</i> Проблема гуманизации образования в перспективе совмещения методологических подходов в науках о человеке.....	21
<i>Потапов В. А.</i> Институциональные и неинституциональные аспекты управления муниципальным образованием.....	24
<i>Назарова Ю. В.</i> Парламентаризм и парламент в аспекте политической философии.....	28
<i>Лахвицкий А. Н.</i> Исторический текст в политическом пространстве.....	32
<i>Савин В. В.</i> Развитие социального познания в процессе формирования глобального социума.....	34
<i>Хлипун В. В.</i> Становление интернета как социального института.....	38
<i>Акимов О. Ю.</i> Предметный мир в произведениях В. В. Розанова.....	42
<i>Серебрянская В. Н.</i> Символ гендера в пространстве коммуникации.....	45
<i>Кленина Е. А.</i> Диалектика жизни и смерти: онтологический аспект.....	49

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А., Ситникова О. И., Токарев В. В.</i> Общая оценка степени актуальности основных социально-экономических и социально-политических проблем в регионе.....	53
<i>Каргаполова Е. В.</i> Социально-трудовые отношения в Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования).....	64
<i>Лебединцева Л. А.</i> Теоретико-прикладные основы социологического анализа интеллектуального труда.....	68
<i>Ефимов Е. Г.</i> Роскошь как социальный феномен в исследованиях французских и английских авторов XVIII–XIX вв.	73
<i>Парамонова В. А.</i> Феминная символика в процессе формирования социального пространства России.....	77
<i>Пьянов А. И.</i> Социальное самочувствие российской семьи.....	81
<i>Варакин А. В.</i> Подготовка похода и вторжение А. Лисовского в Россию в начале 1615 г.	87
<i>Прошечкин С. Е., Прошечкин Д. С.</i> Военно-воздушные силы России в годы первой мировой войны.....	92
<i>Шереметьева Л. Н.</i> 20 лет ГКЧП: путч или попытка сохранить страну и государство?.....	97

<i>Янкина Е. В.</i> К вопросу о содержании понятия «социальная поддержка» (языковой аспект).....	102
<i>Литинская Е. А.</i> Допинг в спорте: социально-философский аспект.....	106
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Новаков И. А., Петрунева Р. М., Мишута С. П.</i> Подготовка кадров для химической промышленности в Нижневолжском регионе: история и современность.....	111
<i>Васильева В. Д.</i> Модель педагогического процесса формирования проектной культуры будущих инженеров.....	117
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> Развитие ораторского мастерства и техники речи преподавателями высшей школы.....	124
<i>Мифтахутдинова Ф. Р.</i> Методология обеспечения качества подготовки специалистов.....	129
<i>Федотова Н. В.</i> Технология трехмерного моделирования в преподавании графических дисциплин в техническом вузе.....	132
<i>Дикарева А. В.</i> Нетрадиционные формы и условия учебно-воспитательной работы.....	134
<i>Шеина А. В.</i> К вопросу о формировании мотивации к предпринимательской деятельности у будущих инженеров.....	136
<i>Валова Л. В.</i> Взгляд современного студента на состояние русского языка.....	139
<i>Ермакова А. А., Феофанова Л. Н.</i> Применение исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности как средства повышения качества математической подготовки студентов технического вуза.....	142
<i>Топоркова О. В.</i> Концептуальные подходы к обучению взрослых в системе британского университетского образования.....	145
<i>Тикушина И. А., Митина А. М.</i> Программы подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в Великобритании.....	149
<i>Тихаева В. В.</i> О проблеме досрочного прекращения обучения в системе дополнительного образования взрослых в Германии.....	153
<i>Высоцкая И. В.</i> Сравнительная характеристика обучения пожилых людей иностранным языкам в Германии и России.....	156
<i>Алексеев Н. В., Митина А. М.</i> Теоретические подходы к кросс-культурному обучению взрослых в Австралии.....	160
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ	
<i>Токарев В. В., Дулина Н. В.</i> Монголия – центр пересечения языковых и культурных коммуникаций.....	165
<i>Ситникова О. И.</i> «Край родной, навек любимый...».....	167
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> Школа педагогического мастерства ВолгГТУ: формирование речевой компетенции у преподавателей высшей школы.....	169
<i>Петрунева Р. М., Дулина Н. В.</i> «Мы слушаем не речь, а человека, который говорит...» (об итогах очередного межвузовского смотра-конкурса научных работ студентов «Социокультурные исследования–2011»).....	171
<i>Ситникова О. И., Соловьева А. В.</i> Экскурсия как воспитательная технология.....	173
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> «Есть люди, которых нельзя не слушать».....	175
К сведению авторов.....	177

УДК 111
ББК 87.21

С. В. Димитрова, Е. Ю. Леонтьева***

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СВОБОДА: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

*Камышинский технологический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета,
**Волгоградский государственный технический университет

E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru, leont@avtlg.ru

В статье раскрывается трансцендентальная сущность свободы, состоящая в том, что она реализует личностную уникальность, укореняя человека в бытии, давая ему возможность творить самого себя, прикасаться к высшему и абсолютному. Такая свобода реализуется в поступке, который меняет способ бытия человека, позволяет выйти за рамки наличного бытия, обрести бытие подлинное.

Ключевые слова: свобода, детерминизм, действие, поступок, личностное бытие, трансцендентальность, цель, целеполагание.

S. V. Dimitrova, E. Y. Leontyeva***

TRANSCENDENTAL FREEDOM: THE ESSENCE AND FEATURES

*Kamyshin Technological Institute,
**Volgograd State Technical University

The article reveals the transcendental essence of freedom consists in the fact that it realizes the uniqueness of personality, is rooted in a human being, giving him the opportunity to do himself, touch to the highest and absolute. Such freedom is realized in the deed, which changes the way of being human, can move beyond existence, being a true find.

Keywords: freedom, determinism, action, deed, personal being, the transcendence, goal, goal setting.

Трансцендентальность свободы проявляется в том, что она является необходимым условием, добытийным началом бытия, при этом она актуализируется в поступке, обладающем собственной истинностью и ценностью. Основанием целостности поступка является личная ответственность человека.

Свобода в своих истоках является условием, дающим возможность выйти за пределы эмпирической реальности, актуализировать подлинно личностное бытие. Однако трансцендентальная сущность свободы должна быть опосредована в конкретно-исторической реальности. Способом реализации свободы является поступок, преодолевающий ограниченность действия. Успешность действия, понимаемая как возможность достижения результатов, адекватных целям, основывается не только на самодостаточности действующего субъекта, но и на сопутствующих условиях, обстоятельствах, не зависящих от человека. Процессы целеполагания и целереализации неизменно детерминированы предшествующими действиями, суще-

ствующим ходом событий. Тем самым действия людей, ориентированные преимущественно на результирующую сторону человеческой активности, становятся препятствием для проявления личностного бытия, исключая саму возможность свободного целеполагания.

Вместе с тем именно развитость, совершенствование человеческой деятельности, в процессе осуществления которой расширяются горизонты взаимодействия человека с окружающей действительностью, привели к осознанию того, что свобода не может быть обретаема в наличном бытии, в детерминированном мире. Высокая степень освоенности эмпирической действительности приводит человека к пониманию того, что свободы нет в существующем (наличном) бытии.

Таким образом, признание различных ипостасей бытия выступает необходимым условием для определения сущности свободы. Свобода, понимаемая как возможность становления иных форм бытия, как проявление сущего, пребывает в личностном бытии, которое является

источником творчества, сферой бесконечных возможностей. Следовательно, поиск путей достижения свободы имеет особую значимость и ставит человека, действующего субъекта, перед необходимостью обретения и поиском возможности раскрытия собственного бытия. Подлинной формой активности, ведущей к проявлению личностного бытия, реализующей, таким образом, свободу, является поступок, исследование которого позволяет представить становление бытия.

Рассмотрение целерациональности как главного ресурса для успешной активности людей ведет к подавлению личностного бытия. Тем самым уничтожается альтернатива, которая осуществима лишь на онтологическом уровне, ибо она предполагает переход от феноменального бытия к ноуменальному (И. Кант); от онтического к онтологическому (М. Хайдеггер).

В поступках осуществляется онтологическое трансцендирование – это подлинная форма активности, при которой реализуется свобода. Не стремясь поддерживать или опровергать различные формы трансцендирования (будь то духовные практики, «участное мышление» (М. Бахтин) или «стремление людей к недостижимому» (М. Мамардашвили), следует акцентировать внимание на том, что обретение свободы неизбежно предполагает выход за рамки наличного бытия. Движение к перемене бытия не предполагает определенных и уже готовых путей, напротив, оно осуществляется в процессе индивидуальных усилий человека. Условием начала трансцендирования являются экзистенциальные состояния, к примеру, «предельные проявления» (М. К. Мамардашвили) человека; «феномены Границы» (С. С. Хоружий). Пребывание в состоянии трансценденности позволяет вообразить, придумать, сотворить нечто иное, то, чему нет аналога в эмпирической действительности.

Принципиальной значимостью обладает суждение о том, что трансцендирование понимается как особого рода движение человека к личностному бытию. Основанием трансцендирования выступает не эмпирическая реальность, не существующий тип культуры, а свобода, благодаря которой становится возможной актуализация личностных качеств. Таким образом, осуществленный в поступке акт свободы проявляется в возможности находиться вне существующей причинной цепи действий, устанавливая новую последовательность событий.

Полнота свободы, совершение поступка – это установление самодетерминации. Особенность существования свободы заключается в том, что, она исключает любое следование общезначимым нормам, вместе с тем свобода, актуализируя трансцендентное бытие, устанавливает иные формы детерминации, обусловленные личностным усилием. Именно благодаря сопричастности с трансцендентным бытием, свобода не обретает форму своеволия и произвола, она строго детерминирована высшими формами бытия. Поступок актуализирует, учреждает необходимое, то, что находится в основании личностного бытия. Следовательно, проявляется свобода не в возможности совершать желаемое, а в реализации и утверждении личностных оснований. Обретший собственное бытие человек не может действовать иначе, его поступки самодетерминированы.

Определив поступок как добровольное, ответственное вхождение в круги новой детерминации, необходимо отметить, что поступок – это такая форма активности, при которой становится возможным представить не существование человека (его характеризует уровень действий), а сущностные черты личности. При выявлении роли онтологических оснований в конституировании поступка и раскрывается трансцендентальная сущность свободы, которая заключается в априорной открытости человека бытию как таковому. Благодаря свободе личность осознает себя как часть целого, как существо, способное выходить за пределы своего эмпирического существования, трансцендировать к подлинно личностному бытию. Несмотря на то, что свобода неизменно присутствует в человеческом бытии, она должна быть принята, актуализирована в поступках личности. Если же человек погружается в обезличенный мир активных действий, то он теряет свободу.

Свобода онтологически предшествует поступкам, ибо выступает основанием для актуализации бытия. Таким образом, трансцендентальность рассматривается как особая форма восприятия, переживания, воображения этого мира. Трансцендентальность – это иной опыт отношения к действительности, позволяющий преодолевать границы эмпирического существования. Значимость трансцендентального опыта заключается в том, что он выступает организующим принципом личностного бытия, актуализируя имманентные человеческому бытию целостность и смысл. В этой связи каждо-

му человеку вменяется онтологическая ответственность, поскольку отказ от свободы приводит к забвению некоторых форм бытия, способных проявиться только благодаря усилиям данной личности.

Следует рассмотреть также отличие действия и поступка на основе анализа двух типов мышления: ведущего к обретению смысла и устанавливающего значения («бытийного» и «рассчитывающего», согласно М. Хайдеггеру). В действиях, направленных на достижение целей, абсолютизируется роль познавательных значений. Особенностью познавательной деятельности является то, что она основана на изначально устанавливаемом «субъектно-объектном расколе». Человек, выстраивающий действия на основе полученных им знаний, практически противопоставляет себя окружающему миру. Исходя из объективности и познаваемости законов, индивид использует действительность как арсенал средств для достижения собственных целей. Развитие познавательной деятельности приводит к становлению «отвлеченно-теоретического самозаконного мира» (М. Бахтин), который обретает автономность, развиваясь по своим собственным законам. Поскольку проявления «индивидуальной жизненности» субъекта изначально рассматривались как источник ошибок и заблуждений, то полученные результаты и средства познания, обретшие самостоятельность, начинают противостоять человеку как самостоятельная, а порой, разрушительная сила.

Таким образом, приоритетность познавательных значений в сознательном действии ведет к еще одной форме отсутствия целостности – утрате личностного бытия. Следует акцентировать внимание на том, что «потеря себя», собственной «самости» выступает глубинным основанием для проявления иных форм раскола мира, реальности.

Сознание не только не исчерпывается познавательными значениями, но и может существенно отличаться от них. Акты сознания в отличие от познания не являются интенционально направленными, сознание понимается как свойственная личности форма бытования. Сознание не направляет свою активность на получение знаний о внешнем мире, оно направлено на личностное бытие, представляя человека как причинность действия. Благодаря сознанию, человек способен переосмысливать, иерархизировать, личностно воспринимать и

сохранять результаты познания, что позволяет жить в мире, пребывая в нем внутренне и личностно. Тем самым сознание включает в личное смысловое поле полученные познавательные значения, ориентируясь при этом на становление и сохранение самобытности.

Содержание сознания зависит не от логически обоснованных, безразличных к индивидуальным особенностям личности определений, а от экзистенциальных понятий (трансценденталий). Мысль делает возможным «мое бытие», а бытие актуализируется подлинной мыслью. Волевые усилия, позволяющие личности пребывать в состоянии мысли, обеспечивая выход в сверхопытную реальность, будут свободными. Состояние самобытности проявляется в рождении подлинной мысли, значимость которой заключается не в содержании, а в наличии. Мысль – это возможность, позволяющая человеку «извлекать собственное «я», давая возможность действовать «онтотексту сознания». По существу в самопонимании выражается онтологическая сторона человеческого существования. Сущность сознания заключается в возможности представить целостность мира. Подлинная сознательность (бытийное мышление) реализуется в поступках и утверждает гармоничную целостность. Поступок творит новое бытие, становление которого обусловлено взаимовлиянием жизненных и теоретических значений, субъективности и объективности. Поступок проникнут жизненностью, он не может осуществляться в мире построений теоретического сознания, вместе с тем из бытия поступка не исключается рациональность, она обретает форму ответственности. Если критерием успешности действия выступает ответственность, то человек направляет свои усилия не только на получение желаемых результатов, но и оказывается способным отказаться от достижения своих целей.

Таким образом, истинная мысль о бытии не является результатом логического обоснования, не основывается на общезначимых суждениях, напротив, само появление мысли выступает условием для проявления бытия. Установление истины есть не что иное, как актуализация некоторой формы бытия.

Особенностью современной ситуации является господство ценностей, утверждающих существование активно действующего человека. При этом критерием, способом оценки действия выступает полученный результат, а не про-

цесс осуществления, «развертывания» активности. В силу того, что деятельность утрачивает свое главное предназначение – актуализировать нечто, представить полноту его бытия, природа ценностей низводится и определяется в категориях успешности действия. Утрачиваются, нивелируются ценности внутренней жизни человека, исчезает онтологическая укорененность деятеля, утверждается господство «яйности» (М. Хайдеггер).

Ориентация на успешное достижение целей не дает возможности проявиться подлинно личностным состояниям. Следовательно, усилия, направленные на умение остановиться, отказаться от успешной целереализации, ради возможности обрести себя, становятся в настоящий момент особенно значимыми. В связи с этим можно определить сущностную характеристику ценности как возможность актуализировать личностные качества, осуществить «онтологическое самоопределение» человека.

Важным для понимания природы ценностей является то, что они не являются результатом успешной целереализации, ценность привносится в мир в процессе обретения человеком самого себя. Становление личности – это проблема, для решения которой не существует готовых средств, она требует от человека постоянного возобновления индивидуальных усилий. Поэтому высшие нравственные ценности никогда не определяются содержательно, они наполняются смыслом в процессе постоянной духовной работы, направленной на установление различий между добром и злом, свободой и зависимостью. Важно отметить, что особенность духовной работы заключается в непрерывно возобновляющихся (бесполезных, по меркам прагматичного общества) стремлениях личности, направленных на поиск справедливости, добра.

Еще одной важной особенностью личностного становления является то, что оно не зависит от причинно-следственных связей. Не может существовать причин и целей, ради которых совершаются нравственные поступки, если человек стремится совершать добрые дела в силу каких-то внешних причин, то смысл добра исчезает. Тем не менее возможность пребывать в «специфически человеческих» состояниях (М. Мамардашвили), позволяющая выйти за пределы причинно-следственных связей, актуализирует, придает полноту существования тому, что уже существует в человеке.

Главной характеристикой нравственности является ее самодостаточность. Нравственная норма – это достижение некоего состояния, при котором совершается «метафизика бытия, метафизика ценностей». Важно отметить, что обретение нравственности позволяет человеку преодолеть различные виды детерминации, обретая свободу в служении. Формой активности, при которой личность утверждает, проявляет себя и несет ответственность за собственные действия, является поступок. Нравственная ценность не является внешней, объективной оценкой поступка. Напротив, сам поступок и нравственные оценки являются составляющими целого, бытия личности.

Специфичность, особенность таких форм активности, как действие и поступок, обусловлена тем, что они исполняются на различных уровнях бытия. Целерациональные действия осуществляются на феноменологическом уровне, обеспечивая горизонтальное трансцендирование личности, и не затрагивают глубинных, бытийных оснований. Горизонтальная трансценденция выражает себя в увеличении количества вариантов выбора. Вместе с тем состояние выбора неизбежно влечет за собой момент волевого решения, при котором руководствуются внутренними сущностными установками. Важно то, что момент решения – это не только принятие, но и отказ от многих других вариантов.

Возможность принятия решения и его исполнения совершается в поступках. Человек, совершая поступок, сам в нем «исполняется», с моральной точки зрения, «постоянно творит себя». Ценностным основанием действия является достижение независимости, а поступок, позволяющий принимать решения, устанавливает самозависимость. Последняя – это основополагающая, метафизическая характеристика свободы. Отсутствие самозависимости порождает ситуации, при которых абсолютизируется целерациональная активность, возникает диктат ценностей и, как следствие, нигилизм. Оторванные от жизни цели, не подчиненные метафизической детерминации, базирующиеся на объективных теоретически истинных положениях, стремятся лишь к самосохранению и самооправданию. Понимание свободы, сведенное к формуле «хочу и достигаю», порождает произвол и вседозволенность, сужая горизонты ответственности. Смыслом свободы является установка «могу, но не должен».

Ценности могут обрести действительное существование только в поступках конкретно-исторических личностей. Основанием для реализации и утверждения существования ценностей выступает ответственное отношение к собственной единственной, незаменимой причастности к бытию. В свете сказанного следует понимать ответственность как уникальную форму утверждения, творения действительности.

УДК 101.1
ББК 86.7

Н. Л. Виноградова

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: NVinogradova@yandex.ru

В статье рассматривается проблема организации социального взаимодействия, для которой «понимание» является определяющим фактором. «Понимание» определяется как стремление к овладению смыслами, которые Другой вкладывает в высказывание или действие. Единым смыслом наделяется предмет взаимодействия, вырабатываемый в процессе диалога путем интерпретации.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, предмет, понимание и интерпретация единого смысла.

N. L. Vinogradova

PROBLEM OF UNDERSTANDING IN SOCIAL INTERACTION

Volgograd State Technical University)

The paper discusses the accomplishment of social interaction in the society, for which interaction «understanding» is the determining factor. «Understanding» is defined as an attempt to capture the meanings that are tied up with statements or actions by the Other. The object of interaction created in the process of dialogue by way of interpretation is imbued with commonly held meaning.

Keywords: Social interaction, object, understanding and interpretation of common meaning.

Социальные взаимодействия призваны сформировать целостную систему общественных отношений, которая складывается из формальных и неформальных. Официальные или формальные взаимодействия базируются на достаточно жестких центристских, детерминистских схемах, основным признаком которых – строгое следование законодательным предписаниям. То есть взаимодействия в данном случае базируются на подчинении, а не на едином понимании должного. Неофициальные или неформальные взаимодействия подразумевают большую свободу действий и интерпретаций, диалогичность отношений.

Реалии жизни, ее вариативность и отсутствие предзаданности во всех сферах социальности показали необходимость рассматривать социальные отношения в их целостности, но здесь на первый план выходит проблема пони-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. *Философия поступка* / М. М. Бахтин // *Философия и социология науки и техники*. – М., 1986. – С. 84–157.
2. Кант, И. *Критика чистого разума* / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
3. Мамардашвили, М. К. *Философские чтения* / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
4. Хайдеггер, М. *Работы и размышления разных лет* / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – 467 с.
5. Хоружий, С. С. *О старом и новом* / С. С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 2000. – 475 с.

мания. Без понимания одним субъектом другого, без выработки единых смыслов, без единой интерпретации предмета взаимодействие сводится к формальному, а, следовательно, утрачивается целостность общественных отношений.

Здесь на первый план выступает проблема понимания и связанная с ней проблема интерпретации. Основой для универсальной категории понимания можно считать выработанную в герменевтике идею понимания как работу сознания социального субъекта, направленную на смысл. В контексте социальной философии «понимание» можно определить как стремление к овладению смыслами, которые Другой вкладывает в высказывание или действие, в результате чего осуществляется единое смысловое пространство и становится возможным общее определение предмета взаимодействия.

Предметом, актуализирующим систему взаимодействия, может быть все бесконечное многообразие вещественно-материальных форм и эмоционально-чувственных переживаний индивида. Вместе с тем одна из особенностей предмета в данном случае заключается в том, что предметом являются сами отношения, то есть субъект взаимодействия для другого субъекта. Исходя из этого положения, очевидно, что для осуществления взаимодействия предмет, ради которого оно было актуализировано, должен обладать рядом характеристик. Своеобразие предмета взаимодействия состоит в том, что предметом могут быть сами социальные отношения и субъекты, в них вступающие, в связи с этим одним из наиболее актуальных вопросов представляется идентификация субъектов взаимодействия. Предметом взаимодействия может быть только то, что однозначно идентифицируется взаимодействующими.

Несомненно, всегда будет оставаться некий зазор между понимающим и понимаемым, и чем он меньше, тем согласованней будет реализовываться взаимодействие. А при достаточно большой величине зазора, то есть неадекватной интерпретации высказываний или действий Другого, взаимодействие может совсем не состояться или проистекать не в желаемом направлении. Данную ситуацию, можно обозначить как отсутствие единого смыслового пространства взаимодействующих.

В решении проблемы понимания важной вехой представляется философия Г. Г. Гадамера. Он выходит за рамки прежней установки на преодоление чуждости между Я и Ты в решении проблемы понимания, видя в этом свои преимущества и расценивая «свое» и «чужое» как разные качества, что является необходимым условием, при котором только и становится возможным понимание. Ученый определяет свою позицию как «диалогическую герменевтику». С точки зрения герменевтики, процесс понимания во взаимодействии представляет собой интересубъективное образование. Философы герменевтики обратили внимание на изменения в этом интересубъективном образовании самого субъекта, декларировав: «транспозиция есть трансформация». Действительно, уже одно понимание речи Другого включает в себя активное воспроизведение субъектом мыслительной деятельности говорящего.

Феномен понимания возможен только на границе сознания, устремленных друг к другу в

открытом диалоге смысловых позиций субъектов. И если феномен понимания указывает на возможность сближения личностных сознаний и преодоления существующего между ними зазора, то сам факт существования последнего утверждает феномен непонимания. Непонимание является источником актуализации мыслительного действия сознания, определения субъектом своей позиции. Неизменное присутствие зазора, момента непонимания между взаимодействующими реализует саму проблему понимания тем, что сохраняет дистанцию Я и Другого, а это является одним из условий выработки единого смысла. Кроме того, в этом случае актуализируется и сознательно направляемый поиск выразительных средств для наиболее яркого выражения предмета взаимодействия.

Именно в моменты непонимания приходит ясное осознание отличия Я от Другого, осознание существования зазора между сознаниями. Это означает, что в ситуации ясного осознания должного и в то же время его невозможности и начинается понимание. «Все учение о значении и теме слова, – отмечает М. М. Бахтин, – насквозь пронизано ложной идеей пассивного понимания, понимания слова, активный ответ на которое заранее и принципиально исключен... Такое понимание вовсе не является пониманием языка-речи. Это последнее понимание неотделимо сливается с занятием активной позиции по отношению к сказанному и понимаемому» [1, с. 80].

Понимание и непонимание – это моменты возможного во взаимодействии интерпретации предмета. Интерпретация предполагает не только умение отличать предмет взаимодействия от всего другого, но и умение соединять разное, проходя путь возможного непонимания. Полное понимание было бы нарушением автономности сознания; с другой стороны, возможность понимания объясняет стремление человека преодолеть свою ограниченность и конечность в качестве «бытия-для-другого». В этом смысле для понимания необходимо не одно сознание, а его выход из своей замкнутости к Другому. Встреча личностных сознаний включает в себе источник решения проблемы понимания, обосновывает его необходимость и возможность установления действительно человеческих взаимодействий.

Интерпретация общности предмета взаимодействия выступает как диалектика вопроса и ответа, текста и контекста, как проблема вос-

приятия мира чужой культуры, требующая обращенности к этому миру и необходимости включения чужой позиции в свою при одновременном сохранении дистанции между ними. Таким образом, понимание выступает способом раскрытия глубинных смыслов событий, возникающих в социальных и межличностных отношениях.

Понимание всегда контекстуально, и опирается на конкретно данную действительность. Примером может служить фраза «открой эту дверь» (предметом, в этом случае является действие): если с этой фразой обратиться в чистом поле, ее понять трудно. Но если придать ей «переносный смысл», ее вполне можно понять – все зависит от мысли слушателя: привносит или не привносит она изменчивые обусловленности, способна или нет отыскать их [2, с. 61]. Следовательно, воспринимающий продельывает определенную внутреннюю работу: он ищет такой предмет, по отношению к которому услышанные слова обретают конкретный смысл, то есть определенный предметный контекст.

Ситуация поисков единого смысла усложняется, когда высказывание содержит очень много новой информации. Однако при желании непонимание слов сопутствует осознанию нового содержания, является предпосылкой его освоения. Преодолеть такое непонимание – значит изменить свои представления о предмете взаимодействия и, соответственно, в какой-то мере измениться самому. Если же в сообщаемой информации не содержится ничего нового, необходимость в подобном изменении не возникает – воспринимающему не нужно пытаться что-либо понять, искать смысл, не нужно расширять или видоизменять свои представления и взгляды. Подобный псевдиалог, который основывается на полном понимании, то есть фактически повторении уже известных вещей, не меняет ни вещей, ни дел, одним словом, не способствует развитию взаимодействия. Возникает иллюзия, что собеседники придерживаются общих представлений о действительности, что у них имеются общие взгляды, однако общность, выражаемая повторением информации и лишённая противоречий, ни к чему не обязывает, не побуждает человека изменять окружающее пространство или самого себя, это система статичная и потому обречённая. Л. А. Микешина и М. Ю. Опенков называют такое взаимодействие «замаскированным монологом» [3, с. 189].

В процессе понимания реализуется взаимодействие персонифицированных структур идеального, которые представлены единым смысловым полем. При этом происходит не просто обмен статическими значениями, а трансформация, преобразование ментальных структур, ведущее через переходные, виртуальные состояния к динамически устойчивым инвариантам. Это обстоятельство было вполне осознано М. М. Бахтиным и выражено в идее активного ответного понимания. Результат интерпретации состоит в создании новых смыслов, объединяющих уже существующие, и в то же время сохраняющих самостоятельность их существования. При овладении новыми интеллектуальными средствами происходит переструктурирование, переход структур на новый уровень обобщения, что ведет к переосмыслению понятия и переходу понимания на новый уровень – новационного взаимодействия.

Учитывая традиционные философские положения [4], рассматривающие понимание как усвоение смысла, который уже существует, мы представляем понимание в большей мере как порождение смысла, то есть осмысление понимаемого предмета – будь то текст, деятельность или природное явление. Сам акт понимания протекает неререфлексивно, но после его осуществления возможна рефлексия над ним, в результате которой понимание осмысливается как наделение понимаемого смыслом, почерпнутым из взаимодействия субъектов.

Адекватная интерпретация предмета происходит как реконструкция видения мира Другого, вскрытие его социальных позиций. Таким образом, социальное взаимодействие разворачивается в двух планах, удваивается. На внутренний план взаимодействия, уже существовавший у субъекта, накладывается внешнее взаимодействие, реализуемое в вербальных и невербальных средствах. Понимание происходит как взаимная интерпретация и коррекция этих планов, результатом которой становится создание единого контекста понимания, формирование общих смыслов, объединяющих общность исходных позиций при сохранении их индивидуальной окрашенности.

Понятие «смысл» является ключевым в решении проблемы понимания и адекватной интерпретации предмета взаимодействия. Социальный смысл или смысл межличностный представляет собой сложное многогранное явление. Так, М. Хайдеггер считает, что, во-первых,

под смыслом необходимо иметь в виду «к чему» и «ради чего» – всякого поступка, поведения, действия. Во-вторых, у смысла есть направленность, точнее, он сам есть направленность к какому-то концу, то есть предназначение, конечная цель чего-либо. В данном случае целью выработки единых смыслов является претворение взаимодействия. Социальные смыслы есть система связей и функций элементов социума в контексте социальных взаимодействий. Единый контекст взаимодействий предопределяет общность понимания толкования предмета и согласования действий в единой системе общественных отношений. Иначе говоря, единый контекст есть «ситуация деятельности», которая воссоздается человеком в процессе понимания чего-либо (явления, вещи, текста и т. п.).

Можно выстроить следующий смысловой ряд: общественные отношения – понимание и интерпретация предмета – единые смыслы – общий контекст – социальное взаимодействие и далее по кругу. При утрате хотя бы одного элемента данного ряда социальная система теряет свою целостность. Несостоятельность шаблон-

ного подхода, реализуемого в формальных социальных взаимодействиях, когда утрачивается понимание, очевидна. По мнению автора, достойной альтернативой, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, может быть принцип формирования социального взаимодействия, основанный на понимании, адекватной интерпретации, выработке единых смыслов общественных отношений. Вводя в социально-философский дискурс концепцию социального взаимодействия, как взаимодействия, основанного на понимании, мы стремимся восстановить целостность картины социальных отношений в бытии общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. - 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Кемеров, В. Е. Взаимопонимание: Некоторые философские и психологические проблемы / В. Е. Кемеров. – М.: Наука, 1984. – 109 с.
3. Микешина, Л. А. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
4. Леонтьева, Е. Ю. О понятиях «рациональность» и «разум» / Е. Ю. Леонтьева // Гуманитарные и социально-экономические науки / Ростов-на-Дону. – 2004. – № 2. – С. 5–8.

УДК 79:61
ББК 71.0:5

К. С. Смирнов

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: zzzzz111@mail.ru

Эксплицируется содержание понятия «массовая культура». Анализируется многоаспектный характер данного типа культуры. Определяется отношение массовой культуры к культуре традиционной. Указываются место и роль массовой культуры в качестве предпосылки такой проблемы современной цивилизации, как антропологический кризис.

Ключевые слова: массовая культура, традиционная культура, антропологический кризис, современное общество.

K. S. Smirnov

MASS CULTURE OF MODERN SOCIETY AS THE PREMISE OF ANTHROPOLOGICAL CRISIS

Volgograd State Medical University

The content of concept “mass culture” is explicated. Many-aspected character of this type of culture is analysed. The relationship of mass culture to traditional culture is defined. The place and role of mass culture as premise of such problem of modern civilization as anthropological crisis are indicated.

Keywords: mass culture, traditional culture, anthropological crisis, modern society.

Интерес к явлению массовой культуры возник довольно давно и на сегодняшний день существует немало исследований, теорий и концепций массовой культуры. Авторы большин-

ства из них склонны рассматривать ее как особый социальный феномен, имеющий свой генезис, специфику и тенденции развития. Следует указать на самые влиятельные из них.

• *Теория массовой культуры как культуры «массового общества».* Центральное место в исследованиях данного направления отводится массовому обществу, возникшему в результате процессов индустриализации и урбанизации. Массовая культура при этом рассматривается как особый тип культуры, заменившей собой традиционные формы традиционной культуры (Ф. Ницше, М. Вебер, Н. Бердяев, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Юнг, Дж. Бентам, Д. Рисмэн). В трудах этих философов и ученых термин «массовая культура» трактуется как предельное выражение духовной несвободы, социальный механизм отчуждения и угнетения личности человека. Таким образом, в рамках рассматриваемого направления феномен массовой культуры получает негативную оценку.

Рассматривая критичную точку зрения относительно явления массовой культуры, нельзя не обратить внимание на известного испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета, который разработал одну из наиболее радикальных в своем критицизме концепций массового общества [1]. Согласно его определению, общество – это динамическое объединение меньшинства и масс. Если меньшинство состоит из лиц, обладающих определенными признаками, то масса – это набор индивидов, не отличающихся ничем особенным. Масса – это средние люди. Быстрый рост населения в городах и узкая профессиональная специализация, которая сформировала «массового человека», ослабили культурный потенциал и духовно подорвали современную цивилизацию. Это, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, ведет к неустойчивости и краху культуры в целом.

• *Теории Франкфуртской школы.* Здесь основополагающим становится понятие культурной индустрии, гарантирующей устойчивость капитализма. Общий вывод, к которому пришли представители этого направления, заключается в том, что массовая культура формирует конформизм, удерживает реакции потребителя в инфантильном, статичном состоянии, позволяет манипулировать его сознанием. Таким образом, оценка феномена массовой культуры в рамках этих исследований также негативна (Т. Адорно, М. Хоркхеймер, В. Беньямин, Г. Маркузе).

Теоретики и историки культуры придерживаются далеко не тождественных точек зрения по поводу времени возникновения массовой культуры как самостоятельного социального феномена. Так, Е. П. Смольская полагает, что

оснований для того, чтобы говорить о тысячелетней истории массовой культуры не существует [2]. Согласно А. Адорно, прототипами современной массовой культуры следует считать формы культуры, которые появились во время становления капитализма в Англии, то есть на рубеже XVII–XVIII веков.

Вероятно, точкой отсчета в появлении и развитии массовой культуры следует все же считать конец XIX – начало XX века. Автор полагает, что явление массовой культуры не просто некая разновидность традиционной культуры, но ее трансформация и даже вырождение, то есть развитие средств массовой информации и коммуникации (радио, кино, телевидение, гигантские тиражи газет, иллюстрированных журналов, Интернет), индустриально-коммерческий тип производства и распределение стандартизированных духовных благ, относительная демократизация культуры, повышение уровня образованности масс при неожиданном снижении духовных запросов.

Как и в случае с традиционной культурой, универсального определения массовой культуры до сих пор не существует. Дело в том, что как научно-философская категория «массовая культура» включает в себя целых три понятия: культуру как особый характер продукта; массовость как степень распространения продукта; культуру как духовную ценность.

Некоторые исследователи полагают, что массовая культура – это особый культурный феномен, автономное образование, в котором часто имеет место разрыв формы и содержания. В частности, А. Б. Гофман отмечает, что массовая культура – это особое состояние культуры в кризисный период общества, когда развивается процесс распада ее содержательных уровней [3]. Поэтому массовая культура часто принимает формальный характер. Функционируя, она лишается сущностного содержания, и, в частности, традиционной морали.

В другом подходе массовая культура определяется как явление, характеризующее особенности производства культурных ценностей в современном обществе. Предполагается, что массовую культуру потребляют все люди, независимо от места и страны их проживания. Массовая культура является еще и потому, что она массово ежедневно производится. Это культура повседневной жизни, доступно предоставляемая аудитории средствами массовой коммуникации [4].

Одним из наиболее интересных и продуктивных следует признать подход Д. Белла, согласно которому массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания. [5]. Она выступает как связующее звено между постиндустриальным обществом высокой специализации и человеком, который интегрирован в него лишь как «частичный» человек. Коммуникация же между «частичными» людьми, узкими специалистами, к сожалению, осуществляется, по всей видимости, лишь на уровне «массового человека», то есть на среднем общедоступном языке, которым и является массовая культура.

Сейчас массовая культура проникает практически во все сферы жизни общества и формирует свое единое семиотическое пространство.

Массовая культура – явление далеко не однородное. Оно имеет свою структуру и уровни. В современной культурологии, как правило, выделяют три основных уровня массовой культуры: кич-культура, мид-культура, арт-культура.

Кич-культура – массовая культура в ее самом низкопробном проявлении. Само слово «кич» происходит от немецких глаголов «kitschen» (халтурить, создавать низкопробные произведения) и «verkitschen» (дешево распродавать, продавать за бесценок). Если первые проявления кича широко были распространены лишь в прикладном искусстве, то по мере его развития область кича стала захватывать все виды искусства, в том числе кино и телевидение. Как правило, произведения, принадлежащие к кич-культуре, мимикрируют под настоящие произведения искусств, но таковыми, разумеется, не являются.

Кич однозначен: он не ставит вопросов, он содержит только ответы, заранее подготовленные клише. Он не вызывает духовных исканий, сложного психологического дискомфорта. Кич-культура получила особое распространение в формировании жанра «бульварной прессы», кино- и видеопродукции; в различных формах стандартизированного бытового украшения. Кич как элемент массовой культуры – точка максимального отхода от традиционных ценностей и одновременно – одно из наиболее агрессивных проявлений тенденций примитивизации в искусстве [6]. В настоящее время в индустриально развитых странах наблюдается преобладание именно кич-культуры.

Что касается *мид-культуры*, то прежде всего следует отметить ее двойственный характер. Она обладает некоторыми чертами традиционной культуры, но в то же время включает в себя черты массовой культуры. По отношению к кич, эта форма массовой культуры оказывается более высокой. Можно сказать, что мидкультура задает тон, на ее стандарты ориентируется массовая культура в целом.

Наиболее высокий уровень массовой культуры – *арт-культура*, рассчитанная на самую образованную часть публики. Главной задачей арт-культуры является максимальное приближение массовой культуры к нормам и стандартам традиционной культуры.

Анализируя массовую культуру как особое социокультурное явление, необходимо указать ее основные характеристики. Такими характеристиками, по мнению автора, являются: ориентированность на гомогенную аудиторию, опора на эмоциональное, иррациональное, коллективное, бессознательное, эскейпизм, быстрое забываемость, традиционность и консерватизм, оперирование средней языковой семиотической нормой, занимательность.

Необходимо остановиться более подробно на некоторых из вышеперечисленных характеристик.

Ориентированность на иррациональное, бессознательное, коллективное. Еще Карл Юнг в своих работах отмечал, что образование символов является основой массовой культуры. Роль символа, по его мнению, заключается в том, чтобы способствовать сублимации энергии бессознательных сфер психики, то есть направлению ее в объективную реальность. Согласно К. Юнгу, базовыми в понимании массовой культуры являются следующие компоненты: во-первых, ее восприятие как компенсаторного явления, восполняющего утраченную целостность человеческой природы; во-вторых, понимание бессознательной основы массовой культуры; в-третьих, понимание мифотворческого предназначения массовой культуры [4].

Для массовой культуры очень свойственно повторение сюжетов, идей и образов, а повторяемость – это свойство мифа. Мифология, в свою очередь, фиксирует в концентрированном виде коллективное бессознательное. Следовательно, массовая культура тем или иным образом ориентируется на архетипы коллективного бессознательного.

Другая, не менее значимая характеристика массовой культуры – *эскейпизм*, то есть бегство от реальности в мир фантазий и грез. Эту черту отмечают многие исследователи. Так, в частности, В. П. Шестаков считает, что именно благодаря эскейпизму массовая культура осуществляет подмену, или, выражаясь языком психоанализа, компенсацию реальности миром обманчивых и утешительных иллюзий. Автор книги «Философия художественной истории» Арнольд Хаузер так же полагает, что история современного массового (популярного) искусства начинается с возникновением идеи о том, что искусство означает отвлечение. В нем ищут рассеивание, но не концентрацию, развлечение, но не образование.

Быстродоступность порождений массовой культуры достигается с помощью современных средств массовой коммуникации, которые год от года становятся все более совершенными и разнообразными. За последние два десятка лет к таким уже традиционным способам распространения продукции массовой культуры, как кино, видео-, теле- и радиопрограммы, печатные издания, прибавились мобильные системы связи (пейджеры, мобильные телефоны), а также Интернет.

Массовая культура является неотъемлемой частью жизни общества. Однако продукция массовой культуры недолговечна. Будучи в значительной мере культурой потребительской, она мгновенно реагирует на появляющийся спрос на ту или иную ее продукцию. С исчезновением спроса исчезает и продукция, предназначенная для его удовлетворения.

Массовая культура, порождая огромное количество своих произведений-однодневок, вместе с тем глубоко *консервативна*. Ее произведения можно безошибочно отнести к тому или иному жанру, сюжеты обладают четкой, из раза в раз повторяющейся структурой. И хотя зачастую произведения массовой культуры лишены глубокого смысла, они обладают жестким каркасом внутренней структуры. Лучшим средством угодить вкусам публики оказывается не новизна, не новаторство, а банальность. Человек не способен понять и усвоить нечто совершенно новое для него, если это новое не имеет никаких соответствий с чем-либо уже известным. Известное служит путеводной нитью, ведущей через неизведанное пространство. Подсчитано даже, что если произведение содержит более 10 % совершенно новой информации, то контакт с аудиторией теряется [7, с. 261].

Как самостоятельное явление массовая культура оценивается противоречиво. В целом существующие точки зрения можно разделить на две группы. Представители первой группы (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.) дают негативную оценку этого феномена. По их мнению, массовая культура формирует у ее потребителей пассивное восприятие действительности. Такая позиция аргументируется тем, что в произведениях массовой культуры предлагаются готовые ответы на то, что происходит в социокультурном пространстве вокруг индивида. Кроме того, некоторые теоретики массовой культуры полагают, что под ее влиянием изменяется система ценностей: стремление к *занимательности* и развлекательности становится доминирующим. К негативным моментам, связанным с влиянием массовой культуры на общественное сознание, относят также и то, что массовая культура основывается не на образе, ориентированном на реальность, а на системе имиджей, воздействующих на бессознательную сферу человеческой психики.

Между тем исследователи, придерживающиеся оптимистической точки зрения на роль массовой культуры в жизни общества, указывают, что она притягивает к себе массы, не умеющие продуктивно использовать свое свободное время [7, с. 267], создает своего рода *семиотическое пространство*, которое способствует более тесному взаимодействию между членами высокого техногенного общества [5], дает возможность широкой аудитории познаться с произведениями традиционной культуры [8].

Интересно выявить причины популярности массовой культуры и интерпретировать их. Здесь кроме объективной причины (*необходимость усредненного языка общения*) можно выделить и другие, которые непосредственно связаны с особенностями человеческого сознания: желание уйти от повседневных проблем, от обыденности и рутины, желание понимания и сопереживания своих проблем со стороны другого человека и общества.

Кроме того, известный английский писатель О. Хаксли, анализируя специфику массовой культуры как эстетического явления, отмечает и такие причины ее популярности, как *узнаваемость и доступность*. «Общество нуждается в постоянном подтверждении великих истин, – весьма справедливо замечает он, – хотя делает это массовая культура на низком уровне и безвкусно» [9].

Следует учитывать, что массовая культура не могла появиться из ниоткуда. Ей, как и любому другому социальному феномену, необходим определенный идейный фундамент. Таким фундаментом для массовой культуры является культура традиционная, из которой она черпает сюжеты и идеи для своих произведений, исторический опыт того или иного социального образования, или, другими словами, память народа. Но при этом содержание традиционной культуры получает невероятно дегенеративную форму выражения. Это позволяет говорить о массовой культуре как о предпосылке антропологического кризиса. Последний представляет собой проблему сохранения человеческой личности как особой духовно-психической структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Еще в 60-е годы XX века Г. Маркузе констатировал в качестве одного из последствий современного техногенного развития появление «одномерного человека» как продукта массовой культуры. Современная массовая культура действительно создает широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. При этом и манипулируемые, и сами манипуляторы становятся заложниками массовой культуры, превращаясь в персонажи гигантского кукольного театра, спектакли которого разыгрывают с человеком им же порожденные фантомы и симулякры. Обнадеживает только то, что интеллек-

туалы-гуманитарии анализируют данную кризисную ситуацию. К сожалению, ничего настоящего и внятного в плане выхода из кризиса не предлагается. Рассуждения о «новом», «обновленном гуманизме» представляются неубедительными. Может быть, стоит поэтому обратиться к философии традиционализма, согласно которой кризис современного мира (включающий и антропологический кризис) будет разрешен только с окончательным крахом техногенной, материалистической и потребительской цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* Дегуманизация общества / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
2. *Смольская, Е. П.* «Массовая культура»: развлечение или политика? / Е. П. Смольская. – М.: Мысль, 1986. – 254 с.
3. *Гофман, А. Б.* Мода и люди: новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – М.: Наука, 1994. – 318 с.
4. *Маркова, Г. И.* Массовая культура: содержание и социальные функции: дисс. ... канд. культурологических наук / Г. И. Маркова. – М., 1996. – 150 с.
5. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Мысль, 1993. – 360 с.
6. Энциклопедический словарь по культурологии. – М.: Центр, 1997. – 190 с.
7. *Теплиц, К. Т.* Все для всех. Массовая культура и современный человек / К. Т. Теплиц // Человек: образ и сущность. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 261–267.
8. *Шагинская, Е. Н.* Массовая культура XX века: очерк теорий / Е. Н. Шагинская // Полигнозис. – 2000. – № 2. – 80 с.
9. *Хаксли, О.* Искусство и банальность / О. Хаксли. – СПб.: Издательская группа «Азбука – классика», 2003. – 280 с.

ББК Ю21

А. П. Стручалина

АНТРОПОЛОГИЯ ДЕНЕГ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: astruchalina@yandex.ru

В статье раскрывается антропологический смысл денежных отношений: они могут выступать как обмен способностями, воплощенными в продуктах трудовой деятельности. Вскрывается внутренняя противоречивость денег: они обеспечивают экономический порядок и могут разрушать социальное взаимодействие, участвуют в отчуждении и присвоении, в подмене сущности видимостью.

Ключевые слова: антропология денег, присвоение, отчуждение, опредмечивание, распредмечивание, потребности.

A. Struchalina

ANTHROPOLOGY OF MONEY

Volgograd State Technical University

The article discusses the anthropological meaning of monetary relations: they can act as the exchange of skills embodied in the products work. Revealed the internal contradictions of money. They provide economic order and can destroy the social interaction involved in the alienation and assignment, to replace the essence of the visible.

Keywords: anthropology of money, assignment, alienation, objectification, raspredmechivanie, needs.

Осмысливая назначение человека и человечества, властители дум (философы, литераторы, художники, кинодеятели) пытаются проникнуть в тайну отношения: деньги и человек. Эта тема воплотилась в сюжетных констукциях многих произведений мировой литературы и искусства: в творчестве У. Шекспира («Венецианский купец»), Мольера («Скупой»), О. де Бальзака (создавшего образ «великого скупца» Гобсека); к ней причастны трагические герои Т. Драйзера («Американская трагедия»), Л. Фейхтвангера, Н. Гоголя («Мертвые души»), А. Пушкина («Скупой рыцарь») и Ф. Достоевского («Игрок», «Преступление и наказание»). На противоречии между стремлением человека реализовать себя как личность и властью денег над этим стремлением во многом построена мировая литература. По наблюдению И. Ескевич, половина мировой литературы посвящена любви, а вторая – деньгам. На взгляд автора, допустимо уточнение: вторая – тоже любви – любви к деньгам.

Для философского анализа базовыми являются вопросы: как деньги существуют для человека; какой потребности служат, какому удовольствию, какой страсти; почему само владение деньгами может быть предметом наслаждения, если даже они не участвуют в обмене материальными ценностями? Методологически значимы для подобных размышлений философские категории: «присвоение и отчуждение», «опредмечивание и распрепредмечивание», «воображаемое и реальное», «идеальное и материальное», «качество и количество», «рациональное и иррациональное» и др. Следует воспользоваться ими для выявления *антропологических* связей денег.

Присвоение и отчуждение.

Опредмечивание и распрепредмечивание

Деньги являются специфическим средством *коммуникации*, обеспечивают *взаимодействие* разрозненных производителей и потребителей, и с этой ролью они неплохо справляются. Через перемещение созданных благ из одних рук в другие формируется материальная жизнь общества. Через взаимодействие частных интересов проявляется общий интерес: обеспечивать и стимулировать общественное потребление и тем самым экономическое развитие. Возникает единая общественная связь, поддерживаемая зависимостью каждого ото всех и всех от каждого. *Содержание* отношения «продавец-поку-

патель» определяется *потребностями* и *интересами* людей, *форма* же осуществляется с помощью *денежного обмена*. В осуществлении этой связи деньги выступают *символической ценностью*, опосредующей реальные ценности, но без них реальное присвоение и отчуждение неосуществимо. Что-то становится моим благодаря моей платежеспособности.

Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс связывали возможность обмена товарами, услугами с правом *собственности* (отдать, продать можно только то, чем владеешь). А потому и осуществляемое при обмене *присвоение* и *отчуждение* определяли как переход права владения от одного к другому, как смену субъекта собственности. Собственность – предпосылка денежного обмена; процесс купли-продажи тоже может быть определен как обмен денежными собственностями. Подмечена *двойственность* собственности в этих отношениях. Она стимулирует к деятельному предметному отношению, ее стремятся приумножать, ведь она увеличивает возможности собственника *властвовать* над миром вещей, а, следовательно, и *над потребностями* людей, воплощенными в этих вещах. Владение вещами лежит на поверхности, властвование же потребностями – вещь более глубокая и скрытая. Вещный мир прячет под собой истинного хозяина – производителя, без труда которого они не могли бы возникнуть. А деньги придают присвоению и отчуждению видимые порядок и законность.

Одновременно, осуществляя обмен «собственность-деньги», индивиды *отчуждают* от себя возможность наслаждения от владения предметом собственности (от пользования автомобилем, недвижимостью, произведениями искусства и т. д.), а деньги как бы компенсируют эти потери. Отчуждаемая в купле-продаже собственность всегда выражена в *цене*, но помимо *объективной* связи цены с качеством товара существует и *субъективная*, личностная связь владельца с отчуждаемым предметом. Назначая определенную цену, собственник тем самым демонстрирует значимость вещи для него самого, раскрывает степень *личной* связи с этим предметом. Вещи, не подлежащие продаже, не оцениваются. В таких случаях говорят: эта вещь бесценна, то есть она ничем не может быть заменена, она часть индивидуального *человеческого бытия*.

Отношения собственности влияют и на характер связи «труд-человек». Индивид, лишен-

ный собственности, вынужден продавать и таким образом *отчуждать* свой труд. Такой «труд на продажу» имеет для него ценность, выраженную в деньгах в форме заработной платы. Личностная, индивидуальная связь с трудом как способом реализации своих творческих сил либо затухает, либо исчезает (ибо она не включена в цену труда как товара).

Философский подход позволяет увидеть денежные отношения в еще одном ракурсе: как *самореализацию личностных свойств индивидов, как переход от обмена вещами к обмену способностями*. Трудом очеловечивается мир вещей и природы. В произведенных с помощью труда предметах «отражается, *опредмечивается*» сам человек: уровень его навыков, способностей, степень личностной связи с предметом. Можно сказать, что на рыночную площадь выставляются не просто вещи, а объективированные в них человеческие способности. В процессе продажи происходит отрыв труда от своего субъекта, а деньги выступают *символом добровольности* этого процесса. В совершенном конкретном акте купли-продажи покупатель присваивает *чужие умения и способности*, они становятся фактом его жизни. Следует сказать, что *характер отчуждения и присвоения* зависит от вида труда, от того, каков его результат: материальные или интеллектуальные, духовные ценности. Труд, воплощенный в материальных ценностях (хлебороба, сталевара и т. д.), *отчуждается частично*. Предметы такого труда вновь воспроизводимы, субъект не теряет способности производить их вновь и вновь в прежнем качестве. Объективированные же результаты интеллектуального труда субъектно уникальны. Не могут быть вновь написаны та же симфония, роман, картина. Не воспроизводимы усилия души, ума, чувств, в них воплощенные. В процессе купли-продажи они *отчуждаются полностью*, начинают новую жизнь вне творца, хотя и с его именем. Автор отдает их во всеобщее либо индивидуальное чужое пользование. Эта несправедливость лишь частично исправляется законом, который обязывает оплачивать повторное использование интеллектуального продукта как вида интеллектуальной собственности.

Характер присвоения также связан с *качеством* продукта купли-продажи. Товары, обеспечивающие витальные нужды (еда, одежда, жилище и др.) в процессе присвоения исчезают (съедаются, изнашиваются), они обладают *ра-*

зовой полезностью, их потребительские свойства превращаются в ничто. Продукты же интеллектуального труда обладают *«пожизненной полезностью»*, их ценность в денежном выражении – стоимость – может только возрастать. Это позволяет им выступать в двоякой роли: материально-финансового или духовного сокровища. Например, богатый человек может покупать произведения искусства с той же целью, что и заводы, пароходы – с целью будущей прибыли (подлинные произведения искусства со временем становятся только дороже). Но возможна и другая мотивация. Богатые русские меценаты П. Третьяков, С. Морозов, С. Мамонтов и другие покупали художественные сокровища с целью передачи в музей, где их могут видеть не единицы, а многие поколения людей. Произведения искусства сохраняют духовный мир творцов и питают чувства и мысли многих других людей. Эти «другие» становятся их «пожизненными совладельцами». Мир людей и мир вещей находятся в постоянном соприкосновении: люди создают вещи для себя и других, отдают свои способности и пользуются чужими. Жизненный процесс предстает как постоянный *обмен трудом и способностями* благодаря свойству денег выступать их *распредмеченным эквивалентом, универсальным заместителем, быть «мерой всех вещей»*.

Воображаемое и реальное. Материальное и идеальное

В экономическом процессе деньги постоянно меняют форму своего существования, переходят из материальной формы своего бытия в идеальную и обратно. Реальность и виртуальность постоянно меняются местами. Деньги имели реальную ценность до тех пор, пока функционировали в форме драгоценных металлов, бумажные деньги стали лишь общезначимыми *знаками стоимости*. Но от этого, как пишет К. Маркс, не потеряли реальную значимость.

В материальном воплощении деньги всего лишь бумажная или металлическая субстанция. И, следовательно, не такая субстанциальность определяет их реальное влияние на жизненные процессы, а какие-то другие, не столь явные свойства. Какие же?

Деньги *связывают мир потребностей человека с реальным предметным миром*. Наши потребности и покупательские цели формируются первоначально в голове и на этом этапе их *иде-*

альному существованию не оказывают на реальный экономический процесс никакого влияния. Когда в эти отношения вмешиваются воплощенные в вещественной субстанции деньги, ранее лишь «воображаемое потребление» становится реальным фактом, участвует в превращении возможного в действительное. Как заметил по этому поводу И. Кант: «есть большая разница между 100 талерами у меня в кармане и 100 талерами в моей голове». Если у человека есть потребности, интересы, но нет средств для их удовлетворения, для их реализации, то потребности либо затухают, либо превращаются в мучительные химеры, делают человека несчастным, разделяют его сущностное содержание и способ его реального земного бытия. К примеру, я люблю театр, но не могу позволить его посещение по финансовым соображениям и потому мое земное бытие не выражает адекватно мою индивидуальность. Моя индивидуальность остается воспринимаемой лишь только мною. Как писал К. Маркс: «Различие между спросом эффективным, основанным на деньгах, и спросом неэффективным, основанном на моей потребности, моей страсти, моим желанием и т. д., есть различие между *бытием и мышлением*, между представлением, *существующим лишь во мне*, и таким представлением, которое для меня существует *вне меня* в качестве *действительного предмета*» [6, с. 149].

Но деньги способны выполнять и другую, прямо противоположную роль: *расширять* сферу субъективных возможностей индивидов. Любой самый успешный человек обладает ограниченным набором индивидуальных качеств и способностей и всегда ощущает и переживает свою неполноту. Деньги как посредник между людьми, между людьми и предметами расширяют человеческие возможности, дают доступ к обладанию предметами, с которыми обладатель не связан субъектно. Я не имею художественных способностей, но могу купить художественную галерею; я люблю футбол, но не стал футболистом, зато мое денежное состояние позволяет мне купить футбольную команду и т. д. Деньги *замещают невоплощенные способности и желания*, но выступают лишь *средством* для реализации моей *несостоявшейся сущности*, порождают представление обо мне «как другом»: «то, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, что могут купить деньги, это – *я сам*» [6, с. 148]. То, что куплено, в том числе и способности других

людей, выступают при этом *средством, способом*, поскольку с их помощью осуществляется обладание предметом, который не определен моей сущностью, то есть моими человеческими способностями. В связи с этим К. Маркс цитирует Гете (слова Мефистофеля из «Фауста»).

Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы – не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были.

При этом разница между реальным и виртуальным, воображаемым обладанием трудновловима. «Деньги, обладающие свойством все покупать, свойством все предметы *себе присваивать*, представляют собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле. Универсальность этого их свойства есть всемогущество их сущности; потому они *сльвут* всемогущими».

В этом контексте важно употребление слова *сльвут*. Владелец обладает способностями других людей только в своем воображении, предмет воображаемого обладания имеет свою собственную субъектность, которая не включает обладателя в систему своих жизненных ценностей. Связь не становится субъектно-субъектной, диалогичной, не имеет *человеческого* содержания, функционирует как отношение субъект-объект, а одностороннее обладание обманчиво. Деньги остаются лишь «сводником между потребностью и предметом, между жизнью и жизненными средствами человека» [6, с. 147].

К. Маркс, обращаясь к творчеству У. Шекспира (к пьесе «Тимон Афинский»), рисует полотно проникновения денег во все жизненно важные человеческие отношения и деформацию этих отношений под влиянием денег. «Поэтому то, что я *есть* и что я в состоянии сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину... Я скудоумен, но деньги – это *реальный* ум всех вещей... Тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве не умнее их? И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, чего желает человеческое сердце, разве не обладаю всеми человеческими способностями?» [6, с. 42]. Разве в подобном обращении к самому себе не скрывается анатомия денежного безумия? Но можно ли считать, что человеческие пороки (жадность, зависть, ненависть, обман, мошенничество) укорены в природе человека или в природе денег? К. Маркс не отвечает на этот вопрос однозначно, вскрывает *внутреннюю про-*

творечивость денег. С одной стороны, они связывают людей друг с другом (через обмен способностями, реализованными в произведенных вещах, услугах, контактах), с другой – деформируют, лишают подлинного смысла все человеческие отношения, превращают их в свою противоположность и разъединяют людей, «расторгают любые узы», выступают тем «всеобщим средством разъединения». С одной стороны, они делают то, что не могут «обеспечить все индивидуальные сущностные силы», «они переводят желания... из мыслимого, представляемого, желаемого бытия в их чувственное, действительное бытие». С их участием выстраивается живая, многообразная среда бытия человека, опредмечиваются потребности, желания, страсти – деньги выступают создающей творческой энергией, «химической силой общества». Но с другой – это сила отчужденная, отчуждающая и отчуждающаяся, она дает возможность отдельным частным индивидам расширять свои возможности, питаться за счет жизненных сил других людей.

Тем не менее можно посмотреть на противоречия и с другой стороны. Что было бы с человечеством, если бы оно не имело этих «денежных костылей», возвышающих отдельных индивидов над другими; если бы наши потребности, желания не имели шансов для предметного воплощения, для перехода из мыслимого бытия в действительное? Думается, что человечество лишилось бы мощного двигателя, оставалось бы в плену мечтаний, не имело средства для различения плодотворных желаний от пустых, беспочвенных. Ведь осуществление потребностей стимулирует их развитие, подталкивает направленность развития личности. Но так происходит в случае совпадения сущностных сил и финансовых возможностей индивидов. Ситуация может складываться противоположным образом. К примеру, индивид имеет средства для получения образования и занятий научной деятельностью, но не имеет к этому ни способностей, ни призвания; слабый певец может оплатить выступления на телевидении, которые делают ему рекламу и т. д. Об этой способности денег пишет К. Маркс: «Деньги способны превращать «несовершенства и химеры», действительно немощные, лишь в воображении индивида существующие... в действительные силы и способности» [6, с. 150].

Уже поэтому они способны порождать «всеобщее извращение индивидуальностей», создавать «мир наыворот». Такому миру нельзя доверять, в нем трудно существовать, потому что смещена система оценок и социальных статусов, искажены критерии самооценки: «тот, кто может купить храбрость, тот храбр, хотя бы он и был трусом». Человек погружается в мир «превращенных отношений»: теряет отношение индивидов как действительно человеческое, то есть основанное на действительно принадлежащих конкретному индивиду свойствах и достоинствах, когда любовь обменивается на любовь, верность на верность, дружба на дружбу и т. д.

Деньги сопровождают человеческие отношения, но не определяют их качество. Между тем в реальности часто присутствует стремление подменить качественные характеристики количественными и выдать деньги за показатель качества свойств, вещей, отношений. При этом происходит искажение реальности, порождающее обман и самообман. Деньги обуславливают лишь внешнюю сторону отношений, обеспечивают саму возможность связи, часто не проясняя ее смысл.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Афинская политика / Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – С. 50.
2. Брю, С. Л. Экономика: принципы, проблемы и политика / С. Л. Брю, К. Р. Макконелл; пер. с англ. – 11-е изд. – М.: Республика, 1992. – С. 264–275.
3. Дементьев, А. Воры стали властителями дум? / А. Дементьев // АиФ. – 2009. – № 36. – С. 3.
4. Долан, Э. Деньги, банки и монетарная политика / Э. Долан, Р. Кемпбелл. – Драйден пресс, 1988. – С. 6.
5. Костиков, В. И кто шакалит? Российский кризис углубляет разрыв между людьми / В. Костиков // АиФ. – 2009. – № 36; Сапоги Саввы Морозова. Где бизнес с человеческим лицом? / В. Костиков // АиФ. – 2010. – № 5. – С. 6.
6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 146–151.
7. Маркс, К. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 32–37.
8. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–59 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 46 (II). – С. 403–494.
9. Мусин, М. В плену у спрута / М. Мусин // АиФ. – 2007. – № 50. – С. 16.
10. Шмелев, Н. Интервью газете «Аргументы недели» / Н. Шмелев // Аргументы недели. – 2010. – 14 января. – С. 3.

УДК 378.014
ББК 448

С. И. Копылов, В. О. Шелекета

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВМЕЩЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета

E-mail: serg_kopilov@bk.ru, vladshelo@mail.ru

В контексте проблемы гуманизации образования в статье рассматриваются вопросы возможности интеграции дискурсов в науках о человеке. Показывается, что основным способом для целостного подхода к человеку и миру, выяснения оснований его бытия является путь интеграции философского, естественно-научного и психологического подходов.

Ключевые слова: интеграция дискурсов, качество образования, целостность, основания бытия человека.

S. I. Kopilov, V. O. Sheleketa

PROBLEMS OF A HUMANIZATION OF EDUCATION IN THE LONG TERM COMBINATION OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN SCIENCES ABOUT THE PERSON

Volgograd Branch of Russian State Trade and Economic University

In the article are considered questions of possibility of integration of discourses in sciences about the person in a context of a problem of a humanization of education. It is shown that in the basic way for the complete approach to the person and the world, findings-out of the bases of its life are possible by integration of philosophical and psychological approaches.

Keywords: integration of discourses, quality of education, integrity, the bases of life of the person.

Современная научная картина мира как система мировоззрения опирается на теоретические постулаты различных дисциплин. Процесс взаимодействия знания происходит как заимствование категориального аппарата различными науками друг у друга и как взаимоуточнение основных постулатов самих данных дисциплин. В результате развития теоретической деятельности, отделившей себя от деятельности телесной, развиваются и основные модели теоретического знания, используемые в образовании. Прежде всего данное разделение распространилось на понимание человека, его духовных и телесных структур, что привело к нивелированию целостности. Как отмечает В. Т. Михайлов: «Здесь действует логика построения чисто объективного знания – логика причинно-сообразности, исключая собой и для себя логику целесообразности, что по представлению о натуральном ряде причин завершается дурной бесконечностью редукции к физикальным-субатомным, субмолекулярным, а также всем физическим, химическим, биохимическим и тому подобным механизмам пространственного взаимодействия явлений естества, все более и более далеко отстоящим от субъективных детерминант, органичных человеческому типу жизни» [6, с. 243]. Между тем данное обособление есть именно осуществившееся в челове-

ческом сознании и культуре. Наибольшее развитие оно получило в сфере образования.

В условиях крупномасштабных изменений, происходящих в России, высшая школа превращается в полноправный субъект рыночных отношений. Трансформируется ее структура, изменяются функции, по-новому выстраиваются взаимоотношения между студентами и преподавателями, осваиваются новые методы обучения, контроля знаний и их квалификация посредством такого критерия, как качество.

Проблема качества как в различных сферах труда, так и в системе отечественного образования давняя. Сложившаяся традиционная вузовская структура управления качеством образования достаточно проработана, не содержит противоречий, но в современных условиях она мало эффективна. Эта система построена на предпосылках и организационных целях, которые утратили свою актуальность.

Необходимость внедрения систем управления качеством связана с главной задачей образования на современном этапе – совершенствованием образовательных программ и улучшением качества предоставления образовательных услуг с целью удовлетворения потребностей общества и подготовки специалистов, отвечающих требованиям современного этапа развития экономики страны в условиях глобализации.

В рамках экономико-социологического анализа эту концепцию развивают представители потребительно-стоимостной парадигмы, указывая, что воспроизводство человека обусловлено его чертами не как производителя (рабочей силы), а в первую очередь как потребителя. В потреблении происходит не только восстановление способностей человека осуществлять трудовую деятельность, но и обогащение этих способностей, которые уже нельзя свести к выполнению тех или иных производственных функций. В этом процессе происходит воспроизводство «и человеческих потенций, и социального облика людей, то есть ...воспроизводство целостного социального субъекта» [3, с. 296].

В основе термина «образовательная услуга», закрепленного в качестве правовой категории в Законе РФ «Об образовании» [4], лежит понятие образования, имеющего многоаспектную природу, определяемую его междисциплинарным характером. Образование, социальная сфера и объект экономических отношений представляют собой общественное благо и одновременно интеллектуальный товар, который удовлетворяет определенные общественные потребности и может продаваться как персонализированный капитал [7, с. 35].

С позиции государства, образовательная услуга – это процесс, обеспечивающий расширенное воспроизводство совокупного личностного и интеллектуального потенциала общества [1, с. 19].

Таким образом, образовательная услуга в рыночной экономике выступает в качестве смешанного блага, в котором, с одной стороны, проявляется его общественная сущность, то есть получение эффекта индивидуумами, не несущими явных издержек, а с другой стороны, это частное благо, выступающее объектом рыночных отношений, обладающее всеми свойствами товара (потребительная стоимость, стоимость, рыночная цена, определяемая спросом и предложением). Кроме того, знание становится элементом основного капитала, что характеризует образовательную услугу и как инвестиционный товар, то есть форму инвестиций в человеческий капитал. Когда же качественные изменения являются результатом воздействия внешней среды, то развитие экономики становится более организуемым, справедливо отмечает Е. Г. Гуцина [2, с. 18].

Образовательная услуга (продукт) имеет целый ряд особенностей, отражающих не только

ее социальную ценность, но и цели, содержание совершаемых действий и форму реализации: неразрывность потребления и производства образовательной услуги (неотделимость); нематериальный характер (неосвязаемость); не подлежит накоплению и перераспределению (недолговечность); осуществляется на протяжении определенного времени в процедурной форме, последовательно или циклично; непостоянство качества образовательной услуги, ее несравнимость; ориентирована на определенный круг лиц, связанных целями, задачами, условиями обучения, образовательными потребностями (адресная направленность) и др. [5, с. 289].

Низкое качество образовательных услуг и, как следствие, невысокий профессионально-интеллектуальный уровень выпускников вузов, а также слабая мотивация студентов к обучению из-за отсутствия гарантии трудоустройства по приобретаемой специальности порождают диспропорция между структурой, уровнем и объемами подготовки специалистов.

Качественная определенность образовательных услуг позволяет осуществлять принцип простоты теоретического описания в развитии различных рыночных концепций. Качественно новую систему можно создать на базе имеющихся технологий и материалов. В этом случае возможности новой технологической системы оказываются, как правило, ограниченными, и принцип, лежащий в ее основе и обеспечивающий качественно новый подход, может быть реализован лишь частично. В силу этого вначале новые системы нередко уступают уже имеющимся, несмотря на качественные превосходства заложенного в их основе принципа. Дальнейший прогресс во многом определяется именно тем, в какой мере удастся создать материалы, количественно соответствующие качественно новой системе. Только тогда, когда найдены количественные решения, соответствующие новому качеству, новая технологическая система приобретает те количественные характеристики, которые вытекают из ее качества.

По мнению авторов, если рассматривать систему знаний как систему дискурсов, то, в связи с вышеизложенными принципами повышения качества образования, система образования должна сводиться к интеграции дискурсов. Когда говорится о дискурсах, то речь идет о целостных системах понятийно-категориального рассмотрения, имеющих свою спе-

цифику в рамках различных научных дисциплин. Таким образом, можно говорить о технологичности (универсальной применимости) новой системы образования, теоретического знания в целом. При этом человек со всем спектром своих потребностей и измерений выступает как главный критерий этой применимости.

Так, проблема определения как главная сфера, в которой может происходить интеграция, в свою очередь обращает внимание на проблему специфики человеческого бытия, которую можно рассмотреть только комплексно. И здесь встает вопрос целостности бытия человека как фундированного на едином основании. В XX веке как никогда ранее становится очевидным, что человек есть целостное существо и различные сферы познания со своими дискурсами рассмотрения не справляются с необходимостью выявления сущности природы бытия человека, не опускаясь до редукционизма. Так, В. Франкл в рамках своей логотерапии как терапии смыслов для растерянного перед лицом «успехов научного естествознания» человечества писал о необходимости выявления и сохранения специфически человеческого перед лицом редукционистских устремлений плюралистической науки [8]. Он полагал, что забота об этом сохранении проявилась уже у Н. Гартмана и М. Шелера, которые выделили различные уровни или пласты: телесное, душевное и духовное, с каждым из которых соотносится определенная наука, и именно из *различения* этих уровней берет начало «плюрализм наук».

«Но где же здесь единство человека?» – задается вопросом В. Франкл. Отвечая на этот вопрос, он пишет: «Я бы хотел определить здесь человека как единство вопреки многообразию. Ведь налицо антропологическое единство, невзирая на онтологические различия, невзирая на различия между разными формами бытия. Отличительным признаком человеческого бытия является сосуществование в нем антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется. Короче, человеческое бытие – это «Unitas multiplex», выражаясь словами Фомы Аквинского» [8, с. 48]. Причем это единство сегодня просматривается сквозь призму не только философского, но и естественно-научного подхода.

Изменения в современной научной картине мира ведут к повышению роли субъекта, но одновременно речь идет о необходимости определения оснований бытия взамен постмодернистскому субъективному волюнтаризму. Одной из попыток предоставить подобную альтернативу постмодернизму стало зарождение в 60-х годах XX века интенсивное развитие и приобретение широкой популярности сегодня мировоззренческого направления (движения) «Нью Эйдж» (англ. New Age – буквально «новая эра»), основанного на синтезе учений религиозно-мистического, психоаналитического и философского характера. Именно в рамках данного направления получило распространение использование категорий различных дискурсов, а также их сочетание в рамках современных текстов. Это направление включает в себя множество практик мистического, эзотерического и психоаналитического толка, зачастую в весьма странном совмещении друг с другом. Предпосылкой появления данного направления стал в первую очередь разрыв между научным и мистическим мировоззрением, проявившийся особенно остро в XX веке, а также снижение популярности традиционных конфессий. Основными мировоззренческими и методологическими установками этого направления стали: идея единства всего сущего, представление о наличии «Высшего Я» и трансперсональной реальности, а также убеждение в необходимости объединения науки, метафизики, религии и эзотерики. Популярность «Нью Эйдж» привела к появлению множества синтетических направлений, предлагающих свои принципы «интеграции всего».

Вместе с тем изыскания в рамках естественно-научных дисциплин, диктующих основные постулаты научной картины мира, дают зачастую неожиданные результаты, в соответствии с которыми можно говорить о наличии единой субстанциональной основы макро- и микрофизического мира, смыкающейся в своих характеристиках с тем, что относится к «духовному бытию». Об этом начинают говорить в областях знания, которые существуют на междисциплинарном уровне науки. Философия как наука, имеющая значение методологического и обобщающего познания, не может оставаться в стороне. Тем более, что ей известно об условиях возникновения категориальных оппозиций: «духовного» и «материально-телесного» как понятийного разделения, возникшего в

лоне «школьной» греческой философии. В этом смысле нахождение этой единой основы бытия становится возможным в рамках объединения некогда разделившихся дискурсов.

Речь идет о саморефлексии философским познанием своих собственных категориальных оснований, которые, как может обнаружиться, имеют нерелексивную природу и в этом смыкаются с понятиями из других дискурсов, тем самым свидетельствуя в пользу их глубинного единства. Таким образом, речь может идти также о возможности интегрального определения оснований бытия человека, вбирающего в себя философские, религиозные и психологические определения. Ведь базовые послы и фундаментальные концепты мистико-эзотерического и психоаналитического направления имеют своим содержанием категорию «единства», что в целом соответствует основной тенденции современного гуманитарного знания и картины мира как «интегративной». Вместе с тем существует коренная проблема, связанная с разностью подходов к основаниям бытия человека. Данные подходы могут быть обозначены как дискурсы – целостные системы, состоящие из связанных между собой подсистем идей и подсистем категорий. При этом проблема заключается в постулируемом наукой глубинном идейном противоречии, якобы существующем между религиозно-мистическим дискурсом, связывающим основы бытия человека с системой духовных «миров» и сущностей, и современным психоаналитическим дискурсом, фундирующим данные основания с помощью категорий «бессознательное», «архетип», «комплекс» и т. п.

Таким образом, общая тенденция гуманизации и гуманитаризации науки и образования имеет своим «притягивающим вектором развития» создание некоего интегрального мировоззрения, выражаемого в «интегративной» парадигме. Методологическим основанием для создания подобного мировоззрения может служить методология совмещения дискурсов различных дисциплин. При этом речь должна идти о системе контроля за качеством системы образования и теоретического знания в целом. А главным критерием качества в данном контексте становится универсальность и предельная технологичность знаний. Тем более это касается знаний о человеке как основного предмета гуманитарного знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Банслова, В. Б. Исследование рынка услуг в области бизнес-образования и разработка инструментов их продвижения: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / В. Б. Банслова. – СПб.: ИПК СПбГИЭА, 1999.
2. Гущина, Е. Г. Маркетинговый механизм взаимодействия социально значимых рынков: теория, методология, практика: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Е. Г. Гущина / ВолгГТУ. – Волгоград, 2009.
3. Ельмеев, В. Я. Теория и практика социального развития / В. Я. Ельмеев. – СПб., 2004. – 234 с.
4. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 13.01.1996. – № 12-ФЗ.
5. Менеджмент, маркетинг и экономика образования: учебное пособие / под ред. А. П. Егоршина. – Новгород: НИМБ, 2000. – 302 с.
6. Михайлов, Ф. Т. Душа страдающего тела. (Образование врача по шкале ценностей жизни) / Ф. Т. Михайлов // Жизнь как ценность / Ин-т философии РАН. – М., 2000. – 356 с.
7. Панкрухин, А. П. Маркетинг подготовки специалистов в высшей школе / А. П. Панкрухин. – М., 1992. – 221 с.
8. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 115 с.

УДК 323
ББК 66.3

В. А. Потанов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: philos@vstu.ru

В статье анализируются теоретические и практические аспекты институциональных и неинституциональных форм управления муниципальным образованием. В качестве конкретного примера взято Городищенское муниципальное образование Волгоградской области.

Ключевые слова: институционализация, управление, муниципальное образование, политика.

V. A. Potanov

INSTITUTIONAL AND NON-INSTITUTIONAL ASPECTS OF MANAGEMENT OF MUNICIPALITY

Volgograd State Technical University

The article analyzes the theoretical and practical aspects of institutional and non-institutional forms of management municipality. As a concrete example taken Gorodishchenskoye municipality of Volgograd region.

Keywords: institutionalization, management, municipality, policy.

В соответствии с законодательством муниципальным образованием следует считать городское или сельское поселение (или его часть), несколько поселений, объединенных общей территорией, или иную территорию, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления [1]. При этом не следует смешивать территориальное общественное самоуправление и управление на территории муниципального образования. В первом случае имеется в виду та или иная степень самоорганизации граждан по месту их жительства на отдельной части муниципального образования (квартал, микрорайон и т. д.)

Местное самоуправление в муниципальных образованиях имеет более сложные и объемные функции, для реализации которых используются различные органы местного самоуправления (представительные, исполнительные), а выполнение решений контролируется не только мерами общественного воздействия, но и усилиями государственных правоохранительных органов.

Согласно ст. 131 Конституции РФ [2], население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления, то есть строение системы основных органов местного самоуправления, наделенных собственной компетенцией, и внутреннее устройство каждого из этих органов. Население вправе, например, определить: будет ли избираться в данном муниципальном образовании глава муниципального образования или здесь станет действовать административный коллегиальный орган; если глава администрации будет избираться населением, то войдет ли он в состав представительного органа; какие создавать подразделения администрации, в частности, образовывать ли специальные территориальные органы для управления теми или иными сферами и отраслями; создавать ли в представительном органе комиссии и, если создавать, вводить ли в их состав только депутатов или еще и других граждан, и т. д. Все это определяется в уставе муниципального образования, принимаемом либо представительным органом самоуправления, либо населением самостоятельно.

Очевидно, что в связи с разнообразием культурных, исторических, социально-политических условий и традиций самоуправление в муниципальных образованиях может носить

самые различные формы, но в целом эти формы можно подразделить на две большие группы – институционализированные и неинституционализированные формы управления.

Следует напомнить, что процесс институционализации понимают как состояние перехода реализации интересов акторов из психологической плоскости в политическое пространство. Другими словами – это преобразование потребности в организованную структуру, целью и смыслом существования которой является реализация этой потребности. В самых общих чертах институт – это упорядоченное, структурированное явление, подчиненное тем или иным правилам в процессе своего осуществления [3]. Правила эти на первых этапах институционализации могут выступать в форме законов и обычаев, а позже – в форме законов или правовых актов. Процесс институционализации не проходит гладко и однозначно, он всегда сопровождается некоторой неопределенностью, которая выливается в непредсказуемые эффекты и последствия, о вероятности которых необходимо знать и быть к ним готовым.

Начальные формы институционализации возникают на уровне общественного самоуправления и самоорганизующих (стихийных) процессов: массовых или групповых движений, волнений, внутри которых возникают упорядоченные и направленные действия, а также лидеры, способные их возглавить, организовать. Неформальные лидеры заменяются формальными руководителями, возникают постоянные референтные группы (элита), а само явление поддается упорядоченному управлению.

Организационные структуры – это прежде всего политические, в том числе государственные, учреждения с централизованным управлением и исполнительным органом: правительство, парламент, партия. Они образуют атрибутивное основание институционализации. К ним примыкают и другие институты, организации неполитического (экономического, правового, социального, культурного) характера, например, институт собственности, институт семьи, институт брака, институт религии, образуя в совокупности сложное многообразие реальности.

Вызывает интерес определение института, которое принадлежит Д. Нортю, получившему в 1993 году Нобелевскую премию по экономике: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые

организуют взаимоотношения между людьми (политические, экономические и социальные). Они включают неформальные ограничения (санкции, табу, обычаи, традиции и нормы поведения) и формальные правила (конституции, законы, права собственности), а также механизмы, обеспечивающие их выполнение» [4, с. 6]. В данном определении основное внимание акцентируется на том, что институты образуют ограничительные рамки, они создаются людьми, чтобы поддержать порядок и сократить неопределенность обмена.

Как выше уже было отмечено, управление в муниципальном образовании реализуется как через институциональные, так и неинституциональные формы. В качестве объекта данного анализа рассматривается деятельность Городищенского муниципального района Волгоградской области. Его главной целью как части основного института политической системы – государства, является эффективное обеспечение жизнедеятельности населения района. Первостепенными являются задачи в рамках реализации приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Развитие АПК», «Доступное и комфортабельное жилье гражданам России», финансируемых в значительной степени за счет средств федерального бюджета. Однако формируются и собственные муниципальные целевые программы, действующие на территории района и финансируемые из средств муниципального бюджета.

Институциональной основой экономической политики администрации является надзор и контроль хозяйственной деятельности на основании института власти, выражающийся в таких нормативно правовых актах, как: Закон о защите прав потребителей от 07.02.1992 г. № 2300-1; Федеральный Закон РФ от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»; Федеральный Закон РФ от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ»; Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 «Об утверждении правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики»; Постановление Правительства РФ от 7 марта 1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» и др.

Значимым направлением институциональной деятельности является распоряжение земельным фондом. Чаще всего это предоставление земельных участков в пользование, аренду или собственность, что нашло свое воплощение в муниципальных нормативно-правовых актах. Так формируются институты (правила) низового (муниципального) уровня, но в полном соответствии с принципом разделения полномочий и сфер ведения, вытекающих из содержания нормативно-правовых актов институтов власти федерального и регионального уровней.

В качестве примера можно привести Решение «О порядке предоставления земельных участков, находящихся в муниципальной собственности и (или) ведении Городищенского муниципального района, а также земельных участков, расположенных на территории Городищенского муниципального района, государственная собственность на которые не разграничена, для целей, не связанных со строительством» или Положение «О порядке представления земельных участков для строительства объектов на территории Городищенского муниципального района Волгоградской области».

Особое место в деятельности муниципалитета занимает организация оборота земли. Право собственности на землю еще не приобрело всей институциональной полноты, но закрепляются новые институционализированные формы управления земельными ресурсами: организация аукционных торгов по продаже находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, предоставления в собственность и в аренду, в том числе в собственность бесплатно для ведения личного подсобного хозяйства.

Помимо законодательных ограничений и предписаний существует и хозяйственная необходимость. Так, в рамках газификации населенных пунктов в постоянное бессрочное пользование для строительства трассы газопровода среднего и низкого давления передаются земельные участки. Аналогичное оформление получают и потребности газопроводов высокого давления. Интересным случаем можно назвать выделения семи земельных участков площадью по одному (!) квадратному метру каждый для строительства реперов. Таким образом, каждый квадратный метр земельных угодий на учете и в самое ближайшее время будет должным образом институционализирован.

Если оборот земли и иная хозяйственная деятельность администрации институционализована как в правовом поле, так и в общественном сознании, то инновационная деятельность не всегда получает поддержку, несмотря на соблюдение требований закона.

Так, на территории муниципального образования было обнаружено месторождение бишофита, размер которого делал его разработку промышленно оправданным. Часть земли была передана под разведку и добычу бишофита. Для реализации этого проекта было образовано ООО «Русал-Бишофит».

Через некоторое время появилась возможность не только его добывать, но и перерабатывать. Лучше всего это делать на месте, уменьшая транспортные расходы. Появился небольшой цех и порядка 30 новых рабочих мест. ООО «Русал-Бишофит» было переименовано в ООО «Волгоградский магниевый завод», которое подало заявку на изменение вида разрешенного использования земельного участка общей площадью 45 га, расположенного по адресу: Волгоградская область, Городищенский район, территория Городищенского городского поселения, с «для разведки и добычи бишофита» на «для разведки, добычи и переработки бишофита».

На публичных слушаниях по вопросу изменения вида разрешенного использования земельного участка выплеснулись страхи о вредности производства, жестоких экологических последствиях. Неопределенные комментарии ученых, экологов и ответственных чиновников ситуацию не прояснили. В результате общественные слушания превратились в митинг протеста. Именно такое освещение событий и было дано в СМИ: «...жители Городища фактически «заблокировали» обсуждение вопроса, превратив процедуру публичных слушаний в митинг протеста. Теперь решается вопрос о повторном обсуждении вопроса либо о переносе предполагаемой стройплощадки в другое место» [5].

Проявилась и политическая компонента. По мнению председателя регионального экологического совета, профессора ВолгГТУ Виктора Чапуркина, «населением Городища кто-то искусно манипулировал, создав вокруг нового предприятия ореол эдакого опасного монстра. Как следствие, сами городищенцы и власти этого района отказались от перспективного проекта» [6].

Таким образом, в рамках небольшого рабочего поселка пересеклись интересы достаточно

крупных субъектов экономики и политики. Население стало участником, орудием или заложником ситуации? Как проводить инновационную политику в условиях отсутствия институтов по ее реализации? Эти институты еще только предстоит сформировать. Кроме того, описанная выше ситуация в отдельно взятом муниципальном образовании доказала, что в именно в таких, небольших по размеру муниципальных образованиях, именно неформализованные, неструктурированные формы взаимодействия имеют большее значение, чем институциональные. К таким неинституциональным формам относят: общественное сознание и общественную психологию; культуру и социальные коммуникации. В описываемом случае произошел разрыв сознания. По мере усложнения (повышения многообразия) общественных, в том числе и экономических отношений, усложняются и институты. А любое усложнение из-за новизны и неизвестности воспринимается сознанием как возрастание неопределенности, а следовательно, как беспорядок, который и вызывает отторжение. Важнейшим основанием (основой) инновационной политики, в том числе и муниципального образования, автору представляется институционализация социальной коммуникации в целом и политической коммуникации в частности.

Содействовать этому может проект некоммерческого партнерства «Электронный муниципалитет», а также идеи волгоградского политолога А. Н. Леонтьева о сборе данных и учете мнений и позиций населения с использованием информационных технологий, реализованных на средствах мобильной коммуникации (сотовых телефонах).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон РФ от 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html>
2. Конституция Российской Федерации. Официальное издание // Электронный ресурс: <http://www.constitution.ru/official/index.htm>
3. *Леонтьева, Е. Ю.* Процесс институционализации общественных движений и организаций в современном российском обществе (региональный аспект): монография / Е. Ю. Леонтьева, А. Н. Леонтьев, Н. А. Скобелина / ВолгГТУ. – Волгоград, 2006. – 239 с.
4. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 190 с.

5. «АиФ-Нижнее Поволжье». – 2010. – № 36. – 8 сентября // Электронный ресурс: <http://www.vlg.aif.ru/crime/dontknow/976>

6. «АиФ Нижнее Поволжье». – 2008. – № 14 (723). – 2 апреля // Электронный ресурс: http://np.aif.ru/issues/723/01_04

7. *Леонтьев, А. Н.* Современные способы коммуникации как средство институционализации гражданской ак-

тивности молодежи (тезисы) / А. Н. Леонтьев // Молодежь и формирование гражданского общества в России: матер. Первой Общерос. науч.-пр. конф., Волгоград, 6–7 октября 2005 г. – Волгоград, 2005. – С. 162–169 // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://politolog.vstu.ru/leontiev/publication/communication.htm>

УДК 172.1

Ю. В. Назарова

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПАРЛАМЕНТ В АСПЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

E-mail: Fox353@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу таких явлений, как парламентаризм и парламент, которые анализируются с точки зрения трех аспектов политической философии: политики парламентских целей (всеобщее благо), с точки зрения парламента как института (этический смысл и ценности парламента) и с точки зрения политической деятельности (парламентских добродетелей, таких как политическая мудрость, политическая справедливость, политическое мужество и политическая умеренность).

Ключевые слова: парламентаризм, парламент; политическая философия; всеобщее благо; добродетели парламентаризма, ценности парламента.

J. V. Nazarova

PARLIAMENTARISM AND PARLIAMENT IN THE ASPECT OF POLITICAL PHILOSOPHY

Tula State Pedagogical University, named after Leo N Tolstoy

The article is devoted to philosophical analysis of parliamentarianism and parliament. The parliamentarianism and the parliament are analyzed as three aspects of the political philosophy: policy as parliamentary purposes (the Good); parliament as political institutions (ethical sense and values of the parliament); politics as political activity (Virtues of the parliamentarianism – political wisdom, political justice, political courage, political prudence).

Keywords: parliamentarianism; parliament; political philosophy; the Good; virtues of the parliamentarianism; values of the parliament.

Парламентаризм как система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной власти при привилегированном положении парламента, сложился в XVI–XVIII веках. Основной идеологической предпосылкой для возникновения европейского института парламентаризма явилась философская идеология английского конституционализма, увидевшая свет благодаря таким мыслителям, как Т. Гоббс и Дж. Локк.

С точки зрения политологии, парламентаризм и парламент различаются в плане политического влияния. Парламентаризм определяется как особая система правления, основанная на полноте власти парламента. Парламент определяется как институт парламентской власти, который может быть как основным органом политической власти (контролировать исполнительную власть), так и быть подчиненным исполнительной власти, не имея всей полноты правления.

Отталкиваясь от политологического понимания парламентаризма и парламента, можно проанализировать эти явления с точки зрения политической философии.

Известный философ Б. Сутор трактует термин «политика», основываясь на значении этого слова, принятом в английском языке. Поскольку парламентаризм и парламент являются неотъемлемыми частями политики, целесообразно рассмотреть эти термины через осмысленные термина «политика». В английском языке слово «политика» имеет три основных значения, в соответствии с которыми можно было бы наиболее полно раскрыть и определить предмет и содержание таких терминов, как «парламент» и «парламентаризм»: 1) policy – политические цели и программы; 2) polity – политические институты, политический порядок; 3) politics – политический процесс, политическая деятельность. Каждое из этих измерений политики может трактоваться в отношении парламентаризма и парламента. В этой связи парламента-

ризм и парламент можно рассматривать с трех сторон: а) со стороны политических целей; б) со стороны политических институтов и в) со стороны политической деятельности [1, с. 48–49].

Со стороны политических целей, цель политики для философии – продвижение государства, общества и человечества ко всеобщему благу. Сама идея парламентаризма теснейшим образом связана с идеей естественных прав, так как в основании «Билля о правах» лежит концепция естественных прав Т. Гоббса и Дж. Локка. Понимание «естественных прав» в истории философии не всегда было однозначным. Так, в философии Нового времени, идея естественных прав человека исходила из теории «разумного эгоизма» – личной безопасности и общественного договора (Т. Гоббс). Содержание естественных прав представлялось по-разному в разных философских концепциях и политических документах: так, они представлялись как «жизнь, свобода, собственность (Дж. Локк)»; как «безопасность, свобода, право на жизнь (Г. Спенсер, который в своей концепции естественных прав придерживался классического представления о правах)»; «жизнь, свобода, стремление к счастью» (Американская Декларация независимости Т. Джефферсона, который считал, что право собственности не является естественным правом человека); «свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению (Французская Декларация независимости, где идея свободы, тем не менее, господствовала над идеей собственности). И. Кант полагал, что единственным естественным правом является только право человека на свободу [2, с. 12–24].

Таким образом, именно парламентаризм изначально явился инструментом реализации идеи всеобщего блага. Здесь парламентаризм выступает не просто как институт для реализации этой идеи, а как целостная политическая система, основная особенность которой состоит в том, что эта система основана на парламентском правлении.

Содержание современной идеи всеобщего блага основано на конкретных целях и ценностях, характерных для современного общества. Двадцатый век, полный невиданных потрясений – войн, диктата, террора, нарушений естественных прав человека (право на жизнь, на свободу), обозначил такие цели и ценности для политики, как мир, свобода и справедливость. Эти цели неотделимы друг от друга, являясь

многим в едином – в цели всеобщего блага. Если рассматривать парламентаризм с точки зрения философии политических целей, то эти цели могут меняться в зависимости от исторической и политической ситуации, однако их содержание всегда связано с реализацией естественных прав. И если целью современной политики является триада целей – мир, свобода и справедливость, то парламентаризм можно назвать своеобразным инструментом для реализации этих целей.

Раскрываясь во втором аспекте политики как институт, парламент, даже при отсутствии парламентаризма как полноценной политической системы, исполняет важную посредническую роль в системе социальных и политических объединений.

Во-первых, как институт парламент выступает регулятором политических отношений между гражданами и властью. Институт парламента обеспечивает минимальную обоюдную надежность отдельных граждан, социальных групп и представителей власти в их попытке донести друг до друга информацию о своих интересах и целях, скоординировать их задачи и правильно понять их интересы как интересы партнеров договора.

Во-вторых, институты не могут заменить то, что должна сделать индивидуальная мораль, но они могут поддержать ее и должны компенсировать дефицит морали. В этом смысле естественные права, являющиеся продуктом общественного договора, выступают как своеобразный нравственный минимум в отношениях государства к гражданам. Парламент, являясь сам по себе гарантом естественных прав, призван соблюдать их реализацию и не допускать их нарушения.

В-третьих, задачей политических институтов является содействие обязательным для всего общества решениям и обеспечение ориентации этих решений принципами хорошего общественного порядка. Если говорить о парламенте, то его роль в данном случае заключается еще и в том, что он обеспечивает, в частности, интересы отдельных социальных групп и граждан, а в целом достижение целей всеобщего блага. Парламент призван контролировать реализацию интересов граждан и государства в целом, а также самим своим существованием подтверждать гарантию и обеспечение государством естественных прав.

В-четвертых, свобододолюбивый порядок требует от граждан не специальных моральных

усилий, а моральной воли к уважению институциональных норм. В этом смысле парламент, как институт, является гарантом законности и соблюдения законов.

В-пятых, моральные требования общества к решению современных глобальных проблем реализуются через парламент в виде законопроектов и законов, по сути, выражающих волю всего общества. Эта воля обеспечивается парламентом как институтом, политической рациональностью и возможностью грамотной юридической и политической реализации воли граждан.

В-шестых, моральное качество политики не ограничивается индивидуальной моралью политических деятелей, хотя последняя не только желательна, но может стать опорой для бескорыстного служения всеобщему благу. Если говорить о парламенте как об институте, то самым ярким примером здесь является парламентская этика – система этических принципов и норм, лежащих в основе парламентской деятельности и обеспечивающих эффективное функционирование парламента. Эффективное функционирование парламента определяет степень доверия и уважения общества не только к институту парламента, но и к идее парламентаризма в целом. Таким образом, парламент выполняет роль института, обеспечивающего доверие общества к самой идее демократии.

Эффективная деятельность парламента не ограничивается одними лишь функциями института. Профессиональная этика парламентариев непосредственно связана и с их индивидуальными моральными качествами, и это проявляется в третьем измерении парламента и парламентаризма – парламентской деятельности (парламентских добродетелях). Политические добродетели – это некий минимальный набор особых нравственных установок личности, которые обязательно должны управлять действиями каждого парламентария, при исполнении им своих должностных обязанностей.

В европейской философии, согласно античным представлениям, было принято выделять четыре кардинальных добродетели: мудрость (рассудительность), справедливость, мужество и умеренность. Философия Нового времени дополнила список основных добродетелей общественно значимыми добродетелями, такими как терпимость (толерантность), труд, бережливость. И. Кант определял добродетели как обязанности – обязанности перед самим собой

и обязанности перед другими. Добродетели в философии Нового времени стали тесно связаны уже не с индивидуальной моралью, а с моралью общественных отношений [3, с. 116–118].

По аналогии с классической философской этикой, так же можно выделить четыре основных индивидуальных парламентских добродетели: политическую мудрость, политическую справедливость, политическое мужество и политическую умеренность. Этот выбор обусловлен тем, что добродетели, связанные с моралью общественных отношений, с этикой долга, в современных парламентах нормативно закреплены в кодексах парламентской этики. Индивидуальные добродетели (мудрость (рассудительность), терпимость, справедливость, умеренность и мужество) ситуативны, то есть являются продуктом индивидуальной морали политика или парламентария и проявляются в тех ситуациях, которые не могут быть разрешены при помощи кодифицированных моральных норм.

Добродетель политической мудрости (рассудительности). По Платону, добродетель мудрости является качеством философов, качеством созерцательного ума. Аристотель определял мудрость как качество теоретического ума, и отделял ее от рассудительности как качества ума практического. Мудрость направлена на познание вечного, неизменного, целого; рассудительность – на познание переменчивого, единичного. Для политики как практической деятельности значимой является добродетель рассудительности как качество практического ума. В европейской философии именно рассудительность выделялась как главная из четырех кардинальных добродетелей. Основные качества добродетели рассудительности – умение находить пути и средства для достижения нравственно обусловленных целей. Рассудительность связана с таким свойством, как изобретательность ума. Как добродетель рассудительность особенно важна при принятии решений, потому что она определяет нравственную сознательность выбора.

В парламентской деятельности особенно важным является правильный, с нравственной точки зрения, выбор, определяющий те или иные политические решения. Зачастую при выборе и принятии решений не всегда удается опереться на законы и нормы, и приходится довольствоваться собственными, личностными нравственными установками. В этом смысле

добродетель политической мудрости или рассудительности является кардинальной при принятии политических решений и взвешивании возможных последствий выбора.

Добродетель политической справедливости.

Справедливость определялась Аристотелем как то, что создает благо общества. В философии рассматриваются несколько видов справедливости. Аристотель рассматривал справедливость в узком (частном) и широком (общем) смысле. Под общей справедливостью Аристотель понимал законность и разумность жизни государства, общий нравственный принцип, определяющий отношения между людьми в государстве. В философской концепции общественного договора, возникшей в период философии Нового времени, справедливость государства измеряется благополучием его граждан. Таким образом, справедливость понимается как ряд нормативных требований, соблюдение или несоблюдение которых ведет к поощрению или наказанию, то есть справедливость предстает как некий нравственный минимум, регулирующий поведение участников общественного договора. В рамках такой концепции справедливость как индивидуальная добродетель уступает место и проигрывает в важности общественной справедливости. Это справедливость взаимного участия и общественного договора – коммуникативная справедливость.

В узком смысле, справедливость – это соразмерность в распределении благ, потерь и выгод, уравнивания конфликтов и интересов между людьми, живущими в одном государстве, обществе – справедливость законности.

Справедливость у Аристотеля понималась также и как распределение благ и тягот, привилегий и обязанностей, с учетом достоинства и заслуг, с учетом степени вклада в общее дело. Аристотелем выделялась и уравнивающая справедливость – когда блага или тяготы распределяются поровну, без учета достоинств или недостатков лиц – этот вид справедливости связан с понятием беспристрастности. Такие виды справедливости назывались справедливостью распределения и уравнивания.

Политическая добродетель справедливости может быть осмыслена как совокупность всех вышеперечисленных видов справедливости: взаимность; законность; распределение и уравнивание.

Добродетель политического мужества.

Мужество также входило в состав четырех кар-

динальных добродетелей, выделенных в античной философии. У Аристотеля мужество было в большей степени воинской добродетелью и определялось как готовность умереть при достижении цели: это сознательный выбор человека пожертвовать собой ради добра. И. Кант определял мужество как стойкость при исполнении долга. Современное понимание мужества связано с политическим поведением, а именно с гражданской позицией человека. В качестве парламентской добродетели мужество может представляться как уверенность в собственной гражданской позиции, твердость при исполнении долга.

Добродетель политической умеренности (разумности). В философской этике добродетель разумности отождествляется с благоразумием, а добродетель умеренности была связана в основном с телесностью человека, с его умением обуздывать и контролировать собственные страсти. В этом смысле политик не должен идти на поводу у собственных интересов, симпатий, эмоций; он обязан вести себя сдержанно в ситуации переговоров или политического конфликта, не поддаваться собственным эмоциям и здраво оценивать ситуацию в моменты политических решений.

Таким образом, парламентаризм и парламент, являясь в политическом смысле разными понятиями, могут быть рассмотрены в философском аспекте с точки зрения достижения высшей цели политики. Сама идея парламентаризма, в основании которой лежит теория английского конституционализма, философски обоснованная Т. Гоббсом и Дж. Локком, напрямую связана с идеей всеобщего блага – высшей целью политики, которая выражается в декларации и соблюдении естественных прав человека. Парламентаризм изначально явился инструментом реализации идеи «всеобщего блага». Он выступает не просто как институт для реализации этой идеи, а как целостная политическая система, основная особенность которой состоит в том, что эта система основана на парламентском правлении. В политическом смысле наличие парламента не всегда свидетельствует о наличии парламентского правления или парламентаризма. Однако само присутствие института парламента, в любом случае, как минимум, декларирует идею всеобщего блага.

Сама идея парламентаризма обеспечивается не только наличием института парламента, но и индивидуальными политическими добродете-

лями парламентариев. В свою очередь, институт парламента не может эффективно функционировать, если его наполняют «политически безнравственные» парламентарии, так как это подрывает доверие общества к идее парламентаризма. Таким образом, все три аспекта парламентаризма, в понимании парламентских целей, института парламента и парламентских добродетелей, неразрывно связаны друг с другом.

УДК 1:316
ББК 60.028

А. Н. Лахвицкий

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Волгоградский государственный университет

E-mail: lakhvitskiy@mail.ru

В данной статье предпринята попытка теоретического осмысления роли исторического текста в коммуникативном процессе. Определены основные каналы актуализации исторического текста в политическом пространстве. Внимание акцентируется на способности исторического текста выступать в качестве социокультурного регулятива, особым образом организуя знаково-символическое пространство социума.

Ключевые слова: исторический текст, политический текст, традиция, социальный механизм, социальная коммуникация.

A. N. Lakhvitskiy

THE HISTORICAL TEXT IN THE POLITICAL SPACE

Volgograd State University

In given article attempt of theoretical judgment of the role of historical text in communicative process is undertaken. The main channels of actualization of historical text in political space are determined. Attention is accented on ability of historical text to represent itself as of social regulative, specific image set up society sign-symbolical space.

Keywords: Historical text, political text, tradition, social mechanism, social communication.

В настоящее время в системе гуманитарных наук происходит ценностная трансформация. Чрезвычайно важной задачей является определение приоритетов и ориентиров в построении новой системы ценностей на следующем этапе развития науки. Исторический текст как источник культурных идентичностей, основной механизм поддержания устойчивости социальной традиции предстает в качестве одного из значимых объектов социально-философской рефлексии. Потенциал исторических текстов заключается, кроме прочего, в способности формирования единого социокультурного (или информационного) пространства, определяющего возможность стабильного социального развития, организации межсубъектной коммуникации, они играют определенную роль в легализации политических институтов.

Целевая аудитория историков включает в себя не только научный, но и практически все ос-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Сутор, Б.* Политическая и экономическая этика: учебное пособие / Б. Сутор, К. Хоман, Ф. Бломе-Дрез; пер. с англ. С. Курбатова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 368 с.
2. *Этика прав человека: Материалы международной конференции / МГУ им. М. В. Ломоносова.* – Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1994. – 223 с.
3. *Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова.* – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

тальные профессиональные сообщества, поскольку это соответствует устойчивому социально-историческому интересу, что, в некоторой степени, и вызывает популяризацию и мифологизацию истории. История представляет собой науку рефлексивного типа: она надстраивается над значительным слоем донаучного исторического сознания, в том числе и над «народной историей», – складывающимися в повседневном сознании устойчивыми толкованиями ключевых событий национальной истории» [1, с. 96].

Дисциплинарзация истории с начала XIX в. могла очистить ее от элементов конъюнктуры, освободить от власти идеологии, политики, риторики. Однако деполитизация и дериторизация сами по себе стали проявлением определенной политической позиции и риторического приема, что говорит об отсутствии возможности объективизации исторических текстов на данный момент [2, с. 86].

Политический и исторический тексты неразрывно связаны между собой. Примерами первого являются летопись, государственный акт, письмо, политическая публицистика, мемуары, биографии, газета. Со временем они утратили свое значение с точки зрения задач, решавшихся в момент их создания, и становятся принадлежностью не оперативной социальной памяти, объектом исследования историка [3, с. 3]. В этом смысле осознается многозадачность, актуальность исторического текста и даже его внеисторичность (способность обрастать новыми смыслами, «оживать» в практике чтения).

Исторические тексты создавались с определенными прагматическими целями, которые могли называться непосредственно в произведении или подразумеваться в контексте конкретного социально-исторического дискурса. Данные исторических текстов использовали для решения операционных или инструментальных юридических и политических задач. Н. Макиавелли рассматривал историю с точки зрения организации власти и принятия политических решений [4, с. 147].

Г. В. Ф. Гегель обращал внимание на то, что в политической истории историографы сами являются источниками, которые берут свое начало в деятельности субъектов политики (отдельных личностей и социальных групп). Поэтому слово «история» имеет двоякий смысл: «с одной стороны, оно обозначает самые деяния и события, с другой же стороны – эти же деяния и события, поскольку они оформлены в представлениях для представления» [5, с. 123].

Легитимизация политических структур, новаций, институтов происходит через процедуры означения и поиск соответствий между ними и объектами известного мира. Поскольку любые искусственные смысловые связи нуждаются в постоянном их поддержании, закреплении и воспроизводстве изменяется сама порождающая их социальная реальность и условия ее существования, то и структуры политики можно отнести к неустойчивым образованиям.

Одним из механизмов поддержания их стабильности являются определенные установки, закрепленные в тексте. Социальные установки – ценностная информация, направленная на создание у членов социальной группы определенных моделей поведения, ориентации на цель, актуализацию обозначенного императива.

В информационном обществе, в результате роста разрыва между специальным (эксперт-

ным) знанием и бытовым (массовым), историческое знание подвержено мифологизации. Миф в современной политической системе полностью десакрализован, это особая коммуникативная система, сообщение, совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса [6, с. 233–234].

Смысл и направление деятельности мифа направлен на изменение реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания, он чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, то есть он стремится сделать так, чтобы его воспринимали как нечто естественное, само собой разумеющееся.

Р. Барт особо подчеркивает, что миф – это не пережиток архаического сознания, а огромная часть современной культуры. Миф сегодня реализует себя в рекламе, кино, телевидении. Люди воспринимают и усваивают самые яркие моменты получаемой информации, либо те, которые им так преподнесли.

Усложнения духовной организации современного человека практически избавило от необходимости физического насилия как средства достижения желаемого результата [7, с. 156], но насилие обратно пропорционально перенеслось в информационную сферу, компенсируя власти эффект ее реального присутствия. Теперь власть может быть понята только как «символически генерализированное коммуникативное средство» [7, с. 25]. М. Фуко определял власть как универсальное общественное отношение, влияние, как способность к достижению цели, как возможность использовать те или иные средства, как коммуникативное отношение между субъектами взаимодействия [8].

Модификация структуры и содержания информационных потоков в социальном пространстве на настоящем этапе формирования информационного общества проходит при доминировании систем с предпочтительно сетевыми каналами фактуализации. Р. Барт исследовал отношения языка и власти. Язык, с одной стороны, является ключевым узлом для социализации, с другой – обладая своей структурой, синтаксисом и грамматикой, несет в себе определенный властный посыл.

В этом процессе размываются границы между понятиями «истинного» и «ложного» знания. Наличие того или иного факта (или его отсутствия) может полностью изменить наше

представление о прошлом, что доказывает значение источников. Каждый новый факт, нарушающий сложившуюся прежде у людей конкретной эпохи историческую картину, приводит к изменению во всей системе исторического знания.

Консолидация общества вокруг традиции, сама традиция возможны лишь при актуализации линейной памяти и механизмов, ее поддерживающих. Нелинейная память формирует ризомное социальное пространство. Сознание человека эпохи постмодерна как никакое другое подвержено страхам, мифологизации, виртуализации и симуляции. Человек постмодерна научился различать полутона, но при этом мир потерял для него контрастность, что открывает новые каналы глобализации.

Ценность приобретают эксперты как социальный субстрат, способность ориентироваться в информационных потоках. В современном социальном пространстве становится важным не столько содержание, сколько способ и форма передачи информации. В настоящее время формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяя в одной и той же системе письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации. В ходе становления новых технологий появляется особый вид организации информации – гипермедия.

Преобладание в современном информационном пространстве того или иного вербального / невербального канала, сопровождающих его установок, определенной комбинации текстов и продуцирует конкретную матрицу действий в сознании людей при сохранении конъюнктурной вариативности ее реализации и некоторой свободы выбора.

Конструирование в историческом тексте последовательности конкретно-исторических форм социальной реальности, отличных друг от друга и в то же время генетически связанных между собой, позволяет представить целостную картину прошлого во всей пестроте ее культурных модификаций, ценностных и экзистенциальных установок. Совокупность исторических текстов служит источником национальной и религиозной идентичностей, в чем проявляется их культуротворческая функция. Посредством исторических текстов происходит типизация уникально-исторического, генерируется общее для социальной общности пространство смыслов, что создает благоприятные условия для управляемости масс, контроля социальных и политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Филатов, В. П.* Исторический и критический подходы в философии истории / В. П. Филатов // Проблемы методологии: сб. науч. ст., посвященных памяти профессора В. Н. Борисова / под. ред. А. А. Шестакова / СГУ. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1998. – С. 88–104.
2. *Анкерсмит, Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Курцаева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. *Волков, В. П.* Тайны фальсификации / В. П. Волков. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 272 с.
4. *Ракитов, А. И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
5. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; вступ. ст. К. А. Сергеев, ред. Ю. В. Перов; пер. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 477 с.
6. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
7. *Луман, Н.* Власть / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
8. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко; пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

УДК 101.1:316
ББК С01

В. В. Савин

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИУМА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: gorobtsov@avtlg.ru, NVTchi@yandex.ru

В статье рассмотрены взгляды философов на процессы развития социального познания. Творчество в социальном познании предполагается как определяющий фактор в формировании новой парадигмы глобального социума.

Ключевые слова: методология социального познания, парадигма, пропорция Фибоначчи, глобальный социум.

V. V. Savin

DEVELOPMENT OF SOCIAL COGNITION IN THE PROCESS OF GLOBAL SOCIETY

Volgograd State Technical University

The paper considers the views of philosophers on the development processes of social cognition. Creativity in social cognition is assumed as a determining factor in shaping a new paradigm of global society.

Keywords: methodology of social cognition, paradigm, the Fibonacci ratio, global society.

Основная задача социального знания – анализировать общественные процессы и выявлять в них закономерные явления. Это знание обобщающее, оно стремится объяснить многообразие общественного бытия, опираясь на законы его функционирования и развития, чтобы на основании и в пределах данной теоретической системы можно было предвидеть будущее.

В одном из фундаментальных отечественных исследований по теории познания автор раздела «Познание социальной реальности» Е. В. Семенов справедливо указывает на то, что «социальное познание – это огромный мир, богатый и разнообразный, который сейчас уже трудно охватить целиком. Он давно противостоит миру естественных наук, противостоит не в плане конкуренции, а в силу своей специфики и стремления к самоорганизации» [1, с. 65].

С этим нельзя не согласиться, вполне очевидно, что это действительно особый мир со своими проблемами, методами, подходами. Этот мир еще не сложившийся окончательно, но формирующийся на наших глазах в условиях глобального социума. Данное суждение раскрывает сущность и задачи современного социального познания: получение нового знания в сфере глобального социума, который необходимо рассматривать в качестве феномена. Наиболее напряженный комплекс проблем порожден культурным многообразием человечества.

Проблемам становления современной цивилизации, понимания сущности и содержания социума, глобализационных процессов уделяли и уделяют серьезное внимание ученые – наши соотечественники и зарубежные исследователи: В. И. Вернадский, Ю. В. Шишков, В. И. Самохвалова, Г. Г. Дилигенский, А. И. Уткин, Е. Ю. Леонтьева, С. С. Хоружий, А. Б. Вебер, У. Бек, З. Бжезинский, О. Конт и другие.

По мнению автора, У. Бек в своей работе [2] наиболее точно сформулировал проблему глобализации, отмечая, что взгляды ученых по этому вопросу делятся на две группы. Одна из них указывает на существование единой доминирующей логики, другая же работает над теориями, выявляющими сложные, обусловленные многими причинами логики глобализации.

Среди направлений, по которым процесс глобализации развивается наиболее интенсивно, у У. Бека отмечают следующие: «мировые коммуникационные сети, информационное обеспечение, финансовые институты, средства массовой информации, международное сотруд-

ничество. Тем самым создаются предпосылки как для глобальных инфраструктур, режимов, систем, институтов, так и для изменения принципов организации общества – горизонтальные связи заменяют вертикальные» [2, с. 152].

Однако нельзя не задаться вопросом: в чем же особенность и отличительная характеристика этих преобразований? Чем они отличаются от уже наблюдаемых ранее в истории научно-технических революций?

Дело в том, что объектом воздействия глобализации является не столько экономика, политика, культура, сколько само человеческое сознание. Трансформируются представления человека о мире, обществе, меняются сами механизмы выбора жизненных стратегий, а глобальный социум выступает как совокупность всех индивидуумов, объединенных в единую формацию, выражает сумму тех связей и отношений, которые существуют между людьми. Социальное познание в этих условиях призвано воплотить единую цель – обеспечить индивида, общество необходимым знанием для совершенствования глобализационных процессов, подчиненных интересам человечества.

В. И. Вернадский развил свою известную концепцию геологической мощи и значимости всей совокупной массы живых организмов (идея «биосферы») и планетарной цивилизации (идея «ноосферы»), что существенно повлияло на необходимость изменения взглядов социального познания в эпоху назревающего тогда глобального социума. В этой связи ученый отмечал, что «в геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это, и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» [3, с. 115].

Продолжает расти интерес к многовековым практикам различных религий на основании учения о природе и сущности человека. Например, С. С. Хоружий ведет речь об исследовании духовной практики православия «исихазм» (от гр. «исихия» – покой, безмолвие), которая развивается с IV в. по сей день и в своей основе имеет особое искусство непрерывной молитвы.

В Сеуле (Южная Корея) в 2008 году прошел XXII Всемирный философский конгресс, официальное название которого было «Переосмысливая философию сегодня». Е. Ю. Леонтьева, принявшая участие в конгрессе в составе российской делегации, в своей работе [4, с. 203] отметила, что «хотя прошлый XXI конгресс со-

стоялся в Стамбуле, формально в Азии, однако Турция еще в прошлом веке стала полуевропейской страной. Потому реально впервые международный форум философов прошел в Азии – более чем за вековую историю мировых философских конгрессов (точнее, 108 лет, начало было в 1900-м, в Париже, а с 1948-го они стали проводиться регулярно каждые пять лет)».

Вследствие подобной эксклюзивности основным тоном Сеула-2008 стал поиск позиционирования универсального и контекстуального в рамках заявленной темы: «Переосмысление сегодняшней философии». С одной стороны, существуют извечно-профессиональные цели философов вне зависимости от их регионально-культурной принадлежности: ретрансляция своего и общего философского наследия; культивирование здравого смысла и формата рациональных дискуссий в решении человеческих проблем. Это то, что объединяет философов Востока и Запада. В этом смысле истинный философ является космополитом, а философия создает граждан мира и борется за изменение мирового порядка.

Итак, несмотря на свое многообразие, социальное познание имеет общую структуру, и для получения нового знания как цели познания научное исследование проходит последовательно три стадии: эмпирическое, умозрительное и теоретическое. На каждой из этих стадий с помощью определенных познавательных процедур получают специфические формы знания. К познавательным методам относятся наблюдение, эксперимент, эмпирические законы, идеализация, творческое воображение, интуиция, гипотеза, теория. Очевидно, что важнейшей ступенью социального познания является творческий акт, позволяющий сформировать новый взгляд на общество, сформулировать иную, чем прежде парадигму социального познания.

В условиях глобализационных процессов интересуется творчество в развитии социального познания, хотя оно присутствует и в других формах познания, так как без помощи творческого воображения исследователь не сможет генерировать новые идеи, на основе которых затем разворачивается теоретическое исследование, формируется новая теория. В данном случае творчество рассматривается как условие, позволяющее увидеть общее основание, объединяющее макро- и микромиры.

Почему проявляется повышенный интерес именно к творческому процессу социального

познания? Да потому, что новое знание приобретает в процессе творческого состояния субъекта в отношении объекта исследования, и состояние субъекта социального познания является предметом исследования данной работы. Анализ творческих процессов убеждает в том, что границы между сознательным и бессознательным подвижны, творчество не знает границ в установлении путей контакта, диалога и даже сотрудничества с бессознательным.

И. А. Герасимова в своей работе [5] отмечает, «что внутренняя мысленная реальность создает события внешней реальности, воплощается в ней, пройдя путь трансформации. Событие, уже созданное в реальности мысли, «достраивается» (до-конкретизируется) на физическом плане». Она продолжает: «Если в непосредственном переживании субъект и мысленные репрезентации объекта слиты – в этом состоянии человек сам есть свое переживание, то для рефлексивных актов осознания и познания необходимо выделить объект, его отделить. Познание чувств, требует их отделения и трансформацию в форму, пригодную для сознательного освоения, управления и использования в творческих целях. Эти возможности реализуются наиболее явно и полно в литературе и искусстве» [5, с. 93].

В заключении автор делает вывод о том, что в искусстве «очевиден факт – спонтанность, естественность и легкость мастера достигаются напряженнейшим предшествующим трудом и самодисциплиной. В образовании и обучении путь к творческой спонтанности через дисциплину более надежный» [5, с. 99].

Человек в искусстве, в процессе творчества оказывается способным демонстрировать изысканные качества на пределе возможностей среднего индивида. А это, по сути, часть жизнедеятельности человека, жизненной среды, хотя, пожалуй, самой активной.

Известный русский ученый К. Н. Леонтьев при изучении социальных явлений впервые обратил внимание на то, что сама жизнь противостоит энтропийным процессам, подчиняющимся второму началу термодинамики. Дальнейшее развитие его идеи получили в трудах Н. А. Умова, С. А. Подолинского, П. А. Флоренского, немецкого физика Ф. Ауэрбаха, в биосферном учении В. И. Вернадского. Эти мыслители изобрели понятие ценности энергии, позволяющее выносить точные суждения об энергетическом потенциале всякой физической и органической системы.

«Жизнь, – писал Ф. Ауэрбах, – это та организация, которую мир создал для борьбы против обесценения энергии». В той же книге он утверждал: «Если энтропическое есть, по Больцману, вероятное, то в соответствии с этим эктропическое (антиэнтропийное) будет невероятное. Ряд вероятных и все более вероятных явлений образуют процесс нисхождения, вмешательство невероятного осуществляет процесс восхождения Демон или страж Тэта» [6, с. 48, 54].

В Земной биосфере происходят невероятные, с точки зрения категорий механистической физики, явления. Она накапливает огромные, по земным меркам, количества ценной, *превратимой*, по терминологии С. А. Подолинского, энергии [7, с. 81]. В. И. Вернадский называл ее *свободной* и указывал, «что жизнь, сопровождаемая необратимыми процессами в биосфере, увеличивает, а не уменьшает с ходом времени «свободную энергию этой оболочки» То есть: «Живое вещество является носителем и создателем свободной энергии, ни в одной земной оболочке в таком масштабе не существующей» [8, с. 102].

Чем шире и глубже становятся наши знания и социальный опыт, тем с большим интересом мы вчитываемся в слова В. И. Вернадского: «...основное влияние мысли человека как геологического фактора выявляется в научном ее проявлении: оно главным образом строит и направляет техническую работу человечества, переделывающую биосферу» [9, с. 190]; «появилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – *научная мысль*, переживающая небывалый взрыв творчества» [9, с. 213]. В этих словах видятся новые элементы содержания.

Н. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» говорит о творении энергии из ничего, он отмечает, что человек родствен и подобен космосу, но не потому, что он дробная часть космоса, а потому, что он сам целый космос и одного с космосом состава [10].

Аналогичный феномен (творение энергии из ничего) встречается на принципиально ином уровне мироздания – в квантовой механике.

В картине атома, по Н. Бору, электроны переходят вниз и вверх по орбитам дискретными скачками – с одной разрешенной орбиты на другую, подобно тому, как мы поднимаемся и спускаемся по ступеням лестницы. Каждый скачок обязательно сопровождается испусканием или поглощением кванта энергии электромагнитного излучения, который называется фотоном.

М. Б. Менский дополняет, что «концептуальный анализ квантовой механики приводит

к необходимости ввести в эту теорию сознание наблюдателя как необходимый элемент. Это, в свою очередь, откроет путь к непосредственному контакту между физикой и психологией, а если смотреть более широко – то между естественными науками, с одной стороны, и различными способами изучения духовного мира человека – с другой» [11, с. 71].

Может, между творческим процессом и проявлением квантовой механики есть что-то общее, и есть смысл провести параллель, сравнить эти явления?

Процессы творчества в социальном познании и процессы квантовой механики имеют общее в своей природе: приращения энергии из ничего, что говорит о связи этих явлений с законами гармонии Вселенной, законами ряда Фибоначчи.

В таком понимании творчества, как приращении энергии из ничего, раскрываются новые возможности социального познания глобального социума, его процессов, открывается путь самосовершенствования индивида и преобразования общества, что поможет аргументировать рождение новой парадигмы социального познания в условиях глобального социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенов, Е. В. Антропо- и социоцентризм в социальном познании / Е. В. Семенов // Теория познания. Т. 4. Познание социальной реальности. – М.: Мысль, 1995. – С. 125.
2. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 304.
3. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18. – Вып. 2. – С. 113–120.
4. Леонтьева, Е. Ю. Всемирный философский конгресс в Сеуле: впечатления, идеи, размышления / Е. Ю. Леонтьева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 4. – С. 203–204.
5. Герасимова, И. А. Творческое сознание как дисциплинированная спонтанность / И. А. Герасимова // Философия науки. Вып. 12. Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 92–108.
6. Ауэрбах, Ф. Эктропизм жизни или физическая теория жизни / Ф. Ауэрбах. – Лейпциг: Wilhelm Engelmann, 1945. – С. 114.
7. Подолинский, С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии / С. А. Подолинский // Ноосфера. Мыслители Отечества. – М.: Наука, 1991. – С. 159.
8. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – С. 385.
9. Вернадский, В. И. Химико-биологические взаимодействия и новое в учении о биосфере / В. И. Вернадский // Инновации. – 2009. – Вып. 10. – С. 376.
10. Бердяев, Н. Смысл творчества / Н. Бердяев. – М.: ООО Изд-во «АСТ Москва», 2007. – С. 668.
11. Менский, М. Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами / М. Б. Менский // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 64–74.

УДК 101.1:316
ББК СО33.3

В. В. Хлипун

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: khlipun@vstu.ru

Институционализация информационного сектора есть такой социальный процесс, в результате которого на базе информационных и телекоммуникационных технологий формируются правила и предписания, регулирующие деятельность нового социального института, стержневым принципом которых является провозглашение свободы личности от тоталитарной власти. Организационным костяком социального института становятся новые структурные образования, такие как интернет-сообщества и неформальная идеология. Новый социальный институт вписывается в систему политических, экономических и идеологических отношений, одновременно оказывая на них влияние.

Ключевые слова: интернет; институционализация; социальный институт; информационное общество.

V. V. Khlipun

DEVELOPING INTERNET AS A SOCIAL INSTITUTION

Volgograd State Technical University

Institutionalization of the information sector is a social process, which based on information and telecommunication technologies are formed and rules and regulations governing the operation of the new social institution, a core principle of which is the proclamation of individual freedom from a totalitarian government. The organizational backbone of the social institution becomes the new structural entities, such as the Internet community, and informal ideology. A new social institution "fit" in the system of political, economic and ideological relations, while influencing them.

Keywords: Internet; institutionalization; social institution; information society.

Влияние информационно-компьютерных технологий начинает приобретать столь всеохватывающий характер, что, по мнению исследователей, от них зависит технологический, социальный прогресс государства, место в мировой экономике и экономическая конкурентоспособность страны, эффективная реализация роли в международном распределении труда, развитие демократических институтов. Все это сопровождается становлением нового мировоззрения, новой мировой культуры. В «позднемо-дерном» обществе, считает Э. Гидденс, сложности социализации усугубляются разрывом пространственно-временных координат и места действия личности. Если в традиционном и даже индустриальном обществе место действия, временная перспектива и пространство социальных взаимосвязей как бы стянуты в тугую узел, то в современной жизни человек вследствие активного взаимодействия разных культур с помощью массовой информации идентифицирует себя не только с общностями «здесь» и «теперь», но также и «там» – и в прошлом, и в обозримом будущем. Личность, таким образом, включается в глобальную систему социального пространства [1].

Здесь интернет-технологии могут выступать в качестве одного из основных социализи-

рующих институтов, в качестве доступного и наиболее влиятельного механизма формирования личности, гражданина. По прогнозируемому глобальному воздействию информационных технологий на личность и формирование ее мировоззрения информационно-компьютерные технологии, в первую очередь интернет, можно сравнить с участием семьи в социализации и идентификации личности. Сеть для современного человека может являться практически основным источником информации, познания окружающей действительности, порой конкурируя по своей значимости с межличностным общением, а иногда и заменяя собой семью и друзей.

Таким образом, речь идет о проблеме становления интернета как нового социального института.

В отличие от классического определения Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, отмечавших стабилизирующие функции социальных институтов, современная активистская парадигма, напротив, утверждает принцип постоянных модификаций последних (морфогенез у Арчер, структурация у Э. Гидденса и т. д.), таким образом социальные изменения – это и есть норма в современном мире. Если принять концепцию Э. Гидденса, что социальный институт – это

ресурсы и правила их эксплуатации, то единственным фактором изменений правил и создания новых становится социальный субъект (агент, актор).

Широкая концепция институтов и институциональной динамики опирается на понятия прав собственности, трансакционных издержек, контрактных отношений и групповых интересов. Следует отметить, что в институциональной теории имеет место значительный массив трактовок и дефиниций понятия «социальный институт». Они различны в понимании как природы, так и функций институтов. Разнообразие, существующее в различных концептуальных моделях, принятых в различных социумах, по-видимому, связано с тем, что без рассмотрения институционального устройства общества становится невозможным объяснить и предвидеть те трансформации и изменения, которые происходят в современном глобальном мире.

В составе институтов принято выделять три главных компонента: неформальные ограничения (традиции, обычаи, всякого рода социальные условности), формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты) и механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т. д.).

История развития всемирной сети интернет, происшедшая и продолжающая свое развитие в рамках указанной схемы, дает право считать интернет если не уже состоявшимся социальным институтом, то по крайней мере находящимся в стадии завершения его образования.

Первый этап (возникновение потребности, формирование общих целей) относится к периоду становления постмодернизма (конец 60-х – начало 70-х годов XX века). Именно тогда происходит специфическое переплетение разноплановых событий, таких как политические акции, связанные с выступлениями против милитаризма, расизма, сексуальной дискриминации, гомофобии, бессмысленного потребительства и загрязнения окружающей среды и т. п.; в это же время получают свое развитие идеи постструктуралистской философии, а в социологии утверждается теория постиндустриального (информационного) общества, и все это происходит параллельно с информационно-технологическим бумом, связанным с началом вхождения цифровых технологий в жизнь людей. Находясь под коренным влиянием теорий М. Маклюэна (об универсальном объединяющем потенциале

ТВ), эти «технофилы» считали, что конвергенция средств массовой информации, вычислительных технологий и телекоммуникаций неизбежно создаст электронную агору – некое виртуальное место, где все будут свободны выражать свои мнения без страха цензуры [2]. Таким образом берет начало процесс формирования выстроенной вокруг информационных технологий культуры, стержневым принципом которой стало провозглашение свободы индивида от тоталитарной власти любых структур.

Очагом этой культуры, впоследствии распространившейся и на другие страны и регионы, было калифорнийское побережье США, где впервые соединились технократические идеи ученых и инженеров, разрабатывающих новейшую вычислительную технику; идеология хакеров, постулирующая свободную циркуляцию информации; социологические и футурологические пророчества теоретиков постиндустриального общества; хипистско-анархистские идеалы маргинальных субкультур, отстаивающие незыблемость личной свободы; а также идеи экономического либерализма «джефферсоновской демократии».

Главное, в чем противостоял «компьютерный андеграунд» доминирующей в обществе культуре (имеется в виду культура технически наиболее развитых стран, прежде всего США) – это в установке на свободу и общедоступность информации. Принцип свободы информации, по мнению некоторых исследователей, восходит к эпохе Просвещения, когда были сформулированы положения о защите законом лишь формы выражения информации, но не самой информации [3].

Таким образом, калифорнийские события 1960–70-х годов могут считаться началом отсчета первого этапа создания нового социального института.

С развитием глобальной сети в 1990-е годы, все больше пользователей оказываются охваченными ее паутиной и, так или иначе, вовлекаются в специфическое взаимодействие как между человеком и интернетом, так и между самими людьми, в отношениях которых Сеть начинает играть не только роль посредника, но и становится неотъемлемой составляющей, делающей возможным сам факт общения и определяющей его стиль. В телекоммуникационной среде мировой паутины начинают действовать особые правила поведения, этические принципы, формы общения и тому подобное, отлич-

ные от тех, что наполняют нашу реальную жизнь. Во многом эти установки были выработаны рассмотренными выше движениями «компьютерного андеграунда», но в настоящее время, ввиду возрастания роли компьютерной сети в жизнедеятельности людей, они перестают быть выражением взглядов каких-то локальных групп и течений и обретают иной качественный статус. Таким образом, можно утверждать, что в современном интернете находят адекватное воплощение принципы, провозглашающие неограниченную свободу доступа к информации, основывающуюся на недопустимости создания информационных барьеров и фильтров, введения цензуры или других государственных регламентирующих ограничений, а также подчинения киберпространства единому центру. Совокупность идей, соответствующих описанному положению дел, можно назвать «сетевым либерализмом», под которым понимают неформальную идеологию, виртуально установившуюся в пространстве глобальной сети, главным лейтмотивом которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков. Вот несколько аспектов такого либерализма, указывающих на специфику виртуальной среды интернет. Так, онтологически пространство Сети не является физической реальностью, в связи с чем законы материального мира не имеют в нем своей силы. Взятое в социальном аспекте, сетевое пространство выступает альтернативой обществу как таковому, ибо уже не является тем, что мы привыкли считать социальной реальностью. Организованное посредством телекоммуникаций и всеобщих усилий сообразно своему «общественному договору», в котором нет места аппарату господства и принуждения, интернет-пространство становится оффшорной зоной свободы, где отношения выстраиваются не по принципам, господствующим в окружающей нас социальной действительности, а согласно собственной этике. Таким образом, обозначается еще один момент, свидетельствующий о специфике Сети – его этическая, а не юридическая обусловленность.

«В неподдающейся администрированию ... среде глобальной сети единственными регуляторами характера взаимодействий и правил общения являются нравственные законы, и, быть может, кантовский категорический императив нигде доселе не обрел такой силы

«принципа всеобщего законодательства», как на виртуальных просторах интернета» [4].

«Сетевой либерализм – это своего рода социальная, политическая, экономическая и этическая импликация ... основополагающих, онтологических принципов устройства глобальной сети...» [2]. Именно то, что интернет по своей природе децентрализованная сеть и является базовой предпосылкой утверждения либертарианской идеологии, и здесь очень важно понять, что между физическим строением глобальной сети и связанными с ней социокультурными явлениями существует непосредственная связь и без децентрализации интернета не был бы возможным сетевой либерализм.

В силу специфики интернета, заключающейся в стремительном развитии информационно-компьютерных технологий, девяностые годы XX века являются периодом как стихийного появления социальных норм и правил поведения в Сети, так и их принятия и практического применения, другими словами за короткий промежуток времени глобальная сеть преодолела сразу два этапа институционализации, и в настоящее время мы становимся свидетелями вступления всемирной паутины в самый важный для ее существования период установления санкций для поддержания норм и правил, создания системы статусов и ролей для всех членов института. От того, как будет проходить четвертый этап, будет зависеть будущее интернета, так как глобальная сеть попадает под пристальное внимание государства, наиболее фундаментального социального института.

Государственные органы ведущих стран заняли чрезвычайно активную позицию в деле формирования информационного общества. Так, план действий администрации США в области национальной информационной инфраструктуры стал наиболее важной инициативой американского правительства, а Комиссия Европейского сообщества приняла план действий «Европейский путь в информационное общество» [5].

В течении тех же 1990-х годов аналогичные программы были приняты в большинстве наиболее развитых государств, был создан ряд международных организаций, призванных содействовать построению информационного общества: «Информационный общественный форум» (Information Society Forum), «Европейский обзор информационного общества» (European survey of the Information Society (ESIS)) и многие другие.

И, наконец, в июле 2000 г. на саммите стран «большой восьмерки» была принята Окинавская хартия глобального информационного общества. «Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы информационные технологии служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международного мира и стабильности» (Из Окинавской декларации информационного общества).

На сегодняшний день все ведущие страны мира сформулировали свою политику и стратегию по его построению и развитию, что не может не вызывать определенное беспокойство со стороны другого противоборствующего лагеря «битвы за интернет». Сторонники «сетевой оффшорной зоны» отмечают, что в США и других странах происходят попытки превратить информацию в товар, ограничить и поставить под контроль ее распространение. При этом происходит трансформация и общественно-политических институтов стран, традиционно считавшихся демократическими, а также тех, кто вступил на этот путь недавно, в том числе и России: «...при сохранении внешних атрибутов демократии происходит ее вырождение: реальная власть переходит к «теневым» структурам, никем не избранным и использующим демократические институты, а также информационные технологии, для манипуляции общественным сознанием» [3]. Другими словами, используя феноменологический подход к проблематике становления правил социального взаимодействия, можно заметить, что фоновые практики, не будучи официально легитимными, легитимируют в массовом сознании нормы и правила, регулирующие социальные взаимодействия.

В этих условиях ценности «компьютерного андеграунда», борьба за свободу информации, за открытость государственных структур для общественного контроля приобретают важное значение. Этот протест, берущий свое начало в «калифорнийской идеологии» шестидесятых годов двадцатого столетия и близкий по некоторым своим установкам движению антигло-

бализма, при всей своей неоднозначности несет в себе значительный позитивный потенциал и может способствовать построению действительно информационного общества.

Говоря о характерных чертах информационного общества, в первую очередь говорят об универсальном охвате информационными технологиями во всех его сферах – экономике, государственном управлении, образовании, быту. Сегодня сложно представить мир без глобальной сети интернет, без, более чем энциклопедических, электронных поисковых систем, посредством которых человек имеет возможность активно участвовать в политической, государственной, экономической, социальной жизни общества. Формирующееся единое информационное пространство выходит за пределы одного конкретного государства и носит глобальный характер во всех сферах жизни современного общества. Информация все чаще воспринимается как главный экономический и политический ресурс государства. В этом смысле можно говорить о приоритетности идеальных информационных ценностей над материальными. Роль средств массовой коммуникации давно уже вышла за пределы простого информирования, и в значительной степени реализуется в общественной интеграции, социализации, образовании. Интернет-технологии, обращаясь к людям различных социальных слоев и передавая унифицированную информацию, компенсируют социальные различия, разницу в уровне образования, тем самым, способствуя созданию унифицированной субкультуры. Исследователи перечисляют ряд функций, которые реализуются Сетью в современном обществе, и в первую очередь информационную, состоящую в получении и распространении потоков информации, их анализ и оценку. Продолжением этой функции выступает образовательная, проявляющаяся в сообщении, оценивании и упорядочивании, полученных посредством всемирной паутины, знаний. Информационные, образовательные потоки транслируют социальные нормы, поведенческие установки, образцы социальных ролей, тем самым реализуя социализирующую функцию. В тесной связи с этой функцией стоит функция социальной интеграции и объединения людей вокруг общих интересов. Найдя свою группу, получив подтверждение правильности своей позиции, человек решает проблему личностного самоутверждения и

проблему сопричастности к значимой группе людей. Таким образом, можно говорить об интернете как социальном институте, который займет в ближайшее время главенствующее место в системах формирования и обеспечения жизнедеятельности современного человеческого сообщества. «Здесь нет однозначной оценки глобальной роли информационных технологий, лишь констатация свершившегося и свершающегося явления в истории развития человеческой цивилизации» [6].

Любой компонент, любая функция информационно-компьютерных технологий несет в себе позитивную и деструктивную составляющую, может способствовать как интеграции мирового сообщества, так и дезинтеграции. Несомненным является лишь то, что в глобальном информационном обществе именно интернет будет во многом определять характер социальных отношений, оказывать большое влияние на формирование и функционирование социаль-

ных институтов, а также на становление личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1999. – 704 с.
2. Емелин, В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии / В. А. Емелин. – М., 1999.
3. Куприянов, И. В. Компьютерный андеграунд и современная демократия / И. В. Куприянов // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы Третьего Российского философского конгресса, 16–20 сентября 2002 г. В 3 т. – Ростов н/Д., 2002. – Т. 2. – С. 344.
4. Барлоу, Дж. П. Декларация независимости киберпространства / Дж. П. Барлоу // Информационное общество. – М., 2004. – С. 349–354.
5. Мелюхин, И. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И. Мелюхин. – М., 1999. – 208 с.
6. Орлова, Н. Средства массовой информации в системе формирования глобального информационного общества / Н. Орлова // Гуманизм, глобализм и будущее России: материалы Междунар. научной конф., 15 ноября 2002 г. – СПб., 2002. – С. 178–181.

УДК 21.009:316.37

О. Ю. Акимов

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. РОЗАНОВА

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: aktula1@gmail.com

В данной статье анализируются особенности восприятия предметного мира в произведениях В. В. Розанова. Философ подчеркивает наличие у объектов особых характеристик. Эти характеристики проявляются только при взаимодействии объекта с субъективным сознанием.

Ключевые слова: реальность, бытие, субъект, мир, жизнь.

О. Ju. Akimov

OBJECTIVE WORLD IN THE WORKS OF V.V. ROZANOV

Tula State Pedagogical University, named after Leo N Tolstoy

The article analyzes the peculiarities of perception of the objective world in the works of V.V. Rozanov. Rozanov emphasizes the presence of special characteristics of objects. These characteristics are manifested only in the interaction of the object with the subjective consciousness.

Keywords: reality, existence, subject, world, life.

Любое исследование представляет собой обращение к предметным формам реальности и любая метафизика предметна, поскольку она отражает картину бытия в системе субъект-реальность. Феномен реальности составляет одну из основных тем розановских произведений. Этой темы так или иначе касались почти все исследователи произведений В. В. Розанова, в том числе В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев. Любое розановское высказывание должно соответствовать реальному

положению вещей, реальному состоянию видимого мира. Однако сам по себе реальный мир представляет субъективному сознанию лишь резервы для подобного оформления реальной действительности. В любом субъективном выборе решается вопрос, почему данная конкретная реальная ситуация является реальностью и подлежит в связи с этим распознаванию и рефлексии. Для того, чтобы жить, необходимо нейтральное отношение к действительности, это и значит принимать действительность. Однако

любое осмысление воспринимается как попытка сделать что-то с действительностью. Другими словами, действительность должна стать проблемой, и только тогда она становится объектом анализа. Анализ должен при этом опираться либо на саму действительность, то есть на наличную форму ее, либо на нечто, лежащее вне этой конкретной формы, что потенциально больше ее.

Во многих случаях имеет место быть подмена одного отношения к действительности другим, то есть нейтральное отношение становится проблемным, если только заранее известно, что проблема в принципе решаема, то есть она относится к такой нейтральной формальной среде, в которой нельзя действовать по другому. Таким образом, субъект изначально выбирает известный механизм решения, то есть дублирует наличную форму действительности, представляя ее как бы с другой стороны. Так, принимая правильное решение, субъект руководствуется житейским опытом, мнением других людей или так называемым здравым смыслом, так он на законных основаниях лишает себя права выбора, делая свое существование беспроблемным. При этом в конкретных жизненных ситуациях подобный выбор оправдан, однако, если речь идет о системном подходе к таким вещам, которые сами по себе являются проблемой, он ведет к фатальной недооценке ситуации.

Именно с такой «проблемной точкой» мы сталкиваемся, оценивая и обсуждая творчество любого самостоятельного мыслителя. Для В. В. Розанова, например, проблему составляет поиск в изначально нейтральных жизненных ситуациях проблемного фона философствования. Проблемой здесь становится то, что изначально ею не является, а именно отношение к действительности, которое для того, чтобы стать самим собой, должно стать проблемой восприятия. Именно поэтому философ не испытывает «никакого интереса к реализации себя» [5, с. 70]. Это и отличает его как мыслителя. Он не осуществляет подмены отношения к действительному событию отношением к действительности вообще, и поэтому ему чрезвычайно трудно привыкнуть жить в действительном мире, то есть принимать нейтральную форму действительности, которая априори предусматривает наличие выхода из любого жизненного тупика в виде ссылки на неизвестную ему другую реальность, которая тем не менее

помогает ему жить и действовать. Принять помощь, значит, лишить себя выбора и представить себя открытым выбору другого, то есть Бога, судьбы, общества, что в одинаковой мере страшит В. В. Розанова, так как, приняв ее, необходимо принять нейтральный статус происходящих событий и из их участника стать носителем законного права менять действительность.

Примечательно, что философ никогда не стремится влиять на ход внешних событий, приближать к себе априори нейтральное поле реальной действительности. Он постоянно пытается выйти из под обаяния реальности, которая предстает перед субъективным сознанием мыслителя в нейтральной форме. Выйти из под обаяния реальности в данном случае, значит, перестать пользоваться правами обитателя действительного изменяющегося мира, которые гарантируют возможность понимать конкретное бытие как бытие вообще и конкретную жизнь как жизнь вообще. «Вообще бытие», становясь проблемой, требует разрешения в конкретном объекте, и основное качество этого объекта, по В. В. Розанову, – живость, жизненность как возможность уклониться от любого определения или именованья и одновременно именовать себя, а через себя все другое, определяемое как реальность, жизнь или бытие. Быть определенным может лишь потенциально пустое ничем не заполненное отношение реально существующего к своему другому. Однако субъективное сознание не в состоянии воспринимать это пустое незаполненное нечто, вне предметности, не связанное с качествами конкретных вещей. В розановской системе координат, хотя во множестве случаев речь идет о вещах, однако вещи эти являются синонимами предметов, они не носители абстрактной предметности, а выразители предметных качеств реальных живых объектов. Вещь для мыслителя почти живое существо, и реальностью может быть наделено в его мифологии только то, что обладает качествами живого. При этом мир В. В. Розанова – это мир «запланированной ошибки», поскольку вещь нельзя представить себе живой. Она либо может быть живой, либо не может таковой быть.

У философа нет никаких абстрактных, в том числе знаковых систем перехода, от неживого к живому, от реального к ирреальному. В подобном случае он обречен на ошибку, поскольку нет конкретного ценностного критерия существования, исходя из наличия которого можно

было бы думать о вещи определенным образом. Следовательно, В. В. Розанов не понимает вещи и не думает о них, а лишь в особом режиме соотносит впечатление о реальном, чаще всего живом объекте с собственно предметным или объектным фоном существования. Этот фон он воспроизводит как беспорядочное движение [5, с. 43]. В этот фон входят мысли философа – автора об объекте (живом существе). Это чаще всего неуклюжие попытки продумывания метафизической судьбы или структуры объекта или попытки «заколдовать» объект, проникнув тем самым в его сущность и не разрушив ее.

Последнее получается у мыслителя замечательно, поскольку он не создает продуманной модели реального мира, а заставляет мир проявляться в собственном писательском воображении. Именно поэтому все подчас гениальные мысли всегда воспринимаются и записываются изолированно друг от друга, так как приведены они в реальность разными впечатлениями. В данном случае впечатление тождественно живому существу, скрывающемуся за конкретным предметом, и при этом обличье не воспринимается как обличье, предметность не становится предметностью, а является жизненным продолжением вещи-живого существа. В. В. Розанов продолжает думать о предмете, считать его чем-то, предмет на его глазах меняется и он фиксирует это изменение как противоречие сущности предмета.

На человеческом языке просто нет иного способа демонстрации разницы, а точнее говоря, различия между разными состояниями предмета, если нет хотя бы минимальной физической возможности проследить это различие. Если же такой возможности нет, то объекту просто присваивается другое имя, чем предусматривается, что последний априори может существовать по иным законам. Он теперь принадлежит к другому классу вещей. На этом основана разница между конкретными и абстрактными объектами в языке и культуре, при этом сам момент выдвижения любой абстракции максимально конкретен, так как он не может не быть связан с предметным миром воспринимающего субъекта. Роль последнего в обыденной жизни сводится просто к передаче информации, для В. В. Розанова же любая передача информации не больше и не меньше чем смена обличья объекта. При этом обозначающая активность субъекта наделяет объект сходными полномочиями, и уже нельзя до конца

понять, что мы считаем миром и что наделенный с нами равными правами мир считает нами. Поэтому парадоксальная позиция мыслителя В. В. Розанова – это позиция постороннего наблюдателя внутри объекта. И любое розановское «вне» есть де факто внутри, поскольку он, только понимая, способен видеть. А увидеть для него обозначает потерять знание о конструктивной форме предмета, чтобы обрести знание об изменчивом прошлом большого живого мира человеческого предощущения вещей. Предмет есть человек, лишенный языка понимания и способности быть услышанным, и единственная для субъекта возможность осознать это – возможность неправильного выбора в ущерб собственной жизненной установке и во благо целому живому миру запертых в немом сознании «нитей-вещей – предметов» [5, с. 319].

Системность этого мира заставляет Розанова мыслителя поступать и действовать вопреки общепринятой логике мира традиционной философии. Сама форма философствования, принятая в произведениях В. В. Розанова, представляет собой опыт своеобразного «насильственного разобщения» отдельных текстовых структур и последующего воссоздания их на качественно иной основе. Это воссоздание – основная жизненная задача В. В. Розанова как мыслителя, и поэтому его философию нельзя отделить от его литературы, в которой всегда осуществляется разрушение определенного стереотипа, будь то стереотип поведения, отношения к себе и другим или мышления. Любой, кто по тем или иным причинам разрушает стереотип, ставит под сомнение и определенный фактологический уровень своего собственного существования, так или иначе связанный с этим стереотипом. Поскольку для В. В. Розанова объектом стереотипной действительности, подлежащим разрушению, является его собственная жизнь, то пространством альтернативной игры априори становится для него философия и литература, в которых разрушение никогда не становится фатальным и может быть в любой момент приостановлено и в свою очередь провозглашено игрой, как, например, война или революция, как те системные данности человеческого здесь и сейчас, которые никогда не кончаются, всякий раз лишь возрождаясь в новых обличьях и формах, заставляя субъективное сознание вновь переживать горечь разочарований и утрат, именно поэтому Авраама призывает Бог, а философ сам призывает Бога [5, с. 50].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев, Н. А. О вечно бабьем в русской душе / Н. А. Бердяев; http://www.ihtik.lib.ru/philosbook_28may2006_4568.rar. (Опубл. 28.05.2006.)

2. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев; сост. А. А. Вадимов. – М.:

Книга, 1991.

3. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – СПб., 1991.

4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский; пер. с англ. – М.: Сов. писатель, 1991.

5. Розанов, В. В. Уединенное / В. В. Розанов. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.

УДК 101.1:316.77

ББК С 027

В. Н. Серебрянская

СИМВОЛ ГЕНДЕРА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: Loskytova_s@rambler.ru

Статья посвящена актуальной проблеме гендерной идентификации социального субъекта посредством знаков и символов. Представлено социально-философское осмысление гендера в пространстве социальной коммуникации; определены варианты гендерного взаимодействия. Взаимодействие трактуется как диалог, в процессе которого происходит взаимная интерпретация транслируемых гендерных символов и знаков.

Ключевые слова: гендер, символ и знак, коммуникация, социальное пространство, идентификация субъектов, диалог, взаимодействие.

V. N. Serebrianskaya

THE SYMBOL OF THE GENDER IN THE COMMUNICATION SPACE

Volgograd State Technical University

The article is devoted to actual problem of gender identification of social subject by signs and symbols. The social-philosophy sense of gender is represented in the space of social communication; the variants of gender cooperation are determined. The cooperation is explained like a dialogue, which occurs the mutual interpretation of transliterated gender symbols and signs.

Keywords: gender, symbol and sign, communication, social space, identification of subjects, dialogue, cooperation.

В сегодняшнем обществе продолжает неудержимо возрастать роль коммуникации. Коммуникация становится тем социальным пространством, в котором разворачивается вся жизнедеятельность общества. Социальное пространство определяется доступным для большинства социальных субъектов совокупным множеством знаков и символов, его составляющих [1; 2]. Одними из первостепенных символов, определяющих характеристики и особенности коммуникативного пространства, являются символы и знаки, позволяющие идентифицировать гендер социальных субъектов, поскольку любая коммуникация строится, исходя из определенных гендерных моделей взаимодействия. Однако современный уровень развития биотехнологий, социальных и информационных технологий позволяет транслировать тот символ гендерной идентичности, который в данный момент желает продемонстрировать социальный субъект. Вопрос о подмене символов гендерной идентичности является одним из

актуальных вопросов современной социальной теории, поскольку затрагивает глубинные пласты человеческой сущности, социального устройства общества и формирования коммуникативного пространства.

Способность к производству социального или коммуникативного пространства возникает в процессе создания и роста общества, которое, развиваясь, провоцирует новые и новые коммуникативные отношения, расширяя и усложняя социальное пространство. Происходит взаимодействие – общество порождает коммуникацию, коммуникация создает социальное пространство, в котором существует общество. По словам Т. Шибутани, «каждый социальный мир – это культурная область, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций» [3, с. 111]. Под коммуникацией понимается непосредственное или опосредованное и целесообразное взаимодействие двух и более социальных субъектов, посредством

которого осуществляется социальное бытие. Коммуникация связывает социальные действия субъектов друг с другом и задает, каким образом (процессуально, континуально, контекстуально) эти действия могут быть адекватно считаны другими субъектами социальных отношений. С. В. Лещев дает следующую трактовку: «Коммуникация никогда не «отражает» реальность, а сконструирована для ее оформления и существует лишь постольку, поскольку ее формирует некоторый дискурс, который не только является средством для определения, но и отражает на себе результаты этого процесса, соотносясь с различными дискурсами (и характерными для них идентичностями)» [4, с. 85]. Иначе говоря, коммуникация представляет собой социальный конструкт, существование которого базируется на знаках и символах.

Возникает вопрос о том, какова роль символа гендерной идентификации в формировании коммуникативного пространства. Автор исходит из положения, согласно которому гендер так же есть социальный конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик, определяющих статус человека в обществе: биологический пол, полоролевые стереотипы и многообразие проявлений социокультурных составляющих пола. Как отмечает В. В. Макаров, «гендер – это одна из ряда определенностей человека, возникающих на основе биологической дифференциации, выражающихся в его социополовой идентификации на основе социокультурной индексичности, в способах адаптации к социальной жизни и формах участия в ней» [5, с. 23]. Термин «гендер» обозначает социокультурные аспекты пола, в отличие от биологических и физиологических. Статус пола зависит от совокупности множества факторов, и биологический только один из них, которые позволяют индивиду осознать собственную половую роль или самоидентифицировать гендерную принадлежность. Различия полов базируются на фундаментальных элементах культуры, ментальности, традиции, которые конструируют мужественность и женственность социальных субъектов. Фактически гендер представляет собой набор знаков и символов, пользуясь которыми субъект идентифицирует себя в обществе.

По мнению И. И. Халеевой, «подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами (то есть с позиции герменевтики), позволяет определить гендер в

качестве своего рода междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [6, с. 10].

Иначе говоря, и коммуникация и гендер – древнейшие социальные конструкты, которые находятся в отношениях взаимодетерминации. С помощью знаков и символов межличностной коммуникации у новорожденных мальчиков и девочек формируются гендерные типы мужественности и женственности. И далее на всем этапе социализации при помощи знаково-символьного ряда закрепляется соответствующий тип гендера. В процессе воспитания и социализации к новорожденным, имеющим исключительно первичную биологическую определенность, обращаются сформировавшиеся социальные субъекты, которые являются носителями определенного гендерного типа и соответственно ими задается знаково-символьная система, определяющая гендер новых членов общества. Межличностная коммуникация посредством знаков и символов создает гендерный тип поведения. Поскольку любая система символов так или иначе воспроизводит конфигурацию реальности, то, видимо, не существует «символотворчества, не коренящегося в конечном итоге в общечеловеческом символическом основании» [7, с. 14].

До наступления эпохи информационного и глобализирующегося общества существовала жесткая взаимообусловленность биологического пола и прививаемых социальных установок. Иначе говоря, девочке вменялось проявлять черты женственности, традиционно принятые в данном обществе, мальчику же предстояло соответствовать представлениям о мужественности и мужском поведении. Соответственно гендерная идентичность мужественному и женственному имела традиционно, ритуально закрепленные символы. Интерпретация этих символов была однозначной в пределах одной культуры на достаточно протяженном историческом этапе. Некоторые отклонения от принятой нормы (мужеподобная женщина или женственный мужчина и т. п.) существовали всегда, но они не могли существенно повлиять на формирование символов коммуникативного пространства.

Можно предположить, что попытки трансформаций в интерпретации гендерных симво-

лов восходят к философии феминизма. Одни из первых заявок феминизма относят к временам Великой французской революции. В 1792 г. Олимпия де Гуж написала «Декларацию прав женщины и гражданки». Основными требованиями было предоставление женщинам гражданских и избирательных прав и возможности занимать государственные посты. В целом философия феминизма в период ее возникновения – это, скорее, социально-политическое движение, а не мировоззренческая доктрина. Протест против дискриминации женщин проявлялся в трансформациях гендерных символов еще в крайне незначительной степени.

Как отмечает одна из старейших российских исследовательниц философии феминизма О. А. Воронина, «новый виток в развитии феминизма начался в 60-е годы XX века вместе с возникновением леворадикальных движений протеста и формированием контркультурных теорий. В этот период внутри феминизма сформировались три основных течения: либерально-реформистское, социалистическое и радикальное» [8, с. 388]. В конце XX века этих направлений в чистом виде уже не было, но появились новые варианты феминизма: культурный, выступающий за сепаратное развитие мужской и женской культуры; гуманистический, выступающий за равноправие мужских и женских интересов; «черный» и прочие варианты национально детерминированного феминизма; конфессиональный феминизм. В этот период начинают активно развиваться трансформации традиционных гендерных символов, происходит пересмотр устоявшейся системы идентификации в коммуникативном пространстве.

На первый план выходит не философия феминизма, представляющая собой урезанную, одностороннюю философию пола, все вопросы трансформирующая под призмой равенства или неравенства женщин, а целостный гендерный подход. В доктрине гендерного подхода заложена попытка в равной мере обращаться и к проблемам женственности и к проблемам мужественности, то есть к философии пола без перекосов.

Символ гендера абстрагирован от биологической предопределенности человека и позволяет построить антропоориентированную двухъярусную модель коммуникативного пространства, состоящую из символов метагендерного (общечеловеческого) уровня и символов гендерного (относящегося к тому или иному полу) уровня. Взаимодействие между этими

уровнями довольно сложны и зависят от того, употребляются ли соответствующие символы в прямом или метафорическом значении, от общего контекста культуры данной социальной группы, от традиционных характеристик и установок коммуникации и многих других факторов.

Значительные изменения в обозначении пола и идентификации характеристик мужественности и женственности начались с эпохой информатизации и всеобщим распространением компьютерных технологий. Были сформулированы общие принципы гендерных исследований, важнейший из которых – релятивизация пола, признание его социально и культурно конструируемым феноменом – институциональным и ритуализированным, что ведет к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных социальных и культурных сообществах на различных исторических этапах их развития. Происходит признание гендера социокультурным феноменом и признание его символической конвенциональной сущностью. Эти положения влекут приписывание маскулинности и фемининности статуса символических концептов. Становится правоммерным изучение их особенностей проявления в социальном взаимодействии, диалоге социальных субъектов, возникает вопрос о формировании коммуникативного пространства.

Современные теории социальных отношений рассматривают феномен гендера как «разыгрываемый» или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия. В теории социальной коммуникации значительное место отводится проблеме идентичности социального субъекта в процессе коммуникативного действия. С точки зрения конструирования гендерного типа, можно сказать, что в коммуникации происходит сознательное варьирование гендерными знаками и символами в зависимости от их социальных целей субъекта. Вступающий во взаимодействие субъект создает социальное пространство и может акцентировать или затушевать некоторые черты своего гендера в своих целях, например, солидаризацию с собеседником или дистанцирование от него. Следовательно, пространство коммуникации может оказывать глубокое воздействие на индивида, что подтверждает символическую и интерактивную природу конструирования гендерной идентичности. В любом случае рассмотрение гендерных аспектов коммуникации вне социокультурного контекста нельзя считать целостным.

Исторические, социальные, культурные, экономические и политические условия определяют, какие символы будут транслировать ту или иную гендерную принадлежность, и каким образом эти символы должны быть проинтерпретированы. Традиционно в качестве гендерных символов используются одежда, обувь, прическа, косметика, парфюмерия; стиль речи, походка; способ времяпрепровождения, круг чтения, формы проявления эмоций; тип автомобиля, велосипеда, практикуемый вид спорта; тип фигуры; функции, выполняемые в семье; карьерные предпочтения; отношение к воинской службе; частота посещения магазинов и их набор; демонстрируемые моральные качества и т. д. Все это символы, определяющие гендерную идентичность мужчины и женщины, на основе интерпретации которых в процессе коммуникации строится социальное пространство.

Традиционно социальный субъект не может игнорировать следование стандартным гендерным символам своего общества и исторического периода, его должны понимать другие участники коммуникации. Социальное пространство, в котором он находится, требует от него обязательного и однозначного выбора в пользу того или иного гендера. Интрига сегодняшнего общественного развития состоит в том, что социальный субъект может симулировать гендерную идентичность, создавать символистический ряд, фактически не обусловленный биологическим полом. Одним из вариантов социальных взаимодействий становится игра с гендерными символами, сознательное их смешение, ведущее к невозможности в обычной

повседневной жизни провести грань между физическими полами.

Для современного общества характерно появление разнообразных контркультур и субкультур, социальных групп и сообществ, презентующих себя в пространстве коммуникации символами другого гендера, сознательно создающих социальное пространство, не соответствующее своему биологическому полу. В социальной философии и философии пола необходим анализ и осмысление данного феномена, поскольку без него не будет целостной картины общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Леонтьева, Е. Ю.* Социальное пространство в контексте новой онтологии / Е. Ю. Леонтьева, Н. Л. Виноградова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов-на-Дону, 2009. – № 2. – С. 5–8.
2. *Виноградова, Н. Л.* Социальное пространство как пространство взаимодействия субъектов / Н. Л. Виноградова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 6 (15) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2005. – С. 7–10.
3. *Шибутани, Т.* Социальная психология / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 320 с.
4. *Лещев, С. В.* Понятие, смысл и идентичность: логика коммуникативного и коммуникационного / С. В. Лещев // Философские науки. – 2003. – № 3. – С. 81–90.
5. *Макаров, В. В.* Философия и социология пола: монография / В. В. Макаров, И. В. Василенко / ВолгГТУ. – Волгоград, 2002. – 188 с.
6. *Халеева, И. И.* Гендер как интрига познания / И. И. Халеева // Гендер как интрига познания: сб. стат. – М., 2000. – С. 9–18.
7. *Деррида, Ж.* О грамматиологии / Ж. Деррида; пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 520 с.
8. *Воронина, О. А.* Философия пола / О. А. Воронина // Философия / под ред. В. Д. Губина. – М.: Русское слово, 1998. – С. 388–407.

УДК 111.1
ББК 87.21

Е. А. Кленина

ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: klenina.el@yandex.ru

В статье рассматривается проблема диалектического взаимодействия жизни и смерти, где «бытие-к-смерти» мыслится как фактор подлинного человеческого существования. Перед лицом смерти человек конституирует свою самость, суверенность, свободу, превращаясь в «я, которое умирает». Смерть, сообразно с этим, находится не вне, а внутри жизни, она вписана в жизненный цикл в качестве предела человеческого существования и постоянно воспроизводится в виде онтологического элемента самой жизни. Человек обретает себя через осознание конечности своего существования.

Ключевые слова: жизнь, смерть, диалектика, бытие-к-смерти, экзистенциализм, мышление-к-смерти.

Е. А. Klenina

THE DIALECTICS OF LIFE AND DEATH: THE ONTOLOGICAL ASPECT

Volgograd State Technical University

The paper addresses the problem of the dialectical interaction between life and death, where «being-to-death» is conceived as a factor of genuine human existence. In the face of death, man constitutes his self, sovereignty, freedom, becoming a «self that is dying.» Death, in conformity with this, is not outside, but inside lives, it is inscribed in the life cycle as the limit of human existence and constantly reproduced in the form of an ontological element of life itself. Man finds himself through the understanding of the finiteness of its existence.

Keywords: life, death, dialectic, being-to-death, existentialism, thought-to-death.

Факт присутствия смерти в витальном пространстве, детерминированный рефлексивной формой сознания, фиксирует, что быть человеком – значит быть в мире, жить перед лицом смерти. Именно «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер) выступает показателем человеческого существования, оно обуславливает человеческое существование. Осознание смерти является не только постоянным источником напряжения и экзистенциальной тревоги, но оно также образует фон, на котором само бытие приобретает более глубокий смысл.

Однако человек в современной культуре утратил связь с основами бытия: в повседневных структурах сознания оппозиция жизни и смерти кажется жесткой и безоговорочной. Человек, безусловно, так и живет – к смерти, но не осмысливает, не переживает это, то есть в настоящее время представление о конечном оказалось утрачено. Более того, происходит попираание основ человеческого существования. Поэтому, на взгляд автора, человек познал антропологический, духовный, социальный, демографический, экологический и другие кризисы.

Экзистенциальная философия зафиксировала эту абсурдность современного существования и, пожалуй, отчетливее и принципиальнее других апеллировала к смерти, реабилитировав ее как онтологическое основание человеческой

жизни. Экзистенциализм рассматривает смерть как основной элемент, входящий в сущностную структуру самого бытия, пытается выявить позитивный смысл смерти, даже если она и абсурдна. Вот поэтому и следует обратиться к работе М. Хайдеггера «Время и бытие» [1], основным концептуальным ядром которой является тезис о том, что «человеческое бытие есть «бытие-к-смерти», где смерть рассматривается как «ковчег Ничто», как «Нечто».

Бытие, по М. Хайдеггеру, существует в различных формах. Оно открывается прежде всего в своей множественности, в виде отдельных сущих. Человек как наличное бытие, как понимание бытия в образе предстояния смерти неотделим от человека как существа, который начинает умирать с рождения и не может иметь жизни без смерти.

Бытие-в-мире вводится М. Хайдеггером как экзистенциальное определение «Dasein». Dasein («существование», «наличие», «присутствие») – это не просто существование, относящееся к любой вещи, но речь идет о существовании человека, о его сути. Выясняется, что Dasein – это единство «я» и окружающего мира, единство субъекта и объекта, так как «в его бытии идет речь о бытии».

Хайдеггеровский тезис «временность – это смысл бытия сущего Dasein» является установ-

лением смысла бытия из его связи со временем («бытие есть время»). Открытым остается вопрос о границах трансценденции для конечного Dasein.

Естественная конечность Dasein – это его смертность, открывающаяся в настроении ужаса. Настроением ужаса для Dasein выразительно выявляется факт его существования как такового, в связи с возможностью его просто не-существования. Благодаря этому человеческое существование выступает как «бытие-к-смерти», а сам человек становится «заместителем Ничто». Причем, бытие-к-смерти не просто состояние сознания, но форма подлинного бытия, размещающая человека в экзистенциальном пространстве.

Действительное бытие, по утверждению М. Хайдеггера, раскрывается только в смерти: «В светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не Ничто. Ничто впервые ставит человеческое бытие перед сущим, и только на основе изначальной явленности Ничто человеческое присутствие способно подойти к сущему и вникнуть в него. ...сущность Ничто принадлежит нашему бытию» [1, с. 22–23]. Значит, человеческое бытие может выступать в отношении к сущему только потому, что выдвинуто в Ничто. Посредством Ничто человеческое присутствие всегда заранее выступает за пределы сущего в целом и это выступание за пределы сущего М. Хайдеггер называет трансценденцией [1, с. 22, 24].

Трактуя смерть как «ковчег Ничто», как Нечто, М. Хайдеггер ставит вопрос о сущности Ничто: «Что такое Ничто? ... мы заранее представляем Ничто как нечто, которое тем или иным образом «есть» – словно некое сущее. ... это Ничто пребывает как бытие.... Вместо... отказа от загадочной многозначности Ничто мы должны вооружить себя для единственной готовности – ощутить в Ничто вместительный простор того, чем всему сущему дарится гарантия бытия. Это – само бытие» [1, с. 18]. При этом М. Хайдеггер пишет: «Ничто есть полное отрицание всей совокупности сущего; но Ничто первоначальнее, чем Нет и отрицание» [1, с. 18–19]. Соответственно, Ничто не является ни простым отсутствием сущего, ни отрицанием в гегелевском смысле, а входит в осуществление самого бытия, вследствие чего оказывается необходимым элементом онтологической струк-

туры реальности, посредством которого человеческое бытие выступает как присутствие. Более того, Ничто обретает некий объективный (онтологический) статус, где Ничто – объективная данность, которая способна стимулировать человеческую деятельность. Из этого выясняется, что в философских построениях М. Хайдеггера эксплицитно прослеживается доминанта онтологического аспекта смерти в виду того, что именно она является существенным моментом вопрошания о смысле бытия.

Ничто выступает сущностной характеристикой человеческой экзистенции, так как выделяет каждого конкретного индивида из массы, из «неопределенно личного» (Man). Перспектива смерти оказывается тем двигателем, который приводит в действие механизм осознания собственной идентичности, поскольку, по утверждению М. Хайдеггера, без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы. Посредством Ничто обретается истинность и уникальность каждой человеческой жизни, «и назовем теперь смертных смертными не потому, что их земная жизнь кончается, а потому, что они осиливают смерть как смерть» [1, с. 324].

Возможность помыслить экзистенциальную способность к целостному бытию переключается с хайдеггеровским императивом «мышления до конца». Приняв императив подлинности – «мыслить до конца», Dasein берет на себя ответственность за необходимое должное существование целостного бытия. При этом понимание, следующее совестному зову, высвобождает в смерти возможность соответствовать экзистенции Dasein. Выясняется, что смерть, понятая как предельная возможность Dasein, акцентируется в качестве такого элемента структуры, в котором бытие концентрирует человеческое внимание на себе, в котором оно себя раскрывает. Иначе говоря, смерть не только обнаруживает человека в состоянии экзистенциального ужаса, но и выявляет самоидентичность личности с точки зрения осознания его востребованности бытием, его призвания к вопрошанию смысла. Смерть, с одной стороны, является воплощением конечности Dasein, с другой стороны, открывает истинный смысл этой конечности – это возможность быть-в-мире. Смерть, по М. Хайдеггеру, оказывается онтологическим компонентом человеческой жизни, она объективна для человека.

Таким образом, в хайдеггеровском проекте смерть – часть жизни, а сама жизнь есть бытие-

к-смерти. Бытие-к-смерти – это не просто состояние сознания, но фактор подлинного человеческого существования. Поэтому проблема заключается не только в том, чтобы мыслить человека в качестве независимого и обособившегося единства познавательных и ценностных возможностей, но в качестве временного, ограниченного своим сущностным предназначением «быть на земле».

Экзистенциализм, по мнению автора, явился в XX веке наиболее ярким выразителем актуализации темы смерти в контексте философско-онтологического и философско-антропологического знания. От полного невнимания и отчуждения темы смерти, фигурировавшей у философов Нового времени, экзистенциальная философия проделала путь к пониманию смерти как основы бытия, как того, что входит в сущностную структуру самого бытия, придавая человеческому существованию модус аутентичного присутствия.

Настоящее мышление живет в разломе бытия, «болезнью к смерти» (С. Кьеркегор). Оно причина самоумертвления, оно «я, которое умирает». Человек «болен сознанием смерти», «... ибо здесь болезнь со своим страданием ... – это как раз невозможность умереть» [2, с. 261]. Человеческое мышление оказывается единственным пространством, продуцирующим смерть, в результате чего предстает как мышление-к-смерти.

Попытка рассмотреть человеческое мышление как мышление-к-смерти не случайна, так как в философском дискурсе, начиная с Фалеса, Сократа, Платона и вплоть до экзистенциализма, акцентируется внимание на взаимосвязи человеческой рефлексии и проблемы смерти. Но именно в экзистенциальной парадигме (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель, Л. Шестов, Н. Бердяев) смерть становится необходимым элементом бытия, источником вопрошания смысла, границей, где находят сопряжение жизнь и смерть. Смерть есть факт жизни – вот универсальная истина экзистенциализма.

Следует обратить внимание на то, что понимание сущности человека у философов Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц) базируется на факте непримиримой борьбы мышления со смертью: действительно мыслителем является лишь тот, кто обладает мыслью, не знающей смерти (здесь, как видно, прослеживается явное противоречие с идеями со-

кратической философской школы, считающей, что истинные мыслители заняты, по сути, только одним – умиранием и смертью). Смерть как символ конечного существования изгоняется самой логикой мысли. В данном случае возможный опыт смерти видится как абсолютно внешний мыслящему существу именно потому, что событие смерти причисляется к эмпирическому ряду событийности и тем самым выводится за границу сознания начинающего размышлять. Мысль о смерти получает трансцендентальный статус, поскольку не может быть вообще мыслима, ибо она не дана в природном составе самого мышления. Начинаящий мыслить утрачивает чувство смерти (смерти «своей» и «других»), вследствие чего мысль рождается вопреки смерти. По этой причине смерть, по сути, нейтрализуется, так как является принципиально немислимой. Она не имеет никакого особого метафизического смысла и оказывается случайным столкновением человека с внешней (чуждой) силой, лежащей за пределами его жизни как разумного существа. В сущности, тот, кто «видит» смерть, имеет «неясное», «замутненное» восприятие.

Утверждая обратное, автор считает нужным обратиться к известному декартовскому тезису: «Я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*). Мышление, как модус человеческого существования, у Р. Декарта первично: я знаю о том, что я существую («живу», «есть»), только благодаря процессу мышления. Зная о своем существовании, человек мыслит себя в качестве смертного существа, ибо сама экзистенция – это осознание конечным своей конечности. В связи с чем декартовское «я мыслю» смещается в план экзистенциального бытия: я мыслю – я смертен, я мыслю через собственную смерть. Следовательно, то знание, что жизнь в силу тяготеющего над ней приговора несет в себе смерть, уже не дает возможности оттеснить смерть за пределы ментального континуума: смерть узурпирует пространство жизни, создаваемое мыслью.

Впрочем, хочется заметить, что Р. Декарт (как это ни парадоксально), изолируя смерть из сферы мысли, предоставляет ей широкие полномочия в реальной жизни. По его мнению, мысль, гарантированная бессмертием божественного происхождения, может ясно различать живое и мертвое, но никогда не переживет смерть сама.

Формированию сущностного представления о человеке способствует представление о вре-

мени, где последнее выступает формой самоощущения, переживания и осознания собственного бытия. Поэтому время не может быть для человека отвлеченно-теоретическим, чисто познавательным, оно затрагивает его реальное существование.

Человек ограничен в пространстве и времени, которые даются как трансцендентальные условия возможного опытного познания. Время, с одной стороны, открывает пространство для человеческих деяний, с другой стороны, наделяясь функцией энтропии, превращается во временность, которая выступает неизменным атрибутом человеческой экзистенции. Поэтому время – «болезнь», «болезнь к смерти». Но время все же двойственно, так как оно одновременно создает условия для творчества и самосозидания. Сама проблема времени становится бессмысленной без существа его воспринимающего (без субъекта), ибо переживаемое человеком время и будет смыслом временности как таковой.

Христианство, по мнению автора, интенсифицировало время. Эта интенсификация времени означала возможность выхода из мгновения времени к вечности. Речь, конечно же, идет не об отчужденном, бесконечном времени, а о времени личностном. Такое мгновение уже не просто отрезок времени, но качественно своеобразно и индивидуально. Именно через время, согласно христианской теологии, раскрывается смысл бытия – *vita mortua* (от лат. – «смертная жизнь»), и этим обосновывается динамизм истории.

Августин Аврелий в «Исповеди» [3] задает своеобразный алгоритм проблемы смерти, которая имманентно переплетается с другой проблемой – проблемой времени, через которую только и возможно познать тайну смерти. Идея смерти здесь возникает из последовательного рассмотрения существа времени, поскольку знаменитые рассуждения Августина об отсутствии момента непосредственного перехода «в смерть» прямо связаны с интерпретацией идей временности и вечности.

Вообще, для хроноцентристской концепции характерно понимание смерти как безусловного органического конца человеческого существования. Отдавая предпочтение модели естественной смерти, традиционная концепция, отсылающая к христианской модели времени, раз-

мещает смерть в конце жизненного пути. Хроноцентристская мысль, отождествляя при этом время исключительно со временем жизни, следовательно, со временем мышления, идентифицирует смерть с чисто внешним и неведомым состоянием окончания времени, наступающим в силу естественного истощения витальности.

Иначе говоря, смерть представляется неизбежным концом не сама по себе, а в силу предельности жизни. Традиционная парадигма, в связи с этим, стремится увидеть позитивный момент смерти именно в ее своевременности и мгновенности.

Из сказанного выясняется, что временное структурирование бытия, намечающее векторы ориентирования, выявляет суть человеческого присутствия – его временность, конечность. Это несомненно и неминуемо. Имея действительное представление о способах своего существования, каждый конкретный индивид заново открывает для себя эту непреложную истину, так как никто из живущих не в состоянии избежать разрыва сознательных отношений со временем и пространством. Осознание смерти, с одной стороны, предстает как проекция знаний человека о самом себе, с другой стороны, конституирует положение человека в бытии не только как временного, но как неповторимого и самостоятельного существа.

Таким образом, можно констатировать, что знание о смерти, детерминированное рефлексивной формой сознания, является сущностной характеристикой человеческого бытия. Смерть вписана в жизненный цикл в качестве предела человеческого существования и постоянно воспроизводится в виде онтологического элемента самой жизни. Поэтому осознание смерти есть осознание жизни, взятой в ее предельном проявлении. Человек как временное существо живет временем умирания, временем бытия-к-смерти и, исходя из этого, выступает реальным воплощением диалектического единства жизни и смерти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор // Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – С. 251–351.
3. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий; пер. с лат. – М.: КАНОН+, 1997. – 462 с.

ББК С 59 (2 Рос – 4 Вор)

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, О. И. Ситникова, В. В. Токарев

**ОБЩАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ АКТУАЛЬНОСТИ
ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РЕГИОНЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru, onadine@mail.ru,
sitn55@rambler.ru, chief@socio-research.ru

В статье рассматривается динамика оценки актуальности проблем жителями Волгограда и области, предпринятая по результатам четырех исследований за последние пять лет. Выделены наиболее устойчивые проблемы, не претерпевшие изменений, а также территориальные особенности оценки проблем жителями Волгограда (урбанизированной территории) и области.

Ключевые слова: регион, социальные, политические, экономические проблемы, динамика показателей.

N. V. Dulina, N. A. Ovchar, O. I. Sitnikova, V. V. Tokarev

**PUBLIC ESTIMATION OF THE DEGREE OF TIMELINESS OF SOCIO-ECONOMIC
AND SOCIO-POLITICAL PROBLEMS IN THE REGION**

Volgograd State Technical University

The article discusses the dynamics of estimation the actuality of the problems by residents of Volgograd and region, undertaken on the results of four studies over the past five years. The most stable problems and territorial features of estimation of the problems the residents of Volgograd (urban area) and region is found out.

Keywords: region, social, political, economic problems, dynamic performance of indicators.

Одной из задач социологического исследования «Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области», выполненного при участии авторов в ноябре-декабре 2010 г., было выявление оценки степени актуальности основных социально-экономических и социально-политических проблем. Авторы полагают, что обращение к анализу данных проблем представляет интерес не только с научной, но и с практической точки зрения. Учеными не единожды показано, что в сложных условиях развития социальной системы именно человек способен придать экономике инновационный характер, структурный динамизм, высокое качество, определяет направление вектора движения и институциональные формы. Однако для того, чтобы осмысливать и планировать будущее, человек должен ощущать себя в безопасности (экономической, политической и т. д.) в своем настоящем, в своей повседневной жизни.

Предваряя изложение полученных данных, следует представить технические параметры проведенного исследования. В массив для обработки полученных данных было включено

1637 анкет. Максимальная статистическая погрешность вероятностной выборки такого объема при доверительном уровне 0,95 составляет 2,4 %. Квотирование выборки проводилось по признакам «пол респондента», «возраст респондента» и «тип поселения» (Волгоград, города областного подчинения, районные центры – города, районные центры – сельские населенные пункты, малые города и ПГТ (не районные центры), сельские населенные пункты). Для отбора респондентов к участию в исследовании использовалась маршрутная технология. Опрос проходил в 49 населенных пунктах Волгоградской области. Использованная процедура отбора респондентов позволила обеспечить высокую репрезентативность выборки (соответствие между распределением респондентов в выборке и распределением жителей Волгоградской области) по всем контролируемым признакам, за исключением последнего – территории проживания.

Так как в исследовании была использована стратифицированная выборка, при проведении анализа данных было выполнено перевзвешивание результатов по комбинации признаков

«избирательный округ», «тип населенного пункта», «пол» и «возраст». При проведении процедуры перевзвешивания использовались данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области о распределении населения Волгоградской области по территории проживания и данные избирательной комиссии Волгоградской области о числе избирателей по районам области по состоянию на 1 января 2010 г.

Кроме того, следует обратить внимание, что в исследовании была использована комплексная методика, сочетающая в себе процедуры как количественного (массовый опрос населения), так и качественного (проведение фокус-групповых дискуссий) исследований. Как показывает практика, использование комплексных методик сбора социальной информации позволяет представить более объективную картину происходящих процессов.

Итак, в ходе выполненного исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, какие проблемы города (села, поселка), представленные в списке, более всего беспокоят их в настоящее время. В табл. 1 приведен перечень проблем, который предлагался респондентам для оценки. Респонденты оценивали важность решения проблем по десятибалльной шкале (10 – чрезвычайно важная проблема, 1 – совсем не важная проблема). Общие результаты статистической обработки ответов респондентов на этот вопрос интервью представлены в табл. 2 и на рис. 1. Ниже приведено описание представленных показателей и даны основные правила их интерпретации:

1. **Число наблюдений.** Все показатели, представленные в табл. 2, рассчитывались только по результативным ответам респондентов. Варианты ответа «Затрудняюсь ответить» и «Отказ» при обработке в расчет не принимались. В графе «Число наблюдений» приведено общее количество результативных ответов, по которым производился расчет.

2. **Среднее значение.** Среднее арифметическое значение полученных оценок. Чем больше среднее значение, тем выше важность проблемы. Наибольшие средние значения имеют такие проблемы, как низкий уровень зарплат и пенсий (B4) – 8,68, роста цен на продукты и товары первой необходимости (B6) – 8,63, проблема роста цен на услуги ЖКХ (B7) – 8,35. Наименьшее же среднее зна-

чение имеют проблемы межнациональных отношений (B25) – 5,56, несвоевременность выплат заработной платы, пенсий и пособий (B5) – 5,52 и самое маленькое значение имеет проблема работы общественного транспорта (B11) – 4,9. В некоторых случаях показатель не отражает всю полноту картины. Например, если бы половина опрошенных оценили важность проблемы на 1, а вторая половина на 10, то показатель был бы равен 5,5. Это не дает полного представления о реальности. Вместе со средним используются другие статистические показатели.

3. **Стандартное отклонение.** Стандартное отклонение является мерой изменчивости ответов респондентов и может использоваться для общей характеристики единства мнений по тому или иному вопросу. Чем больше значение стандартного отклонения, тем больший разброс мнений наблюдается в полученном массиве ответов. Как видно из табл. 2, значение стандартного отклонения по наиболее актуальным проблемам (уровень зарплаты – 2,09, рост цен на продукты и товары первой необходимости – 2,14 и проблема роста цен на услуги ЖКХ – 2,35) существенно ниже, чем для других проблем (например, проблемы межнациональных отношений – 3,28).

4. **Границы 95 % доверительного интервала.** Для того, чтобы некоторым образом распространить результаты опроса с выборочной совокупности на генеральную совокупность, используются доверительные интервалы. Показатель позволяет сравнивать между собой проблемы по степени их актуальности. Так, например, нельзя говорить о том, что проблема экологии волнует жителей больше, чем кризис морали и нравственности, так как их доверительные интервалы пересекаются: проблема «B19 – экология» – [7,25; 7,57], кризис морали и нравственности (B21) – [6,95; 7,28]. Если же значения доверительных интервалов не пересекаются, то можно делать вывод о большей актуальности той или иной проблемы. В качестве примера можно сравнить доверительные интервалы проблем безработицы (B1), уровень зарплат, пенсий (B4) и благоустройство и чистота в городе (B9). В данном случае можно с уверенностью говорить о том, что проблема низкого уровня зарплат и пенсий волнует жителей области больше, чем проблемы плохого благоустройства города (села) и роста безработицы.

Таблица 1

Общий перечень проблем, важность которых оценивалась при проведении исследования

Код	Краткое наименование	Полная формулировка
B1	B1 – работа	Нехватка рабочих мест, безработица
B2	B2 – экономика	Падение производства, развал экономики
B3	B3 – село	Упадок сельского хозяйства
B4	B4 – зарплата	Низкий уровень зарплаты, пенсий
B5	B5 – задержки выплат	Несвоевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий
B6	B6 – рост цен	Рост цен на продукты и товары первой необходимости
B7	B7 – цены ЖКХ	Повышение цен на услуги ЖКХ
B8	B8 – жилье	Жилищная проблема
B9	B9 – благоустройство	Благоустройство, чистота города (села, поселка)
B10	B10 – ЖКХ	Жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т. п.)
B11	B11 – транспорт	Работа общественного транспорта
B12	B12 – медицина	Медицинское обслуживание (качество, платность)
B13	B13 – образование	Качество и доступность высшего и среднего образования
B14	B14 – досуг	Развитие культуры и спорта, организация досуга
B15	B15 – молодежь	Проблемы молодежи, подрастающего поколения
B16	B16 – наркотики	Наркомания и наркоторговля
B17	B17 – криминал	Проблема преступности, обеспечения личной безопасности граждан
B18	B18 – пьянство	Пьянство, алкоголизм
B19	B19 – экология	Загрязнение окружающей среды, экология
B20	B20 – коррупция	Произвол, бездействие властей, коррупция
B21	B21 – мораль	Кризис морали, нравственности
B22	B22 – бомжи	Увеличение числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей
B23	B23 – милиция	Произвол милиции, ГАИ БДД
B24	B24 – отношения	Отношения между людьми, озлобленность
B25	B25 – национальности	Проблема межнациональных отношений

Примечание. В таблице представлены расшифровки сокращений, принятых для удобства.

5. **Медиана и квартили.** Медиана представляет собой середину упорядоченного по возрастанию значений ряда ответов респондентов. В настоящем исследовании медианы по 5 из 25 проблем равны 10. Это значит, что половина опрошенных оценила важность этих проблем на 10 или менее баллов. Такой же, по сути, смысл имеют и квартили. **Нижний квартиль** является границей 25 % наиболее низких ответов (в настоящем исследовании 25 % респондентов оценили важность проблемы работы общественного транспорта не выше, чем на «1», а важность одной из наиболее актуальных проблем – размер заработной платы (B4) не выше, чем на «8»). **Верхний квартиль** «отсекает» 75 % наблюдений – 75 % респондентов оценили актуальность всех проблем не ниже,

чем на «10», за исключением четырех проблем – работы общественного транспорта (верхний квартиль равен 7), развития культуры и организации досуга (верхний квартиль равен 9), задержки зарплат и пенсий (верхний квартиль – 9) и проблемы межнациональных отношений (верхний квартиль – 9). Таким образом, квартили являются мерами изменчивости, которые показывают вариацию оценок внутри группы относительно медианы. Если проанализировать всю совокупность показателей, например, по проблемам задержки выплат заработной платы (B5) и проблеме межнациональных отношений (B25), то можно сделать вывод, что эти проблемы оцениваются жителями области неоднозначно (высокое стандартное отклонение).

Анализ данных, представленных в табл. 2, позволяет выделить пять наиболее актуальных для жителей Волгоградской области проблем:

– низкий уровень зарплаты, пенсий (среднее – 8,68);

– рост цен на продукты и товары первой необходимости (среднее – 8,63);

– рост цен на услуги ЖКХ (среднее – 8,36);

– пьянство и алкоголизм (среднее – 8,35);

– нехватка рабочих мест, безработица (среднее – 8,02).

Таблица 2

Результаты статистической обработки оценок важности социально-экономических проблем

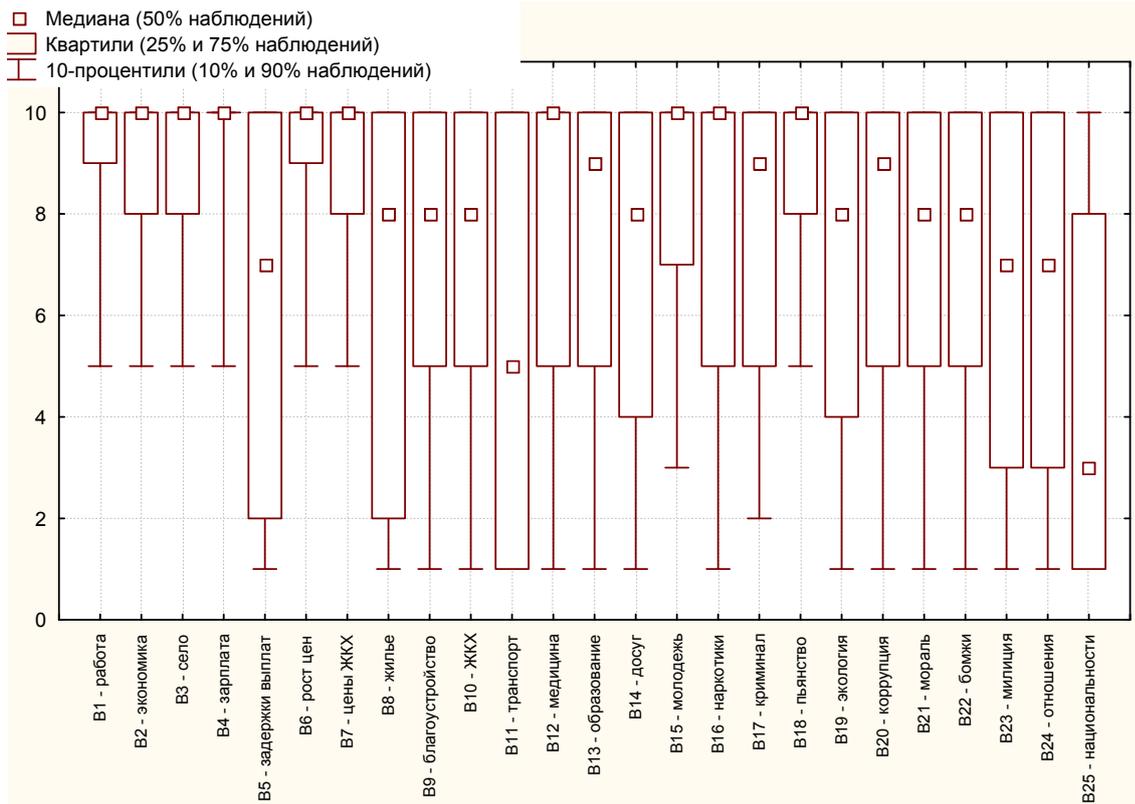
Социально-экономические проблемы	Число наблюдений	Общие статистики			95 % доверительный интервал		Квартили	
		Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Нижняя граница	Верхняя граница	Нижний квартиль	Верхний квартиль
B1 – работа	1573	8.03	2.67	10	7.90	8.16	6	10
B2 – экономика	1536	7.55	2.88	9	7.41	7.70	6	10
B3 – село	1531	7.88	2.78	9	7.74	8.02	6	10
B4 – зарплата	1600	8.63	2.20	10	8.52	8.74	8	10
B5 – задержки выплат	1520	5.31	3.51	5	5.14	5.49	2	9
B6 – рост цен	1607	8.59	2.14	10	8.48	8.69	8	10
B7 – цены ЖКХ	1602	8.28	2.44	10	8.16	8.40	7	10
B8 – жилье	1527	6.50	3.32	7	6.33	6.66	4	10
B9 – благоустройство	1560	6.76	2.83	7	6.62	6.90	5	10
B10 – ЖКХ	1547	6.36	3.15	7	6.20	6.51	4	10
B11 – транспорт	1512	4.55	3.23	4	4.39	4.72	1	7
B12 – медицина	1577	7.67	2.80	9	7.54	7.81	6	10
B13 – образование	1509	6.30	3.16	7	6.14	6.46	4	10
B14 – досуг	1509	6.06	3.04	6	5.90	6.21	4	9
B15 – молодежь	1546	7.52	2.76	8	7.38	7.66	5	10
B16 – наркотики	1540	7.75	3.04	10	7.60	7.90	6	10
B17 – криминал	1569	7.70	2.76	9	7.56	7.83	6	10
B18 – пьянство	1587	8.37	2.40	10	8.25	8.49	7	10
B19 – экология	1561	7.30	2.89	8	7.16	7.45	5	10
B20 – коррупция	1550	7.62	2.82	9	7.48	7.76	6	10
B21 – мораль	1489	6.91	2.94	7.5	6.76	7.06	5	10
B22 – бомжи	1532	6.89	2.98	8	6.74	7.04	5	10
B23 – милиция	1528	6.75	3.17	8	6.60	6.91	5	10
B24 – отношения	1546	6.70	3.00	7	6.55	6.85	5	10
B25 – национальности	1452	5.41	3.32	5	5.24	5.59	2	8

Примечание. Данные, приведенные в таблице, представляют собой результаты обработки балльных (от 1 до 10) оценок важности различных проблем. Таблица построена по результатам обработки полученных данных с учетом перевзвешивания.

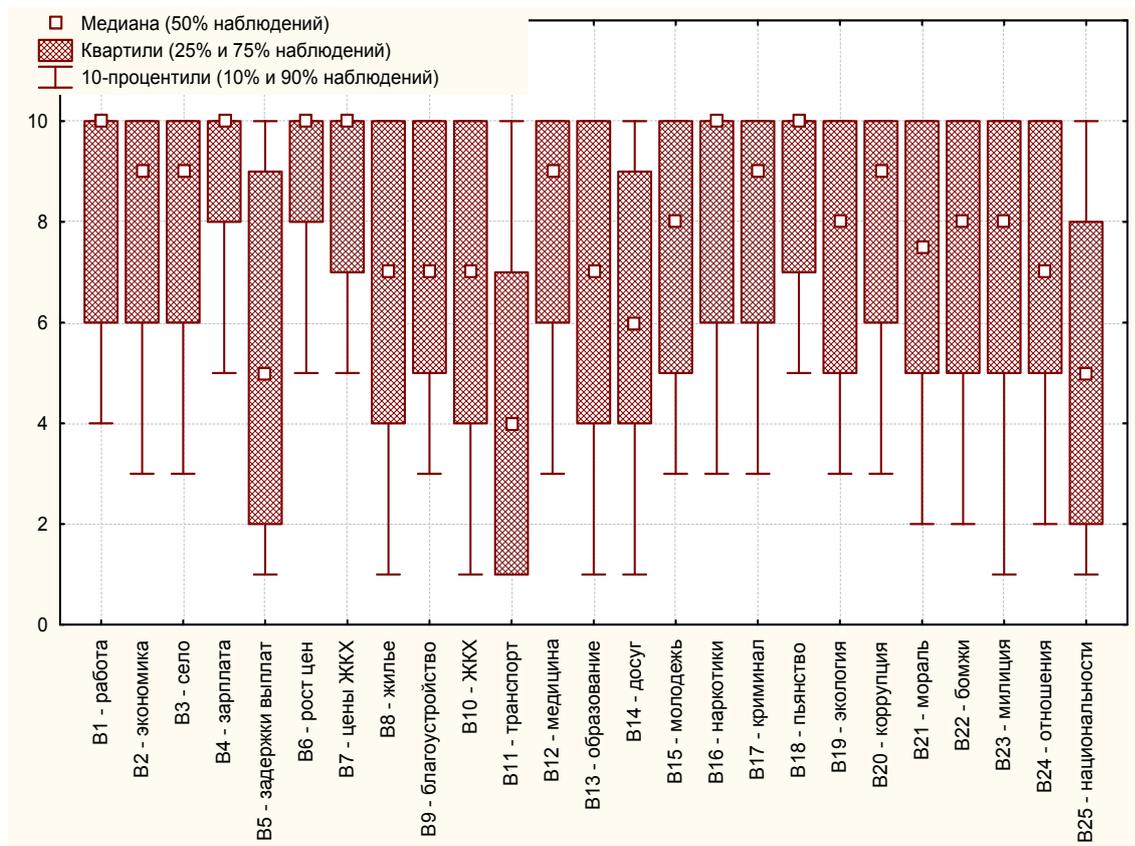
Диаграммы, представленные на рис. 1, позволяют определить, как изменилась к настоящему времени актуальность проблем по сравнению с 2005 г. Такой тип диаграмм обычно называется «диаграммой размаха» или диаграммой «ящички-усы».

Диаграмма «ящички-усы» (см. рис. 1) состоит

из следующих отметок: медиана (точка внутри «ящичка»), 25 %-й квартиль (нижняя граница «ящичка»), 75 %-й квартиль (верхняя граница «ящичка»), 10 %-й процентиль (нижний «ус») и 90 %-й процентиль (верхний «ус»). Значениям данных точек соответствуют значения на вертикальной оси («Оценка степени важности»).

а

б

Рис. 1. Оценка населением степени важности основных социально-экономических проблем в 2005 (а) и 2010 (б) годах

Анализ данных, представленных на диаграммах, позволяет заметить, что увеличился разброс оценок по таким проблемам, как проблема безработицы, общего уровня развития экономики и низкого уровня зарплат и пенсий. В 2005 г. проблема уровня заработной платы была более значимой, чем в настоящее время. В то же время резко возросла значимость проблем наркомании, преступности, экологии, безработицы и коррупции (разница между нижним и верхним значением квартили уменьшились).

Следует отметить и тот факт, что во время проведения фокус-групповых дискуссий участниками также был упомянут схожий список проблем. Наиболее актуальными социально-экономическими и социально-политическими проблемами для респондентов оказались проблемы медицины, безработицы, роста цен, коррупции, проблема низкой заработной платы, высоких налогов, экологии и плохого качества дорог.

Медицина, абсолютно я ей не доверяю нашей медицине. С коррупцией постоянно сталкиваюсь. Дороги. Ну, и низкое качество продукции.

Конкретно я сталкиваюсь с проблемой безработицы. Очень сложно найти работу студенту, обучающемуся на очной форме.

Это еще новый год не наступил, а там еще должны тарифы повысить (про ЖКХ).

Тоже низкая зарплата, тоже рост цен, и все-таки проблемы с дорогами. Для меня это близко, т. к. я водитель все же.

Низкая зарплата – касается всех, наверное, отраслей, где люди работают: и медицины, и детских садов. Ну, всех отраслей.

Для меня, на данный момент, в первую очередь – дороги. Потом, отсутствие культурно-развлекательных мест и, может быть, организация досуга.

На налоги все жалуются. Вот ЖКХ это – конкретно. Коррупция. Куда не сунешься, без денег не решишь вопроса.

И не важно хоть ты носками детскими торгуешь, хоть, не знаю, шубами, ну обязательно, но чем-то покрупнее, а налоги одинаковые.

По экологии, мне кажется, ничего не делается вообще. Во всяком случае, я что-то ничего не слышала, чтоб на это что-то выделили.

Детальный анализ динамики актуальности

проблем можно провести, опираясь на данные, представленные в табл. 3, которые позволяют оценить изменения актуальности основных социально-экономических проблем. Ранги в июне 2002 г. приведены по результатам исследования «Экономико-политическая ситуация в региональных округах Волгоградской области». В столбце «Динамика актуальности» содержатся сведения об изменениях рангов проблем. Так, например, символ «↑3» означает повышение ранга (увеличение актуальности) проблемы на три позиции, обозначение «↓10» говорит о снижении актуальности на 10 позиций и т. д.

Если сопоставлять изменения актуальности проблем между собой, то заметно, что в значительной степени, по сравнению с 2002 г., повысилась значимость таких проблем, как загрязнение окружающей среды, кризис морали и нравственности, озлобленность в отношении между людьми и пьянство. В то же время проблема несвоевременной выплаты заработной платы и пенсий значительно снизила свою актуальность по сравнению с 2002 г. (с 12 позиции спустилась до 24). Также население Волгоградской области считает, что такие проблемы, как жилищная проблема, жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т. п.), упадок сельского хозяйства и падение производства перестали быть значимыми. Среди всего списка проблем есть и такие, значимость которых остается практически неизменной: проблема низкого уровня зарплат, проблема межнациональных отношений, рост цен на продукты и товары первой необходимости, произвол милиции. В проблеме работы общественного транспорта уже на протяжении восьми лет отмечается явная стагнация и она также остается самой неактуальной.

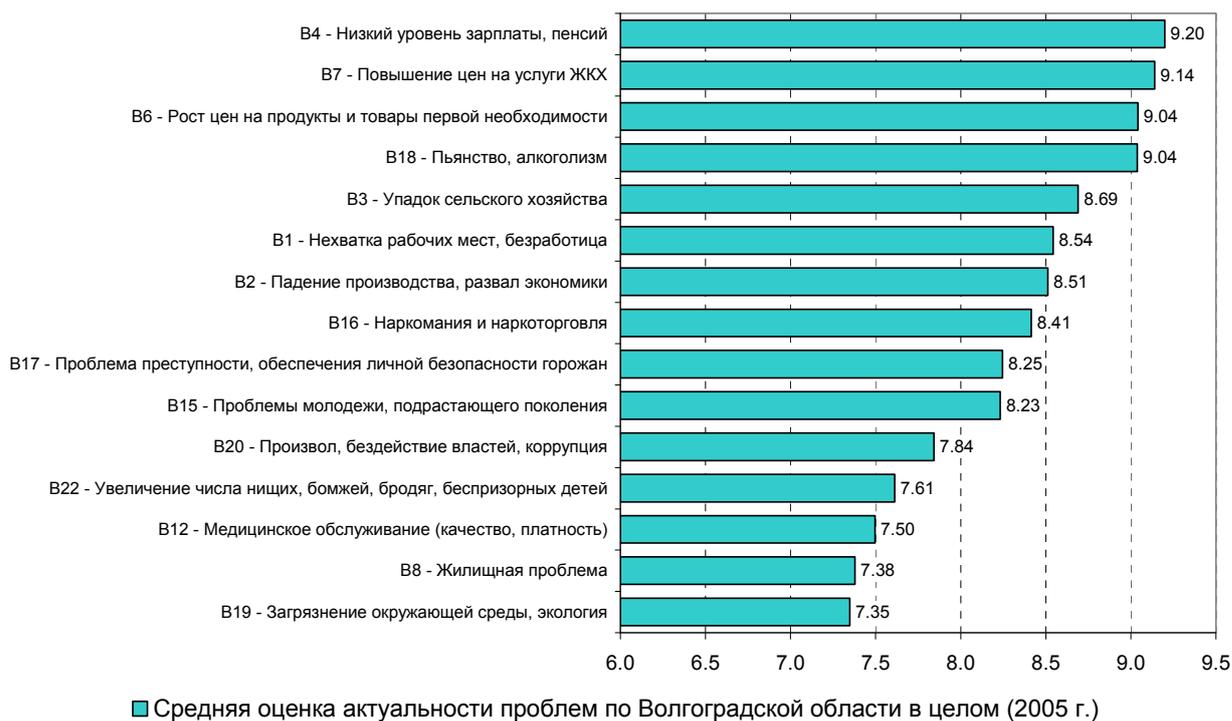
Следует также заметить, что актуальность проблемы преступности, обеспечения личной безопасности граждан, по сравнению с 2008 г., в значительной степени увеличилась.

Таким образом, следует сделать вывод, что по сравнению с 2002 г., жителей Волгоградской области помимо экономических стали волновать социальные проблемы, такие как пьянство, алкоголизм, наркомания. Население также обеспокоено проблемой подрастающего поколения и проблемой преступности.

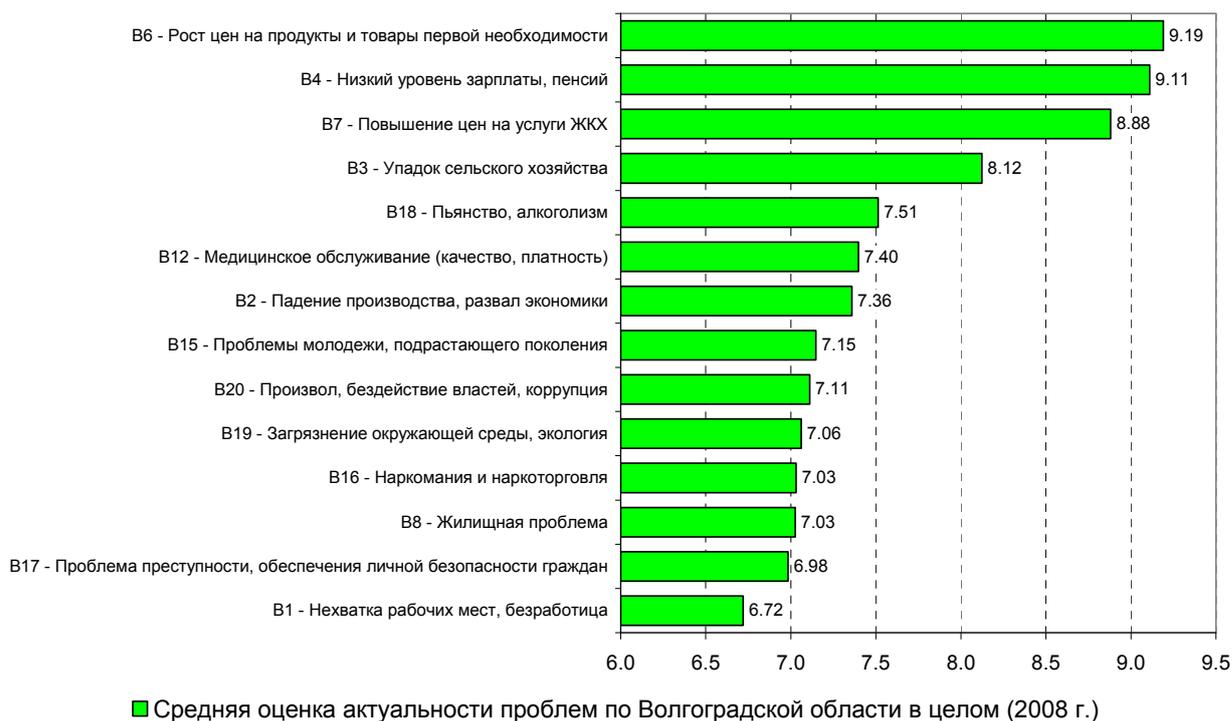
Таблица 3

Динамика актуальности основных социально-экономических проблем Волгоградской области

Социально-экономические проблемы	Ранговая оценка важности проблем					Динамика актуальности проблем			
	Июль 2002 г.	Ноябрь 2003 г.	Июль 2005 г.	Февраль 2008 г.	Ноябрь 2010 г.	Ноябрь 2003 г. в сравнении с июнем 2002 г.	Июль 2005 г. в сравнении с ноябрем 2003 г.	Февраль 2008 г. в сравнении с июлем 2005 г.	Ноябрь 2010 г. в сравнении с февралем 2008 г.
V1 – Нехватка рабочих мест, безработица	3	10	6	14	5	↓7	↑4	↓8	↑9
V2 – Падение производства, развал экономики	7	8	7	7	11	↓1	↑1	0	↓4
V3 – Упадок сельского хозяйства	6	7	5	4	6	↓1	↑2	↑1	↓2
V4 – Низкий уровень зарплаты, пенсий	1	1	1	2	1	0	0	↓1	↑1
V5 – Несвоевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий	12	22	23	24	24	↓10	↓1	↓1	0
V6 – Рост цен на продукты и товары первой необходимости	2	2	3	1	2	0	↓1	↑2	↓1
V7 – Повышение цен на услуги ЖКХ	4	6	2	3	4	↓2	↑4	↓1	↓1
V8 – Жилищная проблема	13	20	14	12	19	↓7	↑6	↑2	↓7
V9 – Благоустройство, чистота города (села, поселка)	14	17	19	19	16	↓3	↓2	0	↑3
V10 – Жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т. п.)	15	21	18	22	20	↓6	↑3	↓4	↑2
V11 – Работа общественного транспорта	25	25	25	25	25	0	0	0	0
V12 – Медицинское обслуживание (качество, платность)	5	9	13	6	9	↓4	↓4	↑7	↓3
V13 – Качество и доступность высшего и среднего образования	19	18	17	16	21	↑1	↑1	↑1	↓5
V14 – Развитие культуры и спорта, организация досуга	20	23	20	21	22	↓3	↑3	↓1	↓1
V15 – Проблемы молодежи, подрастающего поколения	11	12	10	8	12	↓1	↑2	↑2	↓4
V16 – Наркомания и наркоторговля	10	5	8	11	7	↑5	↓3	↓3	↑4
V17 – Проблема преступности, обеспечения личной безопасности горожан	8	3	9	13	8	↑5	↓6	↓4	↑5
V18 – Пьянство, алкоголизм	9	4	4	5	3	↑5	0	↓1	↑2
V19 – Загрязнение окружающей среды, экология	21	14	15	10	13	↑7	↓1	↑5	↓3
V20 – Произвол, бездействие властей, коррупция	16	11	11	9	10	↑5	0	↑2	↓1
V21 – Кризис морали, нравственности	23	15	16	15	14	↑8	↓1	↑1	↑1
V22 – Увеличение числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей	17	13	12	17	15	↑4	↑1	↓5	↑2
V23 – Произвол милиции, ГИБДД	18	16	21	18	17	↑2	↓5	↑3	↑1
V24 – Отношения между людьми, озлобленность	22	19	22	20	18	↑3	↓3	↑2	↑2
V25 – Проблема межнациональных отношений	24	24	24	23	23	0	0	↑1	0

а

б

Рис. 2. Средние оценки важности пятнадцати основных социально-экономических проблем (вся Волгоградская область): а – оценка важности проблем по данным 2005 г.; б – оценка важности проблем по данным 2008 г.

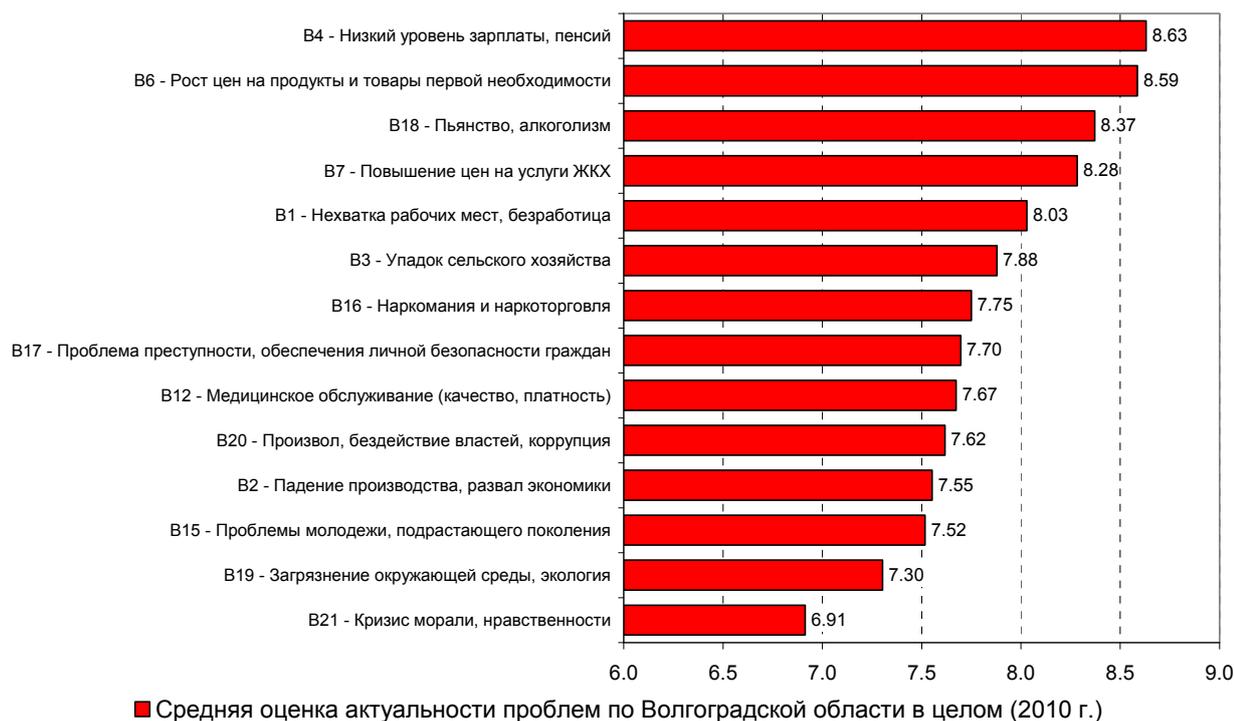

Рис. 3. Средние оценки важности пятнадцати основных социально-экономических проблем (вся Волгоградская область, ноябрь 2010 года)

Анализ данных, представленных в табл. 3–4 и на рис. 2–4, позволяет утверждать, что по сравнению с данными, полученными в исследовании 2005 г., в нижнюю часть списка наиболее актуальных проблемы перемещаются проблемы кризиса морали и нравственности, проблема загрязнения окружающей среды и коррупция. Это означает, что актуальность этих проблем значительно повысилась. Нужно отметить, что проблема наркомании в 2010 г. вернулась на уровень 2005 г. На первом плане актуальные проблемы остаются практически неизменными, в частности, можно говорить о выходе на первый план проблем, связанных с уровнем цен (в том числе цен на услуги ЖКХ), заработной платы и пособий. Проблема пьянства и алкоголизма, а также проблема безработицы стали для населения Волгоградской области наиболее актуальными в 2010 г.

В список пятнадцати наиболее значимых проблем не попали проблемы культуры (например, проблема отношений между людьми, озлобленности, проблемы развития культуры и спорта). Из всех проблем такого рода в списке по-прежнему присутствуют проблемы молодежи и подрастающего поколения, а также в 2010 г. снова появилась проблема кризиса морали и нравственности.

Проблемы первого плана – это проблемы экономического характера. Неурегулирован-

ность ситуации в этой сфере ощущается жителями области ежедневно, этим и объясняется концентрация внимания населения на этих проблемах. Значимость этих проблем будет оставаться высокой по причине того, что реформирование экономических и правовых институтов общества еще не закончено.

На рис. 4 представлены диаграммы, позволяющие провести анализ проблемного спектра различных территорий. В полном виде полученные данные приведены в табл. 4.

Для четкого понимания спектра наиболее актуальных социально-экономических и социально-политических проблем в зависимости от территории исследования была составлена табл. 4. Анализ различий между территориями исследования в спектрах наиболее актуальных социально-экономических проблем, позволил выделить следующие особенности:

- Для жителей Волгограда три основные экономические проблемы (рост цен на товары и услуги, повышение цен на услуги ЖКХ, низкий уровень зарплат) имеют такую же актуальность, как для населения области в целом. Однако значительно бóльшую актуальность имеют проблемы, связанные с распространением наркомании и наркоторговли, преступности, произволом и коррупцией. Также весьма актуальны для Волгограда проблемы экологии, произвол милиции и увеличение числа нищих и бомжей.

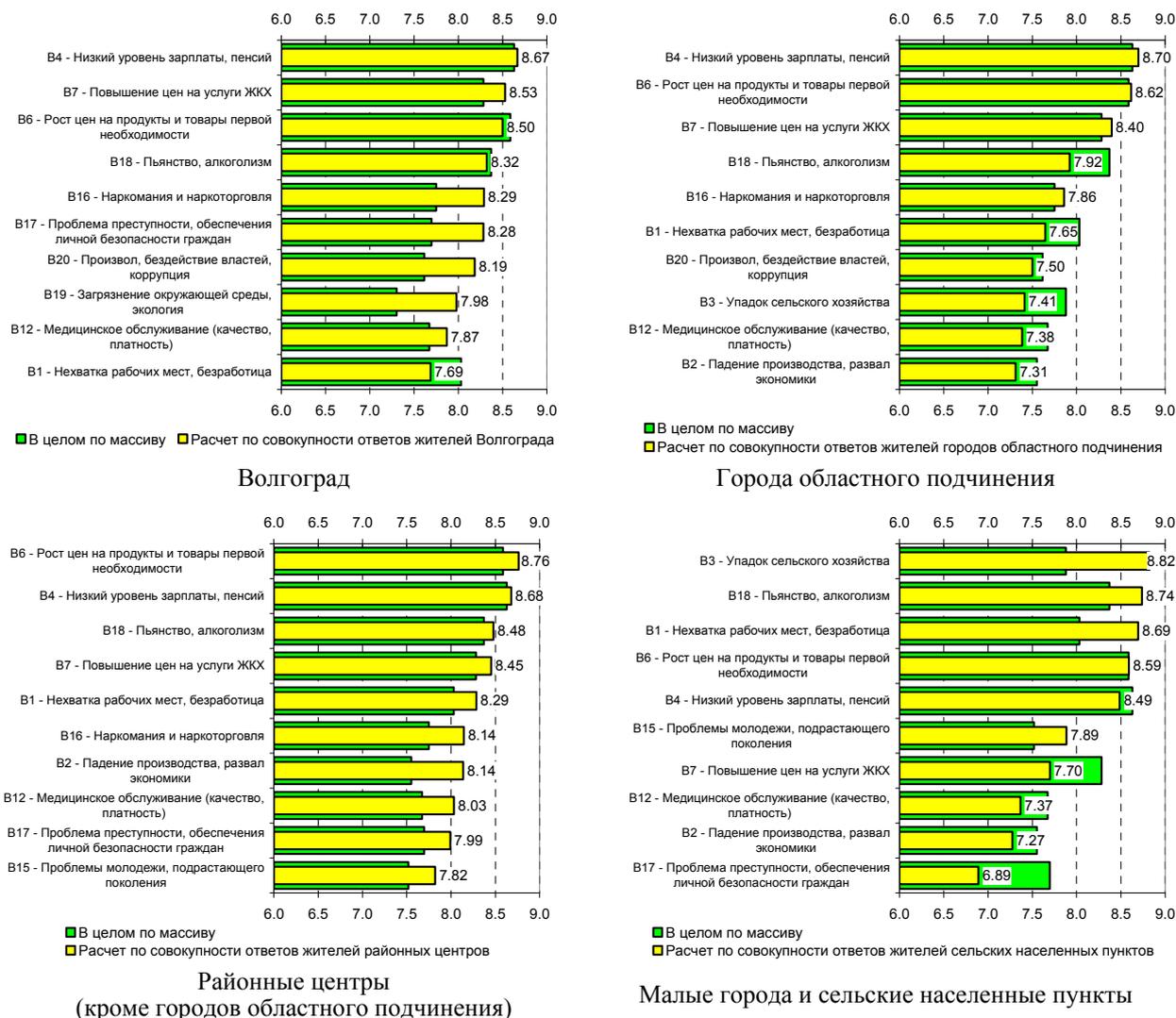

Рис. 4. Результаты выделения десяти проблем, наиболее актуальных для жителей различных видов поселений (2008 год)

Таблица 4

Средние оценки значимости социально-экономических проблем, полученные по результатам обработки ответов респондентов, проживающих в различных типах населенных пунктов

Социально-экономические проблемы	Тип населенных пунктов				
	Волгоград	Города областного подчинения	Районные центры	Малые города и сельские НП	В целом по массиву
B1 – Нехватка рабочих мест, безработица	7.69	7.65	8.29	8.69	8.03
B2 – Падение производства, развал экономики	7.61	7.31	8.14	7.27	7.55
B3 – Упадок сельского хозяйства	7.52	7.41	7.78	8.82	7.88
B4 – Низкий уровень зарплаты, пенсий	8.67	8.70	8.68	8.49	8.63
B5 – Несвоевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий	5.30	5.39	6.10	4.77	5.31
B6 – Рост цен на продукты и товары первой необходимости	8.50	8.62	8.76	8.59	8.59
B7 – Повышение цен на услуги ЖКХ	8.53	8.40	8.45	7.70	8.28
B8 – Жилищная проблема	6.79	6.13	6.80	6.12	6.50

Окончание табл. 4

Социально-экономические проблемы	Тип населенных пунктов				
	Волгоград	Города областного подчинения	Районные центры	Малые города и сельские НП	В целом по массиву
B9 – Благоустройство, чистота города (села, поселка)	7.24	5.82	7.19	6.43	6.76
B10 – Жилищно-коммунальное хозяйство (энерго-, водоснабжение, подача тепла и т.п.)	6.48	5.91	6.85	6.20	6.36
B11 – Работа общественного транспорта	4.60	4.25	5.38	4.19	4.55
B12 – Медицинское обслуживание (качество, платность)	7.87	7.38	8.03	7.37	7.67
B13 – Качество и доступность высшего и среднего образования	6.44	5.93	6.57	6.18	6.30
B14 – Развитие культуры и спорта, организация досуга	6.01	5.44	6.41	6.37	6.06
B15 – Проблемы молодежи, подрастающего поколения	7.45	6.91	7.82	7.89	7.52
B16 – Наркомания и наркоторговля	8.29	7.86	8.14	6.56	7.75
B17 – Проблема преступности, обеспечения личной безопасности граждан	8.28	7.31	7.99	6.89	7.70
B18 – Пьянство, алкоголизм	8.32	7.92	8.48	8.74	8.37
B19 – Загрязнение окружающей среды, экология	7.98	7.08	7.36	6.37	7.30
B20 – Произвол, бездействие властей, коррупция	8.19	7.50	7.74	6.72	7.62
B21 – Кризис морали, нравственности	7.23	6.51	7.51	6.35	6.91
B22 – Увеличение числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей	7.40	6.65	6.73	6.39	6.89
B23 – Произвол милиции, ГАИ БДД	7.44	6.23	6.86	6.00	6.75
B24 – Отношения между людьми, озлобленность	6.90	5.99	7.46	6.45	6.70
B25 – Проблема межнациональных отношений	5.86	4.75	6.08	4.81	5.41

- Для городов областного подчинения относительно более актуальны проблемы наркомании и наркоторговли, пьянства и алкоголизма, преступности и безработицы, а также медицинское обслуживание и экологическая проблема.

- Актуальность практически всех проблем из предложенного списка в сельских населенных пунктах несколько ниже, чем в городах. Наибольшие различия наблюдаются в отношении проблемы, связанной с безработицей, высокими ценами на продукты первой необходимости, пьянства и алкоголизма. В сельской местности, по сравнению со всем населением области, больше всего обеспокоены проблемой молодежи, подрастающего поколения.

- Для районных центров (не городов областного подчинения) наибольшую актуальность имеют проблемы низкого уровня заработных плат, медицинское обслуживание, пьянство, наркомания и наркоторговля.

- Качеством и доступностью высшего и среднего образования, а также проблемой развития культуры и спорта в значительной степени обеспокоены жители районных центров.

- Проблемный спектр, характерный для жителей районных центров, в целом близок к среднему по области проблемному спектру.

Таким образом, в настоящее время проблемный спектр Волгоградской области ближе к спектру проблем области, выявленному в 2005 г., чем для проблем 2002 г. Одна из причин этого – адаптация населения к современным условиям и, как следствие, перераспределение значимости проблем.

Итак, анализ актуальности социально-экономических проблем позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее актуальными проблемами для жителей области являются экономические проблемы, непосредственно затрагивающие интересы населения. К ним относятся: низкий уровень заработной платы; рост цен на услуги ЖКХ; рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, безработица.

2. Наиболее важными социальными проблемами являются проблемы пьянства, алкоголизма, наркомании, высокий уровень преступности, то есть проблемы, нерешенность кото-

рых ведет к снижению чувства защищенности населения. Проблемы, связанные со взаимоотношениями в обществе, вновь вернулись на первый план. В частности, это относится к проблеме озлобленности людей, кризису морали и нравственности.

3. Анализ изменений актуальности проблем, проведенный на материалах четырех исследований (2005–2010 гг.), показал, что наиболее устойчивыми являются экономические проблемы (проблема низкого уровня зарплат). При этом проблемы, связанные с регулярностью тех или иных выплат (заработных плат, пенсий, пособий), имеют в настоящее время не высокую актуальность. Характерно увеличение актуальности проблемы, связанной с нехваткой рабочих мест и безработицей, данная проблема близка к уровню 2005 г.

4. В ходе анализа были выявлены заметные территориальные различия в оценке актуальности проблем. Как и следовало ожидать, на фоне области выделяются высокоурбанизированные территории. Для них высокую значимость имеют проблемы ЖКХ (в первую очередь – высокие тарифы на услуги), рост цен, низкий уровень зарплат. Для сельских территорий достаточно остро стоит проблема безработицы. Также большую значимость имеют проблемы развития сельского хозяйства, пьянства и алкоголизма, меньшую значимость – проблемы наркомании и наркоторговли, а также проблемы загрязнения окружающей среды. В целом жители районных центров более высоко оценивали актуальность различных проблем, чем жители Волгограда и городов областного подчинения.

УДК 316.42
ББК 60.5

Е. В. Каргаполова

**СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам конкретного социологического исследования)***

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: k474671@mail.ru

На основе результатов конкретного социологического исследования в статье рассматриваются изменения в сфере социально-трудовых отношений одного из субъектов Российской Федерации – Астраханской области – в последние десятилетия.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, экономическая активность, структура занятости, иерархия мотивов трудовой деятельности, типы трудовой мотивации населения.

E. V. Kargapolova

**SOCIAL-LABOR RELATIONSHIPS IN THE ASTRAKHAN REGION
(BASED ON A SPECIFIC SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Astrakhan Engineering-Building Institute

Based on the results of specific sociological research this article reviews changes in social and labor relations of one of the subjects of the Russian Federation – Astrakhan region – in recent decades.

Keywords: social and labor relations, economic activity, employment structure, the hierarchy of motives for work, types of labor motivation of the population.

Процессы реформирования российского общества обуславливают неоднозначность и противоречивость ситуации в сфере социально-трудовых отношений. В условиях децентрализации хозяйственных связей и рынка труда исследование региональных аспектов занятости

населения является весьма актуальным. В данной статье источниками информации о характере и особенностях трудовых отношений в одном из субъектов РФ – Астраханской области – стали статистические данные, результаты регионального социологического исследования, проведенного в декабре 2009 г. по Типовой методике в рамках Всероссийской программы «Социокультурная эволюция регионов России» (Н. И. Лапин, Л. А. Беляева), включающего те-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 10-03-00696а «Перспективы социокультурного развития Астраханской области»).

матический блок по проблемам воспроизводства трудовых отношений в регионе, и компаративистский анализ результатов социологических исследований в других регионах России по аналогичной методике. Опрос (интервью по месту жительства) проводился по типу стратифицированной многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборке. Объем выборки составил 1000 человек, проживающих в 22 населенных пунктах области. Выборка является репрезентативной по половозрастной и территориально-поселенческой структуре.

Судя по результатам опроса населения региона, никогда не работали без письменного трудового договора после 1998 г. только 45,2 %; 16 % ответили, что работали или постоянно работают без договора; 15,2 % не помнят, оформляли ли они письменно свои трудовые отношения; 18,2 % отказались от ответа. В настоящее время имеют письменный договор 66,1 % опрошенных, 16,7 % работают без письменного договора, 17,2 % отказались отвечать на этот вопрос. Таким образом, статистические данные об уровне экономической активности населения – 67,8 % в 2009 г. [6, с. 108] – соотносятся с количеством работающих с оформлением трудового договора по результатам опроса (66,1 %). Можно предположить, что остальные, работающие без письменного договора и отказавшиеся отвечать на вопрос о письменном оформлении трудовых отношений, заняты в «теневом» секторе экономики. Учитывая темпы международной миграции в регионе, намного превышающие среднероссийские, можно также говорить о существенном сокращении официального уровня экономической активности коренного населения области. Только в Астраханской области, по результатам опроса, ценность работы находится в оппозирующем дифференциале в иерархии ценностей, то есть не поддерживается большинством населения, право на труд является одним из самых нарушаемых.

В структуре занятого населения большие изменения произошли под влиянием форм собственности в стране: количество занятых на государственных и муниципальных предприятиях снизилось за период 1995–2008 гг. на 9,6 % при увеличении работающих на предприятиях частного сектора на 15,6 %. Это отражает процессы по всей стране и оценивается «как «самый существенный макроэкономический сдвиг в структуре экономики и в занятости населения. Государство как главный собственник уступило

свои позиции частному бизнесу» [7, с. 740]. Но при этом численность занятых в частном секторе региона (58,3 %) продолжает оставаться одной из самых низких на Юге России (такой же показатель в Северной Осетии – Алании, несколько ниже – в Калмыкии (51,2 %), в Чечне (44,2 %) и Ингушетии (44,1 %) [8, с. 120].

Необходимо отметить, что мотивация работы на государственных предприятиях снижается (работают на государственных предприятиях 45,1 %, а хотят работать на государственных предприятиях – 44,6 % опрошенных; работают на частных предприятиях 40,3 %, а хотят работать на частных предприятиях – 73,4 % астраханцев). Это свидетельствует о значительном расхождении между реальным и желаемым положением дел в сфере занятости. Как отмечает Е. В. Андрианова, «люди хотели бы работать на частных предприятиях, но реальность не оправдывает их ожиданий. Что это: амбивалентность массового сознания или результаты незавершенности институциональных преобразований в регионе и в стране? Работники не вполне готовы к работе в условиях нестабильности внешней среды, существуют противоречия между состоянием рынка труда и системой мотивации работников» [1, с. 108].

Необходимо определить основное содержание доминирующих мотивов трудовой деятельности наемных работников в Астраханской области. Как видно из табл. 1, в иерархии трудовых мотивов населения региона преобладает желание иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (57,3 %). Этот результат коррелирует с данными исследований по РФ в целом и другим регионам России [см. 1, с. 108; 3, с. 158; 4, с. 110; 5, с. 80; 9, с. 15] и противоречит логике рыночных преобразований, является показателем не только сохраняющейся в сознании населения социалистической мотивации социальной защищенности, но и наличия существенных институциональных барьеров в сфере рыночных отношений. Как отмечает А. Л. Рокецкий, «гиперболизация этого мотива отрицательно сказывается на формировании других мотивов труда, например, мотивов самореализации личности, общественной престижности труда и др., что не соответствует ни социальным и духовным потребностям личности, ни современным требованиям общественного прогресса... Ретроспективный анализ социально-трудовых отношений показывает, что оказалась не реализо-

ванной одна из главных идей экономических реформ. Ее суть состояла в формировании новых стимулов и мотивов экономической активности населения, в создании возможностей собственным и, главное, свободным трудом обеспечить нормальную жизнь. Однако в силу известных причин отчуждение труда за годы экономических реформ не только не преодолено, но и усилилось. Люди дорожат своими рабочими местами, несмотря на резкое снижение цены рабочей силы, принудительное сокращение рабочего времени, задержки выплаты зарплаты, отправку в вынужденные отпуска и т. д.» [9, с. 15]. По мнению Н. И. Боечко и Е. В. Гараниной, «труд в глазах

большинства населения становится средством выживания, повышения материального или социального статуса, то есть в социологической терминологии инструментальной, а не терминальной ценностью» [3, с. 158].

Рыночные мотивы трудовой деятельности, проявляющиеся в желании быстрого заработка без гарантий на будущее и стремлении к созданию собственного бизнеса, демонстрируют 27,2 % опрошенных. Это один из самых низких показателей среди регионов России, участвовавших в опросе по типовой методике (показатель колеблется в опрошенных регионах в пределах 28–40 %) [5, с. 80].

Таблица 1

Иерархия трудовых мотивов населения Астраханской области (% от числа опрошенных, 2009)

Ранг ответа	Ответы на вопрос: «Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?»	Астраханская область
1	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	47,3
2	Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14,7
3	Иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск	12,5
4	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10
5	Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	5,4
6	Затруднились ответить, отказ от ответа	10,1
	Итого	100

Среди причин сохранения профессии у населения региона (табл. 2) преобладают привычка (20,1 %) и отсутствие всякой альтернативы к смене места работы (20,1 %). Часто встречающимся мо-

тивом служит интерес к работе (16,2 %), а также престижность и полезность работы (13,1 %). Менее распространенными являются меркантильные интересы (8,6 %) и инертность (7,8 %).

Таблица 2

Если Вы после 1998 г. сохранили свою работу, профессию, то почему?

Ранг ответа	Причины сохранения работы	Процент от числа ответивших
1–2	Мне некуда уходить, другой работы у меня не было	20,1
1–2	Я привык к своей работе, коллективу	20,1
3	Работа интересная	16,2
4	Работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям	13,1
5	Работа хорошо оплачивается	8,6
6	Мне так спокойнее	7,8
	Другое	1,2
	Не знаю	1,2
	Отказ от ответа	11,7
	Всего	100

Среди мотивов смены профессии астраханцев с 1998 г. (табл. 3) преобладают такие обстоятельства, как появление возможностей но-

вой работы (16,5 %), сокращение и закрытие предприятий (11,5 %), низкая заработная плата (8,5 %), возможность проявить себя (7 %).

Таблица 3

Если Вы после 1998 г. изменили свою работу, профессию, то почему?

Ранг ответа	Причины изменения профессии	Процент от числа ответивших
1	Появилась возможность более интересной работы	16
2	Были сокращения, предприятие было закрыто	11,5
3	Работа плохо оплачивалась	8,5
4	На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	7,0
5–6	Работа не пользовалась уважением	2,4
5–6	Работа по моей специальности сейчас не нужна	2,4
	Другое	3,9
	Не знаю	4,7
	Отказ от ответа	43,6
	Всего	100

В результате комплексного анализа мотивации трудовой деятельности по методике Л. А. Беляевой [2, с. 55] было выявлено несколько типов мотивации населения региона:

– **креативные** (52,3 %) – те, кто интерес к работе ставит на первое место при ее сохранении или смене. Этот тип преобладает только в Астраханской области и превышает данные по РФ в целом (34 %) [7, с. 749];

– **жертвы обстоятельств** (34 %) – сменили или сохранили работу по объективным или не зависящим от них причинам. Этот тип мотивации в регионе выражен в меньшей степени, чем в среднем по РФ (45 %) и Курской области (46 %) и соотносится с данными, полученными в Вологодской области (35,9 %), Чувашской Республике (32,7 %) и Ульяновской области (30,2 %);

– **инертные** (27,9 %) – те, для которых главный мотив – спокойствие, нежелание что-то менять. Такой тип мотивации в меньшей степени характерен для РФ в целом (23 %) и Ульяновской области (17 %), в большей степени – для Вологодской области (39,7 %) и соотносится с данными по Курской области (29 %), Чувашской Республике (25,6 %);

– **меркантильные** (17,1 %) – стремятся работать там, где больше платят. Такой тип гораздо меньше выражен в среднем по РФ (10 %), в Чувашской Республике (9,1 %), Ульяновской (11,9 %) и Вологодской (14,4 %) областях. Несколько больше меркантильный тип выражен в Курской области (20,5 %);

– **указавшие другие причины или не ответившие на вопрос** (45,5 %). Необходимо отметить, что этот показатель значительно пре-

восходит данные по РФ в целом и другим регионам – участникам опроса. В опросе была предусмотрена возможность нескольких ответов, поэтому сумма ответивших больше 100 %. Обращает на себя внимание тот факт, что около 50 % опрошенных отказались отвечать на этот вопрос, что может свидетельствовать о деградации мотивации трудовой деятельности и процессе отчуждения труда. Как отмечает А. Л. Рокецкий, «экономическое отчуждение и наличие противоречий между трудом и капиталом приводят к росту социальной напряженности в обществе, которая пока носит латентный характер, то есть не проявляется в забастовках, но дает о себе знать в результатах социологических опросов. Объективными причинами отчуждения труда стали общеэкономические проблемы: спад производства, снижение уровня благосостояния, низкая цена рабочей силы; субъективными факторами его углубления – широко распространенное в массовом сознании чувство социальной несправедливости, обусловленное экономическими и социальными последствиями экономических реформ» [9, с. 16].

Вместе «жертвы обстоятельств» и «инертные» составляют категорию пассивного населения (61,9 %), для которых главный мотив – вынужденное приспособление, иногда сопровождающееся процессом люмпенизации, когда человек держится за свое место лишь по причине неустойчивого положения на рынке труда, удовлетворением материальных потребностей на минимальном уровне. «Креативные» и «меркантильные» вместе составляют 69,4 % активного населения.

В целом сфера трудовых отношений в Астраханской области характеризуется сложным переплетением рыночных и нерыночных мотивов трудовой деятельности населения. С одной стороны, в иерархии трудовых мотивов населения региона, как и в целом по России, преобладает нерыночная по своей сути низкая достижительная мотивация (желание иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне). Рыночные мотивы трудовой деятельности, проявляющиеся в желании быстрого заработка без гарантий на будущее и стремлении к созданию собственного бизнеса, демонстрирует только каждый четвертый астраханец, что является одним из самых низких показателей среди регионов России, участвовавших в опросе по типовой методике. При этом количество желающих работать на предприятиях частного сектора значительно выше, чем в других регионах России. Каждый второй астраханец (половина опрошенных) отказался отвечать на вопрос о мотивации трудовой деятельности, что значительно превосходит данные по РФ в целом и другим регионам – участникам опроса и может свидетельствовать о значительных масштабах процесса отчуждения труда в области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрианова, Е. В. Трансформация трудовых отношений в период социально-экономического кризиса / Е. В. Андрианова // Вестник философии и социологии Курского го-

сударственного университета. № 1. Специальный выпуск: материалы Всерос. научной конф. «Социокультурные процессы в современной России». – Курск: Изд-во КГУ, 2010. – С. 107–109.

2. Беляева, Л. А. Проблемы социальной стратификации и трудовая мотивация населения (общероссийский контекст) / Л. А. Беляева // Опыт апробации Типовой методики «Социологический портрет региона»: сб. материалов Всерос. научно-методич. конф. В 2 ч. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 45–58.

3. Боечко, Н. И. Трудовые ценности в России и их отражение в СМИ / Н. И. Боечко, Е. В. Гаранина // Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, средства массовой информации / под ред. В. Е. Семенова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – Вып. 32. – С. 152–167.

4. Кадничанская, М. И. Иерархия трудовых мотивов в контексте социальной стратификации населения Ульяновской области / М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всерос. научно-практич. конф., 7–9 октября 2010 г., г. Ульяновск. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2010. – С. 107–113.

5. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.

6. О состоянии экономики Астраханской области в 2000–2009 гг. Комплексный аналитический доклад. – Астрахань: Астраханьстат, 2009. – 124 с.

7. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 808 с.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. – М., Росстат, 2009. – 990 с.

9. Рокецкий, А. Л. Мотивация трудовой деятельности наемных работников предприятий различных форм собственности (социологический анализ): автореф. дисс. ... канд. социол. наук / А. Л. Рокецкий. – М.: ОПМТ РАГС, 2006. – 28 с.

УДК 316.334.2
ББК С56 60.56

Л. А. Лебединцева

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: L734671@bk.ru

В статье поднимается вопрос о необходимости проведения теоретико-прикладного анализа места и роли знания, информации в обществе. Делается вывод о необходимости повышения значимости профессиональной деятельности ученого, исследователя в глазах общественности на государственном уровне для обеспечения достойного места России на международной арене.

Ключевые слова: знание, интеллектуальный труд, интеллектуальная собственность.

L. A. Lebedintceva

THEORETICAL AND EMPIRICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Saint-Petersburg State University

The article is raise a question of the necessity theoretical and empirical analyzes concerns with the place and role of knowledge, information in society. In the end it makes a conclusion about the necessity of increase the significance of professional activity of scientist, researcher in society for guaranteeing deserving place of Russia in the world.

Keywords: knowledge, intellectual activity, intellectual property.

Интеллектуальный труд в любом обществе направлен на благо всего общества и его результаты адресованы всем людям. В процессе своей деятельности работник опирается на результаты, достигнутые предшественниками и современниками, в результате происходит обновление как технологического процесса, так и изменение и развитие самого человека. Именно этот аспект является основным, если не ведущим тезисом при раскрытии главных характерных черт общества знания. Поэтому при социологическом рассмотрении проблематики интеллектуального труда необходимо учитывать его социальную природу. Важнейшими задачами в современных обществах знания является получение и распространение образовательных, научных и культурных сведений, качество обучения и образования. Доступ к информации и приобретение знаний и умений посредством образования никогда еще не имели такого значения, какое они приобрели в современное время. Становится все более очевидным, что наша способность приспосабливаться к быстрым изменениям будет становиться основной мерой успеха как на микро-, так и на макроуровнях. В этом смысле информация и знания становятся главным фактором развития и процветания.

Основываясь на том, что знания являются общественным благом, можно утверждать, что они должны быть широко доступны, так как «чем больше число тех, кто может ими воспользоваться, тем больше позитивных результатов и отдачи для общества» [1, с. 28]. Тем не менее частный сектор экономики требует усилить действие законов об интеллектуальной собственности и режимов копирайта.

Реакцией мировой научной общественности на ограничение открытого доступа к данным со стороны частного сектора экономики была мощная общественная активность, направленная на решение актуальных проблем и обеспечение нужд общества в информации. Эта добровольная деятельность привела к появлению открытой информационной среды, в которой были установлены общие правила и стандарты для всех проектов, рассматриваемых учеными, и созданы мощные общественные информационные домены, открытые для свободного доступа. В этой среде стало возможным выполнение глобальных научных и образовательных проектов, в которых одновременно участвуют тысячи исследователей из различных стран ми-

ра. Изначально исследовательский интерес к этой проблематике возник в США, где компьютеризация науки была осуществлена раньше и масштабнее, чем в других странах [2]. Международное научное сообщество впервые поставило вопрос о роли компьютерных коммуникаций в современной науке на Первой Международной конференции «Трансформация глобальной системы науки». На конференции отмечалось, что поскольку информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) уже вошли в инфраструктуру научных исследований, постольку необходимо вести постоянный анализ реально протекающих процессов ассимиляции новых сетевых технологий (в различных странах, разных научных дисциплинах, в разных типах научных исследований и т. п.), а также вырабатывать практические предложения для научной политики, направленные на преодоление трудностей переходного периода.

Реальными примерами формирования открытой информационной среды являются разработанная на добровольных началах в режиме виртуальной лаборатории известная система «Линокс», проект Калифорнийского университета под названием «Домашние сети», Канадская коалиция создателей музыки (CCMC), которая представляет альтернативу монополистам звукозаписи, Фонд свободного ПО (Free Software Foundation), Фонд электронного рубежа (Electronic Frontier Foundation), Гарвардский Беркман-центр изучения интернета и общества (Berkman Center for Internet and Society at the Harvard Law School), Копифайт (Copyright). Большой популярностью пользуются электронные библиотеки (библиотека Максима Мошкова, библиотека Гумер и др.). В науке и образовании возникли новые явления под названием «наука без границ», «образование без границ», функционирующие в форме так называемых виртуальных лабораторий. Например, интересна идея создания творческих и научных общин (Creative Commons, Science Commons) при Мичиганском технологическом институте, вдохновителем и организатором которых стал Л. Лессиг, профессор Стэнфордского университета, специалист в области конституционного права. Считаясь с законодательством, Л. Лессиг акцентирует внимание на тех чертах современного авторского права, которые сделали его главным препятствием к развитию культуры. Баланс, компромисс и взвешенность – таковы три кита, на которых основаны творческие об-

щины. Они предлагают компромисс, дабы остановить экспансию интеллектуальной собственности и гарантировать желающим если не свободный доступ, то хотя бы ограниченные права пользоваться ограниченными ресурсами. Успех творческих общин превзошел самые смелые ожидания. Эти общины действуют уже более чем в семидесяти странах. Под знаком Creative Commons начали выпускать свои материалы и профессиональные сообщества. С лицензиями Creative Commons развивается мощный энциклопедический ресурс интернета – Википедия [3]. Президент Международного совета научных союзов (МСНС) профессор Джейн Любченко и президент Комитета по данным по науке и технике (КОДАН) Шучи Ивата в своей статье в журнале «Science» пишут, что принцип открытого и справедливого доступа к научным данным и знаниям легко можно низвести до второстепенного положения по отношению к краткосрочным коммерческим интересам. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы научное сообщество продолжало отстаивать широкое совместное использование научных знаний в общественных интересах [1, с. 29]. В 2001 году ЮНЕСКО начала оказывать поддержку движениям за бесплатные программы и программы с открытым исходным текстом. В области компьютерных программ эти движения играют ключевую роль в расширении доступа к знаниям и их распространении. На портале ЮНЕСКО можно найти инструментарий виртуальных лабораторий по астрономии, химии, биологии, физике, содержащий информацию и бесплатные программные средства для создания виртуальной лаборатории; ссылки на виртуальные библиотеки. Таким образом, данная организация в рамках своего движения «открытые программные средства» делает особый акцент на важности накопления, аккумуляции знаний в обществе, поскольку с их помощью каждый пользователь может получить доступ к исходному коду (а не только к конечному исполняемому модулю как у компаний-разработчиков патентованных программ) и права автономности, которые позволяют не только пользоваться, но и копировать, изучать и изменять программы, не спрашивая ни у кого разрешения и не внося плату каким-либо группам или отдельным лицам [1, с. 30].

До последнего времени для российской науки интерес к виртуальным лабораториям как особой форме организации научных иссле-

дований не был характерен. Их быстрое распространение происходило в странах, органически ассимилировавших сетевые информационно-коммуникационные технологии. Тем не менее совершенно очевидно, что развитие новейших ИКТ и их внедрение в науку, стимулирующее появление новых форм организации исследований, необратимо и представляет собой доминирующую тенденцию. С их помощью можно совершенствовать работу ученых в сети (как на локальном, так и на международном уровнях), облегчать доступ ученых к научным журналам, библиотекам, базам данных, предоставлять научную информацию и знания тем, кто принимает управленческие решения. Иначе говоря, развитие новых ИКТ открывает огромные возможности для предоставления всеобщего и справедливого доступа к научным данным и информации, а также для расширения общемирового фонда знаний. Если говорить о последних тенденциях, связанных с развитием института интеллектуальной собственности, то попытка коммерциализации научных данных, знаний, информации подрывает традиционный дух науки, который характеризуется стремлением к совместному пользованию знаниями, потому что в результате уменьшается общественное достояние и доступ к общемировым общественным благам с возможной утратой на национальном и международном уровнях.

По мнению автора, перечисленные явления (движения, общины, фонды и др.) не могли бы возникнуть, если бы функционирование информации, науки и образования попадали под действие экономических принципов. Однако, например, принцип равновесности здесь не работает: потребление знания тождественно формированию нового знания; более того знания расширяются и саморегулируются, наращиваются по мере их использования. Современный научно-технический прогресс сделал знание широко тиражируемым благом, которым дополнительно может воспользоваться человек, не увеличивая издержек производства, и это позволяет говорить о том, что знание является общественным благом и обладает всеми необходимыми свойствами. Так, только из природы общественных благ можно вывести основные его свойства:

– неконкурентность (или несоперничество) – это свойство означает, что, например, приобретение некоего объема полезных знаний одним индивидом никоим образом не уменьшает по-

лезность этого знания для других и их способность приобрести его, чего не скажешь, например, о порции мороженого, месте в автобусе или бутылке кока-колы. И в этом смысле оно действительно неделимо и неизбирательно;

– неисключаемость – это свойство основывается на совместном характере потребления, то есть невозможности исключения из их потребления дополнительных потребителей, низкими или нулевыми предельными издержками потребления. Однако, как справедливо отмечает Н.А.Пруель, сущность свойства неконкурентности нужно понимать несколько в ином ключе. Оно состоит в том, что каждый человек изначально, как представитель рода человеческого, выступает со-собственником принадлежащего всему обществу знания. Собственность на знание персонифицируется в ее отдельных обладателях. Эта персонификация знания отнюдь не предполагает его отчуждения отдельными индивидами. Более того, подлинная основа для реализации знания как собственности общей и собственности каждого состоит в том, что знания со своими средствами производства и распространения являются условиями действительного развития личности: люди относятся к знанию как к тому, что им принадлежит, что ими используется в трудовой и общественной деятельности [4, с. 44–59];

– неисчерпаемость и аккумулятивность означает, что знания не убывают, а возрастают по мере их производства и потребления, они бесконечно воспроизводимы. Знания, которые по своей природе невещественны, непредметны и не могут существовать вне какого бы то ни было материального носителя, не могут быть ни преобразованы, ни сохранены, ни переданы в отрыве от него. К числу важнейших свойств знания представители теории интеллектуального капитала (Т.Стюарт) относят то, что структура себестоимости большинства наукоемких товаров и услуг («материализованного знания») резко отличается от структуры себестоимости «материализованного материала» [5, с. 391]. Поэтому следует отличать труд по производству этого материального носителя (например, тиражирование книги) от труда по производству знаний или извлечению ее из окружающего мира. Физический износ вещественного носителя информации, приводящий к утрате или искажению некоторой части информации на данном носителе (например, зачитанная до дыр книга, разорванная киноплёнка и т. п.), не сле-

дует воспринимать как физический износ самой информации: ведь информация, которая имеет нефизическую природу, не может быть подвержена физическому износу.

В исследовательской, научной деятельности более важны принципы кооперативности, в отличие от рыночных принципов конкурентности. Более того, такие принципы кооперативности уже давно сложились и существуют в научном сообществе, которое обладает, по выражению Р. Мертона, «научным этосом», то есть совокупностью норм, действующих в этом обществе [6, с. 755, 769].

Возрастание роли и объема наукоемкого производства неминуемо сопровождается увеличением доли и возрастанием общественной значимости того социального слоя людей, который осуществляет научную, информационную, образовательную и профессиональную подготовку, то есть производит и распространяет знание. Это проявляется и в существовании общественного сектора, и в диверсификации его деятельности, где наряду с наукой и научным обслуживанием, информационным сектором и образованием развиваются здравоохранение и медицинское обслуживание, культура и другие отрасли. Поэтому выгоды от общественных благ достаются обществу самим фактом производства благ науки, образования, культуры, здравоохранения и т. д. [4, с. 44–50].

Информация и знания являются интеллектуальным продуктом, который в свою очередь выступает результатом интеллектуальной деятельности. Приведенные примеры только лишь раз свидетельствуют о необходимости выработки понимания природы и отношения к таким явлениям, как интеллектуальная собственность на основе общественной значимости и полезности. А знание, лежащее в основе всякой интеллектуальной собственности, является как раз общественным благом и обладает всеми необходимыми свойствами, чтобы считаться таковым. Например, ЮНЕСКО поддерживает концепцию множества обществ знания, а не концепцию глобального информационного общества, потому что все возрастающие информационные потоки сами по себе являются недостаточным условием для того, чтобы понять те благоприятные возможности для развития, которые дает знание. В таких условиях даже для того, чтобы быть в курсе интернациональной научной информации и поддерживать международные контакты, требуется постоянное

обновление информационно-коммуникационной инфраструктуры национальной науки. Поэтому наши перспективы на достойное место в мировой науке не в последнюю очередь связаны с внедрением и развитием новейших сетевых ИКТ.

В настоящее время на долю наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг приходится в среднем более половины ВВП ведущих развитых стран. Именно эти отрасли отличаются наиболее высокими темпами роста объемов производства, занятости, инвестиций, внешнеторгового оборота. В России в 2008 году удельный вес организаций, использующих ИКТ (в частности, персональные компьютеры) составил 94 %, что находится на сопоставимом уровне с такими странами, как Великобритания (95 %), Польша (95 %), Португалия (96 %), Латвия (95 %), Литва (96 %). Самый высокий уровень в использовании ПК наблюдается в Нидерландах (100%) и Финляндии (99%). Надо отметить, что данный показатель практически напрямую коррелирует с другим – использование глобальной информационной сети Интернет, с небольшим расхождением в 2–3 %. Иначе говоря, практически каждый компьютер имеет подключение к сети Интернет. В России разница между количеством используемых в организациях ПК и компьютеров, использующих сеть Интернет, составляет 20 % (только 74 % ПК в организациях подключены к этой сети) [7], и только 23 % организаций имеют свой веб-сайт, что почти в три раза меньше среднего значения по европейским странам [8, табл. 11, 12].

Понятие экономики, основанной на знаниях, отражает признание того обстоятельства, что научные знания непосредственно определяют параметры экономического роста, создавая основу для инноваций и новый фактор дифференциации общества, в частности, отношение к интеллектуальной технологии, обладание информацией и знаниями. В силу подвиж-

ности, постоянного изменения информационного потока и информационного поля подвижной становится и социальная структура. На смену вертикальным (иерархическим) промышленным и общественным структурам приходят горизонтальные, так называемые информационно-сотовые структуры в промышленности и обществе. Но каковы бы ни были эти структуры, одним из важных направлений сферы интеллектуального труда является совершенствование сферы материального производства, когда через новые технологии и рекомендации по оптимизации производства знания воплощаются в результатах материальной деятельности. Инновационное развитие экономики является основой социально-экономического прогресса в современном мире. Инновации приняли стратегически важный характер и во многом определяют конкурентоспособность, эффективность и безопасность экономической деятельности как на микро-, так и на макроуровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Наука в информационном обществе // Институт статистики ЮНЕСКО. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2004. – 100 с.
2. Мирская, Е. З. Новые коммуникационные технологии и перспективы трансформации науки / Е. З. Мирская // Наукоеведение. – 2000. – № 1. – С. 212–217.
3. Лессиг, Л. Свободная культура / Л. Лессиг. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/lessig/intro.php
4. Пруэль, Н. А. Образование как общественное благо: воспроизводство, распределение и потребление / Н. А. Пруэль. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2001. – 244 с.
5. Стюарт, Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Т. Стюарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 388–392.
6. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: Хранитель, 2006. – 874 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2009. – <http://www.gks.ru>
8. Россия и страны мира. – М.: Росстат, 2010. – <http://www.gks.ru>

ББК С60.56
УДК 316.334

Е. Г. Ефимов

**РОСКОШЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ФРАНЦУЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ XVIII–XIX ВВ.**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ez07@mail.ru

Статья посвящена анализу исследования роскоши в европейской научной традиции XVIII–XIX вв. Дается описание основных подходов и предлагается их классификация. Делается вывод о социальном характере роскоши в анализируемых работах.

Ключевые слова: роскошь, потребление, инстинкт роскоши.

E. G. Efimov

**LUXURY AS A SOCIAL PHENOMENON IN RESEARCHES
OF EUROPEAN AUTHORS XVIII–XIX CENTURIES**

Volgograd State Technical University

Article is devoted the analysis of research of luxury in the European scientific tradition XVIII–XIX centuries the description of the basic approaches is given and their classification is offered. The conclusion about social character of luxury in analyzed works becomes.

Keywords: Luxury, consumption, luxury instinct.

3 марта 2011 г. в Москве состоялась выставка известного в особых кругах фотографа Даниила Головкина под названием «Утомленные роскошью», где был воссоздан быт жителей Рублевки – места, ставшего одним из новых символов демократической России. Феномен роскоши вновь пережил все попытки его уничтожить, включая провалившуюся инициативу спикера Сергея Миронова из «Справедливой России» в апреле 2009 провести закон о налоге на роскошь в Государственной Думе. Неудача этой инициативы, по мнению автора, может быть в том числе объяснена отсутствием системного изучения этого явления, хотя даже беглый взгляд на историю показывает роскошь как один из самых устойчивых социально-экономических феноменов в жизни общества.

В данной работе ставится цель на примере английских и французских исследований роскоши XVIII–XIX вв. классифицировать подходы к изучению этого явления. Автор считает, что анализ роскоши должен вестись с учетом социальных условий конкретной исторической эпохи, что должно объяснить причины возникновения новых подходов ее изучения.

Хронологические рамки выбраны, исходя из понимания данного периода как ключевого для перехода западно-европейских и российского общества в стадию капитализма. Англия и Франция представляются как две конкурирующие полярные политические системы, отдельные элементы которых легли в основание как

современной европейской, так и российской политической системы.

Критерием выбора используемых источников была прежде всего их репрезентативность с точки зрения новизны идей и оценок, что обусловило выборочный характер работы с литературой. Вторым критерием являлась нацеленность на использование работ, авторы которых рассматривали роскошь как самостоятельный феномен, а не изучали его в контексте исследования других социально-экономических проблем.

Следует начать исследование подходов к роскоши с французской традиции, поскольку именно для Франции конца XVIII века – второй половины XIX века это слово являлось ключевым для понимания процессов, происходящих в стране до и во время революции. Страна, по мнению известного советского историка В. Г. Ревуненкова, обладала самым роскошным королевским двором среди европейских стран, что при Людовике XIV, который прославился своей фразой, обращенной к парламенту: «Вы думали господа, что государство – это вы? Государство – это я», что при Людовике XV, который довел государство до банкротства, а королевский двор превратил в «могилу нации», «в которой исчезали сотни миллионов ливров, собранные в виде налогов с голодающего народа», что при Людовике XIV, который настолько ушел с головой в развлечения, что не заметил начала революции [4, с. 80; 2, с. 111]. Неудивительно,

что в этих условиях появляется ряд авторов, пишущих работы с целью подтверждения господствующей при дворе максимы «государство обогащается роскошью» [12, xxxii]. Этот подход, при котором роскошь понимается как полезный общественный феномен, определяется А. Бодрийяром как апологетический.

Один из представителей апологетического направления – Ж.-Ф. Сен-Ламбер, написавший отдельный труд и опубликовавший на его основе статью в «Энциклопедии» Д. Дидро и Аламбера. Сама статья состоит из двух условных частей – краткого описания мнений о роскоши, оценки «за» и «против», и собственных суждений автора. Анализ исследования роскоши приводит Ж.-Ф. Сен-Ламбера к признанию того, что роскошь не находится в прямой связи ни с одним из общественных и экономических феноменов, и таким образом метод дуальной оппозиции здесь работать не может [11].

На примере этой работ виден недостаток большинства трудов, в названии которых фигурирует слово «роскошь» – отсутствие критериев эмпирической оценки. Все выводы опираются на источники не экономического характера (в основном это античные авторы), в статье нет ни одной цифры. Поэтому ключевой вывод Ж.-Ф. Сен-Ламбера представляется абстракцией, сводящей на нет многие обоснованные и важные наблюдения автора: «От этих наблюдений и мыслей я пришел бы к заключению, что роскошь является неблагоприятной или выгодной для богатства народов, в зависимости от того, потребляются ли главным образом сельскохозяйственные продукты их земли и промышленности или зарубежных стран. Кроме того, число объектов роскоши должно быть соразмерно с богатством страны. В этом отношении роскошь для населения то же самое, как это для людей: число удовольствия должно быть соразмерным со способностью обладать ими» [11, 548].

Еще до революции во Франции можно было найти следы ригористического подхода к понятию «роскошь». Речь идет о трудах К. А. Сен-Симона, который опирался на взгляды экономиста Ж. Б. Сэя, видевшего полезность главным критерием экономики [1, с. 63–64]. Труды К. А. Сен-Симона, безусловно, следует исследовать в русле работ французских утопических социалистов, которые всячески критиковали роскошь эпохи старого порядка. Роскошь, правда, там прямо не порицается, однако оче-

видно, что в выстроенном утопистом образе нового общества с максимальным сокращением расходов на государственный аппарат, принципом всеобщего производительного труда и тому подобное роскоши места не было [1, с. 61]. Революция многое расставила по своим местам: попытка Робеспьера создать общество на основах сурового пуританизма с жестким контролем над экономикой в период якобинской республики II года была эпизодом, после которого роскошь вновь стала проникать во все сферы французского (уже революционного) общества. С методологической точки зрения, здесь важно другое: подходы утопистов можно рассматривать как пример субъективистского подхода, при котором роскошь понимается как порождение человека и ее существование зависит только от его желания.

Неудивительно, что в период монархической реакции начался период возрождения тяги к роскошному образу жизни в высших слоях, в то время как темпы экономики заметно снижались. Апологеты роскоши вновь оказались востребованы, в результате чего увидел свет изданный в 1878 г. французским исследователем Анри Бодрийяром труд «История роскоши».

Работа А. Бодрийяра важна прежде всего потому, что описывает роскошь как устойчивый во времени и пространстве социально-экономический феномен, который существует столько же, сколько и человеческое общество, то есть представляет собой объективистское. Если в истории социологии исследования роскоши выглядят редкими вкраплениями, то в истории западноевропейского общества вкраплениями выглядят периоды, когда роскошь исчезала из повседневной жизни людей, каковыми были, например, Флоренция времен Савонаролы, монаха, который жег на улицах «костры тщеславия», или Франция времен якобинской республики II года.

А. Бодрийяр фактически использует метод нисходящей элизии, относя роскошь к культуре (структуре), выводив ее существование из инстинктов человека: инстинкта тщеславия (нарциссизма), инстинкта чувственности (вожделения) и инстинкта украшения (декора) [7, с. 6–7]. Отталкиваясь от своего тезиса, автор логично предполагает, что роскошь не уничтожима, и вопрос заключается лишь в дифференциации полезной роскоши от бесполезной.

Анализ французских работ позволяет увидеть явную связь монархического режима (или

режима, как бы сейчас сказали, с «вертикалью власти») с тенденциями оправдания существования роскоши. Если это так, то английская традиция исследования этого феномена должна быть несколько другой, поскольку английская (монархическая по форме и демократическая по сути) политическая система в своей социальной политике опиралась на этические идеи Т. Гоббса, Дж. Локка и Шефтсбери. Вторым фактором можно считать то, что наиболее зажиточные слои английского общества были более связаны в правах рамками правовой системы, нежели это было во Франции, что не могло не отразиться на процессах потребления [8].

Своего рода индикатором отношения английского общества к проблеме роскоши стал выход и обсуждение работы Б. МанDEVИЛЛЯ «Басня о пчелах», которая подверглась резкой критике. Если эффект от апологетических взглядов английского автора и был, то скорее он для него был негативным, ибо породил волну критических трудов ригористического характера [3].

Объективистский подход был представлен в работе Э. Лаверье, где автор доказывал инстинктивность роскоши по аналогии с феноменами биологического мира (в частности, по аналогии с инстинктом птиц к украшению своих гнезд) [9, с. 17]. Однако далее, в отличие от А. Бодрийяра, на работы которого он опирается, Эмиль Лаверье однозначно определяет роскошь как негативный феномен системы, поскольку, по его мнению, наряду с дороговизной и редкостью, атрибутом роскоши можно считать ее временный характер, который выражается в физическом уничтожении предметов роскоши их владельцами. Данный подход можно обозначить как «биологический детерминизм».

Другой интересный подход в рамках ригористического направления – цивилизационный. Адам Сиббит, исследуя проблему влияния роскоши на нации, приходит к выводу, что появившаяся в Европе роскошь – результат соприкосновения с азиатскими культурами. В качестве примера автор рассматривает падение нравов в Древнем Риме, которое было, по его мнению, вызвано присоединением к империи восточных колоний и распространившейся оттуда азиатской роскошью. Социальные истоки такого подхода видны из сочинения самого автора: это пример набобов, возвращавшихся из

восточных колоний, прежде всего Индии и Китая, в окружении все той же азиатской роскоши, ярчайшим примером которой становится распространившаяся по всей Европе культура шинуазри [10].

Еще одной формой ригоризма, уже экономической, является труд А. Уайли, который попытался доказать пагубность роскоши через критерии экономической оценки. У человека, полагал автор, существуют первичные физиологические потребности, выход за которые и является роскошью. Однако роскошь в этом понимании присуща всем классам, так как даже бедный человек может время от времени позволить себе излишества, но только в форме потребления алкоголя, сахара или проституции, которые в свою очередь, приводят к физической и моральной деградации рабочих. Попытка ограничить эти формы низшей роскоши через налогообложение приводит к обогащению высших классов. Далее автор вводит термин «роскошество» (*luxurioness*), под которым понимает роскошь в потреблении у представителей высших классов [13].

Подводя предварительный итог, можно классифицировать работы по роскоши в соответствии с основными подходами (см. таблицу).

Общий анализ различных подходов к исследованию роскоши позволяет указать на некоторые общие методологические аспекты. Роскошь в подавляющем большинстве случаев рассматривается в связи с нищетой, однако эта связь предстает не только как экономическая, сколько как социальная. Во-первых, критерии отнесения того или иного объекта к категории роскоши являлись не экономическими и не могли быть рассчитаны по каким-либо формулам, они постоянно изменялись в зависимости от социальных условий. Во-вторых, позиция ряда исследователей, которые связывали с ростом роскоши рост нищеты, не может быть признана достаточной для объяснения этого феномена. Как указывал М. Энаф при исследовании персоны маркиза де Сада, роскошь прежде всего зримое свидетельство неравенства, но не причина ее [6, с. 274]. Роскошь, как считал Вольтер, автоматически противопоставляет ее обладателя всему остальному миру [14, с. 254], и часто роскошь стараются уничтожить, если хотят выразить народное возмущение по отношению к субъекту ей обладающему, будь то один человек, или нация.

Основные подходы к исследованию роскоши в Англии и Франции в XVIII–XIX вв.

Парадигма	Подходы в рамках парадигмы	Представители	Социальные предпосылки
Субъективистское направление	Ригористическое направление	Жан-Батист Сей, социалисты-утописты (К. А. Сен-Симон и др.)	Крушение монархий в Европе, попытки создания обществ на идеалах социализма
	Апологетическое направление	Ж.-Ф. Сен-Ламбер	Повседневная жизнь королевского двора, для которого роскошь – показатель благополучного развития государства
Объективистская парадигма	Ригористическое направление	Алекс Уайли («экономический подход»)	Демократизация общества и процесс создания социально ориентированного государства
		Адам Сиббит («Географический детерминизм»)	Колонизация и приток в Старый Свет богатств Востока, концентрировавшихся в руках нескольких людей
		Эмиль Лаверье («Биологический детерминизм»)	Этические воззрения Т. Гоббса, Дж. Локка и Шефтсбери, определяющие ценностную систему английского общества.
	Апологетическое направление	Анри Бодрийарт	Реставрация монархии во Франции
		Б. МанDEVИЛЛЬ	Развитие капитализма и сообществ потребления высших классов в Англии

Роскошь во всех ее проявлениях (и это замечают авторы всех подходов) приводит к разрушающим общество эффектам как на уровне индивида, так и социальных институтов. При этом фактически роскошь можно обозначить как неформальный феномен, что создает особые предпосылки ее развития в условиях российских реалий с их явно выраженными латентными формами социальных практик. С другой стороны, на взгляд автора, анализ различных подходов показывает существование достаточно эффективных и апробированных механизмов ограничения распространения роскоши, которые, будучи сопоставленными с условиями исторической эпохи, могут быть внедрены в повседневные социальные практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айрапетов, А. Г. Западно-европейский и русский утопический социализм нового времени / А. Г. Айрапетов, А. И. Юдин. – М.: Высшая школа, 1991. – 206 с.
2. Кареев, Н. И. Западно-европейская абсолютная монархия / Н. И. Кареев. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 460 с.
3. МанDEVИЛЬ, Б. Басня о пчелах / Б. МанDEVИЛЬ; пер. с англ. – М.: Мысль, 1974. – 376 с.

4. Ревуненков, В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1799 / В. Г. Ревуненков. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 536 с.

5. Штейн, В. М. Нищета и роскошь / В. М. Штейн // «Экономист». Избранное. 1921–1922. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.

6. Энаф, М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена / М. Энаф. – СПб., 2005. – С. 274.

7. Baudrillard, H. Histoire de Luxe. Privé et public depuis l'antiquité jusqu'à nos jours / H. Baudrillard. – V.1. - Paris: Librairie Hachette, 1880. – 582 p.

8. Hilton, M. The legacy of luxury. Moralities of Consumption Since the 18th Century / M. Hilton // Journal of consuming history. – 2004. – V. 4. – P. 101–123.

9. Laveyle, E. de. Luxury / E. de Laveyle. – L.: Swan Sonnenschein & Co, 1891. – 282 p.

10. Sibbit, A. Dissertation, moral and political, on the influence of luxury and refinement of nations, with reflections on the manners of age at the close of 18th century / A. Sibbit. – L.: Printed for T.Cadell, Jun and W.Davies, Strand, 1800. – 171 p.

11. Saint-Lambert, J-F. de. Le Luxe / J.-F. de Saint-Lambert // Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. - Tome vingtième. – Neufchâtel: Société typographique, 1779. – P. 542–553.

12. Say, J. B. A treatise on political economy / J. B. Say, C. R. Prinsep, C. C. Biddle. – Philadelphia: J. Grigg, 1835. – 540 p.

13. Wylie, A. Labour, leisure and luxury. A contribution to present practical political economy / A. Wylie. – L.: Longman, Green & Co., 1887. – 352 p.

14. Voltaire. The Worldly man vindicated, or an Apology for Luxury / Voltaire // The Works of Voltaire. – Vol. XXXII. Poems by mr.Voltaire. – L.: St.Hubert, M.DCC.LXIV. – P. 252–263.

УДК 316.346.2
ББК 60.542.2

В. А. Парамонова

ФЕМИННАЯ СИМВОЛИКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ*

Волгоградский государственный университет

E-mail: vparamonova@rambler.ru

В данной статье анализируется биполярная оппозиция в символической системе. Показаны основные этапы формирования феминных символов в России. Представлено отличие женской символики в европейской и российской традициях.

Ключевые слова: феминные символы, маскулинные символы, ресимволизация, гендерное равноправие

V. A. Paramonova

FEMININE SYMBOLS IN FORMING SPACE OF RUSSIA

Volgograd State University

The article focuses on the analysis of bipolar opposition in symbolic system. The main stages of forming feminine symbols in Russia are considered. The difference of feminine symbols in European and Russian traditions is shown.

Keywords: feminine symbols, masculine symbols, resymbolization, gender equality.

Вот уже несколько тысячелетий для патриархального мира характерно подчиненное положение женщины. И лишь в XX в., благодаря социально-политическим и экономическим трансформациям в европейском (в том числе и российском) обществе, произошло изменение положения женщины. Однако правовые основы равноправия невозможны без их легитимации в образном видении мира, отражающем представление человека о своем месте в нем. Юридическое и реальное равноправие далеко не всегда «идут в ногу». Прописать на бумаге принципы равноправия намного проще, чем осуществить их на практике. Реальное равноправие закреплено как в правовом поле, так и в символическом. Общеизвестно, что изменения в символической системе происходят не «в мновение ока», это процесс длительный, особенно если в социуме не существует достаточного понимания его важности, а также политической силы, способной к определенным изменениям социальных норм и традиционных установок.

Несомненно, государство стремится на деле обеспечить равноправие полов в трудовой и социальной сферах жизнедеятельности, но даже в цивилизованных странах дела обстоят не так блестяще как кажется на первый взгляд. Исследователи отмечают возможности достижения женщинами высокого положения в государстве (канцлеры, министры и т. п.), однако в процентном соотношении их доля незначитель-

на [4; 15]. Представительницы «слабого» пола чаще всего занимают место руководителя среднего звена или рядового специалиста. Карьерный рост для женщины затруднен, что обусловлено не столько ее реальной занятостью семейно-бытовыми проблемами, сколько распространённой в массовом сознании ее позиции в семье и обществе, при этом совершенно не имеет значения, кто реально является добытчиком в семье – муж или жена. Традиция положения женщины в социуме имеет архаические корни и крепкую закреплённость в символическом пространстве любого общества.

В процессе развития человеческого сообщества произошел переход от матриархата к патриархату, получившего отражение и закрепление в образном видении мира. Любая мировоззренческая картина представляет собой систему, где элементы, составляющие ее, разбиваются на дуальные пары: белое-черное, свет-ть, добро-зло и т. п. Эти биполярные оппозиции в любой культуре соотносятся с мужским или женским началами, фиксируя конкретно обусловленные места маскулинных и феминных символов, а также правовое положение биологического пола в данном социуме, закрепившего подчинительное положение женщины на всех уровнях общественной жизни: мировоззренческом, правовом, культурном, бытовом и т. п. Женская символика располагается в противоположной части от мужской. Мужское традиционно соотносится с верхом, рациональностью, духовным и т. п., в то время как жен-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 08-03-20306 а/В.

ское – с низом, чувственностью, телесным, то есть греховным и т. п. Способ представления феминного (земля, низ и т. п.) характерен для многих культур и отражает представление о женском как основе всего сущего, но инертным, что преодолевается разумом, рациональностью.

Однако на начальной стадии формирования символического пространства дуальная пара (мужчина и женщина) позиционировалась как союз двух начал, существование одного невозможно без присутствия второго. Именно взаимодействие двух противоположностей присуще языческой мифологии. Мифология не являлась неким развлекательным моментом в жизни древнего человека, она отражала его представления об окружающем мире, социальной структуре, ролях, правилах поведения. И хотя равноправие, в современном понимании, женского и мужского начал в архаико-мифологической традиции не наблюдалось, однако среди «игроков высшего уровня» достаточно много богинь, которые зачастую вели себя своевольно и своеправно. Разгневать таких богинь для язычника было зачастую смерти подобно. Так, Гера жестко расправлялась с увлечениями своего мужа, который не всегда мог утихомирить супругу [7, с. 19]. Несмотря на присутствие богинь, все же ведущая роль в решении судеб отдельного человека (мира в целом) принадлежала богам. Тогда как в патриархальном обществе внимание акцентируется на мужской сущности, в восточном мире сохранена символическая неразрывность мужского и женского начал – янь и инь.

Принятие христианства Европой и ислама Азией определило процесс ресимволизации существовавшего ранее социального пространства. Миф о древе познания и Еве, вкушившей от него, определил место женщины в новом мире. В архаическом мире женские образы сверхъестественных существ зачастую не имели однозначной трактовки, так как выступали то на стороне героя, то против него, в новом (христианском, исламском) символическом пространстве отношение к женщине становится прямолинейно-однозначным из-за ее греховности. Именно Ева виновна в изгнании из Рая и иных бедах человеческих, а все женщины – Евины дочери. Следовательно, женщина – «суд Дьявола», что предполагает постоянный жесткий контроль со стороны мужчины. Все сверхъестественные существа более раннего

периода перемещаются вниз, становясь в новой символической системе нечистой силой. В новой системе символов присутствует лишь несколько светлых женских образов: Богородица и святые Великомученицы. Внимание акцентируется в первую очередь на их чистоте и непорочности. Мыслителями средневековья воспевается идеал женской святости [14], и при этом в светской поэзии и прозе появляется образ Прекрасной Дамы [2]. Закрепление образа Прекрасной Дамы в символической системе Ренессанса не влечет за собой изменений в реальном положении женщины. Христианская традиция отношения к женщине как «сосуду греха» сохраняется, определяя потребность в строгом надзоре за ее поведением. Хотя в истории существовали примеры, когда женщины занимали лидирующее положение в обществе (Жанна д'Арк), но в целом ситуация не менялась. И лишь в XX в. произошло существенное изменение положения женщины в европейских странах. Благодаря женскому движению на Западе, юридически провозглашается равноправие. Однако, несмотря на изменение политико-правовой и экономической позиций женщины в социуме, символическая система, лежащая в основе социального конструирования, продолжает оставаться традиционной. В реальности сохраняется неравноправие полов при продвижении по службе. Английские социологи, занимающиеся «женскими исследованиями», выявили диспропорцию по половому признаку руководителей низшего, среднего и верхнего звеньев управления в организациях. Наличие так называемого «стеклянного потолка» существенным образом затрудняет продвижение в верхние эшелоны власти представительниц «слабого» пола, предлагая зачастую место помощника руководителя высшего звена.

Несколько иная ситуация сложилась в России. Так, Т. А. Ладыкина [8] подчеркивает, что на формирование феминных символов в отечественном социальном пространстве оказали значительную роль языческое наследие, православие и религиозно-философские традиции рубежа XIX–XX вв.

Именно эпоха архаики определила развитие феминной символики в отечественном социальном пространстве. Б. А. Рыбаков выделил три основных этапа в распространения и почитания «женских культов» [17, с. 24–25]. Первые женские сверхъестественные существа (берегини) связаны с землей, с плодородием. Этимо-

логия слова «берегиня» указывает о базовой функции – защита от упырей (маскулинный символ). На втором этапе появляется культ рожаниц, связанный с идеей продолжения рода и плодородия [10, с. 385–386]. Они (рожаницы) совмещают две базовые функции: плодородие и оберег. На третьем этапе в пантеон языческих богов, наряду с Перуном входит такое женское божество, как Макошь (Мокошь), воплощающая в себе идею плодородия [12, с. 95].

В славянской мифологической системе существовало два дихотомических царства: Прави и Нави, имеющих своих богов и богинь. В отличие от христианской традиции, и мужчина, и женщина могли жить по законам того или иного царства. Однако олицетворением царства всепобеждающей правды, справедливости является мужчина, а темного царства хаоса и разрушений (Нави) – женщина. Нельзя не отметить, что сфера деятельности женских божеств охватывала различные уровни жизнедеятельности человека: на макроуровне отвечали за плодородие, на микроуровне – за ведение домашнего хозяйства, являющегося женским занятием. Не случайно появляются пословицы-поговорки, сказки-присказки, в которых обозначены границы сфер деятельности по гендерному признаку: «Кошка да баба всегда в избе, а мужик да собака всегда на дворе», «Доброй жене домоседство не мука», «Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж» и др. [13, с. 67, 110, 111 и др.].

Несмотря на существовавшие различия, женские сверхъестественные существа в славянской мифологии сводятся к единому синкретическому образу – великой богини-матери, осознанной как «мать-земля», источнику всего живого на земле. В. Шубарт отмечает, что для русской социальной практики (несмотря на сложные климатические условия, наличие зон рискованного земледелия) родная земля не отождествлялась с противником, у которого вырывался бы урожай, а позиционировалась с матерью строгой, но щедрой [22, с. 89–90]. Отношение к земле как Великой Богине характерно для аграрных цивилизаций, сложившихся в сложных, для земледелия, климатических зонах. Небо в традиционном представлении – это отец, а земля – мать. «Мать-сыра-земля» обеспечивала и обеспечивает благополучие рода человеческого.

Исследователи отмечают, что процесс преобразования мифологемы «мать-земля» в сим-

вол «родная земля», а затем – в Родину, происходил постепенно [6; 18]. «Мать-сыра-земля» обретает все атрибуты материнства: накормит и обережет «свою дитятку», выступит заступницей для своего народа. Горсть родной земли в сказках обеспечивала герою победу над «врагом лютым», и до сих пор сохранилась традиция на могилы павших бойцов, похороненных на чужбине, приносить горсть земли с родной стороны. В славяно-русской символической системе «мать-сыра-земля» формируется как базовый архетип, осознаваемый как Родина. Одной из главных мифологем присущ женский, точнее, материнский лик.

Значимый для архаического мышления древнего землепашца образ богини-матери совпал с христианским символом Девы Марии. Именно здесь прослеживается различие трактовки данного феминного символа в католической и православной традициях. В Европе сформировалось почитание именно девы, что подталкивает к куртуазному восприятию. В России образ Богородицы позиционировался как образ Матери Божьей, заступницы перед Всевышним и покровительницы православного люда от внешних врагов. Отличное от Запада восприятие одного и того же библейского женского образа вылилось в отечественной практике в формулу: «Россия – Дом Богородицы», что подчеркивает значимость материнского символа для русского национального самосознания.

Символическая роль и значение архетипов отца на Руси-Матушке также отличалась от западноевропейской традиции, ориентированной на данный архетип. Базовые архетипические символы социального пространства любого народа (Родина, Отчизна) в русском варианте принадлежат к женскому роду, в то время как, например, в немецком языке – к среднему (*das Deutschland*). А. П. Седых подчеркивает, что символическое пространство Франции, сформировалось вокруг фигуры отца, мужского, а значит и рационального упорядоченного начала, выполняющего регулирующую функцию [19, с. 55–56]. Он (отец) выступает как «принудительная сила закона», вынуждая индивида действовать в рамках культурного канона с определенным набором социальных ролей. Неслучайно О. Шпенглер акцентировал внимание на том, что «русский начисто лишен отношения к Богу-Отцу», таким образом мыслитель пытался объяснить специфику русского культурного кода [21, с. 308, прим.]

При всем почитании Богородицы в православии отношение к женщине не выходило за рамки общепринятого в христианском мире. Христианская традиция обосновала суть женского начала как греховного, требующего мужского руководства и опеки. В «Домострое» [5] было юридически закреплено подчиненное положение женщины на Руси, но при этом небесной покровительницей страны продолжает оставаться Богородица – как символ материнства. К тому же в России иконы Божьей Матери наиболее почитаемы и любимы. Женское лицо присуще самой христианской церкви, которая символически осознается как «невеста Христова» и «утешительница в скорбях наших».

Несмотря на вытеснение феминного на периферию культуры, в русском социокультурном пространстве этот процесс развивался иначе, чем на Западе. Именно в фольклоре зафиксировано различие между формальным маскулинным главенством и приватным управлением, осуществляемым женщиной: «Мой (мужнин) верх, а ее (жены) макушка», «Муж жене отец, жена мужу венец», «Исподний жернов перемалывает верхний» и др. [13, с. 112, 116 и др.]. Примеры из фольклора, а также анализ техники управления, проведенный Т. Б. Щепанской [23], позволяют говорить о значимости элементов материнского права, основанных на ненасильственных техниках, для русской социокультурной практики.

И уже на рубеже XIX–XX вв. философы Серебряного века, провозгласив идею женственности России, закрепляют значение феминной символики в формировании отечественного социального пространства. Наиболее часто встречаемый женский образ – это София Премудрость Божия, которая у Е. Н. Трубецкого [20, с. 538] предстает особой ипостасью Бога, обладающей материнскими качествами заботы, милосердия и сострадания; у Вл. Соловьева [3, с. 231 и др.] – это женский полюс мироздания; у Н. А. Бердяева [1, с. 180–200] – это идеальный образ Мира в Боге. Наличие пиететного отношения отечественных философов к Софии не обусловило изменения реального положения женщины в обществе. Традиционные позиции маскулинного и феминного не подвергались сомнению.

В целом возникает двойное ощущение соотношения феминного и маскулинного в отечественной практике формирования социально-символического пространства. Данная дихото-

мия отличается от западной: женское право в отечественной практике, не обладая властью в сфере общественных отношений, получает ее в семье и получает отражение в фольклоре («При солнышке тепло, при матери добро», «Подумаю с подушкой, а после спрошусь с жenuшкой», «Видал ли ты беду? Терял ли ты жenu?» и др.) [13, с. 110, 116 и др.].

В русской традиционной культуре произошло специфическое сочетание древнейшего языческого образа Великой Богини, обеспечивавшего защиту и плодородие, с христианским – Богоматери. И даже в советские времена феминный символ сохранился, получив трактовку как образ Матери-Родины. В СССР этот архаичный символ активно использовался и продолжает использоваться: и на плакатах времен Великой Отечественной войны изображали женщину с ребенком на руках, тиражировали лозунг «Родина-Мать зовет!», и в послевоенное время как центрообразующая фигура мемориалов, посвященных памяти павших за свободу («Родина-Мать» на Мамаевом Кургане в Волгограде, на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге).

И при всем почитании материнского начала, начиная с языческих времен, роль женских сверхъестественных существ была сведена к минимуму. Конструирование социального пространства было прерогативой мужчин, неважно, был он из плоти и крови или обладал божественной сущностью. Это характерно для любого традиционного общества. Однако при всем доминировании маскулинных техник власти феминное начало в отечественной практике получает иные техники управления, что объясняется отсутствием четкого разграничения публичного и приватного права. Это повышало роль института семьи в российском традиционном обществе, обеспечивая реальное право женщины-матери в семейной сфере. Причем в отличие от Запада женское начало становится базовой характеристикой при выстраивании «умопостигаемого» образа России, как в отечественной, так и зарубежной философской традиции. [1; 9; 11; 16; 20; 21; 22 и др.].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев, Н. Смысл творчества. Философия, творчество, культура и искусство: в 2 т. / Н. Бердяев; вступ. ст., сост., прим. Р. А. Гальцевой. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 37–341.
2. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 23. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия

вагантов / ред. совет: И. В. Абашидзе [и др.]; вступ. ст. Б. Пуришева. – М.: Художественная литература, 1974. – 575 с.

3. *Гайдено, П. П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П. П. Гайдено. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.

4. *Глинка, А. И.* Психологические особенности профессионального становления женщины-руководителя / А. И. Глинка // Психология человека в современном мире. Т. 5 Личность и группа в условиях социальных изменений. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 303–305.

5. Домострой. Книга, называемая «Домострой», содержащая полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину – мужу и жене, и детям, и слугам, и служанкам / Всероссийское бюро пропаганды художественной литературы СП РСФСР. – Ярославль: АСПОЛ, 1991. – 144 с.

6. *Здравомыслова, О. М.* «Русская идея»: автономия женственности и мужественности в национальном образе России / О. М. Здравомыслова // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 109–115.

7. *Кун, Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – М.: ВИКА-пресс, Арктос, 1992. – 448 с.

8. *Ладыкина, Т. А.* Гендерный аспект российского самосознания: женские образы в культуре. От матери сырой земли до «вечной женственности» / Т. А. Ладыкина // Электрон. дан. (1 файл). – <http://ideashistory.org.ru/pdfs/14/adykina.pdf>. 15.12.2010

9. *Лосский, Н. О.* Характер русского народа. Условия абсолютного добра / О. Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – С. 238–361.

10. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – К-Я. – 719 с.

11. Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [Редкол.: В. Е. Багно (отв. ред.) и др.] – СПб.: Альм. «Канун», 1998. – 462 с.

12. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под

ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. – Ч. 1. – 405 с.

13. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. / ред. И. В. Денисова. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2. – 701 с.;

14. *Реале, Д.* Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1995. – Т. 2. Средневековье. – 386 с.

15. *Римашевская, Н. М.* Качество человеческого потенциала в современной России / Н. М. Римашевская // Электрон. дан. (1 файл) http://www.i-u.ru/biblio/archive/rimashhevskaja_kachestvo/. – 21.12.2010.

16. *Розанов, В. В.* Возле «русской идеи». Сочинения / В. В. Розанов; сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Нелепина и Т. В. Померанской; вступ. ст. А. Л. Нелепина. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 317–334;

17. *Рыбаков, Б. А.* Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 608 с.

18. *Рябов, О. В.* «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии / О. В. Рябов // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 116–122.

19. *Седых, А. П.* Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы / А. П. Седых // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 51–56.

20. *Трубецкой, Е. Н.* Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой // Смысл жизни: антология / общ. ред. и сост. Н. И. Гаврюшина. – М.: Изд. гр. «Прогресс-культура», 1994. – С. 243–488.

21. *Шпенглер, О.* Закат Европы. В 2 т. / О. Шпенглер; пер. с нем. – Мн.: Попурри, 1999. – Т. 2. – 720 с.

22. *Шубарт, В.* Европа и душа Востока / В. Шубарт; пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. – М.: Альм. «Рус. идея», 1997. – 448 с.

23. *Щепанская, Т. Б.* Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) / Т. Б. Щепанская // Астарта. Женщины в структурах власти архаических и традиционных обществ: [Сб. ст.]; под ред. М. Ф. Альбедиль, А. В. Цыба / С.-Петербург. гос. ун-т, Совет молодых ученых, Музей антропологии и этнографии Рос. акад. наук «Кунсткамера». – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 126–158.

УДК 316.33

ББК 87.66: 60.50

А. И. Пьянов

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Северо-Кавказский государственный технический университет

E-mail: alexpya2006@yandex.ru

В статье представлены результаты выборочных исследований автора по определению интегрального индекса социального самочувствия семей Ставропольского края.

Ключевые слова: семья, социально благополучная семья, показатель «социальное самочувствие», интегральный индекс социального самочувствия семьи.

A. Pjanov

SOCIAL STATE OF HEALTH OF THE RUSSIAN FAMILY

North Caucasus State Technical University

In article results of selective researches of the author by definition of an integrated index of social state of health of families of Stavropol Territory are presented.

Keywords: a family, socially safe family, an indicator «social state of health», integrated index of social state of health of a family.

Тема семьи в современном общественном сознании представлена либо общими исследованиями, либо новыми (или уже привычными) фактами социальных изменений в семейной сфере. Это порождает отставание и зависимость семейной политики от стихии этих изменений и не дает возможности сформулировать стратегию эффективных превентивных и позитивных действий общества и государства в этом направлении. Именно социальная практика актуализирует необходимость научного исследования этой проблемы.

Семья есть уникальная социальная общность, субстанционально сочетающая в себе биологические, социальные и духовные начала человеческого бытия. Благодаря своей уникальности, семья удовлетворяет основные потребности субъектов социального действия. Нарушение процессов нормального функционирования семьи как социального института и специфической малой группы как совокупного субъекта социальной деятельности ведет к неудовлетворению семьей этих потребностей и их последующему распаду, который, по мнению автора, детерминирует разрушение самого общества как социальной реальности (*generis sui*).

Исходя из сказанного, семейное благополучие определяется удовлетворением в семье и семьей социальных и личных потребностей социальных субъектов. Предельным отражением семейного благополучия индивида является положительная оценка им самим его семейной жизни в целом. Предельным состоянием благополучия семьи предстает «полнота семьи», определенная с позиции «устойчивости», «стабильности брака», то есть наличия в ней обоих супругов и детей. Предельным проявлением семейного благополучия с позиций общества предстает оптимальный уровень его воспроизводства [1, с. 14]. Данные трех показателей представляют собой основные параметры «действительной» (термин Г. В. Ф. Гегеля), то есть социально благополучной семьи [2, с. 341].

Логическое развертывание содержания категории «семейное благополучие» представляет собой определение и формирование его точно обозначенных качественных уровней. Нижний уровень составляют социально неблагополучные семьи, не имеющие благополучия по всем трем составляющим, и которые определяются термином «кризисные семьи». Следующий уровень составляют благополучные семьи по одной из трех составляющих, но неблагополуч-

ные по двум другим, которые определяются термином «проблемные семьи». Третий уровень представляют семьи, в которых наличествует благополучие по двум составляющим и неблагополучие по одной составляющей. Эти семьи определяются термином «переходные семьи». Четвертый уровень представляют семьи с полным набором основных элементов благополучия, то есть социально благополучные семьи.

Аналогичным образом сформированные выборочные совокупности типов семей, находящихся на разных стадиях и в разных состояниях благополучия, представляют относительно полную картину состояния общества и института семьи по данному показателю. Уровень семейного благополучия в обществе может исчисляться как некоторое соотношение факторов благополучия с факторами неблагополучия. Наиболее же объективным показателем здесь может быть доля населения, проживающего в социально благополучных семьях, или доля таких семей в их общем числе.

Проведенные опросы по районированной случайной выборке в течение последних лет показали, что доля социально благополучных семей в общем количестве семей не только мала, но продолжает снижаться. Среди 6553 респондентов, опрошенных в 2006 году на территории Ставропольского края, было выявлено 700 таких семей или 10,7 % общей выборочной совокупности [3]. Подобное исследование, проведенное в 2010 году среди 6299 респондентов, выявило только 432 социально благополучных семьи или 6,9 %. Вместе с «переходными семьями» (31,1 %) они составили 40,0 % общей выборочной совокупности. Неблагополучные семьи составили 60,0 % общей выборки («проблемные семьи» – 47,6 % и «кризисные семьи» – 12,4 %) [4].

Сравнение различных характеристик социально благополучных семей с неблагополучными (и каждого их типа с характеристиками «средней» семьи общей выборки) позволяет делать выводы о том, по каким параметрам и насколько отличается «эмпирическая идеальная» семья от «реальной» и насколько достигим найденный «реальный идеал». Успешное решение данной задачи делает практически решаемым вопрос о размерах как непосредственного (материального) стимулирования роста социального благополучия семей (количественный параметр), так и о возможностях опо-

средованного (социокультурного) стимулирования этого процесса (качественный параметр). Кроме того, сравнение разных типов семьи между собой позволяет оценить разницу между ними и планировать соответствующие мероприятия для их перевода с одного уровня социального благополучия на другой, более высокий. Однако для практического осуществления такого сравнения необходимы соответствующие показатели и индикаторы.

Практика решения частных и прикладных задач в отдельных сферах социальной реальности требует разработки и применения некоторого ограниченного числа показателей, расчет которых мог бы быть осуществлен в условиях высокой оперативности и минимальных затрат для сбора и обработки информации. Для этого в социальной статистике выработан и является общепризнанный подход, при котором «значения показателей некоторого заданного идеального состояния объекта получают статус максимальных и значение «1.0», а показатели (индексы) реального состояния объекта сравниваются с ними, что и дает возможность получить объективные значения и сравнивать по единому основанию степень этой разницы» [5, с. 55].

В современной социологической литературе в качестве необходимых и достаточных для оценки социального благополучия семьи выделяют четыре группы социологических показателей: 1) материально-бытовые (уровень жизни, обеспеченность атрибутами цивилизации и т. д.); 2) социально-институциональные (полнота семьи, то есть наличие детей и обоих родителей и т. д.); 3) социального самочувствия (здоровье, мотивация, оптимизм и т. д.); 4) социально-групповые (удовлетворенность семейной жизнью, то есть интимными и другими межличностными отношениями в семье) [6]. Если два первых показателя характеризуют количественный параметр оценки социального благополучия семьи, то два других – ее качественный параметр.

Одним из наиболее актуальных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение социального самочувствия. С социологической точки зрения, социальное самочувствие – это восприятие и оценка жизненной ситуации в соотношении с жизненным идеалом, основанным на ценностных ориентациях, социальных установках и уровне притязаний конкретного человека, конкретной социальной

группы [7, с. 12]. Исходя из данного определения, социологический показатель «социальное самочувствие» отражает обобщенную эмоционально-оценочную реакцию социальной группы или индивида на социальные изменения своего положения в трансформирующемся обществе.

В данном исследовании показатель социального самочувствия представляют индикаторы «Здоровье родителей», «Здоровье детей», «Питание», «Оптимизм», «Мотивация». Интегральный индекс социального самочувствия семьи рассчитывается как среднее арифметическое значение частных индексов.

Здоровье родителей рассчитывается по результатам ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете свое здоровье?». Вариантам ответов присваиваются соответствующие коэффициенты. На данный вопрос варианты ответов респондентов о своем здоровье распределились следующим образом:

Самооценки состояния здоровья	Процент	Коэффициент
Я бы сказал (а), что я здоров (а)	17,6	1,0
Есть недомогания	50,9	0,75
Болею несколько раз в году	10,0	0,25
Имею общее (профессиональное) заболевание	8,7	0,10
Я – инвалид	3,0	0,0

Расчет индекса «Здоровье родителей» выглядит следующим образом:

$$0,176 \times 1,0 + 0,509 \times 0,75 + 0,123 \times 0,50 + 0,100 \times 0,25 + 0,087 \times 0,10 = 0,653.$$

Индекс «Здоровье детей» рассчитывался по результатам ответа респондентов-родителей на вопрос: «Каково физическое и психическое здоровье Ваших детей?» На данный вопрос варианты ответов респондентов распределились следующим образом:

Оценка родителями здоровья детей	Процент	Коэффициент
Удовлетворительное	33,5	1,0
Болеют несколько дней в году	24,8	0,5
Болеют несколько раз в году	29,0	0,25
Имеют общее заболевание	9,0	0,1
Мой ребенок – инвалид	3,7	0,0

Уровень удовлетворения потребностей в питании оценивается индексом «Качество питания». Автором изучался набор из шести агрегированных групп основных продуктов. Дифференциация и ранжирование уровня потребления приняты следующими:

Вариант ответа	Коэффициент
Едим досыта	1,000
Почти досыта	0,750
В половину от потребности	0,500
Впроголодь	0,250

Если респондент в вопросе об уровне потребления в его семье продуктов питания отметил следующие варианты по группам продуктов, тогда индекс «Качество питания» для данной семьи получит значение:

$$(1,000 + 0,750 + 0,500 + 0,250 + 0,500 + 0,250) : 6 = 0,542.$$

Группы продуктов	Варианты ответов	Коэффициент
1. Хлеб, крупа макарон	«Едим досыта»	1,000
2. Молочные продукты	«Почти досыта»	0,750
3. Мясопродукты	«В половину..»	0,500
4. Рыбопродукты	«Впроголодь»	0,250
5. Овощи и фрукты	«В половину..»	0,500
6. Кондитерские изделия	«Впроголодь»	0,250

Исходя из данной методики расчета, были получены следующие значения индексов по продуктовым группам и уровням потребления:

Группы продуктов	Индекс
1. Хлеб, крупа макарон	0,800
2. Молочные продукты	0,625
3. Мясопродукты	0,525
4. Рыбопродукты	0,472
5. Овощи и фрукты	0,558
6. Кондитерские изделия	0,521

Индекс «Качество питания» семей по Ставропольскому краю получает значение 0,583.

Индекс «Мотивация» рассчитывается по данным ответов на вопрос анкеты: «Каково чаще всего Ваше физическое и психологическое состояние по итогам прожитого дня?». Ответы

респондентов на этот вопрос распределились следующим образом:

Варианты ответов респондентов	Процент	Коэффициент
Доволен сделанным	14,6	0,146
Жаль, не удалось сделать все, что хотел	30,6	0,306
День прошел и ладно	16,7	0,167
Как хорошо, что на сегодня все уже закончилось	16,2	0,162
Затрудняюсь ответить	21,9	0,219

Первый и второй варианты ответов отражают здесь разные аспекты положительного восприятия действительности, являющегося главным условием позитивной мотивации. Первый отражает ее функциональный (социально-статический) аспект: «в течение дня происходили преимущественно приятные для меня события и получены весьма удовлетворительные результаты». Второй – активно-деятельностный (социально-динамический) аспект: «в течение дня я чаще всего занимаюсь интересными для меня видами деятельности, получаю от этого удовольствие и с нетерпением жду наступления следующего дня, который будет так же интересен в моих возможностях самореализации». Третий вариант ответа отражает то состояние, когда человек свылся с малоинтересной и привычной чередой событий; его жизнь превратилась в простое существование без значимых перемен. Этот вариант ответа свидетельствует о слабой мотивации. Четвертый вариант ответа отражает угнетенность с преобладанием в жизни респондента негативных составляющих семейного бытия, отсутствие позитивной мотивации и даже возможное наличие деструктивной мотивации. Пятый вариант ответа свидетельствует об отсутствии оценочного восприятия, происходящего в семье.

Расчет индекса «Мотивация» производится сложением полученных результатов опроса по первому и второму вариантам, а также прибавлением к полученной сумме половины значений третьего и пятого вариантов. Для Ставропольского края расчет индекса «Мотивация» выглядит следующим образом:

$$0,146 + 0,306 + 0,167/2 + 0,219 : 2 = 0,645.$$

Индекс «Оптимизм» рассчитывается по данным ответов на вопрос анкеты: «Что Вы

думаете о Вашем завтрашнем дне?» Варианты ответов, которым присваивается тот же коэффициент от «1» до «0», выглядят так:

Варианты ответов	Индекс
Особо не опасаясь	1,000
Есть опасения	0,750
Откровенно боюсь	0,000
Ничего не думаю	0,500

В Ставропольском крае были получены следующие результаты опроса супругов после их ответов на вопрос: «Что Вы думаете о Вашем завтрашнем дне?»:

Тогда индекс «Оптимизм» для семей Ставропольского края получает следующее значение:

$$1,0 \times 0,159 + 0,75 \times 0,315 + 0,5 \times 0,250 = 0,520.$$

Варианты ответов респондентов	Процент	Доля	Коэффициент
Особо не опасаясь	15,9	0,151	1,0
Есть опасения	31,5	0,315	0,75
Откровенно боюсь	27,6	0,276	0,0
Ничего не думаю	25,0	0,250	0,5

Итак, интегральный индекс социального самочувствия семей Ставропольского края, рассчитанный как среднее арифметическое значение индексов «Здоровье родителей», «Здоровье детей», «Питание», «Оптимизм», «Мотивация», составляет 0,585.

Показатели социального самочувствия семей, рассмотренные в их связи с уровнями и типами семейного благополучия, представлены в таблице.

Показатели социального самочувствия семей в Ставропольском крае (2010 г.)

Наименование показателей	Категории семей по уровням благополучия/неблагополучия и значения индексов показателей				
	Ставропольский край	Социально-благополучные семьи	Переходные (относительно-благополучные семьи)	Неблагополучные семьи	
				проблемные семьи	кризисные семьи
N=	6299	432	2084	3001	782
Здоровье родителей	0,638	0,719	0,674	0,614	0,588
Здоровье детей	0,541	0,608	0,516	0,537	0,496
Питание	0,583	0,681	0,594	0,589	0,528
Мотивация	0,645	0,739	0,641	0,618	0,610
Оптимизм	0,520	0,628	0,505	0,472	0,438
Социальное самочувствие	0,585	0,675	0,586	0,566	0,527

Сравнительный анализ полученных данных дает следующие результаты. Уровень здоровья родителей выше всего в социально-благополучных семьях. Здесь отнесли себя к здоровым людям 26,6 % респондентов. Имеют недомогания – 52,5 %, болят несколько дней в году – 7,9 %, несколько раз в году – 6,5 %, имеют общее или профессиональное заболевание – 3,9 %; являются инвалидами – 2,6 %. Самый низкий уровень здоровья отмечают у себя родители в «кризисных семьях». Здесь считают себя здоровыми всего 7,7 % родителей. Болят несколько дней в году – 8,7 %, несколько раз в году – 13,4 %, имеют общее или профессиональное заболевание – 11,5 %, инвалидами являются 3,8 %. Остальные 54,8 % отмечают у себя недомогания.

Здоровье своих детей выше всех оценивают родители в социально-благополучных семьях – 55,6 %. На втором месте проблемные семьи – 41,4 %. Хуже всего детское здоровье в «кризисных семьях», где здоровье отмечается всего 23,4 % респондентами; болят несколько раз в год – 28,8 %, имеют общее заболевание – 15,3 %, а инвалидами себя считают 13,5 % респондентов.

Качество питания оказалось наиболее высоким в социально-благополучных семьях. Индекс уровня потребления по «хлебо-крупяной» номенклатуре здесь составил 0,903, по мясопродуктам – 0,653, молочным продуктам – 0,743, рыбе – 0,588. Практически на этом же уровне находится качество питания и в относительно благополучных семьях. Хуже всех пи-

таются «кризисные семьи». Здесь даже по хлебу и крупам отмечается низкий уровень потребления – 13,8 %.

Индекс мотивации самый высокий в социально-благополучных семьях с детьми. 33,3 % респондентов из этих семей довольны сделанным за день; сожалеют, что не успели сделать все, что хотели – 44,4 % респондентов. В этой группе семей нет супругов, недовольных прожитым днем. Несколько ниже мотивация в относительно благополучных семьях. Здесь довольны сделанным за день 22,4 % и сожалеют, что не успели сделать все, что хотели 35,5 % респондентов. Самый низкий индекс мотивации отмечается в «проблемных» и «кризисных» семьях. В первой группе рады, что день наконец-то закончился, 18,4 % родителей, а довольных прожитым днем всего 11,4 %. Во второй группе рады окончанию дня 19,2 %, а довольны прожитым днем 12,2 %.

Рейтинг индексов оптимизма не отличается от всех предыдущих трендов по своему значению среди семей вышеуказанных типов. Самый высокий индекс отмечается в социально благополучных семьях, где с уверенностью смотрят в завтрашний день 23,8 % родителей, а боятся его – 17 %. Самым низким уровнем оптимизма остается в «кризисных семьях», где не боятся за свой завтрашний день 10,3 %, а боятся его – 52,6 %.

В итоге самый высокий индекс социального самочувствия у социально благополучных семей. Самое низкое значение этого индекса у «кризисных семей».

Таким образом, приоритетным направлением государственной семейной политики должна быть разработка комплекса мер, стимулирующих рост числа социально благополучных семей. Семейное благополучие в большей степени зависит от социального самочувствия, чем от уровня жизни. Конечно, имеет место определенная зависимость социального самочув-

ствия от уровня жизни, но эта зависимость далеко не линейна. Общественная стабильность, социальные гарантии государства, определяющие позитивные перспективы развития семьи, создают лучшие условия для роста семейного благополучия, чем материальные составляющие уровня жизни. Нематериальные составляющие могут быть гораздо более эффективными мотиваторами семейного благополучия, так как определяют качество человеческой жизни, создают уверенность в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тараданов, А. А. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика: автореф... д-ра соц. наук / А. А. Тараданов. – Екатеринбург, 2004. – 40 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия духа. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – Т. 3. – 471 с.
3. Пьянов, А. И. Социальный институт семьи в условиях трансформации общественного строя в России: монография / А. И. Пьянов. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2006. – 315 с.
4. Пьянов, А. И. Социологический анализ изменений в жизнедеятельности российской семьи / А. И. Пьянов // Научные исследования: информация, анализ, прогноз: монография / под общ. ред. И. О. Кирикова. – Воронеж: Изд-во Воронежского госпедуниверситета, 2010. – С. 383–409.
5. Бигулов, В. Х. Материальное благосостояние и социальное благополучие: опыт построения индексов и анализ взаимосвязи / В. Х. Бигулов, А. О. Крыштановский, А. С. Мичурин // Социологические исследования. – 1984. – № 4. – С. 53–59.
6. Гуревич, М. А. Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям: на примере Челябинской области / М. А. Гуревич. – Челябинск, 2001; Красильникова, М. Д. О методике расчета индекса социальных настроений / М. Д. Красильникова // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 2; Крупец, Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социологические исследования. – 2003. – № 4 и др.
7. Головаха, Е. И. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС). Конструирование и применение теста в массовых опросах / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997. – 64 с.

УДК 94 (470) «1615»
ББК 63.3(2)45

А. В. Варакин

ПОДГОТОВКА ПОХОДА И ВТОРЖЕНИЕ А. ЛИСОВСКОГО В РОССИЮ В НАЧАЛЕ 1615 г.

Волгоградская академия государственной службы

E-mail: AV_Varakin@mail.ru

В статье рассматриваются русские, польские, шведские, нидерландские документы, нарративные источники более позднего периода, архивные документы, анализ которых позволяет составить более полное представление и внести коррективы в описание исторического рейда польского полковника А. Лисовского.

Ключевые слова: Речь Посполитая, полковник А. Лисовский, Д. М. Пожарский, Россия, Швеция, Смутное время.

A. V. Varakin

PREPARATION OF THE CAMPAIGN AND INVASION OF LISOWSKI IN RUSSIA IN EARLY 1615

Volgograd Academy of Public Administration

The article deals with Russian, Polish, Swedish, Netherlands documents, narrative sources of the later period, archival documents, whose analysis allow a more complete picture and make adjustments to the historical description of the raid of the Polish Colonel A. Lisowski.

Keywords: Rzeczpospolita, Polish-Lithuanian Commonwealth, Col. A. Lisowski, D.M. Pozharsky, Russia, Sweden, the Time of Troubles.

В июне 1611 года войска Речи Посполитой после двадцатимесячной осады заняли Смоленск. В 1612 году от поляков была освобождена Москва, а в следующем 1613 году на царский престол был избран Михаил Романов. В Польше в это время действовало три Конфедерации. Одна из них состояла из войск, ушедших из Москвы, разграбивших перед этим царскую казну и сокровищницу. Она возглавлялась Осипом Циклинским и находилась во Львове. Другая состояла из бывших сапеженцев и оставалась в Бресте Литовском под началом Вацлава Побединского, к ней примкнула часть войска А. Лисовского. Третья, Смоленская, образовалась после Сейма 1613 года и расположилась в Бидгоще. На Сейме был установлен такой размер налогов, который едва покрывал затраты войска. В связи с этим король был вынужден распустить часть солдат. В то же время царь Михаил Романов требовал возвращения Смоленска и уплаты 1600000 злотых за сокровища, вывезенные поляками из Москвы [1]. Ю. Видикинд сообщал, что три мятежных войска бежали из Москвы в Польшу: «дмитровцы, сапежинцы и смоляне». Они требовали жалование за службу, попутно разоряя церковные имения, жестоко грабя дворян и крестьян [2, с. 300]. В такой обстановке постоянных нападений, насилия и иного разгула в Речи Посполитой, с указания короля, формируется отряд из этих людей под командованием А. Лисовского для похода в Московское госу-

дарство. Его история до сегодняшнего времени остается малоизученной, хотя является очень важным моментом для понимания состояния Московского государства начала XVII века. В 1615 – начале 1616 годов он со своим отрядом дошел до Москвы, обогнул ее с севера на юг и вернулся назад, грабя и уничтожая все, что встречалось на его пути. Оценка действий «лисовчиков» невозможна без количественного и качественного анализа этого войска на начальном этапе рейда, до битвы с Д. М. Пожарским. Сражение с русским воеводой было первым серьезным испытанием отряда. Историки до сих пор не могут прийти к единому мнению, кто победил в этой битве. Ни один из авторов в своих исследованиях не затронул вопрос о силах, которыми располагал А. Лисовский.

Первым трудом, посвященном данному походу, была книга «Воители-сарматы», изданная в Кельне в 1631 году Шимоном Старовольским. Характеризуя партизанскую тактику А. Лисовского во время похода 1615 года, в нем самом он видит непревзойденного воина, благодаря действиям которого Московское государство было «принуждено к успокоению». Его оценки разделяют Каспер Несецкий, М. Дзедушинский (он относит данные события к 1612–1613 гг.), Ю. У. Немцевич. Северин Голембовский видел главной задачей похода 1615 года завершение переговоров под Смоленском в пользу Речи Посполитой. Казимир Тышковский, разделяя предыдущие оценки, наряду с польскими ис-

точниками, вводит русские и делает попытку критически их осмыслить. В 1976 году в Польше выходит первое издание книги (второе вышло в 2004 году) Генрика Виснера «Лисовчики». Основываясь на трудах предшественников и во многом повторяя их оценки, он считал, что рейд А. Лисовского не принес ожидаемых политических результатов. Основные источники, на которые опираются польские историки – это мемуары, переписка, летописи. В их трудах присутствует практика широкого заимствования друг у друга без указания источника. Очень часто вообще невозможно установить используемые документы [3].

Практически все работы русских историков, посвященные Смутному времени, по хронологии заканчиваются временем избрания на престол Михаила Романова. Поэтому этот рейд в российской историографии упоминается либо в общих трудах по истории России, либо в соприкосновении с изучением других отдельных вопросов. По мнению С. М. Соловьева и Р. Г. Скрынникова, А. Лисовский совершил стремительный поход, надолго памятный в Московском государстве, в котором не было сил для его отражения. И. Е. Забелин рассматривал эти события с точки зрения раскрытия полководческого таланта и личности Д. М. Пожарского. Г. В. Форстен, А. А. Селин отмечали опасение шведов и русских в том, что действия А. Лисовского помешают ходу переговоров в Дедерене. А. Л. Станиславский предположил, что после разгрома казаков под Москвой в июле 1615 года, А. Лисовский, по существу, предложил свою кандидатуру на место вождя русских казаков, недовольных правительством Михаила Романова. Ю. М. Эскин считал, что канцлер Сапега и гетман Ходкевич задумали прощупать прочность новой власти с помощью военного рейда в Россию [4]. В описании похода А. Лисовского практически ни один из авторов не использует польские источники, в основном они опираются на летописные источники, которые требуют дополнительной проверки.

Отдельно стоит выделить труд шведского историка Ю. Видикинда, изданный в 1671 году. Он включил в свою историю рассказ пленного «боярина» Михаила Клементьева, рассказавшего о бедах Московского государства, в том числе и о походе А. Лисовского. В своей работе он в большом объеме использовал подлинные документы. В описании русско-польских отношений он пользовался сочинением Кoberжицкого

«История Владислава, государя польского и шведского», изданного в 1655 году [2, с. 373–374, 542–547].

Использование всего комплекса русских, польских, шведских, нидерландских документов, поздних нарративных источников, документов делопроизводства, польской переписки, а также изданных в 1995 году и практически никем не используемых документов Разрядного приказа, касающихся похода А. Лисовского, позволяет проанализировать, пересмотреть и уточнить сложившиеся представления о рейде польского полковника [5].

Отряд А. Лисовского формировался в условиях, когда в конце 1614 года большое количество своевольных людей, находящихся без службы и без средств к существованию, совершали постоянные нападения, насилия и иной разгул в Литве. А. Лисовский находится в это время в Смоленске, где, по оценке Г. Виснера, «снова позволял себе много лишнего». В результате чего канцелярия Я. Ходкевича издает воззвание, в котором содержался вызов его в суд. Гетман просил не обращать на это внимание и пригласил А. Лисовского к себе в гости [6].

В начале 1615 года по указанию короля Я. Ходкевич поручил А. Лисовскому сформировать отряд, который должен был вторгнуться в Россию и продвигаться как можно дальше к Москве. Сам польский полковник ставит себе в заслугу предложение собрать и отправить в Московскую землю воинов, беспокоивших Речь Посполитую [7]. Главная особенность этого набора была в том, что людей брали на службу без оплаты. Речь Посполитая не должна была нести тягости, связанные с этим походом. 12 января в Могилеве А. Лисовский издает обращение к людям, пребывающим «без службы войсковой». В нем сообщалось о наборе войска для славы короля. После формирования отряда, он должен был сообщить Я. Ходкевичу о результатах и получить дальнейшие инструкции [8].

Аналогичные события уже имели место в 1607 году, когда мало кому известный тогда А. Лисовский пересек границу Речи Посполитой и устремился вглубь Московского государства. Он не только вывел из страны людей, представляющих ей угрозу, но и сумел собрать под свои знамена тысячи недовольных политической В. Шуйского.

Почти через восемь лет польский полковник собрал около шестисот человек. Дело в том, что пан Калиновский сумел убедить мно-

гих, что А. Лисовский должен отвести продовольствие в Смоленск и там войско будет распушено. Такая перспектива многих не устраивала, поэтому было набрано всего шесть хоругвей [9]. Сам А. Лисовский в своей реляции пишет так: «хотя мне в том Калиновский весьма мешал и часть людей от этого отвел, я, однако, кого застал, собрал четыреста тридцать человек, с ними я пустился во имя Божье под Брянск» [7].

Г. Виснер, вслед за М. Дзедушинским, утверждает, что возможность послужить под командой «знаменитого полковника» оказалась очень притягательна. Он обращает внимание на разницу в численности войск, сообщенной А. Лисовским. В апреле 1615 года он писал о 600 человек, а в феврале 1616 уже о 430 добровольцах. Эту разницу он объясняет иррегулярностью войска, в котором солдат держит «страх перед потерей военной добычи» [6]. Думается, что особого выбора у добровольцев, завербованных А. Лисовским, не было: они могли ждать и не дожидаться заслуженного или должны были идти грабить, силой добывая материальные и другие ценности. К моменту формирования отряда, по оценке Ю. Видикинда, польская корона должна была заплатить участникам трех Конфедераций больше 20 миллионов [2, с. 300]. Именно возможность взять силой то, что можно, а вовсе не желание служить у знаменитого полковника, влекло к нему людей. Поэтому, как только разнеслась весть о том, что отряд доставит продукты в Смоленск и будет распушен, многие отказались от участия в походе, так как в нем не было возможности заниматься грабежом.

Вместе с тем, по сведениям ирландца Варнавы Килеварта, вскоре после Рождества Христова прислал король к А. Лисовскому грамоту. В ней он писал о необходимости собрать вольных воинских людей, чтобы идти войной в Московские земли. Жалование велел собрать с земли на три месяца, обещая заплатить сполна за все время, которое они там будут. Сверх того было обещано за сожженный острог, посеченных людей и опустошенную местность «за ту их службу, за всякой город и за острог Лисовскому и тем, которые с ним, сверх заслуженного даст всякому человеку на месяц наем по тому ж, по чему кому найму идет». И А. Лисовский по королевской грамоте собрал воинских людей и раздал им денег на три месяца. Более подробно о количестве иностранцев у А. Ли-

совского видно из истории переманивания их Д. М. Пожарским. В июле-августе он пишет грамоту находящимся в войске А. Лисовского иностранцам разных земель (прапорщику Кеделяхмену Донохмакафте, ротмистру Вилиму Гриму да Устюсу, капитану Якову Шаву де Юстру), призывая их на службу царю Михаилу Федоровичу, и обещает царские милости. К каждому из них он обращается персонально [10]. В сентябре к Д. М. Пожарскому перебежал ирландец Варнава Килеварта, который в числе 15 иностранцев был у А. Лисовского со Смоленска. Он рассказал о том, что после битвы Д. М. Пожарского с А. Лисовским к ним приезжал капитан Барноби на три дня и рассказывал, что всем, кто отъедет на государево имя, будет иметь жалование, как им дано с капитаном Томасом Юстусом и даже выше того, и будут они по-прежнему у него в роте. Иностранцы готовы были бросить А. Лисовского, но, по их словам, все имущество их находилось под охраной, и взять его было нельзя. Капитан Барноби обещал заплатить за всю оставленную рухлядь, показав грамоту Д. М. Пожарского с печатью, чтобы они поверили. Оставшиеся у А. Лисовского иностранцы ждут, как поступит князь Д. М. Пожарский с Варнавой, каким жалованием он будет пожалован, не будет ли к нему какого бесчестья. Д. М. Пожарский заявил Варнаве, что за все его пожалует государь в Москве, куда он и был отправлен. Однажды он и его товарищи уже получили царскую милость, когда после сдачи Белой они перебежали от поляков в Москву. Отправленные после этого в осаду под Смоленск, они оказались в самом городе у поляков, где их и забрал А. Лисовский [11, стб. 122–123].

Из сообщения Варнавы видно, что войско польского полковника состояло не только из польских добровольцев, поступивших на службу без оплаты, но и наемников, которые получили за свою службу деньги вперед за три месяца. Их количество было незначительным.

С этим войском А. Лисовский неожиданно появился под Брянском 13(23) марта. Много раз он пытался взять город приступом, но сил у него не хватало [12]. По словам самого польского полковника, на помощь Брянску пришло три с половиной тысячи человек, которых он разбил, и едва семьсот человек ушло [7]. С таким количеством людей А. Лисовский ничего не мог поделаться. От взятых в плен «языков», он узнал о готовившемся в ближайшее время про-

тив него выступления. Во время этого похода было несколько стычек, которые закончились для него благополучно. Во время них к польскому полковнику перебежало несколько донских казаков из войска Заруцкого. Они рассказали о планах князя Дмитрия Мамстрюковича-Черкасского, бывшего в то время командующим русской армией под Смоленском. Если он услышит о малом количестве войска, то останется под крепостью и даст отпор в лагере. В противоположном случае, если войска будет много, воевода должен будет двинуться к Дорогобужу, Вязьме и другим городам, которые «нарядом добрым снабжены и людьми». В планах А. Лисовского было остаться в Хотелеве и дожидаться, пока просохнет почва и взойдет трава. 13 апреля он пишет письмо Я. К. Ходкевичу в котором просит дать подробные инструкции [9]. По информации А. Лисовского, под Брянск к нему пришло еще две хоругви. С их прибытием у него стало насчитываться восемьсот человек [7].

Он сжег окрестности Брянска, «кровь же многую крестьянскую невинно пролил», потом пришел в Карачев и его сжег и людей поубивал [12]. Воинских людей с ним было поляков, литвы, черкас и немцев шесть рот конных [11, стб. 126–127].

Позже, в феврале 1616 года, в своем донесении А. Лисовский сообщает, что из Москвы послали князя Шаховского с семью тысячами войска с целью разгромить его и напасть на Речицу. Князь с тем войском встал в Карачеве, в двенадцати милях от Брянска. Польский полковник, получив об этом известие и не желая дожидаться неприятеля, оставив половину войска под Брянском, с другой половиной пошел к Карачеву. Войско Шаховского было разбито, крепость взята. Князь Шаховской и воевода карачевский были отосланы Я. Ходкевичу [7]. После этого подошли к нему шестьсот человек конных черкас, присланных королем, и различных русских человек, казаков от Д. М. Пожарского и из других мест приехало около ста человек [13]. В это время, узнав, что самого А. Лисовского под Брянском нет, и там стоит лишь часть его сил, защитники Брянска вышли из города и ударили по его лагерю так, что пехота не могла и ног своих унести. Спаслось лишь небольшое количество конницы. После этого А. Лисовский для отдыха и получения ответа от Гетмана остался в Карачеве [7]. В книге сеунчей 123 года было отмечено, что 22 июня

(2 июля) он сделал рейд из Карачева под Брянск со всеми своими людьми. Целый день длился бой, но А. Лисовскому так и не удалось завладеть крепостью, и он отошел в Карачев [14].

Нельзя не согласиться с Г. Виснером, который считает, что данные А. Лисовского о численности войск противника преувеличены. Из расспросных речей Михаила Клементьева, который был захвачен в плен в Клушинской битве, видно, что у русских военной силы, стоящей наготове, кроме 8 или 10 тысяч, стоящих под Смоленском, нет. А набрать новые войска невозможно из-за общего разорения страны [2, с. 374]. Юрий Шаховской был воеводой в Карачеве [15]. Точно нельзя сказать, каким по численности был гарнизон города. Однако документы Разрядного приказа позволяют говорить о численности гарнизона в Перемышле («сорок семь человек стрельцов, и тех половина больны, да четырнадцать человек пушкарей и затинщиков да пятнадцать человек посадских людей»), в Калуге («пятьдесят человек, и у тех у многих пищалей нет, с голоду и с бедности проели»), в Белеве (ратных людей не было ни одного человека, так как приходили казаки и убили стрельцов и пушкарей и посадских людей сто тридцать человек) [16]. То есть можно говорить о том, что гарнизон городов колебался от 76 до 130 человек. В разрядных записях так же не удалось найти сведений о посылке войска в Карачев на разгром «лисовчиков». Несомненно, отряд А. Лисовского действительно имел преимущество над русским войском, если действия велись в открытом поле. Однако если противник прятался за крепостными стенами, то отсутствие артиллерии, пехоты делали бесполезными попытки взять крепость [6]. Исходя из этих данных, победу А. Лисовского над превосходящими силами противника и взятие Карачева, так высоко оцененных королем Сигизмундом III, можно считать очень сомнительной [17].

Послы к А. Лисовскому, которых он ждал в Карачеве, вернулись не скоро, поскольку у Я. Ходкевича происходило обсуждение дальнейших планов. Когда они появились, с ними пришел со сборищем людей Рушкевич. А. Лисовский считал, что «более сброду, нежели голодного люду, способного к бою», у него не было [7].

Стояние полковника под Брянском Г. Виснер считает неудачей, замаскированной под ожидание, когда высохнет земля и вырастит

свежая трава [6]. Нельзя забывать о том, что польский полковник действовал в соответствии с инструкциями Я. Ходкевича и без его команды не мог продвинуться вперед. А. Лисовский ждал подкреплений, которых было меньше, чем он ожидал. Только убедившись в напрасном ожидании и получив указания Гетмана, польский полковник двинулся вглубь страны. С этой точки зрения можно согласиться с Г. Виснером о неудаче, так как изначально А. Лисовский предполагал собрать гораздо больший отряд.

По сообщению нидерландских посланников фан-Бредероде, Бассу и Иоахима, в это время А. Лисовский имел 2500 или 2600 человек, хотя у шведов была информация о 7000. Шведы считали главной задачей А. Лисовского воспрепятствовать заключению мирного договора между Россией и Швецией в пользу польского короля. Они надеялись, что польский полковник не осмелится совершить рейд по Московской земле. Те области, куда вторгся А. Лисовский, были опустошены. Там не было средств к пропитанию людей, возможности доставать свежих лошадей. Полковник имел обыкновение бросать слабых лошадей, делая их непригодными для использования неприятелем. Когда он доставал лучших лошадей, «то подобно молнии, он бросается вперед, уничтожая все, что ему попадется и чего он не может увести или угнать с собою». Русский посол, с которым говорили шведы, заверил посланников, что А. Лисовского бояться нечего. У царя имеется достаточное количество средств и сил, чтобы его разбить, более того, уже три воеводы были отправлены на разгром А. Лисовского. По сведениям посланников, у воевод было три или четыре тысячи человек [18].

Проведенный анализ источников позволяет свидетельствовать, что в 1615 году А. Лисовским был предложен Я. К. Хоткевичу поход в Россию, сильно напоминающий события 1607 года. Предлагалось собрать воинов, промышленящих грабежами и насилиями и вывести их в Московское государство, в котором постоянно вспыхивали казацкие восстания. Используя свою известность, А. Лисовский предполагал собрать под свои знамена всех недовольных М. Романовым. Набрав около 600 человек, он подошел к Брянску. В его войске были как добровольцы, так и около 15 человек наемников, получивших деньги за три месяца вперед. К середине июня жалование, полученное ими, было отработано. В апреле к нему пришло еще две

хоругви. К его войску примкнуло около ста русских казаков из войска Заруцкого и других, в том числе перебежавших от Д. М. Пожарского. И, наконец, к нему подошло еще шестьсот человек, присланных королем. Как удалось установить, нидерландские и шведские источники сильно преувеличивают численность войск польского полковника. В действительности к моменту встречи с войском Д. М. Пожарского у А. Лисовского насчитывалось около 1500 человек, из которых ратному делу были пригодны около 700 человек. Все свои действия польский полковник осуществлял в соответствии с инструкциями Я. К. Хоткевича. Установлено, что уже с самого начала похода начинает складываться легенда о постоянном успехе, который сопутствовал А. Лисовскому в борьбе с превосходящими его силами противника. Однако сопоставление событий, нарисованных польскими исследователями, с документами Разрядного приказа позволяет внести существенные корректировки в толкование данных событий и утверждать, что отряду польского полковника противостояли измученные голодом и безденежьем гарнизоны, уступающие ему по численности, которые до прихода Д. М. Пожарского были лишены поддержки Москвы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бандке, Г. С. История Государства Польского. Т. II. / Г. С. Бандке. – Спб., 1830.
2. Видукинд, Ю. История шведско-московской войны XVII века / Ю. Видукинд. – М., 2000. – С. 300, 374.
3. *Starovolsci, S.* «Sarmatae bellatores...» / S. Starovolsci. – Kolonium, 1631. – S.222–223; 225–226; Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S.J. T.YI. W lipsku. 1841; Biblioteka warszawska. T.II. 1854. Rozmaitosci. S.385–387; *Dziedyszycy, M.* Krotki rys dziejow i spraw Lisowczykow / M. Dziedyszycy. – Lwow, 1843. – T.1. – S.91–131; *Niemcewicz, J. U.* Dzieje panowania Zygmunta III, Krola Polskiego, wielkiego ksiecia Litewskiego, i.t.d./ Wyd. K.J.Turowski. – Krakow, 1860. – T.III. – S.68–70; *Tyszkowski, K.* Aleksandr Lisowski I jego zagony na Moskwe / K. Tyszkowski // Przegtd Historyczno-Wojkowy. T.V., Zeszczyt 1. – Warszawa, 1932. – S.12–24. (Cz.2); *Wisner, H.* Lisowczycy / H. Wisner. – Warszawa, 2004. – S.66; 71.
4. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т.9–10 / С. М. Соловьев. – М., 1990. – С. 33; *Забелин, И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время / И. Е. Забелин. – М. 1896. – С. 137; *Форстен, Г.В.* Политика Швеции в Смутное время / Г. В. Форстен // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1889, ноябрь. – С. 20; *Скрынников, Р. Г.* Минин и Пожарский: Хроники Смутного времени / Р. Г. Скрынников. – М., 1981. – С. 325–327; *Станиславский, А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М., 1990. – С. 154–155; *Андреев, И. П.* День народного единства / И. П. Андреев, В. Н. Козляков,

В. А. Токарев, Ю. М. Эскин. – М., 2009. – С. 198; *Селин, А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты / А. А. Селин. – СПб., 2008. – С. 389.

5. Русская историческая библиотека. Т.8. – СПб., 1884.; Сборник императорского русского исторического общества. Т.142. – М., 1913; *Собрание государственных грамот и договоров.* Т.III. – М., 1822; *Книга сеунчей 1613–1619.* Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.) // *Памятники истории Восточной Европы.* Т.1. – Москва–Варшава: Археографический центр, 1995; *Книга сеунчей 123 г.* // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* – М., 1849. – Книга 4; *Новый летописец.* – М., 1853; *Tyszkowski, K.* Materjaly do zyciorysu Aleksandra Lisowskiego / K. Tyszkowski // *Przeglad Historyczno-Wojkowy.* Т.V. Reszyt 1. – Warszawa, 1932; *Подробный письменный отчет нидерландских посланников фан-Бредероде, Басса и Иоахима Генеральным Штатам о результатах посольства* // *Сборник императорского русского исторического общества.* Т.24. – СПб., 1878.

6. *Wisner, H.* Lisowczycy / H. Wisner. – Warszawa, 2004. – S. 65–66.

7. *Relacja Aleksandra Jozefa Lisowskiego z hrzebiegu wyprawy w glab Moskwy w r. 1615-1616.* // K.Tyszkowski. *Materjaly do zyciorysu Aleksandra Lisowskiego* // *Przeglad Historyczno-Wojkowy.* Т.Y. Reszyt 1. – Warszawa, 1932. – S. 251.

8. *List Imej Pana Aleksandra Lisowskiego do ludzi bez sluzby wojskowej bedgeveh.* // K.Tyszkowski. *Materjaly do zyciorysu Aleksandra Lisowskiego* // *Przeglad Historyczno-Wojkowy.* Т.Y. Reszyt 1. – Warszawa, 1932. – S. 101.

9. *Aleks.Jozef Lisowski do J.K.Chodkiewicza.* // K. Tyszkowski. *Materjaly do zyciorysu Aleksandra Lisowskiego* //

Przeglad Historyczno-Wojkowy. Т.Y. Reszyt 1. – Warszawa, 1932. – S. 102.

10. *Собрание государственных грамот и договоров.* Т.III. – М., 1822. – С. 136–137.

11. *Отписка царю боярина и воевод князя Дмитрия Пожарского с товарищами о служивших в русском войске англичанах.* *Распросные их речи* // *Русская историческая библиотека.* Т.8. – СПб., 1884. – Стб. 122–123, 126–127.

12. *А такова грамота послана от государевых бояр к Литовским послом к бискупу Киевскому с товарищи против их грамоты с гонцом с Максимилианом Каличецким* // *Сборник императорского русского исторического общества.* – М., 1913. – Т.142. – С. 708.

13. *Отписка царю боярина и воевод князя Дмитрия Пожарского с товарищами о служивших в русском войске англичанах.* *Распросные их речи* // *Русская историческая библиотека.* Т.8. – СПб., 1884. – Стб. 127; *Новый летописец.* – М., 1855. – С. 169.

14. *Книга сеунчей 123 г.* // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* – М., 1849. – Книга 4. – С. 7–8.

15. *Новый летописец.* – М., 1853. – С. 169.

16. *Книга сеунчей 1613–1619.* *Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.)* // *Памятники истории Восточной Европы.* Т.1. – Москва–Варшава: Археографический центр, 1995. – С. 106.

17. АСПБ ИИ РАН. К.114. *Listy Zygmunta III, krola Polskiego, do Lwa Sapiehy, Kanclera litewskiego z lat 1598=1622.* Оп. III а. №127. Ед. Хр. 19-19 об.

18. *Подробный письменный отчет нидерландских посланников фан-Бредероде, Басса и Иоахима Генеральным Штатам о результатах посольства* // *Сборник императорского русского исторического общества.* Т.24. – СПб., 1878. – С. 84–85.

УДК 94(470) «1914/1918»

ББК ТЗ(2)534-68

С. Е. Прошечкин, Д. С. Прошечкин***

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Волгоградский государственный технический университет*

Волгоградская академия МВД**

E-mail: Seper53@Mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы зарождения авиации России в начале XX в. В работе особое внимание уделяется определению условий и особенностей возникновения военно-воздушных сил, роли авиации в ходе боевых действий на фронтах первой мировой войны.

Ключевые слова: авиация, аэроплан, биплан, бомбардировщик, дирижабль, истребитель, летательные аппараты, летчик, мировая война, моноплан, морская авиация.

S. E. Proshechkin, D. S. Proshechkin***

THE AIR FORCE OF RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR

Volgograd State Technical University*

Volgograd Internal Affairs Academy**

The article is about Russian aviation development in the beginning of the XX century. Special attention is paid to the determination of conditions and peculiarities of the Russian Air Force raising and to the aircraft role on the battle fields of the First World War.

Keywords: aviation, airplane, biplane, dirigible bomber, fighter, aircraft, pilot, world war, monoplane, navy aircraft.

Впервые о возможности использования летательных конструкций в военных целях заговорили еще в дни работы Гаагской конференции 1899 г., наложившей запрет на метание взрывчатых веществ с воздушных шаров и других могущих появиться в ближайшее время летательных аппаратов. Однако развитие науки и техники в начале следующего века определило уровень технической оснащенности и вооружения войск. В будущей войне неизбежно должна была принять участие и авиация, состояние которой достигло необходимого для самого широкого и многоцелевого использования уровня. Следует отметить, что еще в конце XIX в. в русской армии использовались воздушные шары и существовал отдельный воздухоплавательный парк, находившийся в распоряжении Комиссии по воздухоплаванию, голубиной почте и сторожевым вышкам [1, Ф. 802. Оп. 3. Д. 113. Л. 1–3]. Во время войны с Японией на Дальнем Востоке действовали три воздухоплавательных батальона, которые командование использовало крайне плохо, не обеспечивая своевременную доставку водорода, едкого натра, алюминия. Отчасти по этой причине армия в сражениях под Ляояном и Мукденом не имела должной воздушной разведки и понесла значительные потери. Россия, как и многие другие страны, пережила и недолгий период строительства и эксплуатации дирижаблей. Пробные полеты русского дирижабля «Учебный» состоялись в 1908 г. В 1910–1911 гг. в эксплуатацию были введены дирижабли «Голубь», «Сокол», «Ястреб», «Кобчик» и «Микст», а накануне мировой войны началось строительство крупных дирижаблей. В 1913 г. вошел в строй крупный дирижабль «Альбатрос» (9600 куб. м), а перед самой войной – «Гигант» (20000 куб. м) [2, с. 136]. Однако быстрые успехи самолетостроения поколебали уверенность Инженерного технического управления в целесообразности боевого применения аэростатов. Следует отметить, что в годы мировой войны управляемые аэростаты использовались русским командованием в разведывательных целях и в редких случаях для бомбометания.

Учитывая негативный опыт русско-японской войны, в августе 1908 г. Главное инженерное управление России определило роль авиации в военном деле: «Хотя самолеты в настоящую минуту не делают очень больших перелетов, не поднимаются на очень большую высоту и вообще еще не пригодны для военных целей, но в бу-

дущем их роль в военном деле должна быть громадна, и поэтому, несомненно, они будут внедрены в снаряжение армии» [3, с. 25].

Следует добавить, что это будущее наступило очень скоро. Как известно, впервые авиация была использована в военных целях (разведывательных и корректировки артиллерийского огня) итальянцами в ходе итало-турецкой войны 1911–1912 гг.

Балканские войны подтолкнули и руководителей военного ведомств России к более решительным шагам в деле организации военной авиации. Из воюющих на Балканах стран ни одна не имела собственной авиации. Болгария обратилась за помощью к России. Официально русское правительство не могло вмешиваться в конфликт, но позволило «Первому Российскому товариществу воздухоплавания» сформировать добровольческий отряд, который принял активное участие в военных действиях против турок. Русские летчики проводили разведку, фотографировали укрепления, бомбили скопления турецких войск.

Таким образом, к началу мировой войны уже имелся опыт боевого применения самолетов. Руководство русского Генерального штаба накануне мировой войны также предусматривало использование авиации и для борьбы с воздушным противником. «Для нанесения вреда противнику назначаются особые отряды боевых аэропланов, придаваемые армиям. Главная цель этих аэропланов – уничтожение агентов воздушной разведки неприятеля, то есть разведочных аэропланов и дирижаблей, для чего они снабжаются пулеметами и бомбометательными приборами... главная же цель – борьба с противником в воздухе» [4, с. 8]. В 1913 г. при Главном инженерном управлении Генерального штаба был создан специальный воздухоплавательный отдел, разработавший план создания отечественных ВВС. Планировалось создать авиационные отряды в составе 18 самолетов при каждом из 43 армейских корпусов. Выполнить задуманное в полной мере не удалось, однако к началу войны Россия превосходила другие страны по общему количеству самолетов – 263. Россия к началу войны была единственной страной, имевшей бомбардировочную авиацию. Русские впервые перешли к созданию крупных соединений тяжелой авиации. Для сравнения, Германия имела 232, Франция – 156, Австро-Венгрия – 65, Англия, США и Италия – по 30 самолетов. К концу войны это

соотношение изменилось не в пользу России. В 1918 г. Германия имела 2730, Франция – 3321, Англия – 1758, Италия – 1055, США – 740, Австро-Венгрия – 622 и Россия – 700 самолетов [5, с. 45].

Значительная часть русских самолетов была построена на семи отечественных заводах (завод С. С. Щетинина, акционерное общество В. А. Лебедева – оба в Петрограде, Русско-Балтийский завод в Риге с филиалом в столице, акционерные общества «Дукс» и «Москва» в Москве, завод А. А. Анатра в Одессе, завод В. В. Слюсаренко). В ходе войны в строй вступили еще пять заводов. В большинстве случаев выпускались аэропланы иностранных конструкций «фарман», «ньюпон», «депердюссен», «моран-парасоль» и «вуазен», хотя на конкурсных испытаниях, проведенных инженерным ведомством в 1913 г., лучшим был признан биплан И. И. Сикорского. В 1913 г. им был разработан самолет «Русский витязь», который установил мировой рекорд продолжительности полета – 30 мин. с 15 чел. на борту. В 1914 г. его самолет «Илья Муромец» с 10 пассажирами совершил рекордный полет продолжительностью 1 час 27 мин. на высоте 2000 м. В это время были созданы гидросамолеты Д. П. Григоровича, Е. Р. Энгельса, Я. М. Гаккеля; самолет В. А. Слесарева «Святогор», истребитель РБВЗ–20 Н. Н. Поликарпова, авиационный двигатель В. В. Киреева МРБ-1 мощностью в 150 л.с. А. А. Микулин и Б. С. Стечкин в 1916 г. создали авиационный двигатель АМБС мощностью в 300 л.с. с устройством, осуществлявшим автоматический впрыск топлива в цилиндры двигателя. Г. Е. Котельников в 1911 г. создал первый в мире парашют, а Б. Н. Юрьев в годы войны построил первый в мире вертолет.

Скорость самолетов в начале войны составляла 120 км, потолок – 3500 м, дальность полета – 630 км.

К началу войны на каждый самолет приходилось в среднем по два летчика. В то же время штат тяжелого бомбардировщика «Илья Муромец» насчитывал 25 человек (командир, его помощник, артиллерийский офицер, фельдфебель (тоже летчик), механик и 20 рядовых). Его бомбовая нагрузка была внушительной – 500 кг. Обычно это были небольшие бомбы весом от 2 до 33 кг, но иногда применялись бомбы весом 25 пудов или 410 кг. Самолет имел современное и мощное оборонительное вооружение. Для защиты от самолетов противника устанавлива-

лись 37-мм пушка «гочкинс», а позже ручные пулеметы «льюис» и «мадсен». Конструкция фюзеляжа позволяла использовать различные варианты по расположению и числу огневых точек, например, позволяла вести прицельный огонь из окон.

Всего было подготовлено 300 пилотов, большинство из которых являлось выпускниками двух крупнейших летных школ, открытых в 1910 г., – Гатчинской и Севастопольской, которая в 1912 г. была переведена в район р. Качи. Большие потери среди авиаторов заставили командование открыть в ходе войны еще две школы – в Феодосии и Тифлисе, однако и этого оказалось недостаточно. В 1916 г. было заключено соглашение об обучении русских пилотов во Франции и Англии. К началу боевых действий в составе воздушного флота России насчитывался 221 летчик: 170 офицеров, 35 нижних чинов и 16 вольноопределяющихся (добровольцев). На 1 января 1915 г. потери летчиков составили 33 человека или 14,9 % от общего состава. Из них 6 погибли от действий неприятеля, 5 – в авариях, 22 – попали в плен и пропали без вести. Среди погибших: штабс-капитаны Грузинов, Нестеров, поручики Лемешко, Гудим, старший унтер-офицер Доброшинский и др. Пропали без вести: поручики Николаевский, Шамин, Машерек и др. Ранены или разбились при падении: капитан Витковский, гвардии штабс-капитан Мельницкий, штабс-капитан Мучник, поручики Городецкий, Корнидов, Павлов, доброволец Шпицберг. Некоторые из них, например, летчик-доброволец 16-го КАО Шпицберг, впоследствии скончались в госпитале. В скорбный список боевых потерь одним из первых попал военный летчик начальник 14-го КАО Ефграф Ефграфович Грузинов, смертельно раненный шрапнелью в воздухе во время выполнения боевого задания.

Четкого руководства ВВС в годы войны создано не было. До 1916 г. оно осуществлялось ГИУ Генштаба, а затем созданным Управлением Военно-воздушного флота во главе с генерал-майором Н. В. Пневским. Параллельно в Ставке создается Авиационная канцелярия, возглавляемая бароном Каульбарсом, а потом великим князем Александром Михайловичем. Оба не имели необходимых знаний и опыта (генерал Каубальбарс был кавалеристом по военной специальности).

В России не было ремонтных авиационных заводов и в случае серьезных поломок самолета-

ты отправлялись для ремонта на заводы-изготовители. Мелкие поломки устраняли на аэродромах или авиационных парках.

Несмотря на объективные трудности, русские летчики воевали успешно. К лету 1916 г. насчитывалось 135 авиаотрядов. На протяжении войны главной задачей авиации были разведка и корректировка артиллерийского огня. Первоначально воздушная разведка была малоэффективной из-за несовершенства летательных аппаратов. Так, в августе 1914 г., проводя воздушную разведку, летчик А. А. Васильев и генерал А. К. Макаров вынуждены были приземлиться на неприятельскую территорию, и попали в плен. К тому же в начальный период войны высшее командование скептически относилось к воздушной разведке, что не замедлило сказаться. Во время боев в Восточной Пруссии командующий 2-й армией А. В. Самсонов пренебрег данными авиаразведки, предупреждавшей о продвижении корпуса Макензена, что в немалой степени предопределило поражение его войск. Появление радиосвязи с землей и массовый выпуск фотоаппаратов систем С. А. Ульянина и В. Ф. Потте значительно повысили результативность воздушной разведки. В Генеральном штабе была создана специальная аэрофотограмметрическая лаборатория для дешифровки снимков. Особенно успешно она была организована командующим Балтийским флотом Н. О. Эссенем. Результаты разведки морской авиации передавались в штаб флота через посты связи на аэродромах. Ежедневно составлялась оперативная сводка, которая дополнялась данными радиоперехвата и прогнозом погоды. В 1916–1917 гг. на Балтийском море действовали две воздушные бригады и отдельный отряд корабельной авиации, который базировался на гидрокрейсерах «Орлица» и «Прозорливый». В 1917 г. только морская авиация на Балтике насчитывала в своем составе 88 самолетов [2, с. 209].

Эти сведения наносились также на карту обстановки, находившуюся у начальника службы наблюдения и связи флота. С ней знакомились командиры соединений и кораблей перед выходом в море.

Успешно авиацию для воздушной разведки и обнаружения подводных лодок противника применял и командующий Черноморским флотом А. В. Колчак [6, с. 300]. На Черном море действовали две воздушные бригады и отдельный отряд корабельной авиации, базировав-

шийся на линкорах «Император Александр I» и «Император Николай I». Общая численность морской авиации на Черном море составляла 152 самолета.

К концу войны в составе морской авиации находилось 240 самолетов М–5, М–9, М–11, М–20 русского конструктора Д. П. Григоровича, превосходившие зарубежные аналоги, и несколько самолетов «Илья Муромец» на поплавках [7, с. 23].

Широко использовались данные аэрофотографии при организации наступления армий А. А. Брусилова в апреле 1916 г. Русские пилоты сумели сфотографировать расположение всех австрийских частей, в результате чего русская артиллерия за несколько часов подавила все долговременные укрепления и огневые точки противника. Не менее успешно использовались данные воздушной разведки командованием Кавказской армией при организации Эрзурумской наступательной операции весной 1916 г. Успешно действовала русская авиация и во время июльского наступления 1917 г. Летчики оказывали большую помощь артиллеристам в указании им целей и корректировке стрельбы.

Важное значение имело массовое применение истребителей и бомбардировщиков. В декабре 1914 г. при Ставке была создана отдельная эскадра военных бомбардировщиков «Илья Муромец», насчитывавшая 10 экипажей [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 615. Л.3]. В ходе наступления Юго-Западного фронта впервые в мире русские летчики совершали боевые вылеты в ночное время.

В начальный период войны бомбометание было малоэффективно. Сдерживающим моментом здесь являлись решения Гаагской конференции и отсутствие бомбодержателей. Однако после использования бомб армиями других стран, русские летчики также стали брать в разведывательные полеты бомбы, стараясь не только сфотографировать, но и разрушить военные объекты противника. Одновременно шла работа по созданию зажигательных снарядов и стрел. Оригинальную конструкцию летучих пуль и зажигательных стрел разработал Б. Н. Юрьев. Аналогичную работу вел В. Л. Слесарев. Его системы были наиболее эффективны для использования против кавалерии противника. К 1 июня 1916 г. фронт получил 71530 бомб весом от 2 до 250 кг, 1830 тыс. стрел и пуль и 113 тыс. зажигательных снарядов [8, с. 82]. Успешно русскими авиаторами была проведена

бомбардировка крепостных сооружений Перемышля зимой 1915 г., на которые эскадрилья «Муромцев» сбросила 200 тяжелых бомб [9, с. 70].

В 1917 г. налетом с воздуха была уничтожена база немецких гидросамолетов на оз. Ангерн под Ригой.

Истребительная авиация зародилась позже разведывательной и бомбардировочной. Сама логика войны заставила задуматься над необходимостью борьбы с авиацией противника. В первые месяцы войны нередко при встрече с самолетами противника летчики приветствовали коллег снятыми шлемами или покачиванием крыльев. Однако по мере того, как война принимала все более ожесточенный характер такое джентльменское отношение уступало место прямо противоположному. Пилоты стали брать с собой бруски железа, гири, дротики, с помощью которых пытались, и иногда успешно, вывести из строя самолет противника. Следующим шагом явилось применение огнестрельного оружия – карабинов, пистолетов с целью, по возможности, застрелить врага. В первых воздушных боях нередко применялись тараны, когда авиаторы старались колесами собственной машины повредить фюзеляж или крылья самолета противника. Как известно, в ходе одного из первых в истории авиации таранов (австрийского самолета) 26 августа 1914 г. погиб выдающийся российский летчик П. Н. Нестеров.

Однако переворот в тактике воздушного боя наступил только после того, как самолеты стали оснащаться пулеметами. В 1915 г. француз Ролан Гаро установил на своем самолете пулемет, оснащенный синхронизатором, что позволило вести огонь через винт пропеллера. К 1916 г. авиация всех воюющих стран имела истребители со встроенным бортовым оружием. Теперь в небе зачастую стали разворачиваться настоящие воздушные сражения, в которых далеко не последнюю роль играли русские летчики.

В годы войны специалисты разных стран пытались найти оптимальные параметры воздушного истребителя. Наиболее перспективные идеи высказал русский летчик Е. Н. Крутень. Опираясь на собственный боевой опыт и критически оценивая опыт немецких и французских летчиков, он отмечал: «нужно отыскать противника, подойти к нему незаметно, занять выгодную позицию, бить по нему наверняка, защитить себя от неожиданностей. Это вызывает нижеуказанные технические требования от

аппарата – его скорость вертикальную и горизонтальную, высокий потолок и верткость легкого аппарата». Обосновывая необходимость одноместного истребителя, он подчеркивал: «Наблюдатель нужен лишь для охраны тыла летчика во время самой его работы. Но этого проще достичь парным полетом истребителей, причем такая раздельная пара будет всегда могущественнее двух человек, связанных один другим и сидящих на одном аппарате, без возможности помогать друг другу взаимным маневром» [10, с. 5–9]. Эти прогрессивные идеи русского авиатора до сих пор находят широкое применение в истребительной авиации.

Выдвигая идеи, нередко на многие годы опережавшие свое время, русские военные летчики пытались на собственном опыте подтвердить их жизнеспособность. Знаменитый летчик П. Н. Нестеров выдвинул идею устойчивости самолета в любой плоскости. Он доказал, что, уравновесив все силы, действующие на самолет в полете, можно достигнуть его постоянной устойчивости. Еще до войны, 27 августа 1913 г., впервые в мире на моноплане «ньюпор» выполнил петлю в вертикальной плоскости («мертвую петлю»), заложив тем самым основы высшего пилотажа в авиации.

В условиях развала фронта в конце 1917 г. русская авиация практически прекратила свое существование. Много самолетов и другой материальной части досталось немцам во время зимнего наступления 1918 г.

В годы гражданской войны большинство авиаторов участвовало в боевых действиях на стороне белых.

Однако Советское правительство почти сразу предпринимает ряд мер для воссоздания авиации. Были созданы Авиасовет и военная коллегия по управлению военно-воздушными силами. К концу 1919 г. советские военно-воздушные силы насчитывали более 100 авиатрядов, 10 авиашкол и несколько ремонтных поездов и мастерских. Это в дальнейшем послужило основой для становления воздушного флота Красной Армии.

Таким образом, отечественная военная авиация зародилась и получила боевой опыт еще в годы первой мировой войны, прославив себя именами таких выдающихся авиаторов, как К. К. Арцеулов, Б. К. Веллинг, П. Н. Нестеров, С. И. Уточкин, Е. Е. Грузинов, который задолго до В. П. Чкалова, совершил полеты под всеми мостами через Неву, и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российский Государственный военно-исторический архив. – Ф. 802, Ф. 2003.
2. *Бескровный, Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала / Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1986. – 235 с.
3. *Хлопотов, О. Д.* История военной авиации / О. Д. Хлопотов. – М.–СПб.: Полигон, 2004. – 430 с.
4. Краткие руководящие данные для использования аэропланами как средствами разведки и связи, а также боевого их применения. – СПб., 1913. – 74 с.
5. Мировая война в цифрах. – М.–Л.: Государственное

военное издательство, 1934. – 127 с.

6. *Португальский, Р. М.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников / Р. М. Португальский, П. Д. Алексеев, В. А. Рунов. – М.: Элакос, 1994. – 398 с.
7. *Хесин, С. С.* Октябрьская революция и флот / С. С. Хесин. – М.: Наука, 1971. – 423 с.
8. *Козлов, Н.* Очерк снабжения русской армии военнотехническим имуществом в мировую войну / Н. Козлов. – М.: Госвоениздат, 1926. – Ч. 1. – 403 с.
9. *Андреев, В.* Прерванный полет / В. Андреев // Родина. – М., 1993. – № 8–9. – С. 68–71.
10. *Крутець, Е. Н.* Тип аппарата истребителя / Е. Н. Крутець. – Б.М., 1917. – 45 с.

УДК 94 (47)“1991.08.19-21“

ББК Т.3(2)634-303

Л. Н. Шереметьева

20 ЛЕТ ГКЧП: ПУТЧ ИЛИ ПОПЫТКА СОХРАНИТЬ СТРАНУ И ГОСУДАРСТВО?

**Волгоградская государственная академия повышения квалификации
и переподготовки работников образования (ВГАПКП РО)**

E-mail: lsherem@yandex.ru

Статья раскрывает сущность событий августа 1991 года в Советском Союзе, когда действовал Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), обозначает проблемные вопросы, которые двадцать лет спустя не получили однозначного разрешения, показывает изменения в сознании российского общества в отношении событий августа 1991 года.

Ключевые слова: ГКЧП; август 1991; события августа 1991 года; августовский путч; государственный переворот 1991 года; августовская революция 1991 года; распад СССР.

L. N. Sheremetyeva

20 YEARS EMERGENCY COMMITTEE: COUP OR AN ATTEMPT TO SAVE THE COUNTRY AND STATE?

Volgograd State Academy of Training and Retraining of Educators

The article reveals the essence of the events of August 1991 in the Soviet Union, when acting State Committee of Emergency in the USSR (Emergency Committee), indicates the problematic issues that twenty years later have not received the express consent of, shows the change in the consciousness of Russian society in relation to events in August 1991.

Keywords: Emergency Committee, August 1991; the events of August 1991; August coup; a coup in 1991; the August Revolution in 1991; the Soviet collapse.

Двадцать лет назад был создан и действовал в течение трех дней (19–21 августа 1991 года) Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). Эти трагические события, а точнее, их разрушительные последствия, кардинально изменили жизнь не только в нашей стране, но и во всем мире. Конечно, не сами события этих дней привели к исчезновению СССР, причины его распада более глубокие, которые созревали в недрах советской социальной системы и под воздействием внешнего фактора многие годы. Но события августа 1991 года послужили ускорителем распада Советского Союза, привели к запрету КПСС, расстрелу парламента России и исчезновению власти Советов. После августа 1991 года Россия

вступила на путь губительных для нее либеральных реформ, отбросивших страну в развитии на много десятилетий назад. События августа 1991 года ускорили процесс геополитической катастрофы биполярного мира. С исчезновением СССР и стран социалистического лагеря в современном глобальном мире установился один полюс силы – США и страны объединенной Европы. Глобальный мир XXI века по-американски, вступивший в завершающую фазу кризиса, стал еще более несправедлив и взрывоопасен.

В состав ГКЧП входили: О. Д. Бакланов, первый заместитель председателя Совета обороны СССР, член ЦК КПСС; В. А. Крючков, председатель КГБ СССР, член ЦК КПСС; В. С. Пав-

лов, премьер-министр СССР; Б. К. Пуго, министр внутренних дел СССР, член ЦК КПСС; В. А. Стародубцев, председатель Крестьянского союза СССР, член ЦК КПСС; А. И. Тизяков, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР; Д. Т. Язов, министр обороны СССР, член ЦК КПСС; Г. И. Янаев, вице-президент СССР, председатель ГКЧП, член ЦК КПСС. Помимо членов ГКЧП были и активные соучастники: А. И. Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР; О. С. Шенин, член Политбюро ЦК КПСС; Ю. А. Прокофьев, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МКК КПСС; В. И. Варенников, генерал армии; В. И. Болдин, заведующий Общим отделом ЦК КПСС; В. Т. Медведев, генерал КГБ, начальник охраны М. С. Горбачева; Г. Е. Агеев, заместитель председателя КГБ СССР; В. В. Генералов, начальник охраны резиденции Горбачева в Форосе [1].

После провала ГКЧП его члены и соучастники были арестованы, им вменялась статья 64 («измена Родине в форме захвата государственной власти»), которая предусматривает наказание вплоть до смертной казни. Все арестованные, кроме В. И. Варенникова, были амнистированы по решению Государственной Думы 23 февраля 1994 года вместе с арестованными по делу в связи с событиями октября 1993 года.

За прошедшие годы вышло много печатных свидетельств непосредственных участников и очевидцев событий, а также аналитических материалов ученых, юристов, историков, политологов, социологов, политиков и даже ряд художественных произведений писателей. Все они в совокупности дают довольно подробную картину тех трех дней ГКЧП, анализируют поведение его главных фигурантов и соучастников, а также описывают предшествующие ГКЧП события и его трагические последствия для страны и мира [2]. И чем дальше в историю уходит ГКЧП, и чем больше фактов тех дней становятся известны обществу, тем загадочнее становится это роковое событие. Появляются новые знания и все больше вопросов, на которые пока нет однозначного ответа. Вопросы множатся еще потому, что судебный процесс по делу ГКЧП не был завершен, многие факты так и не стали достоянием общественности, а некоторые, видимо, никогда не станут, ведь сказал же М. С. Горбачев, вернувшись из Фороса, что «всей правды вы никогда не узнаете» [3].

Если мотивы создания ГКЧП более-менее ясны, они сформулированы в его Заявлении: «...В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества; исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей» [4], то вот действия или бездействия ГКЧП вызывают много вопросов у исследователей. Вот некоторые из них: было ли ГКЧП образовано против воли М. С. Горбачева (ответы членов ГКЧП и президента расходятся); если М. С. Горбачев был отрезан от связи, то, как ему удавалось в эти дни звонить (Вольскому и др.); если глава государства был болен, то почему не было сделано медицинское заключение об этом; зачем вводились войска в Москву, почему ни одна из частей не получила четкой задачи; почему не были арестованы Б. Н. Ельцин и его сторонники, и почему просидевший в засаде у дачи Б. Н. Ельцина отряд «Альфа» так и не получил команды; почему военные части, направленные к Белому Дому (под руководством А. И. Лебеда), встали на защиту противников ГКЧП; почему в первый же вечер программа государственного телевидения «Время» передала призывы Б. Н. Ельцина к противодействию Союзному руководству и т. д. [5].

Исследователи характеризуют действия ГКЧП следующими эпитетами: «неумелая», «нерешительная», «странная», «половинчатая», «нелогичная» попытка, а также – «фарс», «спектакль», «опереточный акт». Такие действия членов ГКЧП, конечно, не могли привести к положительному результату, а потому их добрые намерения сохранить государство провалились.

Ученый с мировым именем Александр Зиновьев назвал события ГКЧП «советской контрреволюцией», тщательно спланированной западными спецслужбами [6]. Появилась группа исследований, в которых высказываются предположения, и ведется доказательство причастности российских спецслужб к развалу Советского Союза, в них рассматриваются направления информационно-психологической войны Запада против СССР и России и измене-

ния в связи с этим в общественном сознании советского и постсоветского общества [7]. Данные исследования порождают ряд вопросов: почему советский народ в своей массе безмолвствовал в период событий августа 1991 года, Беловежских соглашений, событий октября 1993 года; почему после августа 1991 года ускоренно вымирающий российский народ не сопротивляется навязываемым против его воли либеральным реформам; почему мощная КПСС не поддержала ГКЧП; кто внес больший вклад в распад СССР–ЦРУ или КГБ; что помешало «могущественному» КГБ защитить советскую Конституцию; какова роль в ликвидации Советского Союза генсеков КПСС Ю. Андропова и М. Горбачева и руководителя КГБ В. Крючкова и другие вопросы.

Даже по прошествии двадцати лет идут споры о сущности самого явления, был ли ГКЧП путчем*, заговором, захватом власти, или, как пишет большинство исследователей, это была неудавшаяся попытка сохранения страны и государства. Судя по составу, ГКЧП и примыкавшие к нему лица представляли высшее руководство страны, кроме одной главной фигуры – президента СССР. Основными организаторами, готовившими документы и мероприятия ГКЧП, выступали две силовые структуры – Министерство обороны и Комитет государственной безопасности Советского Союза. Те, кто назвал ГКЧП путчем, видимо, в спешке не разобрались либо сделали это умышленно, чтобы всех запутать. Члены ГКЧП не могли выступать в роли заговорщиков, замысляющих государственный переворот, так как были сами верховной властью страны. Да, они свершили попытку, только не государственного переворота, а попытку сохранения государства, которое, как они считали, было под угрозой распада.

Преступление членов ГКЧП не было установлено в судебном порядке, так как в связи с амнистией Государственной Думы суда над ними не было. А потому члены ГКЧП не могут являться «группой заговорщиков» против существующей власти. Отказавшийся от амнистии генерал армии В. И. Варенников в итоге судебного разбирательства был оправдан судом за отсутствием в его действиях состава престу-

пления. Оправдание судом генерала, с правовой точки зрения, должно означать, что «путча или захвата власти группой лиц» не было. По свидетельству председателя Военной коллегии Верховного суда РФ А. Т. Уколова, все арестованные давали на суде однозначные объяснения: «...Мы действовали, исходя только из интересов государства, из интересов сохранения устоев этого государства, из интересов народа». По мнению А. Т. Уколова, если бы суд над членами ГКЧП состоялся, и он квалифицировал действия ГКЧП, как «действия в ситуации крайней необходимости», то, наиболее вероятно, «было бы оправдание всех, независимо от того, что каждый совершил» [8]. Такая «крайняя необходимость» в то время в государстве действительно была. Об этом заявляли разные общественно-политические силы слева и справа. С одной стороны, в стране бездействующий президент, с другой стороны, гибнущее государство. В тайне от народа в Ново-Огарево под руководством Президента СССР готовился к подписанию 20 августа 1991 года проект нового союзного договора [9]. По оценке Премьер-министра СССР В. С. Павлова, проект договора о Союзе Суверенных Государств был «новым мюнхенским сговором, сплетенным Горбачевым и его сателлитами за спиной народа», против которого «даже послушный и управляемый им Верховный Совет СССР восстал» [10]. Проект договора предполагал уже не союз республик, а некоторую демократическую аморфную конфедерацию без сильного союзного центра и единой финансово-банковской системы, с одноканальной системой налогов, без союзной собственности и верховенства союзных законов над республиканскими, где субъектами договора выступают не только союзные республики, но и автономные республики. После подписания договора, как тайно договорились в конце июля М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин и Н. Назарбаев, союзные органы власти – Съезд СССР, Верховные Совет СССР и Кабинет Министров СССР – будут распущены и принята новая Конституция Союза [11]. Факты эти были вскрыты в ходе судебного разбирательства, опубликованы во многих свидетельских показаниях по делу ГКЧП, в том числе М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина и Н. Назарбаева.

То есть сам президент страны со своими сообщниками, невзирая на решения мартовского Всесоюзного референдума 1991 года о сохранении Союза, готовил фактически антиконсти-

* *Путч* (от нем. *putsch*) – попытка государственного переворота, инициированная небольшой группой заговорщиков. См.: Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 325.

туционный акт роспуска Союза и России. (*Итоги референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 года*: из 185 647 355 граждан, имеющих право участвовать в референдуме СССР, приняли участие в голосовании 148 574 606 чел. или 80,0 %. На вопрос «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» ответили: «Да» – 113 512 812 человек или 76,4 %; «Нет» – 32 303 977 человек или 21,7 %; признаны недействительными – 2 757 817 бюллетеней или 1,9 %. См.: Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г.: ru.wikipedia.org.) Процедура подписания нового союзного договора также предполагала обойти закон без участия Съезда СССР и Верховного Совета ССР. Что это, если не путч, то есть попытка группы заговорщиков совершить государственный переворот? Здесь даже не требуется что-либо доказывать, так как цели переворота были реализованы. Действия противников ГКЧП – Президента РСФСР Б. Н. Ельцина со сторонниками и примкнувшего к ним после провала ГКЧП Президента СССР М. С. Горбачева – носят характер государственного переворота. Это подтверждают в своих оценках известные юристы В. И. Илюхин, Ю. П. Иванов, В. Г. Вишняков, В. Б. Исаков, Е. А. Лукьянова [12].

В отличие от ГКЧП употребить власть смогли его противники – либерал-демократы во главе с Б. Н. Ельциным и присоединившийся к ним Президент СССР М. С. Горбачев, они выглядели истинными организаторами тех драматических событий. В начале они выиграли у ГКЧП информационную войну, а потом легко извлекли для себя максимальную политическую выгоду из тех трех дней. Вот они то и совершили настоящий путч: запретили КПСС, спровоцировали «парад суверенитетов» республик Советского Союза; распустили СССР, расстреляли из танков Верховный Совет РСФСР, провели референдум по новой Конституции страны и на этом основании установили другой политический строй. (*Итоги референдума по Конституции РФ 12 декабря 1993 года*: в референдуме участвовало 58 187 775 зарегистрированных избирателей (54,8 %), большинство из которых – 32 937 630 (58,43 %)

проголосовали за принятие новой Конституции РФ, что составило около трети избирателей России. См.: ru.wikipedia.org.)

И все это стало возможным в связи с тем, что сам гарант государства – Президент СССР – выступил его главным могильщиком. Все его действия подтверждают это, даже когда он бездействовал, как в период ГКЧП. Самоизолировав себя в Форосе, М. С. Горбачев создал ситуацию отсутствия центра власти. В методиках спецслужб есть такой прием для путчистов – захват власти, когда ее центр временно изолирован. В этот момент «власть валяется», наступает хаос, его и используют путчисты. Члены ГКЧП высказывали предположения, что М. С. Горбачев специально изолировал себя в Форосе, чтобы потом присоединиться к победившей стороне. При этом во время последней встречи с будущими путчистами он одобрил, в конечном итоге, их действия по введению чрезвычайного положения [13]. Даже после провала ГКЧП М. С. Горбачев мог встать на его сторону и тем самым спасти страну, а он отдал приказ арестовать путчистов и призвал КПСС к самороспуску. Другая возможность сохранить Союз была у него и после Беловежского соглашения, если бы он отверг антиконституционный сговор и наказал его участников, но он вновь выбрал неконституционный путь и одобрил незаконное соглашение, окончательно развалившее страну.

Такое поведение человека, наделенного всей полнотой власти в СССР – Президента и Генерального секретаря ЦК КПСС – до сих пор не получило правовой оценки в России, наследнице Советского Союза. По приглашению в суд в качестве свидетеля на процессы по делу ГКЧП, КПСС М. С. Горбачев, как правило, не являлся. Но он по-прежнему уважаем российской властью, принимает почести и награды по случаю юбилеев, всегда желанный гость у российских СМИ.

Первой попыткой призвать к ответу лиц, совершивших государственной переворот в августе 1991 года, было возбуждение уголовного дела за измену Родине в отношении президента СССР М. С. Горбачева 4 ноября 1991 года начальником Управления Генеральной прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Виктором Илюхиным. Но Генеральный прокурор СССР Н.Трубин отменил это решение, а В. Илюхин был уволен со службы [14].

Арестованный по делу ГКЧП генерал армии Валентин Варенников поставил условие, что примет амнистию, если будет возбуждено уголовное дело по факту развала Советского Союза, об этом он подал ходатайство в военную коллегия Верховного суда РФ, но его ходатайство также не было удовлетворено [15].

В 1996 году Государственная Дума Федерального Собрания РФ по инициативе депутата Сергея Бабурина приняла постановление № 157-II от 15.03.1996 года «О юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу сохранения Союза ССР», которым был подтвержден факт юридического существования (де-юре) СССР и были денонсированы Беловежские соглашения. То есть незаконность Беловежских соглашений доказана еще пятнадцать лет назад. Прошло уже двадцать лет, как не стало Советского Союза, однако заговор по уничтожению СССР и лица, в нем участвовавшие, пока не получили в России полной правовой оценки.

Следует заметить, в отличие от ученых-исследователей, официальные власти России и федеральные СМИ продолжают оценивать события 19–21 августа как путч, то есть как государственный переворот, которого на самом деле в результате действий (бездействия) ГКЧП не было [16]. В отличие от официальной позиции отношение российского общества к ГКЧП меняется.

Накануне 15-летней годовщины ГКЧП менее трети (27 %) респондентов, опрошенных ВЦИОМ, вспоминали, что тогда симпатизировали Б. Н. Ельцину и его сторонникам. Сочувствовали ГКЧП 15 % опрошенных. А гораздо большее число жителей России (57 %) не успели тогда разобраться в ситуации или затруднились ответить на вопрос о своих симпатиях к ГКЧП. Так что, можно сказать, в 1991 году народ в своем большинстве «безмолвствовал» [17]. Сегодня симпатизировавших Б. Н. Ельцину и его сторонникам становится меньше, а ГКЧП – больше, это можно увидеть по результатам голосования телезрителей в ходе прошедшей осенью 2010 года телевизионной передачи «Суд времени» («5 канал»). Ответы на вопрос «ГКЧП 1991 года – путч или попытка избежать распада страны?» распределились так: путч – 7 %, попытка избежать распада страны – 93 % [18].

Вопрос, кто был главным путчистом, видимо, требует дальнейшего исследования ученых

и диалога власти и общества. Ведь без ответа на этот вопрос нашей недавней истории российское общество не сможет двинуться дальше в своем развитии, выбрать верный путь в будущее, чтобы стать сильной державой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ru.wikipedia.org.
2. См.: Август-91. – М.: Политиздат, 1991; *Горбачев, М. С.* Августовский путч. Причины и следствия / М. С. Горбачев. – М., 1991; *Олейник, Б. И.* Князь тьмы: два года в Кремле / Б. И. Олейник. – М., 1992; *Попов, Г.* Август девяносто первого / Г. Попов // Известия. – 1992. – 25 августа; *Рыжков, Н. И.* Перестройка: история предательства / Н. И. Рыжков. – М., 1992; *Лукьянов, А. И.* Переворот мнимый и настоящий / А. И. Лукьянов. – М., 1993; *Ельцин, Б. Н.* Записки президента / Б. Н. Ельцин. – М., 1994; Научно-практическая конференция «Уроки августа 1991 года. Народ и власть». 20 августа 1994 года. – М.: Юрид. лит., 1994; *Согрин, В.* Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина / В. Согрин. – М., 1994. – С. 91–95; *Горбачев, М. С.* Реформы и жизнь / М. С. Горбачев. – М., 1995. Кн. 1, 2; *Собчак, А. А.* Жила-была коммунистическая партия / А. А. Собчак. – СПб., 1995; *Болдин, В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева / В. И. Болдин. – М.: Республика, 1995; *Зиновьев, А.* Русский эксперимент / А. Зиновьев. – М., 1995; *Черняев, А. С.* 1991 год: Дневник помощника президента СССР / А. С. Черняев. – М.: Терра; Республика, 1997; *Медведев, Р. А.* Миражи и реальность капиталистической революции в России / Р. А. Медведев. – М., 1997; *Яковлев, А. Н.* Омут памяти / А. Н. Яковлев. – М.: Вагриус, 2001; *Легостаев, В.* Генсек кровавый / В. Легостаев // Завтра. – 2001. – Март. – № 10; *Барсенков, А. С.* Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.: Курс лекций / А. С. Барсенков. – М.: Аспект Пресс, 2002; *Крючков, В.* Личное ДЕЛО / В. Крючков. – М.: Эксмо. Алгоритм-книга, 2003; *Леонов, Н. С.* Крестный путь России. 1991–2000 / Н. С. Леонов. – М.: Русский дом, 2003; *Проханов, А. А.* Последний солдат империи / А. А. Проханов. – М.: Ад Маргинем, 2003; *Печенев, В. А.* Смутное время в новейшей истории России (1985–2003): исторические свидетельства и размышления участника событий / В. А. Печенев. – М.: Норма, 2004; *Горбачев, М. С.* Понять перестройку. Почему это важно сейчас / М. С. Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006; *Шутов, А. Д.* Россия в жерновах истории / А. Шутов. – М.: Вече, 2008; *Личутин, В. В.* Раскол. Роман в 3-х книгах / В. В. Личутин. – М.: ИТРК, 2008; *Варенников, В. И.* Дело ГКЧП / В. Варенников. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009; *Лигачев, Е. К.* Кто предал СССР / Е. Лигачев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009; *Рыжков, Н. И.* Главный свидетель / Н. Рыжков. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009; *Уткин, А. И.* Измена генсека. Бегство из Европы / А. Уткин. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009; *Фроянов, И. Я.* Россия. Погружение в бездну / И. Фроянов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009; *Янаев, Г. И.* ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР / Г. Янаев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; *Рыжков, Н. И.* Иуда: Анатомия предательства Горбачева / Н. И. Рыжков, В. С. Павлов, Б. И. Олейник. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; *Лукьянов, А. И.* Август 91-го. Был ли заговор? / А. И. Лукьянов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; *Шевякин, А. П.* Как убили СССР. «Величайшая геополитическая катастрофа» / А. Шевякин. – М.: Яуза: Эксмо, 2011; *Исаков, В. Б.* Мятеж против Ельцина: команда по спасению СССР / В. Исаков. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.

3. *Афанасьев, Ю.* Власть как цель и средство / Ю. Афанасьев. См.: www.yuri-afanasiev.ru.
4. Заявление советского руководства от 18 августа 1991 года // *Правда*. – 1991. – 20 августа.
5. *Черняховский, С.* ГКЧП: реабилитация намерений / С. Черняховский: www.apn.ru, 2006, 21 августа.
6. *Зиновьев, А. А.* Советская контрреволюция / А. А. Зиновьев // *Советская Россия*. – 1998. – 19 сентября. – № 110.
7. Степашин С.В. в беседе с В. Калитвиным. Была ли перестройка операцией КГБ? // *Рабочая трибуна*. – 1992. – 17 апреля. – № 51; *Шебаршин, Л. В.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки / Л. В. Шебаршин. – М.: Центр – 100, 1992; *Швейцер, П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / П. Швейцер. – Мн.: СП «Авест», 1995; *Любимов, М.* Операция «Голгофа». Секретный план перестройки / М. Любимов // *Совершенно секретно*. – 1995. – № 2; *Широнин, В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки / В. Широнин. – М.: Палея, 1996; *Широнин, В.* КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки / В. Широнин. – М.: Ягуар, 1997; *Лисичкин, В. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М.: Институт социально-политических исследований АСН, 1999; *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000; *Яковлев, Н. Н.* ЦРУ против СССР / Н. Н. Яковлев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003; *Кара-Мурза, С. Г.* Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005; *Проханов, А. А.* КГБ и ГКЧП / А. А. Проханов // *Завтра*. – 2007. – Август. – № 34; *Шевякин, А. П.* КГБ против СССР. 17 мгновений измены / А. Шевякин. – М.: Яуза: Эксмо, 2011.
8. *Уколов, А. Т.* Как судили гекачепистов? / А. Т. Уколов // *Комсомольская правда*. – 2006. – 18 августа.
9. Проект Договора о Союзе суверенных государств // *Правда*. – 1991. – 15 августа.
10. *Павлов, В.* Август изнутри. Горбачевпутч / В. Павлов. – М.: Деловой мир, 1993. – С. 87.
11. *Павлов, В.* Август изнутри. Горбачевпутч / В. Павлов. – М.: Деловой мир, 1993. – С. 91–105; «Умные парни» на РСН, 19.08.2009. см.: www.rusnosti.ru.
12. Алексей Митрофанов против Виктора Илюхина: ГКЧП и путч 1991 года – что это было? См.: www.kp.ru/daily/24543/721980; *Исаков, В. Б.* Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз: Хроника. Документы / В. Б. Исаков. – М.: Закон и право, 1998; *Рудинский, Ф. М.* «Дело КПСС» в Конституционном суде. Записки участника процесса / Ф. М. Рудинский. – М.: Былина, 1999. – С. 191–199; Стенограммы суда времени. 11. ГКЧП. ГКЧП 1991 года – путч или попытка избежать распада страны? См.: www.kurginyan.ru; *Лукьянов, А.* «Это была отчаянная попытка спасти Союз» / А. Лукьянов // *Независимая газета*. – 2010. – 18 мая; «Умные парни» на РСН, 19.08.2009. См.: www.rusnosti.ru;
13. Государственный недоворот // *Коммерсантъ Власть*. – 2001. – № 33. – 21 августа.
14. *Илюхин, В. И.* Почему я возбудил уголовное дело в отношении Горбачева М. С. / В. И. Илюхин. – См.: www.viktor-iluhin.ru, 19.01.2011.
15. *Варенников, В. И.* Требую суда! / В. И. Варенников // *Советская Россия*. – 1994. – 5 мая.
16. См.: Сегодня годовщина августовского путча. Российская газета. – 2005. – 19 августа; *Грызлов, Б.* Революционные методы не приемлемы / Б. Грызлов // *Российская газета*. – 2005. – 19 августа; *Михайлов, А.* Памятный путч / А. Михайлов // *Российская газета*. – 2010. – 20 августа.
17. *Федоров, В.* Разрушение без созидания / В. Федоров // *Российская газета*. – 2006. – 2 сентября.
18. Стенограммы суда времени. 11. ГКЧП: ГКЧП 1991 года – путч или попытка избежать распада страны? См.: www.kurginyan.ru

УДК 81'1
ББК Ш100.5

Е. В. Янкина

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА» (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: schepetovaelena@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические предпосылки изучения социальной поддержки как сложного коммуникативного образования. Дается анализ того, как современные ученые трактуют понятие «социальная поддержка» в различных дисциплинах (лингвистика, педагогика, психология, социология). Также показывается, что комплимент, похвала, одобрение, утешение, соболезнование есть проявления социальной поддержки.

Ключевые слова: социальная поддержка, комплимент, похвала, одобрение, утешение, соболезнование.

E. V. Yankina

SOME ADDITIONS TO THE PROBLEM OF STUDYING THE CONCEPT «SOCIAL SUPPORT» (LINGUISTIC ASPECT)

Volgograd State Technical University

The paper is devoted to the consideration of some theoretical bases of studying social support as a complex communicative formation. The paper gives the analysis of modern approaches to the treatment of the concept “social support” in different disciplines (linguistics, pedagogy, psychology, sociology). Compliment, praise, approval, consolation, condolence are shown to be components of social support.

Keywords: social support, compliment, praise, approval, consolation, condolence.

Настоящая статья посвящена анализу теоретических предпосылок изучения социальной поддержки как сложного коммуникативного образования, где ставятся следующие задачи: а) выяснить, как данное понятие трактуется в различных дисциплинах (лингвистика, педагогика, психология, социология); б) определить, при каких условиях оказывается социальная поддержка; в) выявить жанры социальной поддержки.

Социальная поддержка является одним из основных факторов, определяющих успешное решение проблем в коммуникации, а также состояние здоровья и субъективного благополучия ее участников. Ведущей темой исследования в этой области знания, как показывает анализ литературы, является влияние поддержки на различные аспекты жизни: устойчивость брака, здоровье, нормативность поведения, удовлетворенность различными сторонами жизни.

Социальная поддержка широко изучается лингвистикой, педагогикой, психологией, социологией. В педагогику понятие «поддержка» введено О. С. Газманом и получило развитие в работах Т. В. Анохиной, И. Б. Котовой, Н. Б. Крыловой, Е. Н. Шиянова и других, которыми были определены основные механизмы, виды, способы и условия оказания поддержки субъектам образовательного процесса. О. С. Газман сформулировал ряд положений, из которых следует, что за идеей педагогической поддержки стоят те смыслы, которые восходят к пониманию человека как целостности. Он определяет это понятие как «процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему сохранить свое человеческое достоинство и самостоятельно достичь желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни» [3, с. 15]. Т. В. Анохина рассматривает педагогическую поддержку как «систему средств, которые обеспечивают помощь детям в самостоятельном индивидуальном выборе, а также помощь в преодолении препятствий самореализации в учебной, коммуникативной, трудовой и творческой деятельности» [1, с. 64]. В целом, в большинстве исследований общим является подход к определению педагогической поддержки как к особому виду профессиональной деятельности взрослого, направленной на решение определенных специфических проблем личности ребенка.

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что психологическая поддержка является сложным образованием, которое воспринимается личностью как переживание чувства уверенности в себе, возникающее при сопереживании, получении какой-либо помощи от разных категорий людей. Теоретические и практические аспекты оказания психологической поддержки, основные условия, факторы и механизмы ее реализации были рассмотрены в работах Н. Н. Загрядской, С. В. Недбаевой, Д. В. Осипова, К. Роджерса, Л. В. Сафоновой и др. По мнению Л. В. Сафоновой, человеку или сообществу в трудных ситуациях, возникающих в ходе их личностного или социального бытия, следует оказывать психологическую помощь, сущность которой заключается в обеспечении эмоциональной, смысловой и экзистенциальной поддержки (возвращение доверия к миру, установление открытых и искренних отношений). Психологическую помощь, считает исследовательница, следует оказывать в том случае, когда человек не в ладу с самим собой и не может обрести внутреннюю гармонию [8].

Представляют интерес результаты диссертационного исследования Н. Н. Загрядской, посвященного изучению психологической поддержки старшеклассников. Ею было показано, что психологическая поддержка старшеклассников предполагает помощь в их осознании, самопознании и самопонимании, в формировании позиции субъекта собственной жизни, в осмыслении диапазона выборов жизненного пути, а также в обучении навыкам самопомощи и оказании психологической поддержки другим людям [4].

По мнению Д. В. Осипова, психологическая поддержка – это «процесс, который помогает человеку поверить в себя и в свои возможности, избежать ошибок, поддерживает при неудачах, сосредоточиваясь на позитивных сторонах и преимуществах индивида с целью укрепления его самооценки». Автор доказывает, что смысловое поле образных ассоциаций понятия «психологическая поддержка» отражает потребность во взаимодействии с человеком, приобретении уверенного и спокойного состояния, получении информации, снятии эмоционального напряжения, а также во внимании и понимании. Смысловое поле вербальных ассоциаций понятия «психологическая поддержка» включает в себя: уверенность, надежду, об-

легчение, радость, веру в себя, свет, подъем, спокойствие [7, с. 7].

Шведские исследовательницы в области социальной работы Б. Леннер-Аксельсон и И. Тюлефорс рассматривают поддержку в контексте оказания психосоциальной помощи населению. По мнению этих ученых, цель психологической поддержки – это психологическое здоровье личности, критериями которого являются: самостоятельность, самореализация, развитие личности, хорошее самочувствие, адаптация к реальности, способность контролировать свою жизнь при благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах [6].

В русской лингвокультуре понятие «социальная поддержка» наиболее часто ассоциируется с социальными работниками и их работой по оказанию поддержки населению. Что касается иностранной, в частности, американской, традиции по этому вопросу, социальная поддержка понимается американскими учеными как применение всего набора средств, которые могут помочь человеку в трудной ситуации.

Данное исследование связано с языковым аспектом социальной поддержки и направлено на выявление вербальных и невербальных средств ее выражения. Не следует ограничивать сферу действия социальной поддержки только трудными ситуациями, также будут рассматриваться те ситуации, в которых целью адресанта является оказание положительного воздействия на эмоции своего адресата, установление или регулирование межличностных отношений, формирование положительной оценки.

Существует ряд работ, выполненных в русле генристики, в которых исследуются такие жанры речи, как: утешение, соболезнование, сочувствие, комплимент, похвала, одобрение. Анализ этих работ показывает, что авторы имеют дело с «воздействием словом на человека для изменения его внутреннего состояния» [12, с. 3]. Имеется в виду изменение внутреннего состояния человека в сторону гармонизации, обретения спокойствия, улучшения самочувствия, то есть адресант оказывает эмоциональную помощь адресату.

К. Ф. Седов определяет комплимент как «малую форму эпидейктического красноречия, которая восходит к речевой культуре Средневековья, к традиции восхваления рыцарем своей прекрасной дамы». По его мнению, разные языковые личности придерживаются неодинаковых речевых стратегий, но даже

большую роль играет тип языковой личности адресата речи. Это объясняется тем, что говорящий комплимент желает сделать приятное собеседнику [9, с. 193–194]. Как пишет А. А. Юнаковская, «цель комплиментарных высказываний – это прежде всего проявление знаков внимания, регулирование межличностных отношений, вызов эмоциональной реакции или создание эмоционального фона» [13, с. 293].

М. Ю. Федосюк в своей статье «Нерешенные вопросы теории речевых жанров» проводит анализ «словесных выражений одобрительной оценки» [11, с. 112]. Исследуя группу из 19 слов, включая и такие слова, как «комплимент», «одобрение», «похвала», автор приходит к следующим выводам: 1) «комплимент не имеет в русском языке специально закреплённой за ним формы выражения и по своим формальным особенностям совпадает с похвалой»; 2) комплимент и одобрение не следует разграничивать. Однако ученый все-таки оговаривает возможность отличить комплимент от похвалы при помощи учета особенностей ситуации общения, личностей коммуникантов, их пола и отношений между ними. Хотя М. Ю. Федосюк отрицает в комплименте объективность положительной оценки адресата или предметов, входящих в его личную сферу, он признает, что «основная цель комплимента состоит в оказании положительного воздействия на эмоции своего адресата» [11, с. 113].

По мнению А. И. Бирюлиной, «основной целью комплимента является стремление доставить удовольствие собеседнику, в то время как коммуникативная цель похвалы – выражение положительной оценки с позиций возрастных и статусных преимуществ инициатора» [2]. Исследовательница акцентирует внимание на том, что в русской лингвокультуре наблюдается преобладание общеоценочных комплиментов, которые выражают доброжелательное отношение к собеседнику, создают благоприятный климат общения.

Следует отнести комплимент, похвалу и одобрение к социальной поддержке, так как анализ работ отечественных лингвистов показывает, что и комплимент, и похвала, и одобрение направлены на то, чтобы сделать приятное собеседнику, сформировать положительную оценку, создать положительный эмоциональный фон, то есть преследуются цели, совпадающие с целями социальной поддержки.

Речевые жанры «сочувствие», «утешение», «соболезнование» исследуются во многих ра-

ботах, а также упоминаются в ряде классификаций. Предлагается рассмотреть, что представляет собой каждый из них и что позволяет отнести их к жанрам социальной поддержки.

Ю. В. Казачкова считает, что речевые жанры «сочувствие», «утешение», «соболезнование» являются родственными, это объясняется их появлением в схожих негативных ситуациях – когда адресату плохо, когда у него несчастье или неприятность, а также их объединяет семантическая близость: словари определяют название одного из жанров через название другого [5]. Интерпретируя слова М. Ю. Федосюка, Ю. В. Казачкова пишет, что главная цель сочувствия – выразить понимание и доброжелательное отношение к адресату в негативной для него ситуации. Коммуникативная цель утешения состоит в ослаблении или устранении отрицательного эмоционального состояния, в котором находится адресат.

Следует отметить мнение М. Я. Гловинской. Исследовательница считает, что цель утешения – улучшить эмоциональное состояние слушающего [11, с. 117].

Т. В. Тарасенко, относя соболезнование к этикетным речевым жанрам, отмечает, что «общее правило, которому подчиняется общение и служат этикетные речевые жанры – это максимально «поднять» образ своего собеседника». Под этим имеется в виду, что если собеседнику плохо, необходимо его поддержать, если собеседнику хорошо, надо усилить эту позитивность [10].

Анализ работ отечественных лингвистов показал, что утешение и соболезнование (наряду с похвалой, комплиментом и одобрением) относятся к жанрам социальной поддержки. Так как в ситуации горя, страдания адресант пытается улучшить плохое самочувствие, настроение адресата, поддержать его, подбодрить и предложить помощь. Для этого адресант прибегает именно к речевым жанрам утешения и соболезнования.

Итак, автором статьи были рассмотрены теоретические предпосылки изучения социальной поддержки как сложного коммуникативного образования и проанализировано, как современные ученые трактуют понятие «социальная поддержка» в различных дисциплинах (лин-

гвистика, педагогика, психология, социология). Также было показано, что комплимент, похвала, одобрение, утешение, соболезнование есть проявления социальной поддержки. В дальнейшем планируется подробно проанализировать их функции и коммуникативные средства их выражения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анохина, Т. В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования / Т. В. Анохина // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 63–80.
2. Бирюлина, А. И. Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. И. Бирюлина. – Тамбов, 2009. – 24 с.
3. Газман, О. С. Потери и обретения в воспитании после 10 лет перестройки / О. С. Газман // Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании: материалы Всерос. конф. / под ред. чл.-корр. РАО О. С. Газмана. – М.: УВЦ «Инноватор», 1996. – 96 с.
4. Загрядская, Н. Н. Психологическая поддержка старшеклассников при решении ими экзистенциальных проблем: дисс. ... канд. психол. наук / Н. Н. Загрядская. – Ростов-н/Д., 1999. – 201 с.
5. Казачкова, Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): дисс. ... канд. филол. наук / Ю. В. Казачкова. – Саратов, 2006. – 177 с.
6. Леннер-Аксельсон, Б. Психосоциальная помощь населению: пер. с шведского / Б. Леннер-Аксельсон, И. Тюлефорс. – М.: Дом, 1998. – 238 с.
7. Осипов, Д. В. Субъективная семантика понятия «психологическая поддержка» в контексте психологического консультирования: автореф. дисс. ... канд. психол. наук / Д. В. Осипов. – Москва, 2006. – 24 с.
8. Сафонова, Л. В. Содержание и методика психосоциальной работы: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. В. Сафонова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.
9. Седов, К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 188–195.
10. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дисс. ... канд. филол. наук / Т. В. Тарасенко. – Красноярск, 1999. – 169 с.
11. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.
12. Ханский, А. О. Вербальное утешение: пособие для студентов по спецкурсам гуманитарных дисциплин / А. О. Ханский. – Тверь: Изд. ГЕРС, 2001. – 80 с.
13. Юнаковская, А. А. Комплимент как часть общения обиходно-разговорной сферы (на материале г. Омска) / А. А. Юнаковская // Жанры речи. – Саратов, 2009. – С. 284–294.

ББК 87.0

*Е. А. Литинская***ДОПИНГ В СПОРТЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ****Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
г. Дубна Московской обл.**

E-mail: litinskaya.alena@mail.ru

Предприняты попытки социально-философского осмысления применения допинга в большом спорте как явления, разрушающего подлинную сущность спортивных состязаний. Сформулированы возможности преодоления создавшегося положения в спорте высших достижений.

Ключевые слова: допинг, запрещенные вещества, искусственные стимуляторы, большой спорт, спорт высших достижений, социально-философский подход.

*Е. А. Litinskaya***STIMULANTS IN SPORT: SOCIAL – PHILOSOPHICAL ASPECT****International University Of Nature, Society And Human Of «Dubna»,
Dubna Town, Moscow Region**

There were some attempts to over think the use of stimulants in big sport, which destroys the real existing of sport competition. There are some abilities to overcome the existing situation in professional sport.

Keywords: stimulants, offending drugs, professional sport, social-philosophical aspect.

Что заставляет все большее число зарубежных и российских спортсменов, рискуя здоровьем и карьерой, применять запрещенные вещества?

В современном мире год от года растет значение спортивных побед на крупнейших международных турнирах. В политическом аспекте они повышают национальный престиж и демонстрируют мощь государства. В экономическом плане страны, занимающие лидирующие позиции на международной спортивной арене, получают право на проведение крупнейших международных турниров, что привлекает иностранный капитал в экономику государства. Победы улучшают и материальное положение самих спортсменов: высокие гонорары и социальные льготы способствуют успешной адаптации к обществу после завершения спортивной карьеры. Победители становятся национальными героями, и чем более успешен спортсмен, тем чаще победа на крупных соревнованиях становится смыслом его жизненных устремлений.

Поэтому часто спортсмены готовы использовать любые средства, которые помогают достигать побед, в том числе и на грани принципов честной игры (Fair play). И совсем не случайно в центре проблематики спорта высших достижений стоит вопрос о применении спортсменами специальных веществ и методов, называемых допингом. Эта проблематика имеет не только медицинский, но и этический смысл, что требует социально-философского анализа.

Предлагается рассмотреть с этой точки зрения проблему применения допинга в большом спорте, под которым понимают совокупность частично совпадающих профессионального, олимпийского спорта и спорта высших достижений. Допинг создается для его использования в экстремальных ситуациях, присущих наиболее напряженным моментам человеческой деятельности (кстати, на диалекте южноафриканского народа банту словом «дор» называют наркотический напиток, применяемый в языческих обрядах).

Рост масштабов использования специальных веществ, в том числе в российском спорте высших достижений, скандалы вокруг результатов допинг-тестов множества знаменитых спортсменов задают всеобщий характер борьбы вокруг допинга. Будучи не новой для спорта в целом, морально-нравственная сторона этой проблемы становится все острее. Согласно одному из последних отчетов Российского антидопингового агентства (РУСАДА), только в 2009 году 61 спортсмен был дисквалифицирован за употребление запрещенных препаратов. Наибольшее количество (14 человек) – в тяжелой атлетике. Второе место делят легкая атлетика и пауэрлифтинг (по 9 человек). Далее следуют гребля (6 спортсменов), велоспорт (5 спортсменов), спортивная гимнастика, бокс, биатлон и дзюдо (по 2 спортсмена). По одному атлету дисквалифицировано в баскетболе, гандболе, самбо, синхронном плавании, лыжном двоеборье, лыжных гонках, плавании, спортивной

стрельбе, стрельбе из лука и в спорте для лиц с ограниченными возможностями (слепых). Пожизненно отстранены семь человек [4]. Иногда уличенные в применении допинга видные спортсмены возвращаются в большой спорт. Так, в декабре 2010 года на старт вышли отбывшие дисквалификацию известные биатлонисты Екатерина Юрьева и Дмитрий Ярошенко. Они, как и ныне завершившая спортивную карьеру А. Ахатова, были уличены в использовании запрещенного препарата гЕРО (рекомбинантный эритропоэтин) на первом этапе Кубка мира сезона 2008/2009 в Эстерсунде. Антидопинговая комиссия Международного союза биатлонистов (IBU) признала их виновными в нарушении ст. 1.2.2 Антидопинговых правил IBU и дисквалифицировала на два года.

Как видно из отчета, проблема допинга затрагивает фактически все спортивные федерации в России. Не случайно она обратила на себя внимание и первых лиц нашего государства. Так, негативное отношение к применению специальных веществ высказывали и руководители государства, и вице-премьер правительства Александр Жуков, предложивший «усиливать ответственность, в том числе уголовную, врачей, тренеров, руководителей федераций, за побуждение спортсменов к использованию запрещенных препаратов» [7].

Из данных примеров, далеко не единичных, нетрудно составить представление об остроте, многоплановости и вместе с тем недостаточной проработанности проблемы применения допинга в российском большом спорте. Аналогичные явления имеют место и в других странах, что дополнительно усложняет возможность противостояния попыткам использования запрещенных средств и стимуляторов. Исследователи мирового спорта, как и российские специалисты, признают, что многочисленные факты дисквалификации атлетов, в том числе и выдающихся, нанесли трудно восполнимый урон олимпийскому движению. Не меньший вред принесла и «исключительно агрессивная, не всегда обоснованная, а во многом и откровенно ошибочная политика, как и практическая деятельность Всемирного антидопингового агентства (WADA), антидопинговых служб и лабораторий» [4, с. 3].

Между тем точки зрения авторитетных спортивных экспертов на проблему применения допинга расходятся, заполняя весь возможный спектр оценок – от попыток убедить обще-

ственность в том, что использование определенных веществ спортсмену не вредно, до указания на смертельную опасность (иногда тех же самых типов допинга). Этические оценки не менее разнообразны – от убежденности экспертов в абсолютной нетерпимости «нечестной игры», обмана болельщиков, судей, ожиданий своей страны и мирового сообщества до концепций, по которым этический подход к большому спорту сегодня должен быть перенаправлен с учетом политических интересов стран-участниц соревнований. Более того, некоторые из современных аксиологов утверждают, что для всех видов деятельности время этики в истории человечества осталось позади и современный спорт не является исключением [3].

Следует подчеркнуть, что проблема использования допинга в большом спорте имеет не только актуально практическую, но и актуально теоретическую сторону. Среди тренеров, врачей и ученых, занятых в сфере большого спорта, широкое распространение получили концепции, не позволяющие сколько-нибудь однозначно определиться по отношению к идейно-психологическим и философским аспектам проблемы допинга. Одни специалисты считают, что спортсмен имеет право на свободу выбора применять или не применять запрещенные вещества (в связи с чем он должен быть хорошо информирован об опасности для здоровья того или иного препарата). Другие говорят о необходимости полного запрета использования стимулирующих препаратов и строгого наказания провинившихся. Они оперируют аргументами, в соответствии с которыми в спортивной подготовке еще существуют неиспользованные резервы, и без допинга позволяющие спортсменам показывать рекордные результаты [1, с. 38].

С точки зрения автора, самым очевидным и сильным побудителем обращения спортсмена к допингу является тот факт, что в течение длительного времени, на протяжении наиболее результативных лет спортивной карьеры спортсмена, большинство тренеров внушает атлету необходимость достижения результата практически любой ценой. Здесь социально-философская дилемма: исходя из того, что большой спорт сегодня стал структурной составляющей государственной идеологии, которая демонстрирует мощь и силу государства, от спортсмена требуют результатов, в идеале стремящихся перейти современную грань человеческих возможностей. С другой стороны, мировая спор-

тивная общественность накладывает запрет на употребление препаратов, которые помогают организму, выстояв перед все более запредельными нагрузками, победить соперников.

Данная дилемма – не единственная: в течение последних десятилетий, в особенности после второй мировой войны, финансовые и идеологические основания большого спорта качественно изменились. Ясней всего эти изменения видны при рассмотрении эволюции изначально гуманных принципов Олимпийского спорта, внедренных в его практику в первой половине прошлого века Пьером де Кубертенем. С середины XX века на смену кубертеневской идеологии Олимпийского спорта как состязания в ловкости, силе, точности, эстетической красоте и благородстве пришли сомнительные в нравственно-этическом отношении политические установки и релятивистские коммерческие целеполагания спортивного рынка.

В сложившейся ситуации спортсмен вынужден искать компромисс: с одной стороны, он осознает аморальность применения допинга, опасается его последствий психофизиологического, психоэмоционального и юридически-правового характера, с другой стороны, стремится продлить спортивную карьеру, что весьма трудно, а иногда и невозможно без применения запрещенных методов и препаратов, без помощи искусственной стимуляции.

Поскольку до сих пор не выработана позиция, которая была бы принята и одобрена мировым спортивным сообществом, многие спортсмены высокого класса серьезно озадачены ставшим реальностью последовательным ужесточением антидопинговых правил. Это, по небезосновательному мнению российских исследователей, может привести к обратному результату, то есть «болельщики и спортивные фанаты будут ожидать не спортивных состязаний, а результатов допинг-контроля и скандалов, им сопутствующих» [2, с. 79]. Можно наблюдать и другой социально-философский вызов: спортсмен, принимающий допинг, становится в глазах зрителей национальным героем, не щадящим себя ради Родины и их, болельщиков. Возникает вопрос: как разрешить такие (и им подобные) социально-философские антинормии и сделать большой спорт чистым. Этот вопрос вплоть до настоящего времени остается открытым.

На взгляд автора, намечается несколько путей решения этой проблемы. Предлагаемые ги-

потетические пути решения применения допинга в большом спорте основаны на теоретическом и практическом развертывании «знаниевой парадигмы». То есть субъекты действия наделяются дотоле отсутствующей у них информацией, без знания которой проблема не может быть решена ни умозрительно, ни в реальности.

Во-первых, четкая грань между разрешенными и запрещенными средствами в спорте должна определяться не представителями антидопинговой службы, а на основе разумных соглашений между WADA и теми структурами государственных и общественных организаций, которые непосредственно отвечают за подготовку спортсменов, ее медицинское и научное обеспечение.

Во-вторых, необходимо дать спортсменам надлежащие знания научных основ разработки и использования стимулирующих веществ, расставив в курсах определенных дисциплин (химии, биохимии, физиологии, спортивной фармакологии и т. д.) соответствующие акценты, ознакомить спортсменов с последствиями применения определенных препаратов.

В-третьих, в антидопинговой политике необходимо сместить акцент с карательных мер на профилактику. Проблему не решить до тех пор, пока в учреждениях, занимающихся подготовкой юных спортсменов, не будут введены в обязательную программу обучения и воспитания атлетов занятия по этике спортивного поведения. Необходимо отметить, что первые шаги в этом направлении сделали сами спортсмены, дисквалифицированные за использование допинга. В частности, известные биатлонисты Дмитрий Ярошенко и Андрей Прокунин, которые обратились в Национальную антидопинговую организацию с предложением выпустить для юных спортсменов брошюру с объективной информацией о запрещенных препаратах и об их реальной опасности – физической, психологической и духовной (этической).

В-четвертых, наиболее сложной в социально-философском плане является духовная (этическая) проблема целей и средств достижения желаемого спортивного результата. Здесь усматривается одна возможность – сформировать иерархию ценностей в сознании спортсмена и (или) баланс ориентаций, при котором этические установки для индивида будут более значимы, чем ценности престижа и ориентации прагматические (карьерные и материальные).

В воспитании спортсмена это означает переориентацию его профессиональных целей и средств их достижения. В истории спорта (в том числе и в новейшей истории) отмечены уникальные эпизоды, когда спортсмен единолично – вопреки сложившейся практике – ставил этические нормы выше материальных. Но в подавляющем большинстве случаев для того, чтобы спортсмен отказался от приема запрещенных препаратов, необходимы коренные изменения в его системе ценностей. Разумеется, перестроить иерархию ценностей возможно, лишь опираясь на поддержку индивида его референтной группой (в данном случае руководством соответствующей федерации, тренерами, товарищами по команде и т. д.). Такая поддержка может опираться на аксиоматическое осознание того, что этически безупречное поведение необходимо атлету так же, как победа. Решение этой задачи требует разработки модулей преподавания на всех ступенях спортивного роста этики спортивного поведения.

В свою очередь, спортивному сообществу на пути преобразования иерархии ценностей необходима правовая защита. Поэтому, в-пятых, в рамках парадигмы спорта, который возможно был бы не только большим, но и честным, требуется усилить подготовку профилированных юристов с углубленным изучением российского и международного спортивного права, способных защищать права наших спортсменов на международной арене. До сих пор представители спорта высших достижений во множестве случаев сталкивались с отсутствием положительно результативной правовой поддержки. Это нередко приводило к неправомерному лишению наших атлетов спортивных наград и даже к обесцениванию российских достижений (например, беспрецедентный случай с вручением второго комплекта золотых наград канадским фигуристам Д. Сале и Д. Пелетье в Солт-Лейк-Сити-2002 или судебское решение в отношении Е. Плющенко на Играх в Ванкувере). Серьезный урон нанесло и отстранение семи российских легкоатлетов от участия в пекинской олимпиаде на основании якобы произведенной ими подмены допинг-тестов, хотя процедура забора пробы четко регламентирована и проводится в присутствии эмиссара по допинг-контролю. В результате они были на два года лишены возможности участвовать в соревнованиях. Российские юристы не сумели ни найти, ни создать прецедент эффективной правовой защиты.

Между тем в мировой практике существуют и другие примеры. Известной финской биатлонистке Кайсе Варис с помощью юристов удалось добиться отмены пожизненной дисквалификации за неоднократные случаи употребления допинга. В январе 2008 г. в ее крови второй раз был обнаружен допинг – эритропоэтин (ЕРО). Однако финские юристы выявили нарушения антидопинговых функционеров, которые вскрыли пробу «В» вне присутствия К. Варис, чем нарушили права спортсменки, и спустя год наказание было отменено.

В-шестых, употребление допинга в детском и юношеском спорте. Делается это бесконтрольно, неквалифицированно и неоправданно. Как следствие – реальный вред, наносимый здоровью вплоть до летального исхода (так, 13 октября 2008 года во время матча регулярного чемпионата КХЛ «Витязь» (Чехов) – «Авангард» (Омск) у перспективного 19-летнего Алексея Черепанова внезапно остановилось сердце). Эту проблему нужно решать, но не запретами, которые не работают, а просвещением. Человек (пусть молодой) должен делать сознательный выбор.

В-седьмых, решение проблемы допинга в том (применительно к большому спорту), чтобы более или менее четко определить границы дозволенного и запрещенного. Например, после зимней Олимпиады-2002 мировая общественность задалась вопросом: «Почему знаменитый норвежский биатлонист Оле Эйнер Бьорндалин вполне официально использовал допинг на основании справки врача об имеющейся у него астме?». Диагноз «астма» имели чуть ли не все лыжники и биатлонисты скандинавских стран. На летней Олимпиаде в Сиднее этой же «проф-болезнью» были поражены более 600 олимпийцев, из них 112 из сборной США.

Осложняет проблему и то, что допинг – это не только фармакологические препараты, но и определенные манипуляции с кровью, например, аутогемотрансфузия. Суть метода в том, что у спортсмена заблаговременно берут кровь, обрабатывают различными методами и перед соревнованиями вводят ему же (в виде крови, плазмы или эритроцитарной массы) для увеличения ее количества в организме, повышения кислородтранспортной и ряда других функций. Разнообразие препаратов, методов и манипуляций, относимых к запрещенным, ежегодно растет, обостряя вопрос, можно ли обойтись в большом спорте без допинга.

Важным шагом к положительному ответу на этот вопрос может стать разрешенная спортивная фармакология. Ее использование уже дало множество результатов, не отягощенных отрицательными последствиями. В частности, отвечавший в течение двадцати лет (1980–2000 гг.) за фармацевтическое обеспечение сборных команд СССР и России профессор Р. Сейфулла создал 10 препаратов, которые не являются запрещенными, но в то же время улучшают спортивный результат путем оптимизации внутренних резервов организма. То есть необходим системный научный подход к развитию спортивной фармакологии, позволяющей без ущерба здоровью спортсмена развивать его физические и ментальные качества.

Наконец, в-восьмых, победить эпидемию допинга в большом спорте можно, только вырвав с корнем сплетение его духовных причин. Этот системокомплекс (в отличие от разнокалиберных комплексов материальных, эмоциональных, социетальных и т. д.) не только не преодолен, но еще и не определен. В каком направлении следует искать причины разнообразных следствий распространения допинга? Известный чешский философ спорта А. Хегенова считает, что глубокий философский смысл спорта, его сущность выявляется через конфликт как условие для «истинного откровения (алетейя)... Через спорт обычный человек может приобщиться к истине в ее чистейшей форме. Поэтому допинг не только не этичен, но является буквальным выражением фундаментальной лжи» [6, с. 162].

То есть кроме педагогической, психологи-

ческой и этической парадигмы следует разработать духовную антидопинговую парадигму. Гипотетически ее основой может стать комплекс верований, идеалов, традиций, этических ценностей, систем табу, комплекс, опирающийся на духовно-нравственные установки прошлого и настоящего. Создание такой духовной парадигмы для профилактики применения допинга в спорте высших достижений есть то, чем прежде всего целесообразно было бы заниматься науке и практике, если ставить задачу избавить большой спорт от большой лжи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абзалов, А.* Тема года: спорт и допинг / А. Абзалов, О. Павлова, Д. Нестеров // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 3. – С. 38.
2. *Захарова, С. А.* Допинг в спорте: средство или противостояние: материалы I Всерос. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы спортивных правоотношений» / С. А. Захарова, Р. Г. Ханафеева. – Челябинск, 2010. – С. 79.
3. *Макинтайр, А.* После добродетели: исследования теории морали / А. Макинтайр; пер. с англ. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 376 с.
4. *Платонов, В. Н.* Допинг в спорте и проблемы фармакологического обеспечения подготовки спортсменов / В. Н. Платонов, С. А. Олейник, Л. М. Гунина. – М.: Советский спорт, 2010. – 308 с.
5. *Слюсаренко, Е.* Государство согласилось содержать пойманных на допинге биатлонистов URL / Е. Слюсаренко: www.gzt.ru/topnews/sport/-gosudarstvo-soglasilosj-soderzhatj-poimannyh-na-/328483.html (дата обращения 06.10.2010).
6. *Хегенова, А.* Спорт и его философское значение / А. Хегенова // Философия образования. – 2010. – № 1 (30). – С. 162.
7. *Шибанов, С.* Медведев ратует за развитие спортивной медицины URL / С. Шибанов: www.infox.ru/sport/summer/2009/04/27/Myedvyedyev_ratuyet_.phtml

УДК 66 (470.44/47)
ББК 65.304.17 (2Рос-13)

И. А. Новаков, Р. М. Петрунева, С. П. Мишта

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В НИЖНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: museum@vstu.ru

Статья посвящена истории становления химического образования в Волгоградском регионе. Приводятся данные не публиковавшихся ранее архивных документов.

Ключевые слова: история, химическая промышленность, химическое образование.

I. A. Novakov, R. M. Petruneva, S. P. Mishta

**SPECIALISTS TRAINING FOR CHEMICAL INDUSTRY IN LOWER VOLGA REGION:
HISTORY AND MODERNITY**

Volgograd State Technical University

The article is devoted to the history of chemical education development in Lower Volga region. In the article the unknown data from archives documents are adduced.

Keywords: history, chemical industry, chemical education.

Тихий провинциальный город Царицын в конце XIX – начале XX века был известен как крупнейший на Волге центр по переработке рыбы, добыче соли, выращиванию арбузов. Лесопильные заводы Царицына по своему техническому оснащению могли соперничать с лучшими европейскими предприятиями. Царицын по грузообороту обгонял такие крупные волжские города, как Самара и Астрахань. Но настоящий промышленный бум «накрыл» Царицын, когда «Товарищество братьев Нобель» в 1880 году организовало здесь нефтебазу, которая получила название «Нобелевский городок». Через город шел в Центральную Россию и в Европу керосин, который получали из азербайджанской нефти.

Нобелевский городок в Царицыне заслуживает отдельного описания. Следует остановиться лишь на моментах, которые представляются ключевыми для темы данной статьи. Прежде всего это было технически прогрессивное предприятие, основанное на передовых для того времени технологиях. Братья Нобель усовершенствовали технику добычи и переработки, разработали способы перевозки и хранения нефти и нефтепродуктов. По разным сведениям, им принадлежат идеи строительства морских и речных танкеров, железнодорожных

цистерн, громадных металлических резервуаров, нефтепроводов. Дух новаторства и меценатства в фирме братьев Нобель присутствовал всегда. Служащие товарищества собрали 40 тыс. рублей для учреждения стипендии и премии за лучшие технические приспособления в нефтепромышленном деле. В фирме братьев Нобель не только внедряли изобретения, но и отыскивали по всей стране одаренных новаторов, как специалистов, так и самоучек. Так, они открыли очень талантливого русского изобретателя В. Шухова, который по заказу фирмы изобрел и внедрил немало технических новаций мирового уровня. По числу внедренных технических новшеств товариществу братьев Нобель равных не было [1].

Особо следует сказать о проведении телефонной связи. Если первые телефоны появились в России в 1881–1882 гг., когда в Петербурге, Одессе и Риге были построены телефонные станции, то уже в 1885 г. телефонная линия обслуживала нефтеторговую фирму братьев Нобель в Царицыне.

Весь Нобелевский городок освещался электричеством. Электроосвещение в России появилось в 1884 г., и первым городским объектом, где разместились электрофонари, стал Невский проспект Петербурга. В том же 1884 г.

стал освещаться электричеством и Нобелевский городок в Царицыне.

Братья Нобель оставили свой след и в производственном менеджменте, внедрив новую систему управления предприятием, которая позволяла совершенствовать производственную деятельность и развивать систему профессиональной подготовки рабочих с учетом интересов участвующих в работе людей. По этой причине никакой ротации кадров не наблюдалось, каждый работник дорожил своим местом, своим жалованием и своими социальными гарантиями.

Городок представлял собой «государство в государстве»; здесь была собственная социальная инфраструктура: больница, школа, библиотека, магазины, благоустроенные территории. Он утопал в зелени и садах, чего нельзя было сказать о Царицыне в целом. «Товарищество бр. Нобель» представляло собой, как сейчас сказали бы, пример социально ответственного бизнеса. Семья Нобель подавала пример активной и результативной научно-технической деятельности, направленной на постоянное совершенствование производства, а также социальной ответственности бизнеса, перечисляя 40 % прибыли нефтяного «Товарищества бр. Нобель» на благотворительность. В частности, Русскому техническому обществу было передано 6 тыс. руб., проценты с которых выдавались в виде пособий на обучение детей, раз в три года присуждалась премия и выдавалась золотая медаль. В целях получения высшего и среднего специального образования детьми своих служащих Товарищество на свои средства основало три стипендии: имени Людвиг Эммануиловича Нобеля, Михаила Яковлевича Белямина и Петра Александровича Бильдерлинга в Санкт-Петербургском технологическом институте; по одной – в горном институте, ремесленном училище Цесаревича Николая, коммерческом училище и Бакинском реальном училище. Кроме того, Товарищество выделяло еще отдельные пособия в размере 30 рублей ежемесячно сверх платы за учение нуждающимся студентам в количестве до 10 человек на все время прохождения ими курса [2; 3].

Мало кто знает, что после смерти Людвиг братья Нобель в 1888 г. и 1904 г. учреждают в России три Нобелевских премии за лучшие работы по нефтяному делу и металлургии.

А между тем город прирастал не только промышленностью, но и людьми. В 1861 году

численность населения города немного превышала 7000 человек, а после отмены крепостного права в город повалили безземельные крестьяне, которые пополняли ряды рабочих. К 1900 году численность населения Царицына достигла 60000 человек, а к 1915 году составляла уже 135000 человек.

И вот на фоне бурлящей в Нобелевском городке технической жизни и общего низкого образовательного уровня населения городским властям стало очевидно, что Нобелевские стипендии не могут обеспечить квалифицированными кадрами всю городскую промышленность и кадры для промышленного сектора необходимо готовить в массовом количестве и на своей территории. Вопрос о высшем техническом образовании в Царицыне ставился на Земском собрании еще в 1916 году, где было решено возбудить ходатайство об открытии политехнического института с инженерно-строительным, химическим, механическим отделениями. Об этом писала газета «Волго-Донской край» (14 декабря 1916 г.; 3 февраля 1917 г.) [4]. Однако институт так и не был открыт. Можно только предполагать, что помешала этому первая русская революция и последовавшие за этим события.

В годы индустриализации в Царицыне – Сталинграде были построены крупные промышленные предприятия (тракторный завод, химкомбинат), расширились производственные мощности построенного еще в 1987 году металлургического завода «Красный Октябрь» и другие. Развитие промышленного комплекса региона было бы невозможно без достаточно большого количества грамотных инженерно-технических работников. Это понимало руководство региона и в годы индустриализации, когда строились и запускались крупнейшие предприятия тяжелой промышленности, и позже – в годы интенсивного развития экономики.

Уже в августе 1930 года (Выписка из протокола № 6 заседания бюро Сталинградского городского комитета ВКП(б) от 31 августа 1930 г) остро встал вопрос о кадрах для молодых предприятий, и городской комитет партии берет под свой контроль процесс комплектования техникумов [5]. При этом крупнейшим предприятиям поручается принять участие в подготовке материальной базы учебных заведений: «Сталинградстрою» поручен строительный техникум, заводу «Красный Октябрь» – металлургический, Сталгрэс – энергетический, а Химтресту –

химический техникум. Этот опыт впоследствии был использован при организации соответствующих факультетов высших учебных заведений.

Многие техникумы в годы индустриализации создавались на базе школ и училищ. Например, электротехнический техникум был образован на базе школы им. Достоевского, автодорожный – школы им. Пирогова, электромеханический – школы им. Белинского, педагогический – школы им. Дарвина, строительный – школы им. Ковалевского. Судостроительный техникум возник на базе профтехшколы им. Кулибина, промышленно-экономический техникум им. Чупрова репрофилирован по мясной промышленности, индустриальный техникум им. Ньютона – по тракторостроению.

Промышленные предприятия города Царицына, в том числе металлургический завод «Красный Октябрь», машиностроительные и лесопильные заводы, нуждались в квалифицированных инженерно-технических кадрах. В апреле 1920 г. был организован Царицынский механический техникум им. Ньютона на базе первого Советского среднетехнического училища им. Ньютона. Были и более ранние попытки организации подобного учебного заведения, но годы войны, жестокие бои по обороне и освобождению Царицына от белогвардейцев не позволили осуществить эти намерения.

Механический техникум им. Ньютона занимал небольшое здание на пересечении улиц Октябрьской и Краснознаменной. Первыми «ньютоновцами» стала группа царицынских юношей из 50 человек. Помимо группы, в которой готовились техники-механики широкого профиля, по инициативе первого (1920–1928 гг.) заведующего техникумом Л. И. Какурина (позже кандидата технических наук, заведующего кафедрой литейного производства Сталинградского механического института), при техникуме была образована инженерная группа из юношей, закончивших среднюю школу и занимавшихся по программе втуза. В дальнейшем планировалось, что данный опыт подготовки инженерных кадров послужит базой для политехнического института, который должен был открыться в Царицыне. Однако ходатайство об открытии института было отклонено, и учащиеся этой немногочисленной группы, насчитывающей 12 человек, после года занятий были направлены в институты других городов, а техникум перешел полностью на подготовку спе-

циалистов средней квалификации. Техникум заслуженно с первых дней своей работы завоевал авторитет солидного заведения, а мечта стать «ньютоновцем» стала заветной для многих юношей Царицына 1920-х годов. В 1925 году в техникуме открываются новые отделения: электротехническое, теплотехническое и металлургическое. Постановлением СНК от 17 ноября 1927 г. техникум переименован в Сталинградский индустриальный. В своем составе техникум имел механическое, металлургическое и тракторное отделения. С 1932 года – это Сталинградский тракторный техникум. Учебное заведение осуществляло подготовку специалистов по холодной обработке металлов резанием, индустриальному и литейному производству, термообработке металлов и металлографии. В настоящее время техникум находится в системе Министерства образования и науки РФ и готовит специалистов в области судостроения [6].

Своим рождением Волгоградский политехнический колледж им. В. И. Вернадского обязан вводу в эксплуатацию химического комбината и Сталгрэс (тепловая электростанция). В первом 1930/31 учебном году Сталинградский электрохимический техникум был укомплектован двумя параллельными группами по 40 человек в каждой. Готовились технологи по целлюлозному, сероуглеродному, вязкозному делу, по технологии кислот, солей и сжатых газов, а также технологии жировой промышленности. Необходимость в специалистах была столь острая, что первый набор студентов начинается занятия в одной из школ – сразу после окончания школьных уроков. Штат преподавателей насчитывал тогда пять человек. В декабре 1932 года состоялся первый выпуск химиков-технологов. В это время более четко определяется направление техникума: подготовка технологов и техников-электрохимиков. В 1935 году техникум передали в ведение наркома обороны, все преподаватели и учащиеся надели военную форму [7].

1 сентября 1946 г. приступили к занятиям уже шесть групп дневного и две группы вечернего отделений. Руководил в то время техникумом П. В. Юрин, который впоследствии стал директором Волгоградского проектного института «Гипросинтез». В начале 1950-х гг. в техникуме создаются лаборатории физической химии, аналитической химии, органической и неорганической химии, строятся учебные мастер-

ские. Позже был построен гальванический цех, новые лаборатории оборудованы полупромышленными установками. Министерство химической промышленности поручает техникуму обучение иностранных студентов из 17 стран. В настоящее время в учебном заведении обучается более тысячи студентов очного и 500 студентов вечернего отделений. Обучение ведется по пяти специальностям: «Технология электрохимических производств»; «Технология органического синтеза»; «Аналитическая химия»; «Оборудование химических и нефтеперерабатывающих заводов»; «Эксплуатация автоматических устройств и химических заводов». В 1991 году техникум переименован в Волгоградский политехнический колледж. В нем были открыты новые химические и пищевые специальности: «Технология жиров и жирозаменителей»; «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов»; «Технология консервирования».

Рождение Волгоградского колледжа газа и нефти связано с развитием топливно-энергетической базы России. В конце 30-х годов двадцатого века в районах Поволжья, Башкирии и Урала были разведаны новые богатые месторождения нефти и газа. Их освоение требовало создания на этой территории заводов нефтеперерабатывающего оборудования. В августе 1939 года было принято Постановление Совета Народных комиссаров о строительстве в Сталинграде первого в стране завода по производству тяжелого крекингowego оборудования. В 1941 году из Баку в Сталинград был переведен небольшой завод металлоконструкций и нефтеаппаратуры имени Петрова, который стал впоследствии базой для строительства нового предприятия.

Строительство в Сталинграде завода нефтяного машиностроения, развитие нефтеперерабатывающей и химической промышленности, новых нефтебаз вызвало необходимость подготовки квалифицированных кадров. Советом Министров СССР было принято постановление № 3448 от 13 августа 1950 года о создании Сталинградского нефтяного техникума.

С 1 по 31 июля 1953 года был проведен прием заявлений в Сталинградский нефтяной техникум на первый курс по специальностям «Оборудование нефтегазоперерабатывающих заводов», «Транспорт и хранение нефти и газа». Первый выпуск в техникуме состоялся в 1956 году.

По мере развития экономики страны и Сталинградского края в техникуме открывались новые специальности: «Эксплуатация автоматических и телемеханических устройств в газовой и нефтяной промышленности», «Монтаж и наладка системы контроля и автоматики», «Турбиностроение».

29 апреля 1992 года Волгоградский техникум газовой и нефтяной промышленности преобразован в Волгоградский колледж газа и нефти. В 1993 году колледж стал структурным подразделением дочернего предприятия «Волгоградтрансгаз» [8].

Необходимость подготовки в регионе кадров высшей квалификации руководством Нижневолжского края впервые была осознана еще в 1935 году, когда руководство края направило в «Союзгидролиз» письмо, в котором обосновывалась необходимость создания в Сталинграде Химического института для обеспечения кадрами действующих химических предприятий. Однако авторы не располагают документами, подтверждающими согласие или отказ руководства отрасли на создание вуза. Доподлинно известно только то, что и в 30–40-е годы XX века институт в Сталинграде так и не был создан [9].

Подготовка к созданию химико-технологического факультета в Волгоградском механическом институте началась в 1961 г. Первоначальная организационная работа была поручена декану факультета горячей обработки металлов. В это время в институте имелась одна химическая кафедра – кафедра общей химии. В 1962 г. на базе этой кафедры были образованы две кафедры: общей и аналитической химии (заведующий кафедрой доцент Н. Д. Подобед) и органической и физической химии (заведующий кафедрой кандидат технических наук А. Л. Килимов). Н. Д. Подобед – известный ученый, научные интересы которого состояли в изучении процесса гидролиза древесины, регенерации керосина после промывки тракторных деталей, природных минеральных красок Сталинградского края, определении массы тяжелых металлов в пищевых продуктах. Впоследствии в 1950-х годах он руководил Сталинградским отделением ВХО им. Д. И. Менделеева.

В недрах этих кафедр, входивших тогда в состав факультета горячей обработки металлов, формировался кадровый состав и начала создаваться лабораторная база будущего химико-технологического факультета. Значительная часть научно-педагогических работников ново-

го факультета прибыла из Казанского химико-технологического института.

Тысяча девятьсот шестьдесят третий год стал знаменательным годом в развитии химического образования и химической науки в г. Волгограде и Волгоградской области. Этот год считается годом рождения химико-технологического факультета [10].

Институт приступил к подготовке инженеров по специальностям: технология основного органического и нефтехимического синтеза, технология синтетического каучука, технология резины.

По приглашению ректора Волгоградского политехнического института профессора Н. В. Тябина в институт прибыл на постоянную работу молодой ученый – воспитанник казанской химической школы доктор химических наук профессор А. П. Хардин. С этого момента началось бурное развитие химического образования и химической науки в регионе, что оказало значительное влияние на химическую промышленность Волгоградской области. В институте буквально в течение нескольких месяцев пустые учебные аудитории превратились в современные химические лаборатории. Были созданы кафедры: органической химии, технологии резины, технологии основного и нефтехимического синтеза, химической технологии синтетического каучука.

В связи с развитием в регионе химической и нефтехимической промышленности Волгоградский обком КПСС обращается в Правительство с просьбой «... в целях дальнейшего развития высшего образования и обеспечения квалифицированными кадрами химической промышленности страны и Нижне-Волжского совнархоза просить Совет Министров РСФСР рассмотреть следующие вопросы:

а) о выделении средств на строительство корпуса химико-технологического факультета Волгоградского политехнического института;

б) о выделении необходимых ассигнований на строительство и организацию отраслевых лабораторий, в первую очередь лабораторий технологии машиностроения и сварки взрывом, а также лабораторий по динамическим испытаниям тракторов, литейному производству и физико-химическим исследованиям;

в) о безвозмездной передаче Нижне-Волжским советом народного хозяйства на баланс Волгоградского политехнического института оборудования, машин, аппаратов и приборов, необхо-

димых для организации учебного процесса согласно заявке института на сумму 500 тыс. руб., а также:

а) рассмотреть вопрос об увеличении приема студентов на 1964–1965 гг. по специальностям:

Технология резины с 75 чел. в 1964 г. до 100 чел. в 1965 г.

Технология органического синтеза и СК с 75 чел. в 1964 г. до 100 чел. в 1965 г.

Двигатели внутреннего сгорания с 50 чел. в 1964 г. до 75 чел. в 1965 г.».

Автоматизация и комплексная механизация машиностроительной промышленности с 75 чел. в 1964 г. до 100 чел. в 1965 г.

В этом же постановлении бюро обкома партии поручило институту «Волгоградпроект» совместно с ректоратом политехнического института завершить в 1964 году проектирование химико-технологического корпуса политехнического института и разработать перспективный план строительства корпусов и лабораторий политехнического института [11].

За время своего существования факультет стал крупнейшим структурным подразделением университета. Если в 1963 г. на факультете было 225 студентов, то сейчас по химическим направлениям и специальностям на химико-технологическом факультете университета, в Волжском филиале, Кировском и механо-металлургическом вечерних факультетах обучается в общей сложности около 1,5 тыс. студентов. Учебный процесс и научные исследования ведут около ста докторов и кандидатов химических наук.

С первых дней существования факультета, наряду со становлением учебного процесса, началась интенсивная научная работа, к которой широко привлекались студенты. На химико-технологическом факультете сформировались и получили развитие широко известные научные школы профессоров А. П. Хардина, Б. И. Но, Н. В. Тябина, С. М. Огреля, А. И. Рахимова, И. А. Новакова.

Сегодня традиции, заложенные около полувека назад, сохранились и приумножаются. Только за последние десять лет сотрудниками химико-технологического факультета опубликовано в различных изданиях более четырех тысяч статей, получено 450 патентов и авторских свидетельств на изобретения.

Плодотворная научная деятельность обеспечивает интенсивный рост научных кадров.

На всех кафедрах имеется аспирантура, в которой обучаются 51 аспирант и 12 соискателей ученой степени. На базе факультета работают межвузовский центр физико-химических исследований, межкафедральная лаборатория информационных технологий и учебно-научный центр «Механик», задачей которых является реализация образовательных программ дополнительной подготовки студентов, а также переподготовки и повышения квалификации работников промышленности.

Научные исследования на факультете осуществляются в основном по двум направлениям в области теоретической и прикладной химии и химической технологии: синтез и физико-химические исследования полициклических и элементоорганических мономеров, олигомеров и полимеров, создание модифицирующих добавок для их получения и переработки; теоретические основы химической технологии.

Основной костяк преподавателей ХТФ составляют его выпускники разных лет: 15 докторов наук, в том числе ректор университета член-корреспондент РАН И. А. Новаков и свыше 50 кандидатов наук.

Многие выпускники активно работают на производстве, в научно-исследовательских институтах и в высших учебных заведениях. Среди них: генеральный директор ООО «Лукойл-Волгограднефтепереработка» Владимир Анатольевич Зязин; президент ЗАО «Волгоградский завод оросительной техники и жилищно-коммунального хозяйства» Михаил Карпович Старовойтов; депутат думы Волгоградской области Олег Георгиевич Болотин; заместитель директора института органической химии им. Н. Д. Зелинского РАН Сергей Григорьевич Злотин и многие другие.

Химико-технологический факультет Волгоградского государственного технического уни-

верситета, открытый в 1963 году, сегодня является лидером в регионе по подготовке кадров для химической промышленности. Ученые факультета внесли существенный вклад в решение теоретических и прикладных проблем химической науки, обеспечили подготовку кадров высокой квалификации как для промышленности, так и для высшей школы. Таким образом, Волгоград сегодня является не только крупнейшим промышленным центром Нижневолжского региона, но и центром науки, образования и культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Птичникова, Г. А. Нобелевские городки в дореволюционной России [Электронный ресурс] / Г. А. Птичникова. – 2011. – Режим доступа : <http://niitag.ru>,
2. Джафаров, К. И. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель [Электронный ресурс] / К. И. Джафаров, Ф. К. Джафаров. – 2011 – Режим доступа : <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BRANOBEL.HTM>
3. Алексушин, Г. В. Товарищество братьев Нобель [Электронный ресурс] / Г. В. Алексушин. – 2011. – Режим доступа: <http://www.giasamara.ru/rus/samara/about/314...>
4. Волгоград. Четыре века истории. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. – 416 с.
5. Волгоградский индустриальный техникум – Волгоград [Электронный ресурс]. – Режим доступа: volgogradskijindustrialnyjtehnikum.webvolgograd.ru
6. Развитие образования и культурно-просветительских учреждений в Царицыне [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://region34.virtbox.ru/history/tsaritsyn/article_010.html.
7. Волгоградский политехнический колледж им. В. И. Вернадского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vpkver.ru
8. Волгоградский колледж газа и нефти ОАО «Газпром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: volgograd.yuginform.ru
9. ГАВО. Ф. 347 оп. 1 ед. 5 Л 12
10. Волгоградский государственный технический университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vstu.ru>
11. ГУ ЦДНИВО. Ф.12699, ОП.17, Д.11, Л. 123-127.

УДК 378.013
ББК 4481.22

В. Д. Васильева

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: vasilyevavd@yandex.ru

В статье рассматривается концепция педагогического процесса формирования проектной культуры будущих инженеров в образовательной среде технического вуза.

Ключевые слова: инженер, проектная культура, цели и содержание образования, педагогические средства.

V. D. Vasilyeva

THE MODEL OF PEDAGOGICAL PROCESS OF PROJECT CULTURE FORMING OF THE FUTURE ENGINEERS

Volgograd State Technical University

In this article the conception of pedagogical process of project culture forming of future engineers in educational environment of technical university are considered.

Keywords: engineer, project culture, aims and maintenance of education, pedagogical means.

Интенсивное внедрение технической сферы в жизнедеятельность социума и сужение контролируемых возможностей человека над этой технической реальностью привело к тому, что устойчивое и безопасное развитие общества зависит сейчас от того, насколько инженерная деятельность отвечает критериям социальной и экологической приемлемости, структурной и этической совместимости создаваемой техники и технологий с системой общечеловеческих ценностей [1; 2]. В этих условиях к инженеру-проектировщику предъявляются требования не просто профессионализма даже самого высокого уровня (он является необходимым, но недостаточным условием социальной ценности его деятельности), а соответствия современным социально детерминированным требованиям в сфере инженерной проектной культуры.

Подготовка будущих инженеров, способ-

ных выполнять свою основную профессиональную функцию – проектирование новой техники и технологий – на уровне, определяемом современными социокультурными нормами, является в настоящее время важнейшей задачей системы высшего профессионального образования. Эта функция должна проявляться не только во владении современными технологиями проектирования, но и в актуализации широкой культуры в профессиональной деятельности, умении учитывать при проектировании объектов технической природы достижения гуманитарных и социальных наук, человеческий фактор, широкий ценностно-смысловой базис инженера.

Определяя место проектной инженерной культуры в системе культур, следует представить уровни культуры общества в виде своеобразной пирамиды культуры (рис. 1).

Рис. 1. Схема соотношения культур

Как следует из рисунка, проектная культура инженера представляет собой подуровень инженерной профессиональной культуры, которую она образует совместно с научно-исследовательской, организационно-управленческой, производственно-технологической и другими культурами, выделенными по признаку специфики инженерной деятельности. Вместе с профессиональными культурами, касающимися других видов деятельности человека, инженерная профессиональная культура составляет пространство профессиональной культуры, которая совместно с бытовой (общей) культурой образует культуру общества в целом.

Проектная культура инженера – это профессионально-личностное качество, включающее не только совокупность профессиональных *знаний*, соответствующих современному уровню науки и техники, адекватных им функциональных *умений и навыков* проектирования, но и *морально-личностные качества*, определяющие готовность специалиста действовать в условиях неполноты предпроектных данных и риска, проявлять инновационные подходы, находить нестандартные и креативные решения инженерно-проектировочных проблем, прогнозировать последствия принимаемых проектировочных решений (в том числе социально-гуманитарных) и, главное, нести ответственность за последствия их внедрений [3].

В условиях внедрения в образовательный процесс высших технических учебных заведений федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) нового поколения разработка модели педагогического процесса формирования проектной культуры будущих инженеров является особенно актуальной. Анализ ФГОС инженерной подготовки показал, что перечень представленных в них компетенций, актуализирующих (в контексте настоящей работы) формирование необходимых составляющих проектной культуры выпускников технического вуза, весьма неполон. Во многих ФГОС к будущим инженерам не предъявляются обозначенные отдельной строкой требования формирования умения и готовности прогнозировать и нести ответственность за последствия принимаемых в инженерной проектной деятельности решений, особенно в области их кратко- и долгосрочного влияния на жизнь общества и каждого человека в отдельности. При разработке вариативной части образовательных программ этот, на взгляд автора, недостаток может быть откорректирован.

Модель педагогического процесса формирования проектной культуры будущего инженера в образовательной среде технического вуза, представленная на рис. 2, является совокупностью теоретических положений, раскрывающих в соответствии с принятыми методологическими установками [4; 5] взаимосвязь *целей, содержания, условий и процессуальных характеристик* реализации этого процесса.

Изменение аксиологических приоритетов и целей высшего профессионального образования, переход к его гуманистической направленности определили перечень основных концептуальных подходов и методологических механизмов решения исследуемой проблемы. Основными стратегическими ориентирами в проектировании педагогического процесса формирования проектной культуры студентов технического вуза явились следующие методологические подходы: *культурологический*, обосновывающий содержание инженерного образования как набора видов социокультурного опыта, освоение которых обеспечивает готовность студента к вхождению в современный мир культуры и социум (Н. Г. Багдасарьян, В. С. Библер, Е. В. Бондаревская, И. Я. Лернер, С. В. Кульневич, Э. С. Маркарян и др.); *деятельностный*, актуализирующийся в различных видах профессиональной деятельности в процессе формирования целостной личности инженера, обладающего высоким уровнем общей культуры и проектной культуры в частности (Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев, Н. Н. Нечаев, С. Л. Рубинштейн, Н. Ф. Талызина, В. Д. Шадриков и др.); *системный*, заключающийся в рассмотрении процесса формирования проектной культуры с позиций целостной системы составляющих ее компонентов в многообразии их связей и отношений (С. И. Архангельский, В. П. Беспалько, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Н. Ф. Талызина и др.); *компетентностный*, определяющий цели и результаты образовательного процесса в виде компетенций будущего специалиста (В. И. Байденко, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, А. М. Митяева, А. Мэйо, Р. М. Петрунева, Дж. Равен, П. Сендж, А. В. Хуторской и др.); *личностно-ориентированный*, при котором личность рассматривается как ценностное ядро системы образования, как внутренний источник активности индивида, осуществляющий познание окружающего мира посредством рефлексии

(Н. А. Алексеев, Е. В. Бондаревская, В. И. Данильчук, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.). Представленные методологические подхо-

ды определили основные *принципы* проектирования педагогического процесса формирования проектной культуры.

Рис. 2. Концептуальная модель педагогического процесса формирования проектной культуры будущих инженеров

Целевой компонент выступает системообразующим элементом педагогического процесса формирования проектной культуры, так как он детерминирует содержание обучения, его процессуальную составляющую. При этом проектная культура инженера, как одна из приоритетных целей инженерного образования, представлена в виде системы компетенций, выраженных в деятельностной форме и адекватно отражающих новые функции и задачи инженера в области проектирования, которые востребованы обществом в контексте современных социокультурных приоритетов. Проектная культура инженера по своей природе полифункциональна и структурно включает в себя следующие группы компетенций: *когнитивную* (владение комплексом знаний о современной физической картине мира, социальных, пространственно-временных закономерностях его развития; глубокими знаниями в области техники и технологий и других смежных наук, сопровождающих процесс инженерного проектирования; готовность получать новое знание на протяжении всей жизни); *процессуально-деятельностную* (способность к проведению прогностических и мониторинговых исследований реальных и возможных в будущем материальных потребностей общества, существующих в социально-экономической и технической сферах жизнедеятельности общества; способность и готовность к проведению научно-исследовательских и патентных исследований, к обеспечению патентной чистоты новых проектных решений и патентоспособности показателей технического уровня проекта; способность создавать и использовать различные модели для исследования и прогнозирования разнообразных явлений и объектов, осуществлять их качественный и количественный анализ; способность проводить технические и технологические расчеты, технико-экономический и функционально-стоимостной анализ эффективности проекта; способность использовать пакеты прикладных программ при выполнении проектных работ; способность разрабатывать методические и нормативные документы, техническую проектную документацию; готовность к защите объектов интеллектуальной собственности и коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности); *креативную* (способность генерировать творческие решения инженерно-профессиональных задач, имеющих социально-гуманитарный контекст; готовность

к принятию нестандартных решений; способность и готовность прогнозировать и оценивать наступающие последствия реализуемых проектных решений на различных уровнях; способность находить оптимальные технические решения с учетом требуемой функциональности, надежности, стоимости, безопасности жизнедеятельности, экологической чистоты, социальной и гуманитарной ценности); *морально-ценностную* (осознание социальной значимости своей будущей профессии, значения проектной культуры в будущей профессиональной деятельности инженера; обладание высокой мотивацией к ее проявлению в инженерной деятельности; готовность нести моральную и иную ответственность за последствия внедрения результатов проектирования новой техники и технологий; готовность следовать этическому кодексу, сформированному в инженерном обществе).

Содержание инженерного образования, сформированное на культурологической основе, задает своего рода программу того, что должны узнать, понять, проделать, пережить обучающиеся, чтобы был освоен соответствующий фрагмент целостного культурного опыта. Следуя необходимости включения извне в содержание образования кроме стандартных компонентов еще и эмоционально-ценностных, личностных мотивов, содержание образования по формированию проектной культуры инженера представляется как единство *дидактически переработанного мирового социокультурного опыта*, существующего в виде учебно-программных материалов инженерной проектной подготовки, и *личностного социокультурного опыта*, приобретенного в личностно ориентированных учебных ситуациях, протекающих в форме переживания, смыслов творчества, саморазвития. Содержание образования изоморфно отражает виды опыта, приобретаемого в учебной деятельности и состоит из следующих основных структурных элементов: 1) опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов (знаний); 2) опыта репродуктивной деятельности, фиксированной в форме способов ее осуществления (умения, навыки); 3) опыта творческой деятельности (в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях); 4) опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений. Эти элементы связаны между собой преемственным образом: каждый предшеству-

ющий элемент служит предпосылкой для перехода к следующему.

Процесс формирования содержания образования в контексте рассматриваемой концепции осуществляется на трех уровнях: дисциплинарном, метадисциплинарном и задачно-ситуационном уровне. На *дисциплинарном уровне* отдельные учебные дисциплины в составе естественно-научного, математического, а также профессионального циклов, сформированные по принципу «от фундаментальных – к прикладным», знакомят студентов с основами наук, закладывая фундамент профессиональных проектных знаний и умений. Особую роль в становлении проектной культуры играют дисциплины, раскрывающие законы строения и развития техники, ее компоненты, совместимость, задачи проектирования («Введение в специальность», «История развития техники»), поиск, систематизацию и использование проектной информации («Инженерная графика», «Компьютерная графика»), творчество в технической сфере, методы решения изобретательских задач, основы патентования («Основы технического творчества», «Теория решений изобретательских задач», «Патентование»). Дисциплины социогуманитарного цикла, имеющие рефлексивный характер, вводят молодежь в мир культуры, трансцендентальных переживаний, знакомят с системой общечеловеческих и профессиональных ценностей, что делает их важным педагогическим средством формирования ценностно-смысловой базы будущего специалиста. При этом они должны иметь контекстную направленность на подготовку студентов к будущей инновационной проектно-конструкторской деятельности.

Метадисциплинарный уровень содержания образования, как правило, представляется междисциплинарными курсами – метадисциплинами, являющимися связующим звеном образовательного процесса и обеспечивающими формирование целостного знания в профессиональной области, направленного на выполнение разнообразных инженерных функций. В роли метадисциплины, в значительной степени помогающей преодолеть разобщенность отдельных наук в проектной инженерной подготовке, дать обоснование принципов координации и интеграции предметных областей, может выступать дисциплина «Проектирование производства...» или «Проектирование машин...».

Задачно-ситуационный уровень (уровень учебного материала) представляет содержание конкретных инженерно-проектировочных ситуаций, участие в которых способствует приобретению студентами личностного опыта гуманитарно ориентированной проектной деятельности и запускает процесс актуализации проектно-культурного потенциала будущего специалиста в решении реальных проектных инженерных задач.

Процесс формирования проектной культуры – это синкретичное явление, растянутое во времени, протекает параллельно-последовательно в соответствии с развертыванием логики учебного процесса в течение всего периода обучения в вузе, и рассматривается как сложный многоплановый поэтапный процесс становления проектной культуры, имеющей различные уровни развития: от первоначальных знаний в области техники и технологий к всестороннему овладению и творческому осмыслению способов их реализации в профессиональной проектной деятельности. Процесс формирования проектной культуры представляет собой последовательное движение от формальной ориентировки инженерного проекта на технико-экономические показатели к учету и реализации на этапе проектирования экологических показателей, а затем к уровню аксиологической экспертизы, на котором имеет место ориентация на приоритет человеческих ценностей, социального и гуманитарного благополучия, полномасштабная компетентность в решении инженерных проектировочных задач с принятием их гуманитарного смысла.

С учетом этого в качестве основных этапов формирования проектной культуры будущих инженеров были выделены следующие:

1) *когнитивно-накопительный*, для которого характерно освоение студентами фундаментальных знаний в области гуманитарных, естественно-научных, математических, экономических и общетехнических наук, а также умений и навыков выполнения отдельных процессуальных операций инженерного проектирования в рамках изучаемых дисциплин. На первом этапе актуализируется мотивационно-целевой компонент проектной деятельности, понимание социальной значимости инженерной проектной деятельности, начинается становление этического компонента инженерной проектной деятельности. Результатом образования на данном

этапе является приобретение студентами технических вузов *проектной грамотности*;

2) *нормативно-алгоритмический*, характеризуемый освоением студентами методологии, современных способов, нормативов (регулятивов) и алгоритмов проектирования новой техники и технологий, приобретением опыта квазипрофессионального проектирования (в рамках выполнения междисциплинарного курсового проекта) отдельных элементов (этапов) машин, конструкций, технологий. При этом на втором этапе формирования проектной культуры в процессе выполнения междисциплинарного курсового проекта с элементами социогуманитарной экспертизы принятых в проекте технических решений должна сложиться устойчивая система социогуманитарных смыслов инженерного проектирования. Студенты должны приобрести первичный опыт прогнозирования последствий принимаемых технических решений на уровне отдельных элементов машин, конструкций, технологий. В результате студенты приобретают *проектную компетентность*, позволяющую им успешно осуществлять рядовую проектную деятельность в составе коллектива инженеров-проектировщиков;

3) *проектно-реализующий*, понимаемый как этап осознанного применения всего комплекса приобретенных знаний, умений, системы профессиональных ценностей в области проектирования инновационно-технических объектов, опирающегося на опыт квазипрофессионального проектирования сложных технических объектов (дипломное проектирование). Данная стадия характеризуется доминирующим этическим компонентом – развитым проектным самосознанием, пониманием необходимости ограничения собственных потребностей, коэволюционного воздействия на биосферу, опытом антропоцентрированной инженерно-проектировочной деятельности, который предполагает проведение социогуманитарной экспертизы всех принятых в проекте новых технических решений на всех уровнях проектируемой технической системы. Ключевая задача этой стадии – формирование целостной *проектной культуры* будущего инженера.

Переход от одного этапа к другому не подразумевает диалектическое отрицание предыдущего. Так, знания, приобретенные на когнитивно-накопительном этапе формирования проектной культуры, переосмысливаются, над-

страиваются новыми элементами в процессе последующей проектной деятельности, тем самым происходит переход на качественно иной уровень проектной подготовки. При этом реализуются психологические механизмы экстернизации знаний и умений предыдущего уровня в практическую деятельность, формируются новые способности и возможности в профессиональной деятельности. В дальнейшем синтез практических умений и углубившихся теоретических познаний приводит к интериоризации вновь приобретенных способов деятельности и преобразованию их в качественно более совершенные структуры сознания, что является основой творческого, системного применения инженерных знаний в проектной деятельности.

В таблице приведена характеристика учебной деятельности при формировании элементов проектной культуры на различных этапах.

Выделение уровней становления проектной культуры на каждом этапе ее формирования происходило в соответствии с принципом, отображающим различную глубину знаний [6]. На *низком (репродуктивном) уровне* развития проектной культуры позиция студента характеризуется слабой выраженностью самостоятельных вариативных действий при обучении, их рациональной невыстроенностью. Обучение базируется на традиционном, основанном на многолетнем опыте механизме. Иногда возможен выход на эмоциональный аффективный уровень, обусловленный эмоциональным состоянием студента. На *среднем (продуктивном) уровне* позиция студента характеризуется вариативностью познавательной деятельности, поиском и усвоением новых форм и методов познавательной активности. Студентами рефлексировается информационная, коммуникативная и проектировочная деятельность, разрабатывается и оптимизируется тактика совместного достижения цели. Критериями достижимости являются универсальность проектной, информационной, аналитической деятельности, сформированность целерациональной активности. *Высокий (творчески деятельностный) уровень* формирования проектной культуры студентов отличается наличием у студентов этико-экологической доминанты, стремлением к саморазвитию, творческой генерацией инженерных проектных действий, ценностно-рациональной активностью.

Характеристика учебной деятельности студентов на различных этапах формирования проектной культуры

Этапы формирования	Структурные элементы проектной культуры			
	Когнитивный	Процессуально-деятельностный	Креативный	Морально-ценностный
1. Когнитивно-накопительный (проектная грамотность)	Изучение отдельных учебных дисциплин технических и смежных областей, включая социогуманитарные, экономические, естественнонаучные, общетехнические, специальные и др.)	Осуществление отдельных процессуальных проектных операций в рамках учебных дисциплин	Решение творческих задач в рамках отдельных учебных дисциплин, участие в студенческой научно-исследовательской работе во внеучебное время	Рефлексия и формирование ценностных и мотивационных установок личности студентов при изучении социогуманитарных дисциплин в контексте современной науки и техники
2. Нормативно-алгоритмический (проектная компетентность)	Приобретение знаний методологии и современных методов проектирования техники и технологий в процессе изучения метадисциплины «Проектирование производства»	Осуществление комплекса проектных операций при проектировании отдельных стадий производства (узлов машин и т. д.) в рамках выполнения курсового междисциплинарного проекта	Решение творческих задач разработки новых технических решений относительно отдельных элементов (стадий, узлов) проектируемых технических объектов при выполнении курсового междисциплинарного проекта	Приобретение личного опыта анализа и оценки возможных последствий внедрения выбранного технического решения, интериоризация социогуманитарного смысла инженерного проектирования
3. Проектно-реализующий (проектная культура)	–	Осуществление целостного процесса проектирования технических систем при выполнении дипломного проекта	Решение творческих задач разработки комплекса новых технических решений элементов проектируемой технической системы при выполнении дипломного проектирования	Приобретение целостного опыта анализа последствий внедрения новых технических систем, глубокое осознание ответственности инженера за результаты своего труда

К критериям сформированности проектной культуры на каждом этапе ее развития можно отнести следующие:

знание инженерного проектирования – этап, означающий уровень овладения студентами когнитивных компетенций;

осуществление проектной деятельности – этап, показывающий уровень овладения студентами процессуально-деятельностными компетенциями, включая умения и навыки выполнения процедур инженерного проектирования;

творческая активность – этап, демонстрирующий уровень овладения и проявления студентами креативных компетенций;

ценностные ориентации и мотивация – этап, показывающий личные качества студентов, степень овладения ими морально-ценностными компетенциями как обязательными элементами проектной культуры.

Для практической реализации системы формирования проектной культуры необходима система педагогических технологий, представленная вариантами учебных курсов, системой учебных задач и основанных на них учеб-

но-профессиональных ситуаций. Учебно-профессиональные ситуации возникают при решении учебных задач, представляющих собой инженерные проблемы, связанные с усовершенствованием существующих технических объектов и технологий, с созданием новых, предназначенных для удовлетворения новых материальных потребностей человека. Они имеют два аспекта: собственно техническое решение (рационально-гностический компонент) и социогуманитарное решение (нравственно-этический компонент). Технический аспект представляет собой традиционную техническую задачу, связанную с поиском рационального решения проблемы. Социогуманитарный аспект проблемы связан с актуализацией социогуманитарного сознания, сформированного социогуманитарного мышления, которые обуславливают систему надпрофессиональных качеств инженера, человеческую культуру в целом [7].

В качестве процессуальных средств актуализации данных ситуаций выступает комплекс проектных технологий, обеспечивающих имитационное моделирование проектной деятель-

ности при решении профессиональных задач. В данный технологический комплекс входят методы организации решения инженерных проектировочных задач в контексте существующей социогуманитарной ситуации в обществе, социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений, оценки параметров качества процесса и продукта инженерной проектной деятельности с позиций социальных и гуманитарных требований потребителя. При разработке модели педагогического процесса формирования проектной культуры в качестве основного дидактического средства была выбрана *учебно-профессиональная ситуация, реализуемая в форме учебных инженерных проектов, семинаров-дискуссий с элементами деловых (ролевых) учебных игр.*

Формирование проектной культуры будущего специалиста рассматривается в диалектическом единстве со становлением профессиональной культуры инженера. Приближение к определенному уровню проектной культуры не снимает вопроса о постоянной эволюции, о поиске ее нового видения в будущей профессиональной деятельности. Инженерная проектная культура личности – не достижение некоего уровня, а состояние обновления собственной культуросообразности и культуроидентичности в постоянно меняющемся мире.

Предложенная концепция нацелена на формирование инженера нового типа, для которого проектное дело – не ремесло, а гармоничное творчество, направленное на повышение стандартов качества жизни человека, в котором равноправны наука и искусство, теория и эксперимент, логика и интуиция, а инженер является гармоничной личностью, значимой фигурой современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Степин, В. С.* Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384 с.
2. *Энгельмейер, П. К.* Философия техники / П. К. Энгельмейер. – М., 1912. – Вып. 1. – 96 с.
3. *Васильева, В. Д.* Проблема формирования проектной культуры будущего инженера / В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3 (22). – С. 105–108.
4. *Краевский, В. В.* Методология педагогики: новый этап / В. В. Краевский, Е. В. Бережнова. – М.: Академия, 2008. – 394 с.
5. *Сериков, В. В.* Личностно-ориентированное образование: к разработке дидактической концепции / В. В. Сериков // Педагогика. – 1994. – № 5. – С. 16–21.
6. *Беспалько, В. П.* Программированное обучение. Дидактические основы / В. П. Беспалько. – М.: Высшая школа, 1970. – 300 с.
7. *Петрунева, Р. М.* Гуманитаризация образования: методологические основы и практика: монография / Р. М. Петрунева / ВолгГТУ. – Волгоград, 2000. – 173 с.

УДК 378.13
ББК Ч 481.4

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

РАЗВИТИЕ ОРАТОРСКОГО МАСТЕРСТВА И ТЕХНИКИ РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru, onadine@mail.ru

В статье рассматриваются необходимые для любого преподавателя навыки, приобретение которых помогает ему выступать с лекциями. Владение ораторскими умениями обеспечивает внимание аудитории, интерес к занятиям, лучшее усвоение материала. Техника речи направлена на умение использовать возможности голоса, дикции без потерь для здоровья оратора.

Ключевые слова: ораторское мастерство, лекция, техника речи, речевая компетенция преподавателя, коммуникативная компетенция преподавателя.

N. V. Dulina, N. A. Ovchar

DEVELOPMENT OF ORATORICAL SKILL AND TECHNIQUE OF SPEECH OF PROFESSORS

Volgograd State Technical University

The article deals with the necessary skills for any teacher, the obtaining of which helps him to give lectures. Possession of oratorical skills provides the audience's attention, interest in their studies, the best learning. Technique of speech is aimed at the ability to use the opportunity voice, articulation without loss of for the speaker's health.

Keywords: oratorical skills, lecture, technique of speech, speech teacher competence, communicative competence of the teacher.

В настоящее время, на пике реформирования системы образования в России, в связи с переходом к Федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения, компетентностный подход представляет особый интерес для освоения его преподавателями. Так, в нормативных документах по каждому из направлений подготовки прописаны общекультурные и профессиональные компетенции, которые должны быть сформированы у студента за годы обучения в вузе.

Такие требования к результату образования, как к умениям и навыкам, которые освоил студент, исходят из позиций Болонского соглашения, подписанного Россией. Болонское соглашение, наследуя идеи Сорбоннской декларации, вот уже в течение одиннадцати лет объединяет европейские страны, заинтересованные в поддержании конкурентоспособности своих систем образования, академической мобильности студентов и преподавателей, создании единого пространства европейского образования и тому подобное. Именно стремление реализовать принципы Болонской декларации и обусловило появление ФГОС ВПО нового поколения, содержащего ряд новшеств для нашей системы образования, таких, как кредиты и системы компетенций.

Понятие «компетентность», как отмечает Р. М. Петрунева, в педагогике определяется либо как профессиональная характеристика специалиста, либо как социальный феномен, либо как качество личности [5, с. 83].

Большое значение в формировании будущего специалиста имеют не только знания преподавателя как эксперта в определенной профессиональной области, но и его личностные качества. Именно поэтому так важно обращать внимание на необходимость формирования у преподавателей организаторских способностей, коммуникативных способностей и компетентности в общении, владения не только специальными знаниями по предмету, но и общекультурными.

К числу весьма важных и значимых для преподавателя компетенций следует отнести коммуникативные и речевые компетенции.

Коммуникативная компетенция – способность к коммуникативной деятельности на основе усвоенных средств и стратегий речевого общения, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями.

Коммуникативная компетентность – интегративный личностный ресурс, обеспечивающий успешность коммуникативной деятельности, включающий интеллект, общий кругозор, систему межличностных отношений, специальные профессиональные знания.

Известно, что коммуникация в профессиональной деятельности выполняет три основные функции:

- коммуникативную, включающую обмен информацией;
- интерактивную, предусматривающую организацию взаимодействия;
- перцептивную, отражающую процесс восприятия и формирования образа другого человека и установления взаимодействия.

Авторы считают, что критерии развития коммуникативной компетенции должны соответствовать основным функциям и отражать следующие знания и умения:

- знание норм и правил общения (делового, повседневного, праздничного и др.);
- высокий уровень речевого развития, позволяющий человеку в процессе общения свободно передавать и воспринимать информацию;
- понимание невербального языка общения;
- умение вступать в контакт с людьми с учетом их половозрастных, социально-культурных, статусных характеристик;
- умение вести себя адекватно ситуации и использовать ее специфику для достижения собственных коммуникативных целей;
- умение воздействовать на собеседника таким образом, чтобы склонить его на свою сторону, убедить в силе своих аргументов;
- способность правильно оценить собеседника как личность, как потенциального конкурента или партнера и выбирать собственную коммуникативную стратегию в зависимости от этой оценки;
- умение идентифицировать себя с собеседником, понимать, как он сам воспринимается партнером по общению и эмпатийно относиться к нему.

– способность вызвать у собеседника положительное восприятие собственной личности.

Известный адвокат и выдающийся оратор А. Ф. Кони утверждал, что «размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду» [6, с. 315]. Этот труд включает в себя работу не только над лекцией, но и над собой, воспитание соответствующих личност-

ных качеств, выработку определенных навыков и умений.

Для более пристального рассмотрения вопросов речевой компетентности преподавателя следует обратиться к взаимодействию преподавателя и студентов.

Выступая перед студентами, преподаватель совершает риторический поступок. Он ставит перед собой определенную сверхзадачу: заразить желанием действовать, искать, открывать истины, помочь узнать что-то новое, освоить непознанную область знания. То есть речевое действие всегда направлено на результат.

Не знающий законов риторики хорошо понимает то, о чем он говорит, но не осознает, что же он своей речью делает. Поэтому должна быть создана система практической тренировки необходимых умений и навыков, обеспечивающих на деле высокий уровень мастерства взаимодействия преподавателя и аудитории.

А. П. Чехов в рассказе «Скучная история» очень ярко представил весь комплекс трудностей публичной речи и умений, которые позволяют оратору их преодолевать: «Чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт, нужно обладать самым ясным представлением о своих силах, о том, кому читаешь, и о том, что составляет предмет твоей речи. Кроме того, надо быть человеком себе на уме, следить зорко и ни на одну секунду не терять поля зрения.

Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора лица, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя – победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти. Другой мой противник сидит во мне самом. Это – бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же быстро, как течет моя речь, облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разумению гидры и возбуждала бы ее внимание, причем надо зорко следить, чтобы

мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать. Далее я стараюсь, чтобы речь моя была литературна, определения кратки и точны, фраза возможно проста и красива. Каждую минуту я должен осаживать себя и помнить, что в моем распоряжении имеются только час и сорок минут. Одним словом, работы немало. В одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого или наоборот» [9, с. 388].

Таким образом, задачи преподавателя-лектора не сводятся только к выдаче теоретического материала по предмету, но и содержат целый перечень задач педагогических и ораторских. Так, главная задача оратора – привлечь внимание своей речью с самого начала и удержать это внимание до конца занятия. Главная задача педагога – научить, помочь освоить теоретический материал, передать знания.

В речевой ситуации преподаватель оценивает восприятие своей речи студентами, корректирует содержание, стиль, следит за временем и т. д. Но сущность его деятельности в триединстве: в организации восприятия, удержании внимания и речевом взаимодействии, направленном на достижение поставленной цели.

Поскольку в аудитории преподаватель имеет дело со студентами, необходимо учитывать те процессы, которые реализуют они в ходе лекции: воспринимают речь говорящего, осознают ее содержание, запоминают ее, сравнивают получаемую информацию с той, которую имеют по данному вопросу, оценивают речь преподавателя, с чем-то соглашаются, с чем-то нет, что-то берут на вооружение, пробуждают свое воображение, память, которые воссоздают картины выступления иных ораторов, своего речевого поведения. Но сущность и их деятельности также в триединстве: в восприятии, осознании и запоминании содержания выступления.

Несмотря на то, что в аудитории все шире применяются технические средства и мультимедийная аппаратура, позволяющая сопровождать лекции не только рисунками (графиками, диаграммами, фотографиями), но и видеозаписями, живое слово преподавателя остается главной действующей силой и важнейшим элементом системы образования.

По-прежнему актуальной остается проблема предупреждения и устранения профессиональных заболеваний. Большинство преподавателей и учителей имеют профессиональные заболевания, связанные с горлом, голосовыми связками из-за большой речевой нагрузки. Голос с возрастом может стать хриплым, бесцветным, хуже восприниматься слушателями, утомлять, раздражать и настраивать против говорящего и его речи. Невозможно передать всю глубину содержания, эмоциональное и эстетическое богатство речи, если голос монотонен, не развит, а произношение невнятное и орфоэпически неправильное. Н. В. Гоголь писал: «Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая ученость – его не будут слушать» [1, с. 29].

Чтобы взаимодействие оратора и аудитории было органичным, продуктивным, доставляющим радость и удовлетворение от полезно проведенного времени, и надо знать технику речевого действия и владеть ею.

В систему элементов техники речи входят: владение голосом, хорошая дикция, правильное произношение, владение орфоэпическими и акцентологическими нормами речи, умение пользоваться интонацией для выразительности высказывания. Следует остановиться на некоторых из них.

Функции голоса в речи следующие:

– обеспечить слышимость звучащего слова.

Так, голос лучше воспринимается, когда звучит на низких тонах, свободно. Если звучание резкое, напряженное, завышенное по тону или очень тихое, безопорное, не летящее в зал, приходится тратить первые самые ценные минуты общения на то, чтобы приспособиться, приноровиться воспринимать неблагозвучную, часто раздражающую речь говорящего;

– быть выразителем мысли. Через интонационные модели повествовательных, вопросительных, побудительных, восклицательных предложений, знаков препинания студенты воспринимают речь преподавателя и те идеи, которые он пытается донести;

– быть проводником чувств. По интонациям (повышению или понижению голоса, увеличению или уменьшению силы звука, возникновению и характеру пауз, изменению темпо-ритма речи и тембральной окраски голоса) слушатель угадывает чувство.

Одна из сложнейших задач преподавателя, работающего с «многоголовой гидрой» и вынужденного повышать звучность своего голоса, – сохранить всю выразительность естественной речи. Значит, надо «на повышенном уровне громкости добиваться таких же тонких и сжатых в динамическом диапазоне модуляций, которые естественны для обычной разговорной речи, слышимой с более близкого расстояния».

Следующий элемент – дикция. Плохая дикция может быть исправлена с помощью соответствующих упражнений по технике речи. Есть дефекты, которые связаны с индивидуальным речевым типом и потому очень трудно исправимы – это внутренний темпо-ритм. Изменить его невозможно, но его надо знать и учитывать в работе. Так, если темп речи убыстрен, то есть человек говорит так называемой скороговоркой, то в этом беглом потоке речи звуки могут искажаться, проглатываться. Поэтому надо особо тщательно следить за четкостью произнесения звуков. Есть другие недостатки – растягивание гласных или, наоборот, произнесение их со стиснутым ртом, манера говорить, не разжимая губ. Такие привычки человек, выступающий с публичными лекциями, обязан изживать, тренируя свой артикуляционный аппарат до их полного преодоления.

Необходимо учитывать акустические условия публичного выступления, знать, что расстояние, существующее между оратором и аудиторией, затушевывает согласные, а звуковой поток поглощает их, размывает, и они доходят до слушателей в значительно ослабленном виде.

Разборчивость речи падает при высоких тонах голоса, усилении звука, быстром темпе (наступает скованность артикуляционного аппарата), а также при тихом звучании и низких тонах голоса (снижается интенсивность звучания согласных). В результате до аудитории подчас долетают слова и фразы, изменяющие смысл сказанного.

Разрабатывать свой речевой аппарат, занимаясь дикционным тренингом, постигать эмоциональную содержательность звуков речи – обязательное требование ко всем, кто овладевает речевым мастерством.

Речевой слух – это способность слышать и воспроизводить звучащую речь во всех ее фонетических проявлениях. Хорошо натренированный слух сказывается в способности имитировать услышанную речь. У некоторых эта способность становится профессией, например, у пародистов.

Культура речи – это владение языковыми нормами, которые сложились в результате многовековой шлифовки языка нашими предшественниками. Публичное выступление, когда адресат – не один человек, а целая аудитория, требует от оратора еще большей строгости и ответственности за свою речь, за языковое оформление своих мыслей. Письменная и устная речь – это формы языка. И если для письменной речи главное – передача смысла, то в устной речи не менее важны средства выражения мысли.

Трудность лекции как устного публичного выступления состоит в ее двойственной структуре: письменность и разговорность сливаются в ней воедино. Однако разговорность публичного слова принципиально отличается от бытового диалога особой языковой и произносительной культурой. Поэтому не все коллеги поддержат преподавателя, который механически переносит в публичную речь нелитературный обиходно-бытовой стиль, получивший название «разговорной стихии». Выступая в стенах университета с лекцией, преподаватель является не просто выразителем собственных мыслей и идей, а остается представителем научного сообщества, профессиональной группы. Не стоит забывать: «речь – это зеркало нашей внутренней жизни». При этом существует и другая позиция – слишком правильная речь скучна, мертва. Но ведь знание законов звучащего слова, в том числе законов языковой культуры, и нужно для того, чтобы хорошо владеть ими, уметь, когда надо, отходить от них, говоря по-своему. И эти сказанные по-своему фразы на фоне правильной речи глубже запечатляются в сознании слушателей.

Таким образом, любая публичная речь, прежде всего лекция преподавателя в аудитории, должна быть достаточно слышимой, а это зависит от хорошо поставленного голоса и умения пользоваться им в различных условиях выступления. Умение же владеть голосом, в свою очередь, тесно связано с развитием фонационного (звукового) дыхания. Звучание речи вместе с тем зависит и от ясности, отчетливости произношения – дикции.

И, наконец, публичная речь должна быть достаточно правильной, то есть соответствовать орфоэпическим нормам произношения, а именно, нормам русского литературного языка. Только наличие этих условий дает возможность оратору передать все эстетическое и эмоциональное богатство своей речи.

Те проблемы публичных выступлений преподавателей в аудитории, которые были обозначены выше, еще раз убеждают в необходимости специальной профессиональной подготовки преподавателей высшей школы, независимо от того, какого профиля их базовое образование – естественно-научное, техническое, экономическое или гуманитарное. Так, ряд курсов в Школе педагогического мастерства ВолгГТУ ориентированы на речевые и коммуникативные компетенции, например, такие как «Основы ораторского мастерства преподавателя», «Психологические основы делового общения преподавателя: теория и практика», «Лингвистические основы устного и письменного общения». Эти занятия должны содержать не только теоретическую составляющую, но и давать возможности слушателям поработать над формированием необходимых в учебном процессе навыков. Кроме того, изучение и освоение техники речи, предполагающей целый комплекс специальных упражнений для дыхания, голоса, дикции, произношения, можно выделить в отдельный курс в ШПМ либо выделить дополнительные часы в «Основах ораторского мастерства преподавателя». При подготовке и переподготовке преподавателей высшей школы необходимо особое внимание уделять тем умениям и навыкам, которые включены в коммуникативную и речевую компетенции преподавателя, дабы не только помочь работникам высшей школы в их профессиональной деятельности, но и поддержать статус преподавателя в современном российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гоголь, Н. В. О преподавании всеобщей истории / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. Статьи / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 26–39.
2. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
3. Никольская, С. Т. Техника речи. Методические рекомендации и упражнения для лекторов / С. Т. Никольская. – М.: Изд-во «Знание», 1978. – 80 с.
4. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. М. А. Василюка. – М.: Гардарики, 2003. — 615 с.
5. Петрунева, Р. М. Социальная компетентность инженера / Р. М. Петрунева // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 7 / ВолгГТУ. – Волгоград, 2004. – С. 83–88.
6. Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л. К. Граудина. – М.: Просвещение, АО «Учебная литература», 1996. – 557 с.
7. Савкова, З. В. Искусство оратора / З. В. Савкова. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2003. – 242 с.
8. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – М.: Юрайт-Издат, 2011. – 400 с.
9. Чехов, А. П. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1 / А. П. Чехов. – М.: Художественная литература, 1979. – 702 с.

УДК 378.14
ББК 74.58

Ф. Р. Мифтахутдинова

МЕТОДОЛОГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева

E-mail: mift-f@mail.ru

Рассматривается методология гарантированного обеспечения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: качество; профиль качества; образовательная деятельность; развертывание функции качества.

F. R. Miftakhutdinova

THE METHODOLOGY OF MAINTENANCE QUALITY OF PREPARATION OF EXPERTS

Kazan State Technical University named after A.N. Tupoleva

The methodology of the guaranteed maintenance quality of preparation of experts in educational establishments is considered.

Keywords: quality; structure of quality; educational activity; quality function deployment.

В современных условиях обеспечение конкурентоспособности на рынке образовательных услуг становится ключевой проблемой российского образования. Сегодня вузы признают свое положение как «субъекта рынка» и, следовательно, признают, что все закономерности рыночной экономики, закономерности борьбы за выживание и естественный отбор действуют и на рынке образовательных услуг. Все чаще образовательные учреждения рассматриваются как производители образовательных услуг. Поэтому на них переносится тот же подход: конкурентоспособным на рынке образовательных услуг становится тот университет, который стремится предоставить наиболее эффективное и экономичное образование наиболее высокого качества.

Совершенствование образования как общественного приоритета России ориентировано на выявление запросов потребителей и формирование конкретных путей, повышающих качество образования и делающих его доступным. Вузы зависят от своих потребителей, в качестве которых необходимо признать работодателей (предприятия и организации, принимающие на работу наших выпускников), студентов и их семьи, общество в целом и другие заинтересованные стороны. Необходимо понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания. При переходе к концепции тотального управления качеством по системе TQM в перспективе вузам следует четко уяснить следующий момент: требования к качеству процесса обучения, к качеству результатов обучения не

всегда очевидны заказчику. Поэтому необходимо стремиться к удовлетворению скрытых потребностей потребителя. При этом подразумевается, что результаты деятельности должны соответствовать заданным государственным образовательным стандартам. Одним из инструментов, который можно использовать в рамках повышения качества образовательной деятельности, является метод развертывания функции качества (QFD-анализ).

Развертывание функции качества (QFD) образовательной деятельности – это систематизированный путь развертывания нужд и пожеланий потребителя через развертывание функций и процессов деятельности образовательного учреждения по обеспечению такого качества подготовки специалиста, которое бы соответствовало ожиданиям потребителей [1].

Основная идея технологии QFD заключается в понимании того, что между потребительскими свойствами (фактическими показателями качества) и установленными в государственных образовательных стандартах (вспомогательными показателями качества) существует большое различие. вспомогательные показатели качества важны для образовательного учреждения, но не всегда существенны для потребителя. Идеальным случаем был бы такой, когда можно было бы проконтролировать качество непосредственно по фактическим показателям, но это, как правило, достаточно сложно, поэтому пользуются вспомогательными показателями.

Метод QFD – это экспертный метод, использующий табличный способ представления данных, причем со специфической формой таб-

лиц, получивших название «дом качества». В этих таблицах отображается связь между фактическими и вспомогательными показателями качества. В «доме качества» в краткой матричной форме сконцентрирована информация, необходимая для принятия решения о выборе первоочередных направлений улучшений качества, нужного потребителю [2].

Методика QFD применяется на этапе маркетинга в жизненном цикле предоставления образовательной услуги и основывается на кон-

цепциях чистого маркетинга и социального маркетинга. При концепции чистого маркетинга более точно изучаются запросы и требования потребителя с применением различных методов, изучается рынок труда, анализируются возможности образовательного учреждения, осуществляется продвижение выпускников на рынке труда. Поскольку требования потребителя были досконально изучены, то потребитель остается удовлетворенным качеством подготовки специалистов (рис. 1).

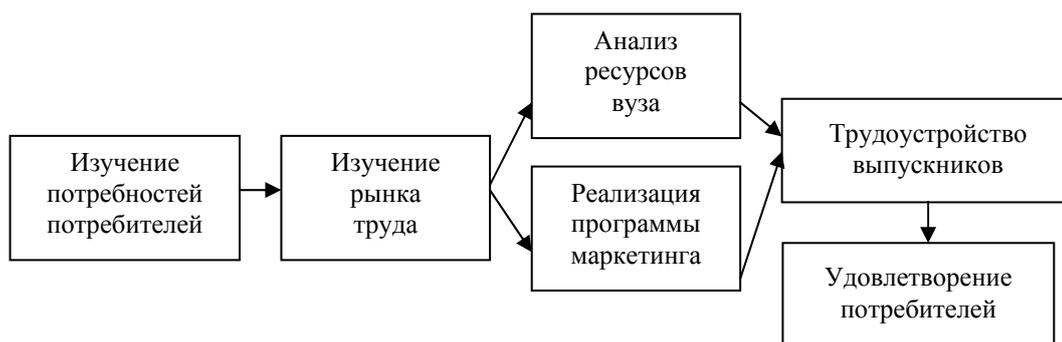

Рис. 1. Концепция чистого маркетинга

Развитием концепции чистого маркетинга является концепция социального маркетинга, которая отличается тем, что кроме изучения требований потребителя принимаются во внимание и интересы общества, например, развитие экономики, рост благосостояния населения и др.

Успех развертывания требований потребителей будет зависеть от соответствия «воображаемого» образовательным учреждением качества подготовки специалиста ожиданиям потребителя. При этом потребитель, как правило, не высказывает всех своих ожиданий, полагая, что часть из них является «само собой разумеющейся», и образовательное учреждение обязано их учитывать. Поэтому в процессе формирования воображаемого качества необходимо в первую очередь иметь четкое представление о профиле качества будущего специалиста. Профиль качества включает три составляющих: базовое, желаемое и требуемое качество.

Профиль базового качества – это совокупность тех параметров качества, наличие которых потребитель считает обязательным, то есть само собой разумеющимся фактом, и поэтому он, ожидая их, не считает необходимым говорить о них предварительно. Примерами таких показателей качества могут быть: уровень гра-

мотности; объем знаний по виду профессиональной деятельности и т. д.

Базовые показатели качества не определяют ценности специалиста в глазах потребителей, но их отсутствие может повлечь за собой негативную реакцию потребителя.

Профиль требуемого качества – та совокупность показателей качества, которые напрямую оцениваются потребителем и в первую очередь влияют на конкурентоспособность выпускника. Примерами требуемых параметров качества являются: творческий подход к решению проблем; владение иностранными языками; владение компьютерными программами и т. д.

Удовлетворенность потребителя возрастает, когда значения показателей лучше, чем ожидалось. Неудовлетворенность появляется в том случае, когда показатели качества хуже ожидаемого потребителем уровня, обычно соответствующего среднему уровню.

Профиль желаемого качества – это группа показателей качества, представляющих еще не осознанные запросы потребителей, о наличии которых они могли только мечтать, не предполагая даже о возможности их практической реализации.

Особенность желаемых показателей качества состоит в том, что потребитель не должен

придумывать их сам, он, как правило, не требует их, но высоко оценит их наличие. Учет образовательным учреждением этого профиля качества дает ему ряд преимуществ: повышение имиджа образовательного учреждения и опережение возможных конкурентов.

Вуз должен формировать современные взгляды на качество образования. Реализация желаемых параметров качества часто является результатом глубокого понимания того, что хочет потребитель. Однако необходимо помнить, что учет потребителем желаемого качества будет стимулировать формирование определенных новых требований общества к качеству образования.

Только после того, как полностью выполнена работа по уточнению требований потребителя, переходят к определению целей образовательного учреждения и их приоритетов.

На базе полной информации о требованиях потребителя с учетом профиля качества осуществляется процесс развертывания функции ка-

чества (рис. 2). Данный процесс складывается из нескольких стадий:

- уточнение требований потребителей;
- выделение приоритетных потребительских требований;
- перевод требований потребителя в показатели качества образовательной деятельности;
- выявление тесноты связи (корреляции) между требованиями потребителей и показателями качества образовательной деятельности;
- определение абсолютной и относительной важности показателей качества образовательной деятельности;
- установление корреляционных связей между показателями качества образовательной деятельности;
- построение профиля образовательного учреждения (бенчмаркинг);
- определение относительной трудности улучшений показателей качества;
- принятие решения о направлениях улучшений и вложении инвестиций.

Рис. 2. «Дом качества»

Данные, полученные по результатам развертывания функции качества (относительная важность показателей качества, относительная трудность улучшений показателей качества и бенчмаркинговые исследования), используют для установления первоочередных направлений улучшений образовательной деятельности, то есть для определения того, какими показателями качества должен обладать специалист, чтобы удовлетворять требованиям потребителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галимов, Ф. М. Методология проведения QFD-анализа образовательных учреждений: учебное пособие / Ф. М. Галимов, Ф. Р. Мифтахутдинова. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2011. – 18 с.
2. Ефимов, В. В. Улучшение качества проектов и процессов: учебное пособие / В. В. Ефимов. – Ульяновск: УлГТУ, 2004. – 185 с.

ББК Ч486.65
УДК 681.327:003(07)

Н. В. Федотова

**ТЕХНОЛОГИЯ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В ПРЕПОДАВАНИИ ГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: natvikfedotova@mail.ru

Предложена новая технология преподавания графических дисциплин на базе трехмерного моделирования. Обосновано применение новой технологии, разработана ее структура и содержание.

Ключевые слова: трехмерное моделирование, технология учебного процесса, графическая компетентность.

N. V. Fedotova

**TECHNOLOGY OF THREE-DIMENSIONAL MODELLING IN TEACHING OF GRAPHIC
DISCIPLINES IN TECHNICAL UNIVERSITY**

Volgograd State Technical University

The new technology of teaching of discipline by means of three-dimensional modeling is offered. Application of new technology is proved, the structure and the maintenance on the basis of three-dimensional modeling is developed.

Keywords: three-dimensional modeling, technology of educational process, graphic competence.

В настоящее время стандартом для создания конструкторской и технологической документации стали системы автоматизированного проектирования, базирующиеся на технологии трехмерного моделирования. Это обуславливает требования к подготовке технических специалистов. Внешними потребителями университета являются работодатели, которые выражают желание принимать на работу молодых специалистов как компетентных конкурентно-способных специалистов, с высоким уровнем профессиональной и психологической готовности участвовать в производственной деятельности.

С изменением целевых установок образования, в связи с введением новых ФГОС, а также в связи с острейшим дефицитом времени, отводимого учебными планами на изучение графических дисциплин, перед преподавателями стоит вопрос о пересмотре содержания и методик преподавания начертательной геометрии и инженерной графики. Это связано также и с широким спектром применения компьютерных технологий для решения профессиональных задач технических специалистов.

Таким образом, необходимость разработки технологии формирования графической компетентности и совершенствования методики преподавания графических дисциплин вызывается потребностями практики современного производства и поэтому является актуальной.

Дидактическим аспектам преподавания начертательной геометрии и инженерной графики (геометрического моделирования) посвящены работы Н. А. Бабулина, В. А. Гусева, В. И. Курдюмова, А. И. Лагерь, П. А. Острожкова, Н. А. Рынина, Е. С. Федорова, Н. Ф. Четверухина, В. И. Якунина и др. Вопросами разработки и внедрения компьютерной графики в учебный процесс занимались Г. Ф. Горшков, И. Г. Захарова, И. И. Котов, П. К. Петров, Т. В. Чемоданова, В. И. Якунин и др. Проблемам визуализации и наглядности в обучении посвятили свои труды такие исследователи, как В. Н. Березин, Р. Л. Грегори, Е. И. Машбиц, Л. М. Фридман, И. С. Якиманская, геометрическому моделированию при помощи компьютерных технологий – С. Ю. Ротков, А. В. Стрижаков, В. А. Тюрина и др.

Несмотря на значительное количество исследований по методике преподавания графических дисциплин, технология обучения на основе 3D-моделирования в полной мере не раскрыта. Развитие и применение современных графических пакетов при изучении графического цикла дисциплин обусловлено спецификой предмета, требующей развитого пространственного мышления, умений воспринимать и производить графическую информацию. Методологической основой классического курса начертательной геометрии является метод проекций. Трехмерный объект замещается двухмерными плоскостными изображениями – проек-

циями. Далее происходит двухмерное преобразование проекций для решения геометрических задач и затем синтез пространственной модели в форме ее плоского изображения [1].

Представление пространственных образов и оперирование этими образами в процессе решения задач вызывают у студентов затруднения, обусловленные психологическими особенностями визуализации информации, восприятия пространства, особенностями запоминания образов. Образное мышление, как и любую другую способность человека, нужно и можно развивать. С помощью трехмерного моделирования в среде графических пакетов (AutoCAD, «КОМПАС», SolidWorks и др.) задача визуального представления геометрических объектов значительно упрощается.

В целях внедрения новых методик преподавания на кафедре «Начертательная геометрия и компьютерная графика» Волгоградского государственного технического университета был разработан учебно-методический комплекс по дисциплине «Начертательная геометрия» для направлений 552900 «Технология, оборудование и автоматизация машиностроительного производства» и 550200 «Автоматизация и управление», основанный на новой логике изучения графических дисциплин с использованием технологии 3D-моделирования.

Принципы построения виртуальных изображений базируются на тех же принципах организации чертежа с использованием координатных плоскостей. При разработке структуры занятий, разработке рабочей программы, подготовке учебно-методического комплекса отправной идеей являлось использование трехмерного моделирования не только для демонстрационного показа, но и как активного инструмента для решения графических задач.

Объемная модель определяет геометрию всей спроектированной поверхности детали. Объемное геометрическое моделирование основывается на создании поверхностей, образующих тело, так называемое поверхностное моделирование, либо на создании геометрических тел – твердотельное моделирование [2]. Последние версии компьютерных систем геометрического моделирования отвечают общим характеристикам: все они являются прикладными программами, работающими под управлением операционной программы Windows; большинство систем располагает возможностями объемного параметрического моделиро-

вания, исполнением конструкторских документов в соответствии с требованиями ЕСКД, имеет развитые библиотеки стандартизированных изделий и встроенные языки программирования.

В учебном процессе технического университета используется AutoCAD как одна из первых графических программ, ориентированная на решение задач архитектуры и строительства. В настоящее время это – одна из мощных САД-систем для разработки конструкторской документации практически в любой сфере промышленного производства, позволяющая создавать трехмерные модели любого уровня сложности и чертежи на основе проекций трехмерных моделей.

При изучении дисциплины «Начертательная геометрия» были внесены изменения в рабочую программу с учетом формирования профессиональной компетентности будущих технических специалистов и как ключевой составляющей – графической компетентности. Содержательно-логическая структура учебного материала представлена следующими укрупненными дидактическими единицами:

- основы работы с графическими пакетами;
- принципы работы с координатными системами и объектами (точка, прямая, плоскость) (в наглядной динамичной форме отражаются изменения характеристики изображения);
- принципы формообразования поверхностей, многообразие способов их построения;
- решение позиционных задач на взаиморасположение объектов относительно друг друга в пространстве;
- определение линий пересечения поверхностей, линий видимости.

Содержание учебно-методического комплекса включает в себя теоретический и практический модули, основанные на технологии 3D-моделирования. Эффективному восприятию учебного материала способствуют такие его основные характеристики, как структурность, целостность, предметность [3]. Разработка и построение лекционного материала и заданий для практического модуля выполнялись с учетом зрительного восприятия информации. В каждой лекции использовались слайды, демонстрационные ролики и другие материалы, системно организующие учебный материал и позволяющие формировать графические компетенции. Применение полученных знаний на практике закладывает у студентов основы кон-

структивного использования и освоения компьютерной технологии геометрического моделирования, и как следствие, возрастает мотивация к изучению дисциплин графического цикла.

Использование трехмерного твердотельного моделирования позволяет создать визуальный образ объекта, использовать цвет, анимацию, но не должно отвлекать внимание обучающихся от решения поставленных задач. Умение анализировать ортогональный чертеж геометрического объекта, расчленив его сложную форму на простые составляющие геометрические тела позволяет легко переходить от 3D моделей к плоским чертежам, при этом значительно упрощается процесс редактирования чертежей [4; 5].

В основе изучения теоретических и методических работ по применению компетентностного, деятельностного, системного и личностно-ориентированного подходов разработанная технология включает подготовительный этап, процессуальный, результативный этап, а также этап диагностики и корректировки внесения изменений в методику преподавания графических дисциплин.

Опыт применения разработанной технологии в учебном процессе продемонстрировал, что систематическая работа с ним способствует развитию у студентов пространственного мышления и воображения, облегчает восприятие нового материала и формирует графическую компетентность, входящую в состав профессиональных компетенций. Отмечены положи-

тельные результаты при планировании студентами учебного времени: увеличилось число вовремя сданных графических работ, уменьшилось количество типовых ошибок в выполненных работах, а также сократилось время на их исправление, повысилось качество восприятия нового материала и формирование навыков осознанной работы в графическом редакторе, и как следствие, опыта профессиональной деятельности будущего инженера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Острожков, П. А.* Технология организации самостоятельной работы студентов технических вузов в процессе графической подготовки / П. А. Острожков // Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ в области технологий электронного обучения в образовательном процессе: сб. трудов. – Белгород, 2010. – Т. 1. – С. 372–382.
2. *Баженская, А. Б.* Начертательная геометрия. Курс лекций: учеб. пособие / А. Б. Баженская, И. П. Буров, Г. В. Ханов / ВолгГТУ. – Волгоград, 2003. – 132 с.
3. *Столбова, И. Д.* Формирование профессионально-ориентированных компетенций при инновационных технологиях предметного обучения в высшей школе / И. Д. Столбова, В. А. Лалетин, Е. С. Дударь // Труды 34 Межд. конф. «Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации, бизнесе» / Приложение к журналу «Открытое образование». – Украина, Крым, Ялта-Гурзуф, 2007. – С. 256–257.
4. *Романычева, Э. Т.* Компьютерная технология инженерной графики в среде AutoCAD-2002 / Э. Т. Романычева, Т. Ю. Соколова. – М.: Изд-во ДМК, 2003. – 654 с.
5. *Инженерная и компьютерная графика: учебник / Б. Г. Миронов, Р. С. Миронова, Д. А. Пяткина, А. А. Пузилов.* – 5-е изд., стер. – М.: Высш. шк., 2006. – 334 с.

ББК Ч481.22 + Ш141.2-9
УДК 378.14 + 808.2(07)

А. В. Дикарева

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И УСЛОВИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: aer_23@inbox.ru

В статье рассмотрена проблема совершенствования процесса обучения русскому языку как иностранному. Предложены формы внеаудиторной работы со студентами, направленные на становление познавательного интереса к русскому языку и культуре и способствующие их социализации в российском вузе.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, внеаудиторная работа, познавательная деятельность, лингвострановедение, субкультура.

A. V. Dikareva

NONCONVENTIONAL FORMS AND CONDITIONS OF TRAINING TO RUSSIAN AS FOREIGN

Volgograd State Technical University

The article deals with problem of involving foreign students in cognitive activity. The author proposes the way of involving foreign students in extracurricular activities using country and cultural study. The author takes into consideration different forms of organizing teaching and educational work, which will help to form reproductive and creative abilities and ideas about the integral world picture.

Keywords: Russian as foreign, language teaching, cognitive activity, country study, subculture.

Иностранцы студенты в российском вузе сталкиваются с многочисленными трудностями, барьерами, среди которых значительное культурное и ментальное различие, своеобразие картин мира. В современных условиях иностранный студент должен осознавать свою национально-культурную идентичность и сопоставлять ценности, нормы и стереотипы поведения собственной культурной общности с российскими. Такое взаимодействие лингвокультур ведет к диалогу в едином коммуникативном пространстве. Межкультурный аспект в преподавании русского языка как иностранного является важной составляющей подготовки иностранного специалиста. Как показывают наблюдения, сообщества иностранных студентов часто носят довольно закрытый характер, что препятствует эффективной адаптации к академической, социокультурной среде вуза. И в преподавании русского языка необходим акцент на межкультурный аспект, который предполагает развитие речевых умений и навыков и адекватное представление обо всех сторонах жизненного уклада страны, в которой проживают и обучаются студенты [2]. В рамках курса русского языка учащиеся знакомятся с художественными текстами, несущими яркую информацию об истории и культуре, получают сведения об особенностях политической системы, образования. Экскурсии по памятным местам Волгограда производят огромное впечатление на обучаемых. Однако при этом учебные ситуации практически не вовлекают иностранных студентов в диалог с российскими сверстниками, что, по мнению автора, является необходимым условием активного практического овладения русским языком, которое открывает доступ к самым различным источникам информации и выступает важным условием и результатом профессионализации студента.

Межличностное общение с русскими студентами способствует идентификации и адаптации в условиях инокультурного окружения, формированию положительного образа России и положительной установки по отношению к носителям языка. Важной задачей для преподавателя является комплексная социализация иностранного студента. Учебное сообщество дает знания и навыки, необходимые для профессиональной деятельности. Образование является важной составляющей социализации, но этот процесс в широком его понимании включает не только обучение, работу, но и получение

жизненного опыта в группах по интересам, что особенно важно для молодежи. Являясь продуктом социального творчества, неформальные сообщества не только обеспечивают накопление жизненного опыта через межличностное общение, но и помогают реализовать эстетические, коммуникативные потребности, свойственные молодому человеку, поэтому участие в социальных практиках современной российской молодежи может стать для иностранных студентов интересной формой внеаудиторной работы.

Благодаря широкому разнообразию социальных форм, жители Волгограда могут выбрать путь социализации согласно интересам. И участие в неформальных сообществах для многих является органичной составляющей жизнедеятельности в обществе. Однако иностранным студентам трудно узнать о существующих неформальных молодежных сообществах Волгограда и тем более понять мотивацию и познакомиться с системой ценностей участников, в то время как знакомство с предполагаемыми позитивное отношение к жизни субкультурами Волгограда расширяет возможности для общения на изучаемом языке и способствует адаптации к инокультурному окружению, формируя положительный образ страны в целом.

Термин «субкультура» [3; 4] понимается в достаточно широком смысле как разнообразные сообщества, в которых молодежь осуществляет свою деятельность. Одной из форм такой деятельности становятся самодеятельные концерты – квартирники. Это знаковое для российской культуры явление, зарождение которого традиционно связывается с советской эпохой, когда многие музыканты просто не имели возможности выступать в концертных залах. Их сопоставляют, например, с гаражными концертами, гаражным роком, сформировавшимся в 1960-е годы в США и Канаде. В обычных квартирах выступали выдающиеся представители русского рока: Алексей Хвостенко, Борис Гребенщиков, Майк Науменко, Виктор Цой и др.

По мнению автора, корни этого явления в культурной жизни XVIII века: мини-концерты в обычной квартире – это наследие литературно-музыкальных салонов.

Отличительной особенностью квартирников является теплая дружеская атмосфера, камерность общения. На небольшой площади собирается большое количество людей, часто

разного возраста. Объединяющим фактором служит стремление к общению с интересными людьми, своего рода социальное творчество. Кроме того, важной частью события становится чаепитие. На такого рода встречах иностранные студенты имеют возможность познакомиться с большим количеством русских сверстников, стать центром внимания и участниками живой беседы на русском языке.

Среди наиболее значимой информации о стране изучаемого языка называют сведения о существенных моментах повседневной жизни (национальные блюда и напитки, национальные праздники, рабочие часы и время перерыва и пр.), условиях жизни, межличностных отношениях, установках по отношению к различным социальным группам, традициям, религиям и т. п. Кроме того, понятие «социокультурный контекст» включает в себя вербальные и невербальные социальные условности и ритуалы. К вербальным условностям и ритуалам относятся социальные нормы реализации речевых интенций; нормы вежливости и национальное своеобразие лексической семантики. К невербальным условностям и ритуалам отнесены язык телодвижений (объятия, рукопожатия и т. п.) и такие моменты социальных ритуалов, как нанесение визита, принятие пищи и напитков [1, с. 34].

Квартирник является ситуацией, специфической для русского общества и культуры, и посещение такого мероприятия позволяет продемонстрировать особенности общества и культуры, проявляющиеся в коммуникативном поведении членов этого общества. Очень важно правильно подобрать формат квартирника: наи-

лучшим для первого знакомства с сообществом представляется небольшой домашний концерт, где соберется до 30 человек, или поэтический вечер, информация о котором передается устно или в Интернете через приглашения на закрытую встречу. Следует отметить, что на квартирниках часто устраиваются «джемы», во время которых могут проявить себя и талантливые студенты. На поэтических квартирниках интерпретация русских текстов иностранцами вызывает огромный интерес собравшихся. Такие внеаудиторные занятия обладают развивающим потенциалом и активизируют мыслительную деятельность учащихся, способствуя развитию интереса к русской культуре. Таким образом, неформальные молодежные объединения могут стать эффективным средством социализации иностранного студента. Внеаудиторные практические занятия являются источником лингвострановедческой информации, которой не дает учебное пособие, и ярко представляют этническое своеобразие коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балютина, С. Е. Лишний компонент в структуре владения иностранным языком? Анализ понятия «социокультурная компетенция» в целях лингводидактического тестирования / С. Е. Балютина // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 6. – С. 32–38.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
3. Громов, Д. В. Субкультуры большого города: единство непохожих / Д. В. Громов // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 5–25.
4. Гуревич, П. С. Субкультура / П. С. Гуревич // Культурология XX век: Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 2. – С. 236.

УДК 316.628
ББК Ю 941

А. В. Шеина

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: annashein@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о мотивационной готовности студентов к ведению собственного бизнеса и факторы, влияющие на формирование устойчивой мотивации к профессиональной деятельности. В ней приводится анализ данных опроса студентов.

Ключевые слова: мотивация, предпринимательская деятельность, личностная готовность.

A. V. Sheina

TO FORMING MOTIVATION TO BUSINESS ACTIVITY FOR FUTURE ENGINEERS

Volgograd State Technical University

In the article the question of motivational readiness of students to directing private business and factors influence on forming stable motivation to professional activity. In the article the analysis of data of interrogation of students is adduced.

Keywords: motivation, business activity, personal readiness.

В условиях модернизации образовательной системы наиболее важным является вопрос об ориентации образования на социально-экономические изменения, что должно способствовать обучению и воспитанию специалистов, обладающих профессиональными умениями и навыками, а также личными качествами, позволяющими успешно адаптироваться на современном рынке труда.

Как известно, основой рыночной экономики становится развитие малого и среднего бизнеса, что предполагает формирование класса предпринимателей. Ведение собственного бизнеса существенно отличается от работы по найму прежде всего высокими рисками, необходимостью быстро принимать решения, ориентироваться в различных областях знаний и быть готовым к изменениям. Поэтому сегодня важно воспитать не просто грамотного специалиста, обладающего специальными знаниями в области определенных наук, но человека, готового к самостоятельной деятельности, инициативного, способного брать на себя риски и ответственность. Развитие малого и среднего бизнеса является приоритетной задачей государственной политики. А это возможно осуществить только при условии формирования принципиально нового сознания молодого специалиста, его личностной и психологической готовности осуществлять предпринимательскую деятельность.

Готовность к любой деятельности возникает только при наличии определенных мотивов личности, позволяющих действовать сознательно для достижения цели вопреки внешним препятствиям. Различают внутреннюю и внешнюю мотивацию. Под внутренними мотивами, как отмечает К. Замфир, понимается то, что порождается в сознании человека самой трудовой деятельностью: понимание ее социальной значимости, удовлетворение, которое приносит работа. Такая мотивация является наиболее устойчивой, так как возникает из потребностей самого человека и на ее основе он трудится с удовольствием, без какого-либо внешнего давления. Внешняя же мотивация содержит те мотивы, которые находятся за пределами самого работника и труда как такового: заработок, стремление к престижу и тому подобное [1]. Именно внутренняя мотивация способствует профессиональному развитию личности, в отличие от внешней, вызванной осознанием действовать по необходимости под давлением внешних факторов [2].

Является ли сегодня стремление молодых людей открыть собственный бизнес осознанной необходимостью в связи с отсутствием возможности трудоустройства по специальности либо становится средством самореализации? Ответ на данный вопрос имеет значение для оценки потенциальных возможностей молодых людей и их готовности реализовать себя в условиях высокого риска, ответственности за свои действия, необходимости целенаправленно идти к намеченной цели вопреки возникающим трудностям. На сегодняшний день более половины начинающих бизнесменов терпят неудачу, и причины этого, скорее всего, не только в несовершенстве экономической системы, но и в отсутствии личностной готовности.

Для анализа проблем готовности молодых людей к предпринимательской деятельности и причин, препятствующих ее успеху, был проведен опрос среди студентов старших курсов экономического факультета Камышинского технологического института. В ходе опроса выяснилось, что 93,8 % студентов считают предпринимательскую деятельность доходной и перспективной, 94 % ответили, что ведение бизнеса предпочтительнее работы по найму. Однако в качестве места трудоустройства после окончания института только 43,7 % выбирают собственный бизнес, остальные: отдадут предпочтение ведущим промышленным предприятиям города (25 %), выбрали организации бюджетной сферы (12,5 %) и частное предприятие по найму (18,8 %).

В целях поиска ответа на вопрос «Почему же не все 94 % студентов, считающих бизнес доходным и перспективным, решают организовать собственный бизнес по окончании института?» был проведен дополнительный опрос, в ходе которого выяснились основные факторы, способствующие развитию бизнеса, и наоборот, препятствующие его развитию, по мнению студентов.

Так, в качестве факторов, которые способствуют развитию бизнеса, 44,8 % студентов выделяют наличие финансовых средств, 31 % считают, что для этого необходимо наличие связей, 13,9 % отдали предпочтение личным качествам, несмотря на то, что именно этот фактор является основополагающим эффективным бизнеса, и лишь 10,3 % отметили, что необходимо профессиональное образование.

В качестве факторов, которые препятствуют развитию бизнеса, 52,4 % студентов считают,

что это отсутствие финансовых средств, 23,8 % отметили высокие риски, 14,3 % – отсутствие специальных знаний и 9,5 % выделили отсутствие личных качеств.

Таким образом, удалось выяснить, что, несмотря на оценку предпринимательской деятельности как доходной и перспективной, более половины студентов не готовы сегодня посвятить себя развитию собственного бизнеса.

Оценка предпринимательской деятельности студентами как перспективной, скорее всего, объясняется общественным престижем или модой, но не рассматривается как средство реализации своих личных и профессиональных способностей. Проявляя интерес к предпринимательству как к профессиональной деятельности, молодые люди также руководствуются мотивами материальной выгоды, стремлением быстро получать высокий доход. При этом интереса к самому процессу труда не проявляется и мотив моральной удовлетворенности трудом оказывается на втором плане. Доминирование одних мотивов над другими во многом зависит от социально-экономической ситуации в обществе. При неустойчивом экономическом положении усиливаются все мотивы экономического плана и ослабляются мотивы содержания деятельности [3]. Этим, возможно, и объясняется приоритет финансового стимула, который является, по сути, внешним фактором мотивации, не зависящим от характеристик личности, как и наличие связей для начала бизнеса. Что касается внутренних факторов, таких как личные качества и профессиональные знания, то им придается очень малое значение. Это свидетельствует о том, что многие молодые люди не готовы принять на себя ответственность за собственное благополучие в трудовой деятельности, а лишь настроены на поиск благоприятных условий во внешней среде и их отсутствие становится главным препятствием для активных действий. Такая позиция является показателем преобладания внешней мотивации над внут-

ренней, то есть внешней локализации контроля, мотивации к избеганию неудач вопреки мотивации к достижениям. Однако преобладание внешней мотивации как раз и становится причиной неудач многих начинающих бизнесменов, так как не создает устойчивой основы для целенаправленной деятельности.

Преодолению данной проблемы должно стать развитие таких мотивов к трудовой деятельности, в частности, предпринимательской, которые бы способствовали формированию мотивации к достижениям, целеустремленности, активной жизненной позиции. Например, О. С. Дейнека отмечает следующие особенности мотивации деятельности предпринимателей:

1) преимущественная ориентация на собственную цель, игнорирование ситуативных факторов, внутренний локус контроля;

2) преобладание рассудочности над импульсивностью, склонность к риску и, одновременно, ответственность;

3) преобладание мотива достижения над мотивом избегания неудачи.

О. С. Дейнека отмечает также, что наилучшей адаптации в бизнесе способствует преимущественная направленность на дело, в отличие от направленности на себя и на общение [4].

Для формирования соответствующей мотивации у будущего специалиста должны быть созданы психолого-педагогические условия, позволяющие студенту осознать значение личных качеств в достижении успеха, проявлять активность и инициативу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Замфир, К. Удовлетворенность трудом / К. Замфир. – М., 1983. – 125 с.
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2008. – С. 283–286.
3. Петрунева, Р. М. Психология профессиональной деятельности: курс лекций / Р. М. Петрунева / ВолгГТУ. – Волгоград, 2007. – С. 58–62.
4. Дейнека, О. С. Экономическая психология / О. С. Дейнека. – СПб.: Питер, 1999. – 225 с.

УДК 811.161.1
ББК Ш 141.2

Л. В. Валова

ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА НА СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ludmila.v.v@mail.ru

В статье обобщены материалы студенческих эссе на тему «Что представляет собой русский язык начала XXI века (взгляд современного молодого человека)?», сделанных студентами Волгоградского государственного технического университета в рамках курса «Культура речи». Анализ семестровых работ позволил автору выявить ряд языковых характеристик, которые, с точки зрения современного молодого человека, являются проблемами современного русского языка.

Ключевые слова: культура речи, семестровая работа, русский язык начала XXI века, языковые нормы, снижение уровня грамотности.

L. V. Valova

A VIEW OF MODERN STUDENT ON THE STATUS OF RUSSIAN LANGUAGE

Volgograd State Technical University

In article there are generalized the materials of student essays on the theme «What is the Russian language in the beginning of XXI century (a view of modern young man)?» done by the students of Volgograd State Technical University in the framework of course «Culture of speech». Analysis of semestrial works allowed the author to find out a number of language characteristics that are the problems of modern Russian language from viewpoint of modern young man.

Keywords: culture of speech, semestrial work, Russian language of the beginning of XXI century, language norms, literacy level decrease.

Человек, который задумался о родном языке, чем-то похож на рыбу, пытающуюся уяснить свойства воды.

*Родной язык – это часть меня, часть других людей, часть моей Родины. Его незнание говорит о нашем безразличии к стране, в которой мы родились и живем.**

Подвергать речевой процесс, а также объективные языковые закономерности осмыслению – это естественная потребность homo sapiens. И язык «предоставляет широкие возможности для такого его препарирования» [1, с. 44]. К оценочному анализу свойств языка, проявляющихся в речевой практике, тяготеют и не только филологи, литераторы, журналисты (то есть представители тех профессий, в которых слово является инструментом творческой и научной деятельности), но и люди, в профессиональном плане весьма далекие от лингвистических проблем.

В рамках преподавания дисциплины «Культура речи» на химико-технологическом факультете Волгоградского государственного технического университета российским студентам предлагается выполнение семестровой ра-

боты в форме эссе на тему «Что представляет собой русский язык начала XXI века (взгляд современного молодого человека)?». Состояние русского языка сегодня никого не оставляет равнодушным, поэтому студенты со свойственным им энтузиазмом и откровенностью весьма заинтересованно анализируют достоинства родного языка, а также отмечают наличие явных проблемных зон. Обобщение и анализ студенческих семестровых материалов за несколько последних лет позволили выявить ряд языковых характеристик, которые, с точки зрения современного студента, являются проблемами современного русского языка. На вопросе снижения уровня общей грамотности, затрагиваемом практически в каждой семестровой работе, мы и остановимся в рамках данной статьи. Под грамотностью мы понимаем не только соблюдение орфографических и пунктуационных норм в письменной речи, грамотность мы рассматриваем как корректное выполнение всех нормативных требований как устной, так и письменной речи.

* В статье приводятся выдержки из семестровых работ следующих студентов: Долженко Д. (ХТ-143, 2005 г.); Иванниковой К. (ХТ-143, 2005 г.); Ивановой Ю. (ПП-147а, 2005 г.); Мирошниковой Д. (ХТ-147, 2005 г.); Сидорова К. (ХТ-145, 2005 г.); Смирнова Я. (ХТ-145, 2005 г.); Тишкина А. (ХТ-142, 2005 г.); Убушиевой Г. (ХТ-141, 2010 г.).

О снижении уровня грамотности носителей русского языка сегодня говорится достаточно активно. На сложившуюся ситуацию в области культуры речи, безусловно, повлиял целый ряд факторов. Среди причин многочисленных речевых нарушений студенты называют снижение интереса к литературе, а точнее, к качественной классической литературе. В одной студенческой работе прозвучало утверждение: *«Известный русский писатель И. С. Тургенев назвал русский язык «великим, могучим, правдивым и свободным». И он был прав. Наш язык именно таким был в XIX веке и начале XX века. Это был золотой и серебряный век русского языка. Произведения Пушкина, Достоевского, Толстого, Блока будут жить вечно, потому что в них правдиво отражена эпоха и потому что они написаны истинным русским языком».*

К сожалению, со многими классическими произведениями современные школьники знакомятся исключительно через тексты-посредники. Нежелание читать оригинальные классические тексты объясняется, видимо, тем, что постепенно распадается связь времен: большей части современной молодежи чужды проблемы, нравственные терзания, рефлексия героев того времени. Объясняя свою позицию, молодые люди сетуют на сложность классических текстов, на непонятный язык. Иными словами, код автора и код читателя все больше не совпадают, что и ведет к неудачной художественной коммуникации (в терминологии Ю. М. Лотмана).

Помимо прочего, современные молодые люди, как правило, не обладают приемами вдумчивого чтения, без которого невозможно понимание русской классики. Многие современные филологи, школьные учителя, методисты отмечают эту тенденцию, но мало кто предлагает действенные рецепты, которые могли бы изменить ситуацию в корне. По мнению М. Я. Дымарского, возможно добиться определенных результатов только до определенного возраста (8–11 лет), если же этого не происходит, «то в дальнейшем способности к восприятию языка в его эстетической функции, к языковому сотворчеству не развиваются и постепенно угасают» [2, с. 80].

Абстрагируясь от классической литературы, от качественного языка, современная молодежь подчас увлекается художественными текстами, авторы которых явно не обладают мастерством владения родным языком. В качестве примера можно привести фрагмент произведения А. Ки-

винова: *«Пришлось в гастроном переться, на площадь. Там очередь. Пока то, пока се. На халяву не пустили. Отстоял, купил. Возвращаюсь – мать их за ногу! Витька уже готов, а Леха дышит, но тоже не жилец – две дырки в груди. Я к бабам – что да как? Они ревут, визжат как зарезанные. А-а-а! Еле уgomонил».* Современная беллетристика, к сожалению, изобилует аналогичными примерами повествования, являющегося зафиксированным на письме высказыванием со всеми приметами разговорного стиля: усеченными синтаксическими конструкциями, обилием стилистически сниженной лексики, а также нелитературными вкраплениями. «По-видимому, необходимо констатировать, что форма бытования письменного художественного текста принципиально и безвозвратно изменилась, и это мгновенно сказалось на статусе самой художественной литературы в сфере речевой деятельности общества: она перестает играть роль высокого образца...» [5, с. 44].

Еще одной причиной, влияющей на снижение уровня грамотности, можно назвать уменьшение, а в некоторых случаях и уничтожение штата корректоров, редакторов в средствах массовой информации. То, что современные СМИ перестали быть транслятором образцовой нормативной речи – это несомненный факт. Многие исследователи связывают происходящие изменения с тем, что в 1990-е годы демократизация общества охватила и официальные СМИ. Однако если в начале перестройки этот процесс можно было рассматривать как сознательный отказ от официоза, то в последнее время отсутствие нормированной речи следует воспринимать уже как проявление вседозволенности, как снятие табу на безграмотность. «Намеренная демократизация речи сменилась в СМИ намеренной ее жаргонизацией и заданной сниженностью: эвфемизмы сменяются дисфемизмами, свободно употребляется грубая брань /.../. Идет намеренное огрубление речи всеми возможными способами» [6, с. 76].

Речевые ресурсы Интернета, многочисленнее печатные издания, речевой материал, порождаемый телевидением и радио, безусловно, влияют на формирование речевых способностей и языкового вкуса современной молодежи. Так, один студент в своей семестровой работе отмечает засилье просторечных конструкций в СМИ, что определенным образом сказывается на речевой практике: *«А ситуация на самом деле, на мой взгляд, катастрофическая – ис-*

пользование подобного рода речи не ограничивается устной речью, но проникает в книги, и в песни, и на радио, и на телевидение. Любой человек постоянно слышит эту речь, и наступает момент, когда он уже не воспринимает ее, как нечто из ряда вон выходящее, и начинает сам разговаривать на таком языке».

В студенческих работах приводится много примеров нарушения норм в речи ведущих различных телевизионных передач, в текстах современных исполнителей, песни которых звучат на всех радиостанциях: *«Начну с примера. Группа «Кукрыниксы» исполняет песню «Серебряный сентябрь»: «Серебряный сентябрь. Ты дотянись, осенних туч прикоснись. Простых слов прошу». Эта же группа, песня «Кайф»: «Кайф, когда до обнаженных звезд не боится коснуться мост». В этих строчках группы – стандартная ситуация нарушения управления: можно прикоснуться к осенним тучам и коснуться обнаженных звезд, но не наоборот».*

Особая ответственность за привитие языкового вкуса населению лежит на публичных людях: политиках, журналистах, артистах и т. д. Если авторитетный человек позволяет в своей речи по телевидению какую-либо речевую погрешность, то зритель, уважающий данного оратора, возможно, постарается оправдать допущенную вольность: *«В настоящее время сленг употребляется в прессе и даже в литературе для придания речи живости, ведь даже президент употребляет в разговоре с журналистами просторечные слова».* Апелляция к нарушениям в речи высокопоставленных лиц порой приводит студентов и к противоположным выводам: *«Многочисленные ошибки, даже в речи известных политиков – это ли не показатель, что надо спасать наш язык!».*

Однако нельзя всю ответственность на происходящее в языке перекладывать исключительно на средства массовой информации, нельзя забывать об ответственности рядовых носителей русского языка. Собирательный речевой портрет современного носителя русского языка складывается из персональных «речевых практик» (термин М. Я. Дымарского). Занятия по «Культуре речи» призваны пробуждать в молодых людях способность к речевому самоанализу, желание совершенствовать свою речь, потребность максимально продуктивно использовать богатейшие ресурсы русского языка. Студенты в своих семестровых работах часто

пишут о появившейся у них потребности контролировать собственные высказывания: *«В последнее время я стал часто задумываться о том, как я разговариваю с людьми и какое складывается у них мнение обо мне после разговора. Я считаю, что если люди следят за своей речью, то с ними намного интереснее общаться».*

Вопрос о том, нужны ли сегодня языковые нормы, не сковывают ли они говорящих и пишущих, вызывает у студентов живой интерес. И надо отдать должное их сознательности: несмотря на сложность лингвистического материала, на многочисленные правила и не менее многочисленные исключения из этих правил, учащиеся осознают необходимость языковой нормы как регулятора живого речевого процесса. *«Если сформулировать вопрос: нужна ли языковая норма, то, на первый взгляд, может показаться замечательной идея о ее отсутствии. Но если задуматься более серьезно, станет очевидно, что со временем письменная и устная речь начнет искажаться и примет неузнаваемые формы, которые перестанут быть понятными различным общностям. Вследствие этого страны начнут делиться на более мелкие составляющие, что, естественно, негативно скажется на развитии взаимоотношений между народами. Нельзя повторять сюжет мифа о Вавилонской башне».*

Анализируя многочисленные нарушения языковых норм, нужно обратить внимание студентов на то, что не стоит переносить акцент с речи на язык, не стоит говорить о порче современного русского языка. Примитивизация современной речевой практики и снижение общего уровня грамотности свидетельствуют о наличии проблем в области культуры речи. Довольно часто наблюдаемое сегодня неумение пользоваться богатейшими языковыми ресурсами свидетельствует лишь об ограниченности самих носителей языка, но вряд ли может служить критикой системы современного русского языка. «Русскому языку, вопреки опасениям, не угрожает перспектива утраты национальной специфики и своеобразия. Он уходит корнями в седую древность, в качестве литературного существует уже более тысячи лет, сохраняя старые сокровища и приобретая новые. И этому не помешали никакие исторические катаклизмы. Не помешают и вперед» [3, с. 38].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. *Дымарский, М. Я.* Культура речи и речевая практика / М. Я. Дымарский // Мир русского слова. – 2003. – № 3. – С. 75–81.
3. *Лаптева, О. А.* Живые процессы в русском языке /

- О. А. Лаптева // Мир русского слова. – 2002. – № 3. – С. 33–38.
4. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 340 с.
5. *Митрофанова, А. А.* Письменная публичная речь сегодня / А. А. Митрофанова // Мир русского слова. – 2004. – № 1. – С. 11–17.
6. *Сиротинина, О. Б.* Язык СМИ: языковой эталон и речевая реальность / О. Б. Сиротинина // Мир русского слова. – 2004. – № 2. – С. 75–78.

УДК 378.147.

А. А. Ермакова, Л. Н. Феофанова

ПРИМЕНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ И СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: 261984@mail.ru

Рассмотрена проблема достижения качественной математической подготовки студентов технического вуза. В качестве действенного средства предложены определенные методические пути, в частности, решение исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности.

Ключевые слова: исследовательская задача, математическая подготовка, математическая модель, обучение в техническом вузе.

A. A. Ermakova, L. N. Feofanova

APPLICATION OF RESEARCH PROBLEMS ARE PROFESSIONAL APPLIED AND SOCIAL ORIENTATION AS MEANS OF IMPROVEMENT OF QUALITY OF MATHEMATICAL PREPARATION IN TECHNICAL UNIVERSITY

Volgograd State Technical University

The problem of achievement of qualitative mathematical preparation of students of technical university is considered. As effective means are offered certain methodical ways, in particular, the decision of research problems are professional applied and social orientation.

Keywords: a research problem, mathematical preparation, mathematical model, training in technical university.

Деятельность инженера, более чем какая-либо другая, ориентирована на отдаленное будущее, в связи с этим она имеет более сложные и достаточно непредсказуемые последствия. Каждый инженер как представитель творческой профессии должен прежде всего получить широкий математический кругозор, применять адекватные математические средства решения инженерных задач. Для этого он должен познакомиться с ключевыми математическими понятиями, основными математическими структурами [1].

С целью вовлечения студентов в активную познавательную деятельность при изучении математики, ведущую к повышению качества математической подготовки в техническом вузе, предлагаются следующие методические пути: решение исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности; осуществление поэтапного конструирования решения задач; разработка и

защита мини-проектов; выполнение домашних заданий продуктивного характера [2].

Следует остановиться на методике использования исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности. Их четыре типа. Первым типом являются ключевые математические задачи разделов учебных программ по математике в техническом вузе. При решении ключевых задач, к которым относятся задачи, рассматриваемые при изучении таких разделов, как, например, «Пределы», «Дифференцирование», «Интегрирование», студенты осваивают основные математические методы исследования, формируется познавательный интерес к изучению математики, что способствует повышению качества математической подготовки. При рассмотрении любой математической проблемы студенты учатся анализировать условия задачи, сравнивать способы решения одной и той же задачи и выбрать из них наиболее оптимальный.

Ко второму типу исследовательских задач относятся математические задачи прикладной направленности. Для решения задач данного типа недостаточно владения базовыми математическими методами, необходимо обладать знаниями из других областей (химии, физики, экономики), для того чтобы осуществить инженерную интерпретацию условия задачи и определить способ ее решения. При рассмотрении математических задач прикладной направленности происходит развитие стремления к профессионализму в работе, к качественному ее выполнению, интереса к выбранной профессии.

Пример задачи для студентов первого курса химико-технологического факультета при изучении раздела «Линейная алгебра».

Пусть в систему входит следующее множество химических соединений:

Составить атомную матрицу.

Указанные семь соединений содержат шесть различных по природе атомов. Следовательно, атомная матрица имеет размерность 7×6 :

$$\begin{pmatrix} KMnO_4 \\ FeSO_4 \\ H_2SO_4 \\ MnSO_4 \\ Fe_2(SO_4)_3 \\ K_2SO_4 \\ H_2O \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 & 4 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 4 & 1 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 4 & 0 & 1 & 2 \\ 0 & 1 & 4 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 12 & 2 & 3 & 0 \\ 2 & 0 & 4 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 2 & 0 \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} K \\ Mn \\ O \\ Fe \\ S \\ H \end{pmatrix}$$

Такая формализация позволяет использовать аппарат линейной алгебры для решения задачи нахождения неизвестных коэффициентов при записи полного уравнения химической реакции.

Тот факт, что с помощью математического аппарата можно составить математическую модель технологического процесса по химии, способствует повышению уровня мотивации к изучению математики, приводит к пониманию студентами того, что использование приемов математической деятельности облегчает решение задач прикладной направленности, способствует овладению математическими методами исследования.

Подход к математическому образованию в технических вузах, когда при сохранении логической структуры и строгости изложения дисциплины выясняется происхождение ее задач и понятий из практики и иллюстрируются воз-

можности математических методов исследования естественно-научных и прикладных проблем, позволит добиться того, что абстрактность математических понятий и методов исследования станет восприниматься не как отход от задач практики и повседневной жизни, а как необходимый прием изучения явлений объективной действительности с позиций свойственных им количественных закономерностей, логических связей, геометрических форм. Такое отделение математических понятий от породивших их явлений дает возможность переносить доказанные математические результаты и на многие другие явления, обладающие теми формальными особенностями, которые свойственны вводимым математическим понятиям и полученным на их базе математическим выводам. Именно этим обстоятельством объясняется широкая применимость одного и того же математического аппарата к явлениям различной физической природы. Студент при этом наглядно видит силу математического метода и его необходимость.

Для закрепления познавательного интереса к изучению математики применяется третий тип задач – многокомпонентные задачи профессионально-прикладной направленности. В результате качественных изменений при решении задач предыдущих типов студенты переходят к рассмотрению учебно-исследовательских задач других учебных дисциплин, созданию математических моделей их решения. Работа студентов, как правило, осуществляется в группах. В случае возникновения некоторых затруднений при решении многокомпонентных исследовательских задач преподаватель лишь только направляет студентов к правильному пути решения.

К исследовательским многокомпонентным задачам авторы относят задачи других учебных дисциплин, для решения которых используются математические методы и выстраиваются математические модели. Необходимо давать студентам конкретные примеры применения способов математической деятельности для исследования задач других учебных дисциплин. Например, химическая задача о динамике процессов ионизации.

Дано: При ионизирующем действии постоянного излучения в газовой среде в 1 секунду образуются q положительных и столько же отрицательных ионов на единичный объем газа, общее количество положительных ионов равно n . Определить зависимость между количеством ионов n и временем t .

Цель моделирования: выстроить математическую модель динамики процессов ионизации в виде дифференциального уравнения;

Анализ проблемы: методы дифференциального и интегрального исчисления применяются при рассмотрении таких процессов, в ходе которых состояния явлений и их свойства непрерывно изменяются. Достаточно знать общий закон, управляющий явлением, чтобы путем вычислений определить его моменты и свойства. Достигается это с помощью методов высшей математики, поэтому чтобы разрешить данную задачу, необходимо составить дифференциальное уравнение, которое будет разрешаться относительно функции $n = n(t)$, где n – общее количество положительных ионов равно, t – время.

Основные показатели: известно, что положительные и отрицательные ионы снова соединяются между собой, количество их убывает. Из общего количества n положительных ионов в каждую секунду исчезает часть их в количестве, пропорциональном n^2 , поскольку попарное соединение ионов протекает как необратимая бимолекулярная реакция;

Схема математической модели: исходя из понимания описываемого химического явления, зависимость между количеством ионов n и временем t можно описать дифференциальным уравнением $\frac{dn}{dt} = q - \alpha n^2$, где коэффициент a зависит от природы и состояния газа.

Поиск математических методов: для разрешения полученного уравнения необходимо использовать методы дифференциального и интегрального исчисления.

Проверка математической модели: в ходе решения дифференциального уравнения получается, что зависимость между количеством ионов n и временем t выражается следующей функцией:

$$n(t) = \sqrt{\frac{q}{\alpha}} \cdot \frac{e^{2\sqrt{\alpha \cdot q \cdot t}} - 1}{e^{2\sqrt{\alpha \cdot q \cdot t}} + 1}.$$

При подстановке конкретных числовых значений q и a получается, что количество положительных ионов n за данный промежуток времени не расходится с экспериментальными данными.

Необходимо спрашивать студентов о том, какие математические способы они используют в других учебных дисциплинах, например, таких, как теоретическая механика, математическая статистика, физика, химия и др. В системе диалога нужно подвести студентов к понима-

нию необходимости осуществлять поиск для решения конкретной математической модели.

В процессе решения задач студенты осуществляют решение и проигрывание производственных ситуаций, поиск творческих решений, учатся переводить на математический язык технические, экономические, прикладные задачи, анализировать зависимость их решения от условий, режимов, параметров реальных производственных процессов.

Такие виды заданий способствовали приближению полученных в ходе решения исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности результатов к реальным условиям деятельности инженера, соотносению содержания заданий с будущей специальностью, оценке себя как будущего специалиста.

К четвертому типу задач относятся социоинженерные задачи [3], которые предлагаются не только преподавателем, но и студентами, то есть студенты участвуют в постановке и составлении задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности. Решение социоинженерных задач предполагает оценку возможных последствий инженерной деятельности, планирование эксперимента и методик математической обработки результатов. Текст таких задач отражает аспекты производственной деятельности инженера. Происходит включение студентов в исследовательскую деятельность, подобную научной.

Студентами химико-технологического факультета была предложена к рассмотрению задача о минимальном расходе материалов при изготовлении реакционных аппаратов: «Реакционный аппарат имеет форму закрытого цилиндра. Найти радиус цилиндра так, чтобы при заданном объеме V его поверхность была наименьшей». В ходе решения данной задачи студенты моделировали различные ситуации, например, в зависимости от химической реакции, протекающей внутри цилиндра, необходимо выбирать материал, из которого данный реакционный аппарат будет изготовлен, то есть в ходе решения поставленной задачи студентом привлекаются знания различных наук (математика, химия, физика). Обсуждалась также эргономичность конструкции, которая имеет существенное значение для производства.

Выполнение такого рода заданий непосредственно приближает учебные занятия к предстоящей профессии.

Исследовательские задачи профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности выступают средством повышения качества математической подготовки студентов технического вуза, способствуют развитию познавательного интереса к изучению естественно-научных дисциплин, который характеризуется способностью будущего инженера анализировать влияние технических решений на окружающую действительность; овладению студентами такими требованиями государственного образовательного стандарта, как надзор за безопасной эксплуатацией транспорта, разработка проектов объектов профессиональной деятельности с учетом механико-технологических, эстетических, экологических и экономических требований, понимание сущности и социальной значимости своей будущей профессии. Внедрение в практику обучения

предложенной методики улучшает качество математического образования студентов технического вуза, что подтверждают результаты проведенного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Василевская, Е. А.* Профессиональная направленность обучения высшей математике студентов технических вузов: дисс. ... канд. пед. наук / Е. А. Василевская. – М., 2000. – 229 с.
2. *Ермакова, А. А.* Формирование учебно-исследовательской деятельности студентов как средства базовой математической подготовки в техническом вузе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А. А. Ермакова. – Астрахань, 2010. – 20 с.
3. *Петрунева, Р. М.* Гуманитаризация инженерного образования (на основе социогуманитарной экспертизы технических решений): автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / Р. М. Петрунева. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2001. – 44 с.

УДК 374.7
ББК Ч44(4Вл)

О. В. Топоркова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ВЗРОСЛЫХ В СИСТЕМЕ БРИТАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tolga.vstu@ya.ru

В данной статье проанализированы концепции английских и других зарубежных дидактов, лежащие в основе современного обучения взрослых в системе университетского образования в Великобритании: социологическая, психологическая и феноменологическая.

Ключевые слова: университетское образование взрослых, дополнительное образование взрослых, взрослый обучающийся, теоретические подходы к обучению взрослых, феноменологическая концепция.

О. V. Toporkova

THEORETICAL APPROACHES TO ADULT EDUCATION IN BRITISH UNIVERSITIES

Volgograd State Technical University

Different theories of adult education elaborated by English and other foreign educationalists are analyzed in this article.

Keywords: university adult education, continuing adult education, an adult learner, theoretical approaches to adult education, phenomenological theory.

Процессы реформирования образования происходят сейчас во всем мире и особенно интенсивно в экономически развитых странах. Необходимость вхождения в новые экономические отношения, интенсивно развивающиеся интеграционные процессы, возникновение информационного общества выдвигают перед отечественной системой высшего образования новые задачи по совершенствованию учебного процесса.

В этой связи целесообразным представляется обращение к многолетнему опыту Велико-

британии в подготовке высококвалифицированных специалистов в условиях рыночной экономики. Университетское образование, полученное в Великобритании, признается во всем мире. В Великобритании существует множество разнообразных теорий, концепций, научных школ, рассматривающих с разных точек зрения вопросы высшего образования.

Британские ученые выделяют три таких основных концепции – социологическую, психологическую и феноменологическую [см., напр., 1; 2; 3]. Следует отметить, что как сами назва-

ния этих трех направлений, так и их разграничение весьма условны, так как многие понятия и положения являются общими для всех трех групп. Речь может идти лишь об акцентах в видении проблемы.

Представители социологической концепции П. Фрейре и Дж. Мезиров концентрируют свое внимание на влиянии социальных конструкций действительности и рассматривают обучение как способ ее изменения. Теоретики, принимающие психологическую концепцию (Р. Ганье, М. Ноулз, К. Роджерс), определяют обучение как основной фактор психического развития. Представитель феноменологической концепции П. Джарвис в равной степени учитывает влияние социокультурного окружения на процессы обучения, а также психические и физиологические особенности обучающихся.

Предлагается остановиться подробнее на теориях вышеупомянутых авторов.

В центре образовательных идей П. Фрейре лежит гуманистическая концепция личности, а также убеждение в том, что через процесс образования личность освобождается от фальшивого сознания, в которое она была заключена в результате доминирования культуры колонизаторов, и начинает влиять на мир с тем, чтобы изменить его. Для П. Фрейре образование не может быть нейтральным процессом: оно либо предназначено для содействия свободе, либо это «адаптирующее образование», которое в своей основе консервативно [4, с.79]. Поэтому теорию П. Фрейре часто рассматривают как политическую.

Важное значение для образования взрослых имеет положение П. Фрейре о том, что люди способны анализировать свой опыт, размышлять о нем. Через осмысление опыта человек может осознать иные реалии, помимо тех, к которым он был подготовлен: «Процесс осознания – постоянный критический подход к действительности для ее открытия и открытия мифов, которые обманывают нас и помогают сохранять угнетающие и дегуманизационные структуры» [5, с. 225].

Роль преподавателя П. Фрейре видит в содействии анализу опыта, который должен быть осмыслен обучающимися в учебном процессе. Эта мысль П. Фрейре также важна для андрагогов, так как она означает, что учебный процесс строится на основе сотрудничества взрослых обучающихся и преподавателя, с этим согласны и другие теоретики (К. Роджерс, М. Ноулз, П. Джарвис).

Как и П. Фрейре, Дж. Мезиров рассматривает социокультурное окружение как важный фактор в процессе обучения, но они рассматривают культуру с разных позиций. П. Фрейре в своих рассуждениях исходит из наличия в обществе двух культур: доминирующей культуры элиты (угнетателей) и культуры народных масс (угнетенных), в то время, как Дж. Мезиров рассматривает культуру как достаточно статичную и однородную, что сближает его теорию с теорией П. Джарвиса.

Как у П. Фрейре, так и у Дж. Мезирова, образование – освободительная сила. Но если П. Фрейре рассматривает его как освобождение личности от фальшивого сознания, то Дж. Мезиров рассматривает свободу с психологической точки зрения. Он подчеркивает, что у каждого человека есть своя конструкция реальности, которая подкрепляется из различных источников социокультурного мира. Данные конструкции реальности могут изменяться, если личностная конструкция мира находится в дисгармонии с опытом индивида, что происходит в результате личностного осмысления опыта. Трансформация конструкции реальности есть освободительный процесс критического осознания видения личностью себя и своих взаимоотношений, а также процесс воссоздания исходной структуры с тем, чтобы включить в ее содержание новый опыт и действовать на основе этих новых условий [6]. Таким образом, обучение для Дж. Мезирова – это процесс осмысления опыта, его новая интерпретация, и в этом с ним, в той или иной мере, согласны все вышеперечисленные теоретики.

Общим для всех теоретиков является также повышенное внимание к «я» человека, его внутреннему восприятию себя и окружающего мира, хотя в большей степени это воплощено в работах представителей психологического подхода К. Роджерса, М. Ноулза и Р. Ганье.

Американский психолог К. Роджерс фундаментальным компонентом структуры личности считает «Я-концепцию» – относительно устойчивую, в большей или меньшей степени осознанную систему представлений индивида о самом себе, формирующуюся в процессе взаимодействия субъекта с окружающей средой и являющуюся интегральным механизмом, на основе которого он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе.

Нарушение соответствия между непосредственным, реальным опытом и «Я-концепцией»

вызывает попытки ограждения «Я-концепции» от угрозы дезорганизации путем ввода в действие механизма психологической защиты, проявляющегося в виде селективного восприятия опыта, либо его игнорирования.

За преподавателем К. Роджерс, как и П. Фрейре, признает роль помощника в обучении. Создание преподавателем доверительной обстановки, эмпатия и искреннее выражение позитивного отношения к обучающемуся ослабляют, а в дальнейшем нивелируют защитные механизмы, отгораживающие личность от реальности и, в частности, от обучающих воздействий.

Важнейшая характеристика психически зрелой «полностью функционирующей» личности для К. Роджерса – ее открытость опыту, соответствие которого «Я-концепции» обеспечивается гибкостью, непрерывным изменением, совершенствованием человеческого «я». Главную цель образования он видит в воспитании такой личности. Большой интерес для преподавателей взрослых, по мнению автора, представляют следующие исходные посылки учения взрослых слушателей, которые предложены К. Роджерсом. В них он учитывает психологические особенности учащихся: 1) человек обладает природной потенциальной возможностью учиться; 2) значимое учение происходит, если учащиеся осознают актуальность предмета; 3) учение влечет за собой изменения в самоорганизации и самовосприятии; 4) учение происходит, когда «я» человека ничто не угрожает; 5) большая часть учения достигается действием; 6) ответственное отношение учащихся к учебному процессу способствует эффективности учения; 7) учение, предпринятое самим учащимся, вовлекает всю личность; 8) самокритика и самооценка способствуют независимости, творчеству, уверенности в себе; 9) социально-полезное учение – учение при сохранении открытости опыту [7].

Из данных особенностей можно видеть, что К. Роджерс рассматривает обучающегося как активного деятеля процесса обучения, который не подвергается большому давлению со стороны социальной структуры. Отсутствие анализа влияния социокультурного окружения на процесс обучения является слабым местом его подхода.

Известный американский теоретик М. Ноулз определяет андрагогику как «искусство и науку помощи взрослым в учении» [8, с. 43].

Следовательно, задача преподавателя – поощрять и поддерживать развитие взрослого, направлять его к самоуправлению, оказывать помощь учащимся в определении параметров образования и поиске их форм. М. Ноулз выделяет следующие основные различия между взрослыми и невзрослыми учащимися, которые необходимо принимать во внимание при организации обучения взрослых: 1) взрослые более самонаправлены, то есть им принадлежит ведущая роль в процессе своего обучения; 2) взрослые обладают жизненным опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения; 3) взрослые учатся для решения важной проблемы и достижения конкретной цели; 4) взрослые рассчитывают на безотлагательное применение полученных в ходе обучения знаний, умений и навыков [9].

Позднее он добавил еще два положения: о различии в мотивации обучения и потребности в знаниях [10]. Однако другие ученые педагоги считают многие из положений М. Ноулза спорными и открытыми для дискуссии. Так, например, по справедливому замечанию П. Джарвиса, взрослые и дети обладают одинаковой мотивацией к учебе, если изучаемый материал они рассматривают как интересный и решающий их насущные проблемы [2, с. 91]. То есть необходимо более четко дифференцировать сходства и различия в обучении детей и взрослых.

Важное значение для теории образования взрослых имеет теория обучения американского исследователя Р. Ганье, определившего фазы, через которые проходят процессы учения и преподавания, и предложившего различные типы обучения. По утверждению Р. Ганье, существует 8 типов обучения, семь из которых он рассматривает как иерархию, а восьмой может иметь место на любом уровне: 1) сигнальное обучение или обучение с ответом может происходить на любом уровне иерархии; 2) обучение – стимулирование реакции; 3) моторное обучение – обучение умениям; 4) вербальное обучение – механическое обучение; 5) обучение различиям – становление способности различать сходные типы явлений с тем, чтобы учащийся мог решить, какой из похожих типов подходит для конкретной ситуации; 6) понятийное обучение – обучение концептам, способностью к которому в большей мере обладают взрослые; 7) обучение правилам – становление способности отвечать на сигналы всем возможным числом ответов; 8) решение проблем –

высший уровень иерархии, на котором происходит использование ранее изученных правил для решения проблемной ситуации [11, с. 203].

Мысль Р. Ганье о том, что взрослые обладают более высоким уровнем концептуального мышления и большей свободой, чем дети, несомненно, важна для образования взрослых, так как под этим подразумевается, что обучение взрослых отличается от обучения детей, и об этом необходимо помнить андрагогам при составлении программ и разработке технологий обучения взрослых слушателей.

Предлагаемая Р. Ганье логика решения проблем также представляет большой интерес для андрагогов, так как данный подход к обучению часто используется в образовании взрослых. На начальном этапе учащийся формулирует гипотезы, то есть возможные решения проблемы на основе правил, установленных ранее. Эти гипотезы затем проверяются, пока решение не будет найдено. Как только решение проблемы найдено, оно включается в набор правил учащегося, и в следующий раз похожая ситуация не воспринимается им как проблема. Отношение к опыту как основе обучения сближает позицию Р. Ганье со многими теоретиками, в том числе и с П. Джарвисом.

П. Джарвис, учитывая положительный потенциал социологической и психологической концепций, предложил феноменологическую теорию обучения. Он последовательно выделяет четыре фактора, которые должны приниматься во внимание при построении любой теории обучения: 1) объективная культура общества; 2) средства передачи культуры; 3) «я» человека; 4) физическое тело человека, его состояние.

В результате анализа этих факторов ученый приходит к определению обучения как процесса «получения и оценивания любого элемента культуры, какими бы средствами он не передавался» [2, с. 58]. П. Джарвис считает, что взрослые развивают свое «я» в течение всей жизни, несмотря на то, что их физическое состояние после достижения своего расцвета постепенно ухудшается. Учебный процесс, по П. Джарвису, начинается в тот момент, когда возникает несоответствие между биографией взрослого, то есть его прошлым опытом, и его пониманием существующей ситуации. Если же такого несоответствия нет, то тогда новый опыт лишь подкрепляет предшествующий опыт индивида. В этом положении просматривается

сходство концепций П. Джарвиса, Дж. Мезирова и Р. Ганье.

Следующие послышки объединяют теорию П. Джарвиса с теорией П. Фрейре: 1) обучающиеся рассматриваются в их связи с социокультурным окружением, учитывается влияние социокультурного окружения на процесс обучения; 2) за учителем признается роль помощника обучения; 3) за обучающимися признается стремление создания своих собственных ролей, а не исполнения ролей, навязанных им другими.

Главное отличие теорий П. Джарвиса и П. Фрейре в том, что последний рассматривает культуру общества как ложную и враждебную культуре обучающегося.

Итак, рассмотренные в статье концепции образования взрослых объединяет отношение к опыту как основе обучения. Особое значение при этом П. Фрейре, Дж. Мезиров и П. Джарвис придают социокультурному окружению, а К. Роджерс, Р. Ганье и М. Ноулз – психическому развитию личности. За преподавателем признается роль помощника обучения (П. Фрейре, К. Роджерс, М. Ноулз, П. Джарвис). Все теоретики подчеркивают значение «я» человека, его представления о себе и окружающем мире как для личности учителя, так и учащегося.

Представленные теоретические подходы, лежащие в основе британского университетского образования взрослых, весьма актуальны для отечественной педагогики, которая только начинает разрабатывать собственную теорию и практику дополнительного образования взрослых. Феноменологический теоретический подход к обучению взрослых, в определенной мере использующий положительный потенциал предшествующих теоретических подходов, является наиболее убедительным в контексте современного развития дополнительного образования взрослых на всех уровнях и может быть рекомендован для применения в отечественной андрагогике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Mackie, K. The application of Learning Theory to Adult Teaching / K. Mackie. – Nottingham: University of Nottingham, 1981. – 18 p.
2. Jarvis, P. Adult and Continuing Education. Theory and Practice / P. Jarvis. – London and New York: Routledge, 1995. – 302 p.
3. Jarvis, P. Adult education and lifelong learning: theory and practice / P. Jarvis. – London; New York, NY: Routledge Falmer, 2004. – xvii, 382 p.

4. Freire, P. Learning to question: a pedagogy of liberation / P. Freire, A. Faundez. – New York: Continuum, 1989. – 142 p.

5. Freire, P. A few notions about the word 'concientization' / P. Freire // Schooling and Capitalism / S. Dales et al. – London: Routledge and Regan Paul / Open University Press, 1976. – P. 224–227.

6. Mezirov, J. A critical theory of adult learning and education / J.A. Mezirov // Adult Education. – 1981. – Vol. 32. – № 1. – P. 3–24.

7. Rogers, C. Freedom to Learn for the 80s / C. Rogers et

al. – Columbus, Ohio: Charles Merrill, 1983. – viii, 312 p.

8. Knowles, M. The Modern Practice of Adult Education: from pedagogy to andragogy / M. Knowles. – Chicago: Association Press, 1980. – 400 p.

9. Knowles, M. The Adult Learner: A Neglected Species / M. Knowles. – Houston: Gulf Publishing Co., 1978. – ix, 244 p.

10. Knowles, M. The Making of an Adult Educator / M. Knowles. – San Francisco: Jossey Bass, 1989. – xxii, 211 p.

11. Gagné, R. M. The conditions of learning / R. M. Gagné. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1977. – xii, 339 p.

ББК Ч 444 (3)

И. А. Тикушина, А. М. Митина

ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tikushina_irene@mail.ru

В работе дана краткая характеристика и анализ наиболее распространенных программ подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в Великобритании, исходя из принципов построения подготовки преподавателей этой сферы образования.

Ключевые слова: образование в Великобритании, дополнительное образование взрослых, подготовка преподавателей, разработка программ подготовки педагогических кадров.

I. A. Tikushina, A. M. Mitina

PROGRAMS OF ADULT AND CONTINUING EDUCATION TEACHER TRAINING IN GREAT BRITAIN

Volgograd State Technical University

The article under consideration gives a short outline and analysis of most used programs of adult and continuing education teacher training in Great Britain via the principles of adult and continuing education teacher training program development.

Keywords: education in Great Britain, adult continuing education, teacher training, teacher training program development.

Дополнительное образование взрослых как неотъемлемый компонент системы непрерывного образования является одним из приоритетных направлений мирового образования. Всевозрастающий интерес к области дополнительного образования взрослых обусловил усиление внимания к проблеме подготовки педагогических кадров для данного образовательного направления, поставив ученых и практиков перед необходимостью разработки четких требований к стандартам и качеству этой подготовки, в полной мере учитывающих возрастные, профессиональные и личностные характеристики этого контингента учащихся.

Анализ зарубежного опыта подготовки преподавателей для системы дополнительного образования взрослых и, в частности, опыта Великобритании – страны, широко известной высоким уровнем образования и глубокими теоретическими и практическими результатами

в области дополнительного образования взрослых, представляется продуктивным для России, где система подготовки преподавателей взрослых находится в стадии становления [1; 2; 3; 5; 6; 8].

В настоящее время британские эксперты обращают особое внимание на необходимость единых стандартов разработки программ обучения преподавателей для работы в системе дополнительного образования взрослых [1; 2; 3; 4; 6]. Анализ требований, изложенных в их работах, систематизирован и обобщен в следующих принципах:

– интегрирование практических и теоретических знаний;

– изучение социальных движущих сил и факторов, влияющих на жизнь и мировоззрение взрослых учащихся; трактовка обучения как социального процесса, вовлекающего учащихся во взаимодействие с обществом;

– создание «профессиональной личности» преподавателя, владеющего навыками целеполагания, методами, технологиями и содержанием обучения взрослых; умеющего решать ситуации и проблемы, с которыми может столкнуться преподаватель дополнительного образования взрослых, и возможность самостоятельно получать необходимые знания;

– стимулирование у преподавателей стремления к дальнейшему повышению квалификации и постоянному самосовершенствованию;

– обеспечение необходимыми умениями и навыками интерпретации научного текста и практического применения полученных знаний в своей специальности;

– гибкость программ, критический анализ и использование индивидуального опыта каждого преподавателя;

– комбинирование группового обучения и индивидуальных консультаций каждого преподавателя с ментором;

– использование межпредметных связей андрагогики с другими науками – психологией, историей, философией, экономикой и др.

Исходя из перечисленных принципов, были проанализированы наиболее востребованные программы подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в Великобритании (см. таблицу). Анализ программ показал, что, помимо теоретического обучения, они обеспечивают преподавателей необходимым практическим опытом и поддержкой со стороны менторов – индивидуальных консультантов, посещающих занятия и анализирующих их совместно с преподавателем, помогающих в постановке целей и выборе средств для их реализации [4, с. 40]. Для этого в программы помимо кредитов по разнообразным предметам включаются часы практики и часы консультаций с ментором (guided learning hours, GLH) [7, с. 18].

Преимственность между этапами программы обеспечивается с помощью системы кредитов – зачетных единиц за 10 часов занятий. В соответствии со Схемой накопления и переноса кредитов («Credit accumulation and transfer») преподаватель может переходить с одного этапа на другой и повышать свою квалификацию в разных организациях и учреждениях без потери своих предыдущих активов [7, с. 25; 3, с. 179].

Преимственность между разными программами обеспечивается с помощью системы уровней, которые отличаются по получаемым

знаниям, компетенциям и автономии учащихся, – от вводного (Entry Level) до восьмого уровня (Level 8) в соответствии с Национальной системой квалификаций (National Qualification Framework, NQF) [7, с. 25; 3, с. 223]. Для преподавателя-исполнителя нужны программы подготовки, обеспечивающие четвертый уровень (Level 4), преподаватель-методист должен получить сертификат как минимум пятого уровня (Level 5) и выше. Таким образом, для получения необходимого статуса лицензированного преподавателя в секторе непрерывного образования преподаватель должен обязательно пройти курсы по подготовке необходимого уровня. Однако выбор курса остается за преподавателем, что способствует большей самостоятельности в обучении и активности в принятии решения по дальнейшему повышению квалификации.

Все анализируемые программы акцентируют социальный характер процесса обучения, вовлекающего взрослых учащихся во взаимодействие с обществом, что особенно важно для взрослой аудитории. Целью программ является создание «профессиональной личности» преподавателя и обеспечение преподавателя необходимыми инструментами для решения тех ситуаций и проблем, с которыми он может столкнуться в дополнительном образовании взрослых.

Анализ приведенных материалов позволяет прийти к выводу, что при подготовке преподавателей дополнительного образования взрослых преобладает андрагогическая подготовка, и только некоторые программы, например, «Сертификат и диплом преподавания английского языка взрослым» («Certificate/Diploma in English Language Teaching to Adults») включают совершенствование навыков по специальности.

Следует специально отметить, что обязательным компонентом программ подготовки преподавателей в системе дополнительного образования взрослых является подготовка к работе со слушателями с физическими или психическими отклонениями в развитии, умение адаптировать программы к личным целям взрослых учащихся и высокая степень самостоятельности в обучении. Так, например, это предусмотрено в составлении «методической копилки» в программах «Коуч, обучающийся в предметной области» («Subject Learning Coach») и «Коуч, обучающийся в предметной области на продвинутом уровне» («Advanced

Программы подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в Великобритании

Название	Этапы	Уровень	Длительность обучения	Практика преподавания	Консультации с ментором	Кредиты (зачетные баллы)	Соотношение педагогических и предметных знаний
Коуч в предметной области	«Коуч, обучающийся в предметной области» («Subject Learning Coach», SLC)	Четвертый (для преподавателей-исполнителей)	Два дня тренинга в течение 5–6 недель	Работа с коллегами	–	30	Акцент на тренинг в определенной специальности
	«Коуч, обучающийся в предметной области на продвинутом уровне» («Advanced Learning Coach», ALC)	Пятый (для преподавателей-методистов)	Двухдневная программа обучения	Коучинг в рамках программы «Коуч, обучающийся в предметной области»	–	30	
Сертификаты Сити и Гилдз в подготовке преподавателя для работы в секторе непрерывного образования	Сити и Гилдз 7303 «Подготовка преподавателя для работы в секторе непрерывного образования» («Award in Preparing to Teach in the Lifelong Learning Sector, PTLLS»)	Третий (для преподавателей-исполнителей)	5 дней	16 часов	24 часа	8	Основы андрагогики
	Сити и Гилдз 7304 «Сертификат для преподавания в секторе непрерывного образования» («Certificate in Teaching in the Lifelong Learning Sector», CTLLS)	Четвертый (для преподавателей-исполнителей)	6 месяцев – 2 года	30 часов	120 часов	24	Преподавание в секторе непрерывного образования взрослых, основы менторства и коучинга, обучение взрослых
	Сити и Гилдз 7305 «Диплом по преподаванию в секторе непрерывного образования» («Diploma in Teaching in the Lifelong Learning Sector», DTLLS)	Пятый (для преподавателей-методистов)	1–2 года	150 часов	360 час	120	Основы написания программ в непрерывном образовании взрослых, менторство и коучинг
Подготовка преподавателя дальнейшего образования	Этапы 1 и 2	Четвертый (для преподавателей-исполнителей)	18 месяцев	1-й этап – анализ 20 посещенных занятий, 2-й этап – анализ еще 40 посещенных занятий и четырех открытых занятий	44 часа	30	Основы написания программ и преподавания взрослым

Окончание таблицы

Название	Этапы	Уровень	Длительность обучения	Практика преподавания	Консультации с ментором	Кредиты (зачетные баллы)	Соотношение педагогических и предметных знаний
Сертификаты в преподавании английского языка взрослым	Сертификат по преподаванию английского языка взрослым (Certificate in the English Language Teaching to Adults, CELTA)	Четвертый (для преподавателей-исполнителей)	4 недели очно и 10 недель заочно	5 часов проведенных и 5 часов посещенных занятий	24 часа	8	Совершенствование навыков владения английским языком и основы преподавания английского языка взрослым
	Диплом по преподаванию английского языка взрослым (Diploma in the English Language Teaching to Adults, DELTA)	Пятый (для преподавателей-методистов)	2–3 месяца очно и 6 месяцев – 1 год заочно	10 часов проведенных и 10 часов посещенных занятий	120 час	24	Теория и практика языковых знаний и навыков, глубокий анализ принципов преподавания английского языка взрослым

Learning Coach») или написании курсовых работ в программе Сити и Гилдз 7305 «Диплом по преподаванию в секторе непрерывного образования» («Diploma in Teaching in the Lifelong Learning Sector»). Высокий процент самостоятельного обучения формирует у преподавателей навык постоянного саморазвития и самосовершенствования, поскольку, как справедливо отмечает С. Брукфилд, в образовании взрослых «конечный этап никогда не является действительно «конечным». Но в стремлении к этому конечному этапу взрослые получают представление об изменчивости знаний и их социальной зависимости и начинают ценить точку зрения других» [1, с. 145].

Некоторые программы, например, «Коуч, обучающийся в предметной области на продвинутом уровне» («Advanced Learning Coach»), готовят преподавателей не только для преподавания взрослым, но и для обучения и подготовки своих молодых или начинающих коллег, а программа «Сертификат по преподаванию в секторе непрерывного образования» («Certificate in Teaching in the Lifelong Learning Sector») включает такие курсы по выбору, как «Подготовка коуча» и «Подготовка ментора».

Таким образом, анализ британских программ подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых показал, что они соответствуют приведенным принципам составления программ, а именно: гибко сочетают обучение специальности и особенности преподавания взрослым при преобладании андрагогической подготовки, акцентируют социальный характер процесса обучения, предлагают комбинирование групповых форм обучения

и индивидуальных консультаций с ментором, а также подготовку для работы со слушателями с физическими или психическими отклонениями в развитии. Обеспечивается преемственность между разными этапами одной программы и разными программами. Применение основополагающих принципов разработки программ подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в российской образовательной практике может, с точки зрения авторов, положительно сказаться на подготовке преподавателей и качестве обучения в системе российского дополнительного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Brookfield, S. Training Educators of Adults: The Theory and Practice of Graduate Adult Education / S. Brookfield. – Routledge London and New York, 1988.
2. Ettien, A. The Foundations of Adult Education / A. Ettien. – Norderstedt Germany: GRIN Verlag, 2010.
3. Jarvis, P. Adult and Continuing Education: Theory and Practice / P. Jarvis. – Second Edition. RoutledgeFalmer, NY, 1995.
4. Lucas, et al. New initial teacher education programmes for teachers of adult literacy, numeracy and ESOL 2002/03: an exploratory study. London: NRDC, 2004.
5. NRDC (National Research and Development Centre for Adult Literacy and Numeracy). A literature review of research on teacher education in adult literacy, numeracy and ESOL. Tom Morton, University of Leeds; Terry McGuire, University of Limerick; Mike Baynham, Centre for Language Education Research, University of Leeds. December, 2006.
6. Rogers, A. Teaching Adults / A. Rogers. – Buckingham; Philadelphia: Open Univ. Press, 1998; 3-rd ed. 2002.
7. Teachers, tutors and trainers in the Further Education Sector in England. Guidance for awarding institutions on teacher roles and initial teaching qualifications. Version 3 Published by Lifelong Learning UK, 2007.
8. Митина, А. М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: Концептуальное становление и развитие / А. М. Митина. – М.: Наука, 2004.

УДК 374.7
ББК Ч44(4Гe)

В. В. Тухаева

О ПРОБЛЕМЕ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ГЕРМАНИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tilsitka@yandex.ru

Рассматривается проблема досрочного прекращения обучения в системе дополнительного образования взрослых в Германии и ее причины. Анализируются исследования немецких андрагогов по этой тематике. Предлагается изучать данную проблему, учитывая различные факторы, влияющие на решение прервать обучение.

Ключевые слова: образование взрослых, прекращение обучения, причины и мотивы прекращения обучения, концепт «поведение – окружение».

V. V. Tikhaeva

ABOUT THE DROPOUT PROBLEM IN THE SYSTEM OF ADULT EDUCATION IN GERMANY

Volgograd State Technical University

The dropout problem in the system of adult education in Germany and the reasons causing it are considered in the article. The German andragogists' researches on this topic are analyzed. There are some recommendations how to solve this problem by taking into account different factors influencing the decision to dropout.

Keywords: adult education, dropout, reasons and motives of dropout, «behavior – setting concept».

Дополнительное образование взрослых продолжает стремительно развиваться в современном мире. Постоянно появляются не только новые предложения по образованию, но и различные учреждения – провайдеры дополнительного образования. Впоследствии именно такое разнообразие и многочисленность курсов привело к такой проблеме, как досрочное прекращение обучения после посещения нескольких занятий. Принимая во внимание то обстоятельство, что в нашей стране пока не существует исследований, направленных на решение данной проблемы, автор считает, что целесообразно изучить работы немецких андрагогов, которые довольно успешно претворяют в жизнь свои идеи.

По мнению немецких ученых, таких как Х. Зиберт, Р. Бредель, Э. Нуисля, досрочное прекращение обучения (Kursabbruch) не является особенностью системы дополнительного образования взрослых, а представляет собой проблему почти всех образовательных учреждений, включая университеты и общественные организации. Жалобы на «уходы», «потери участников» и «людей, прекративших обучение» («Abbrecher») широко распространены в образовательной сфере. К данной проблеме также относятся такие явления как *колебание* (Fluktation), то есть нерегулярное посещение, и *«внутреннее выпадение из обучения»* («innerer Dropout»), то есть пассивное присутствие на занятии [1, с. 251].

Анализ работ немецких андрагогов показал, что досрочное прекращение обучения имеет такую же комплексную природу и определяется многими факторами, как и участие в обучении [2; 4; 6]. Каждое участие и прекращение тесно переплетены с жизненными ситуациями и требуют проведения интерпретационно-биографического анализа, который достаточно дорогостоящий. При письменных опросах велика опасность получить «социально желаемые» ответы, в том числе для того, чтобы объяснить прекращение обучения не как провал или неуспех. Для руководителей семинаров (как в Германии, так и в нашей стране) чрезмерное количество случаев прекращения учебы является своего рода вызовом. Однако до сих пор досрочное прекращение обучения не является темой для изучения на курсах по повышению квалификации сотрудников системы дополнительного образования в Германии.

Хорст Зиберт, один из основоположников теории дополнительного образования взрослых в Германии, предложил связать причины и мотивы досрочного прекращения обучения, объясняя это тем, что, только рассматривая существующую проблему в общей связи с факторами курса, социальными контактами, мотивацией участника и нагрузкой, можно ее решить [1, с. 254] (см. рисунок).

Предлагается рассмотреть каждый компонент данной схемы подробнее.

Факторы досрочного прекращения обучения

• **Факторы курса.** В Германии преобладает ситуация, когда процент досрочного прекращения обучения в области культурного и политического образования больше, чем в более востребованной сфере профессионального дополнительного образования. В «добровольном» образовании взрослых растет число потери участников в более длительных по времени формах обучения. Важным фактором является уровень требований участников образования к курсам, способствующим повышению квалификации. На некоторых курсах, чрезмерное требование участников к содержанию обучения реже является причиной прекращения обучения, чем заниженное требование. Причем, у каждого индивидуума эти оценки субъективны. Величина группы, время мероприятий и место учебы также являются факторами, влияющими на решение прекратить обучение. Место, где проводятся курсы, в городе или в сельской местности, имеет большое значение. С одной стороны, расстояние и время в пути в больших городах короче. С другой стороны, многие жители сельских регионов мирятся с продолжительной поездкой, так как культурное предложение по образованию в их регионе ограничено.

Стоит отметить, что недостаточная компетенция ведения семинаров редко называется в качестве причины прекращения учебы. Наиболее частую критику можно услышать в адрес недостаточного контакта и обращения к слушателям курсов, отступления от темы, слабых объяснений и заурядного, временами скучного поведения преподавателя. Таким образом, на прекращение учебы влияет недостаточное «наполнение занятия юмором и увлекающими упражнениями» [2, с. 112].

Обобщая вышеизложенное, выявлены пять основных причин прекращения курса:

– в содержании курса мало новизны;

– участники оценивают свои учебные успехи как незначительные;

– практическая значимость учебного материала (для продвижения в жизни или профессии) кажется недостаточной;

– недостаточный индивидуальный подход, когда участник чувствует, что группа или руководитель курса не принимают его во внимание.

• **Мотивация.** Согласно исследованиям немецких андрагогов, необходимо принимать во внимание многообразие мотивов. Например, если кто-то участвует в образовании из-за профессионального интереса и из-за коммуникативных потребностей, то вероятность разочарования и прекращения обучения ниже, чем если удовлетворяется только один мотив. В большинстве случаев, желательно рассматривать связь внутренних («intrinsisch») и внешних мотивов («extrinsich») [3, с. 34].

По мнению немецких экспертов, мотивация участия является нестабильной и неизмеримой величиной [1, 2]. Мотивы усиливаются или ослабевают на протяжении курса, они дополняются или сужаются.

Благодаря исследованиям в данной сфере, было установлено, что новички были наиболее уязвимы и готовы были прервать обучение. Они обладали меньшей информацией об организации и программе обучения, имели нереалистичные ожидания от самого мероприятия и влились лишь частично в «костяк группы» [4, с. 29]. Одновременно с этим оказалось, что люди, имеющие тенденцию к тому, чтобы начатый проект по возможности довести до конца, реже относятся к группе «отказавшихся от обучения» («Wegbleiber»), чем те, которые параллельно начинают разные курсы. Из исследований также вытекает, что, прежде всего взрослые с законченным средним образованием (mittlerer Schulabschluss) одновременно посещали многие семинары, предъявляя тем самым к себе

чрезмерные требования и, как результат, часто прекращали курсы преждевременно. С другой стороны, участники курсов со средним образованием, полученным в народной школе (Volksschule) и ХауптшULE (Hauptschule), реже принадлежали к прервавшим обучение («Abbrecher»). После того как они преодолевали для себя все возможные препятствия для участия, то выдерживали обучение в большинстве случаев до конца. Участники с гимназическим образованием (höhere Schulbildung), напротив, составили самую большую группу отказавшихся от обучения, так как многие курсы не соответствовали их высоким требованиям.

Таким образом, многочисленные мотивационные факторы, ведущие к прерыванию курса, могут быть сведены в четыре группы:

- ожидания от обучения слишком завышены, а информация о курсах представлена не в полном объеме;

- взрослые участвуют одновременно в разных образовательных мероприятиях;

- участие в обучении изначально мотивировалось извне;

- переданное знание остается поверхностным и невостребованным в реальной жизни.

- *Социальные контакты.* Очевидно, что участие в дополнительном образовании взрослых является по своей сути социальным событием. Многие взрослые участвуют в нем, чтобы познакомиться с интересными людьми, заинтересованными такой же темой. Вместе с этим они часто не уверены в том, принимают ли их другие люди. Довольно часто первые занятия курса представляют собой «пробную фазу» в социально-эмоциональном отношении: люди сдерживаются, не хотят сразу же брать на себя обязательства, хотят понаблюдать за ситуацией на расстоянии, тестируют, найдут ли они общие темы с другими. Не случайно многие немецкие преподаватели отмечают, что часто наблюдается большой отсев именно до третьего занятия, затем посещение стабилизируется [1; 6]. Было выявлено, что большая часть участников опасается быть отвергнутыми в первую очередь группой, чем преподавателем. Кроме того, за участием в курсах и прерыванием обучения наблюдают и оказывают влияние люди, например, семья, которая поддерживает или критикует его участие в курсах.

Учитывая обозначенные причины, досрочное прерывание обучения происходит в случаях, когда участники:

- чувствуют себя в группе изолированно или как аутсайдеры;

- ожидают от руководителя курсов больше внимания и ответной реакции;

- чувствуют себя притесненными со стороны других участников;

- критикуются дома из-за участия в обучении.

- *Нагрузка.* Участие в обучении приносит часто как расслабление и пользу, так и нагрузку. Из-за нехватки времени курсы вступают в конкуренцию с другими обязанностями индивидуума и предложениями по свободному времяпрепровождению. Тот, кто участвует в вечерних курсах, каждый раз должен заново себя мотивировать и отказываться от других деятельности. Следует отметить, что в большинстве опросов в качестве главных причин преждевременного прерывания курса были названы не дидактические и методологические недостатки, а внешние нагрузки, такие как болезнь, забота о родственниках, стресс на работе и т. п. Прежде всего такие многочисленные нагрузки становятся частой причиной прерывания обучения у женщин. Не стоит забывать о том, что обучение, не предполагающее повышение профессиональной квалификации, конкурирует с растущими предложениями средств массовой информации и развлекательной сферой.

Это приводит к тому, что курс чаще всего прерывается:

- если он переживается больше как нагрузка, а не как отдых;

- из-за недооцененных усилий и денежных затрат, потраченных на обучение.

Продолжение или прерывание курса является результатом сложных размышлений на тему «затраты – польза» (Kosten-Nutzen) [5, с. 17]. Участие в обучении выливается не только в финансовые затраты, но требует время, энергию и отказ от других дел. Также польза складывается не только из профессиональных преимуществ, но и из социальных вознаграждений, культурного обогащения и роста самосознания. Эта сумма факторов принимается во внимание «концептом поведение – окружение», предложенным американским ученым-социологом Рождером Баркером еще в 40-х годах XX века («Behavior-Setting-Konzept») [6, с. 52]. Этот концепт показывает не индивидуально-психологические, а системные связи. Индивидуальная система познания и мотивов соприкасается с системой курса с его участниками и темами

и со *средой* (Milieu), то есть семейным, профессиональным и иным окружением, с которыми участник тесно связан. Совпадение этих трех систем (*участник – курс – окружение*) благоприятствует продолжению курса, а растущие расхождения и конфликты препятствуют дальнейшему участию.

Изучение и анализ исследований немецких андрагогов приводит к выводу, что для решения данной проблемы в системе дополнительного образования взрослых желательны выполнять следующие рекомендации:

- предоставлять реалистичную информацию об образовании и проводить консультации;
- по возможности ввести так называемую «фазу разведки», когда потенциальный участник посещает первые занятия без обязательств, чтобы посмотреть, подходит ли ему именно этот курс;
- использовать метакоммуникацию и критическую оценку в течение одного семинара, чтобы были возможны корректировки всего курса;

• провести разделение долгосрочных курсов на модули, которые можно либо продолжать дальше, переходя на следующий уровень, либо заканчивать.

Таким образом, проблему досрочного прекращения обучения не получится решить, рассматривая ее изолированно от мотивации к образованию, результативности системы дополнительного образования взрослых, совокупности предложений культурного сектора, образа жизни участников и их приоритетов, а также от качества образовательных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Siebert, H., Didaktisches Handeln in der Erwachsenenbildung / H. Siebert. – Mnch.: Luchterhand, 2009. – 333 с.
2. Brödel, R., Dropout – Kursabbruch / R. Brödel. – Opl.: Schwalfenberg, 1994. – 399 с.
3. Wittpoth, J. Einführung in die Erwachsenenbildung / J. Wittpoth. – Ul.: Verlag Barbara Budrich, 2006. – 224 с.
4. Gruber, Ch. Determinanten des Kursabbruchs in der Erwachsenenbildung / Ch. Gruber. – B.: BWP, 1985. – 179 с.
5. Arnold, R. Wörterbuch Erwachsenenbildung / R. Arnold, S. Nolda. – Ul.: Klinkhardt, 2010. – 334 с.
6. Nuisl, E., Dropout in der Weiterbildung / E. Nuisl. – H.: AfeB, 1979. – 146 с.

УДК 374.7
ББК Ч44(4Ге)

И. В. Высоцкая

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБУЧЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: niphertity@mail.ru

Популярность иностранных языков в современном мире не вызывает сомнений. Пожилые люди также не желают отставать от современного общества и стремятся изучать иностранные языки. Однако существует необходимость организации обучения пожилых людей в соответствии с их возможностями и интересами, что и отражается в данной статье. В статье упоминаются формы и методы работы с пожилыми учащимися в соответствии с их особенностями.

Ключевые слова: образование пожилых людей, организация обучения, иностранные языки, методическое обеспечение, формы и методы работы, популярность иностранных языков, активные методы.

I. V. Vyssotskaya

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF ELDERLY PEOPLE EDUCATION OF FOREIGN LANGUAGES IN GERMANY AND RUSSIA

Volgograd State Technical University

Popularity of foreign languages is growing in the world. Elderly people don't want to be backward the modern society and try to study foreign languages. That's why it's necessary to arrange elderly people education according to their possibilities and interests. In this article we refer to forms and methods of work with elderly students according to their peculiarities.

Keywords: elderly people education, arrangement of education, foreign languages, methodical support, forms and methods of work, popularity of foreign languages, active methods.

В последнее десятилетие в связи с увеличением продолжительности жизни человека и числа престарелых граждан в науке и социальной практике заметно возрос интерес к герон-

тологическим проблемам.

Выход на пенсию является одним из наиболее кризисных моментов на жизненном пути пожилого человека, влекущим за собой суще-

ственные изменения в условиях и образе его жизни. Сложившаяся ситуация требует от человека переосмысления ценностей, отношения к себе и к окружающему миру, поиска новых путей реализации активности. У многих пожилых людей этот процесс происходит долго и болезненно, сопровождается переживаниями, пассивностью, неумением найти новые занятия и контакты, по-новому взглянуть на себя и окружающий мир.

Образование пожилых воспринимается отечественными и зарубежными учеными и исследователями как необходимая часть системы образования, сопровождающая человека непрерывно на протяжении всей жизни. В отличие от стран Западной Европы, США, где формирование института образования пожилых в основном завершено и осуществляется его эволюционное развитие, в России геронтообразование находится на стадии институционального становления [2].

Анализ зарубежного опыта организации и функционирования геронтообразования показывает, что в странах Европы (Германии, Австрии, Франции и др.) имеют место специфические особенности этой работы в зависимости от национальных традиций, культуры, присутствует множество предложений образовательных услуг, которые реализуют различные учреждения: государственные учебные заведения, общественные, религиозные организации, частные предприниматели. Обучение является традиционным занятием вышедших на пенсию людей в Германии. Обобщая изученный материал, можно сделать вывод, что для организации учебного процесса пожилых людей в Германии создана соответствующая инфраструктура, подготовлены кадры, методическое обеспечение, индустрия, образовательные услуги для пожилых приближены к месту их жительства. Пожилые люди сами определяют формы обучения и их тематическую направленность.

По результатам опроса, проведенного в Германии исследователями К. Зоммер, Г. Кюнемунд и М. Коли [9, с. 60–65], интересы пожилых людей разнообразны и охватывают все области жизни (законодательную, правовую, религиозную, компьютерные технологии, иностранные языки, спорт и др.). Однако первые строки опроса занимают темы «здоровье» и «тренинги памяти». Нельзя сказать, что это неожиданный результат для пожилых людей, поскольку с возрастом здоровье становится все

важнее – это факт, подтвержденный многими исследованиями (Opaschowski Н. 2000, Pöggler F. 2000 и др.). «Чем старше становятся, тем больше необходимо учиться жить с болезнями, и тем больше ищут знаний для здорового образа жизни, профилактики и предупреждения болезней», справедливо замечает Ф. Пеглер [8, с. 471].

В результатах опроса приведенного в Австрии, которые опубликованы в статье Ф. Колланда, в списке тем первое место занимают курсы по «тренингу памяти». Из 826 организаций 161 предлагает этот курс, что составляет 20 % от общего числа. Курсы по теме «здоровье» предлагают 15 из 826 учреждений, что составляет 2 % от общего количества организаций. При этом Ф. Колланд подчеркивает, что тема «здоровье» оказалась в последних строчках списка вследствие того, что «тренинг памяти» выделен из этой темы в отдельный большой раздел [7, с. 11].

Изучение иностранных языков занимает строку в середине листа опроса, в Австрии его предлагают изучать 69 (8 %) организаций. В опросе по Германии он занимает 13 строку рейтинга из 24 и почти 40 % учреждений работающих с пожилыми людьми имеют в программе данный предмет.

Из вышесказанного следует, что изучение иностранных языков достаточно популярно среди пожилых учащихся. Каждый из нас когда-либо сталкивался с иностранным языком: в интернете, по телевидению, в аэропорту. И пожилые люди хотят пользоваться современными плодами цивилизации и идти в ногу со временем, при этом им необходимо знание иностранного языка.

Предпочтения в выборе тем для изучения пожилые учащиеся связывают со своими интересами и с теми видами деятельности, которые им необходимы в повседневной жизни. В России, из опроса проведенного Т. М. Кононыгиной, интересы пожилых людей распределились следующим образом: первые три строчки занимают знание новых законов (70,2 %), чтобы защищать свои права; медицинские знания (66,7 %) и знания, связанные с садоводством (65,8 %). Относительно невысокий уровень предпочтений в компетенциях, которые хотели бы приобрести пожилые учащиеся, связан с освоением новых ремесел (33,5 %), знанием иностранного языка (24,2 %), освоением компьютера (26,9 %) [10, с. 270]. Т. М. Кононыгина обращает внимание на то, что 53,6 % считают неважным, что

изучать, главное общаться со сверстниками. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что хотя изучение иностранных языков занимает не последнее место в опросе в Германии и России, этот предмет имеет своих заинтересованных учащихся. Следовательно, существует необходимость разрабатывать программы и использовать необходимые методы и средства работы с пожилыми людьми.

Мотивация у всех разная, но в основном пожилые люди приходят на курсы для того, чтобы научиться общаться на английском языке. На форумах можно прочитать различные формулировки мотивации пожилых людей. Кто-то хочет помогать внукам школьного возраста осваивать «инглиш», кто-то изучает язык, чтобы не отставать от своих близких, другие считают, что «нужно держать мозг в тонусе». А один мужчина написал в своей анкете, что ходит на курсы, чтобы познакомиться и пообщаться с новыми людьми. Кто-то пользуется интернетом и знание языка им крайне необходимо [6]. Таким образом, потребность в общении, сохранение здоровья, желание участвовать во всех событиях современного общества и пользоваться новыми техническими достижениями для пожилых людей являются мощнейшими стимулами в изучении иностранных языков.

Условия иноязычного общения в современном мире, когда иностранный язык является средством познания, получения и накопления информации, предопределили необходимость владения всеми видами речевой деятельности: говорением и пониманием речи на слух на данном иностранном языке, а также чтением и письмом. Вслед за О. В. Агаповой и Т. М. Кононыгиной под организацией общения понимают активизацию слушателей и самоорганизацию процесса обучения, которые возможны в том случае, если процесс обучения будет организован таким образом, чтобы «слушателям хотелось самим начать учиться» [1, с. 7]. При этом геронтообразование должно выступать как многофункциональное формирование, оказывающее консультативную и практическую помощь пожилым людям. Следовательно, существует необходимость учитывать психофизиологические изменения, происходящие с пожилыми людьми при организации учебного процесса. Д. Лапп приводит следующие особенности пожилых учащихся в своем исследовании: замедление реакций при более быстрой утомляемости; ухудшение способности к вос-

приятию; сужение поля внимания; уменьшение длительности сосредоточения внимания; трудности распределения и переключения внимания; снижение способности к концентрации и сосредоточению внимания; повышенная чувствительность к посторонним помехам; некоторое уменьшение возможностей памяти; ослабление тенденции к автоматической организации запоминаемого; трудности воспроизведения [3, с. 119–237]. Зная особенности пожилых людей преподавателю необходимо планировать занятие, принимая их во внимание.

Проанализировав зарубежные и отечественные литературные источники по теме «Образование пожилых людей», можно определить, что геронтообразование – это активная деятельность субъектов образовательного пространства, в которой и педагог, и обучаемые выступают равноправными участниками процесса обучения. Этой мысли придерживаются не только зарубежные ученые, такие как Ф. Колланд, Ф. Пеглер, С. Беккер и др., но и российские исследователи О. В. Агапова, Т. М. Кононыгина, Г. Л. Дубинин и др. Задача преподавателя не передавать знания, а поддерживать активность в обучающихся как субъектах геронтообразования. Наиболее эффективными для этого являются активные методы обучения. Опытные специалисты в области геронтообразования, такие как О.В. Агапова и Т.М. Кононыгина, справедливо отмечают: «С помощью активных методов можно: мотивировать и активизировать участников; лучше узнать жизненные проблемы и ожидания слушателей; активизировать процессы самоорганизации в группе; создать теплые дружеские отношения между участниками, уютную атмосферу на занятиях» [1, с. 16]. Таким образом, активные методы обучения могут служить определенным дидактическим целям и связаны непосредственно с учебными целями и задачами, содержанием, материалами.

Так, утверждает Т. М. Кононыгина, начинать обучение пожилых людей иностранному языку и другим предметам при помощи активных методов следует с постепенного вхождения в деятельность, используя метод вовлечения [2]. Сущность метода вовлечения составляет выявление побудительного мотива каждого конкретного обучаемого, деликатно воздействуя на его потребностно-мотивационную сферу, направление их к проявлению активности к самовыражению через творческую деятель-

ность, дискуссию или диалог, то есть ненавязчивое вовлечение обучаемых в образовательный процесс. Мотивы при этом выступают в качестве позитивного стимула к обучению. Для их распознавания герагог должен проявлять к своим ученикам внимание и психологическую наблюдательность.

Я. Стюарт-Гамильтон утверждает, что активные методы обучения позволяют выявить все потенциальные возможности обучаемого, такие как «био» (мышление, память, восприятие, органы чувств), «социо» (опыт, общение, поведение, способы взаимодействия с участниками образовательного пространства), «дух» (культура и творчество), одновременно воздействуя на субъекта и позволяя ему проявлять свою индивидуальность в процессе образования [5, с. 30]. Активные методы работы в малых группах (численностью от 5 до 9 человек) стимулируют каждого члена группы, поскольку они ориентированы на то, чтобы вырабатывать и развивать навыки, способности, необходимые для успешного разрешения проблем (например, посредством изучения конкретных случаев, критических ситуаций и т. п.).

Активные методы позволяют вырабатывать и навыки планирования, необходимые для решения определенных проблем или использования возможностей (стратегическое планирование). Предоставить участникам возможность попрактиковаться в использовании новой техники или приема (в парах, тройках, четверках и пр.); предоставить участникам возможность наблюдать поведение друг друга, высказать советы, пожелания; предоставить возможность обмена опытом как по поводу проблем, так и по поводу возможных решений.

В геронтообразовании процесс обучения – это процесс сотрудничества и взаимодействия. «Методы, на которых базируется обучение пожилых, основаны не на прямом, а на косвенном, корректном воздействии», замечает Г. Л. Дубинин [4, с. 21].

Принцип активности, лежащий в основе современных методов обучения пожилых людей,

позволяет герагогу проявлять свою активность при помощи исключительно корректного воздействия на обучаемых людей. При этом активность герагога стимулирует субъектов образования к действиям, в ходе которых они реализуют и одновременно развивают свою субъектность. Учитывая собственный опыт работы в центре иностранных языков, можно отметить, что успех обучения пожилых людей зависит от педагогического мастерства герагога, корректного отношения к пожилым студентам, умения использовать современные активные методы обучения, такие как: работа в парах, малых группах, дискуссия, игра. Однако нельзя не учитывать мотивацию пожилых учащихся при обучении и их биографический опыт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапова, О. В. Образование пожилых. Руководство практической работы / О. В. Агапова, Т. М. Кононыгина. – Орел: Издательство НП «Редакция газеты «Орловская правда», 2001. – 32 с.
2. Кононыгина, Т. М. Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей / Т. М. Кононыгина. – Орел, 2006. – 133 с.
3. Лапп, Д. Улучшаем память в любом возрасте / Д. Лапп. – М., 1993. – 240 с.
4. Методические материалы в помощь мультипликатору / сост. Г. Л. Дубинин. – Северодвинск: Северодвинская организация общества «Знание» России, 2004. – 140 с.
5. Стюарт-Гамильтон, Я. Психология старения / Я. Стюарт-Гамильтон. – СПб.: Питер, 2002. – 256 с.
6. <http://www.mospravda.ru/issue/2011/03/11/article26572/> 30. 03. 2011 г.
7. Kolland, Franz (2006): Bildungsangebote für ältere Menschen. In: bildungsforschung, Jahrgang 3, Ausgabe 2, URL: <http://www.bildungsforschung.org/Archiv/200602/angebote/>
8. Pöggeler, Franz (2000): Lernen alt zu werden: Die Zukunft der Altenbildung. In: Becker, Susanne/ Veelken, Ludger/ Vallraven, Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 464–474.
9. Becker, Susanne/ Veelken, Ludger/ Vallraven, Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 2004.
10. Кононыгина, Т. М. Геронтообразование на встречу потребностям пожилых. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/obraz/4_2_Geronotoobrazovanie.pdf 07.04.2011 г.

УДК 374.7(94)
ББК Ч 44(82)

Н. В. Алексеенко, А. М. Митина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КРОСС-КУЛЬТУРНОМУ ОБУЧЕНИЮ ВЗРОСЛЫХ В АВСТРАЛИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: role.e@yandex.ru

Проблема кросс-культурных различий значима для Австралии, где много иммигрантов, и поэтому проводится много научных исследований по кросс-культурному обучению. Статья обобщает теоретические подходы к решению данной проблемы.

Ключевые слова: образование в Австралии, дополнительное образование взрослых, кросс-культурное образование, теоретические подходы.

N. V. Alekseenko, A. M. Mitina

THE THEORETICAL APPROACHES OF CROSS-CULTURAL ADULT CONTINUING EDUCATION IN AUSTRALIA

Volgograd State Technical University

The problem of cross-cultural differences is very important for Australia because of many emigrants. That is why many investigations are carried out in the field of cross-cultural education. The article summarizes the theoretical approaches to the solution of the problem.

Keywords: education in Australia, adult continuing education, cross-cultural education, theoretical approaches.

Проблемы кросс-культурной коммуникации имеют большое значение для любой многонациональной страны мира. Изучение подходов австралийских ученых к организации кросс-культурного образования взрослых на рабочих местах как средства повышения производительности труда на современных предприятиях представляет несомненный интерес для российского образования, где проблемы кросс-культурных взаимоотношений в обществе не менее значимы и требуют продуманных педагогических подходов для их решения.

Кросс-культурное обучение в Австралии составляет неотъемлемый компонент корпоративного обучения. По справедливому мнению экспертов, в условиях многонациональных рабочих коллективов особенно важно научиться управлять культурным и лингвистическим разнообразием в контексте современных процессов реструктуризации рабочих мест, приобретения мультинавыков и компетенций, умений работы в команде и других современных производственных нововведений [1; 2; 4; 7].

Пытаясь найти продуктивные пути кросс-культурного обучения, австралийские андрагоги обращаются к трактовке самого понятия «культура», выявляя многофункциональность его значения и употребления, возможность использования в узком и широком смысле. Любой индивид живет внутри и между различными культурами. Так, можно говорить о культу-

ре рабочего места, культуре образовательных заведений, культуре как этническом основании; культуре как стремлении, интересе или наклонности. «В этом смысле, – констатируется в отчете Квинсландского Департамента по образованию, – все наши культуры имеют множественные слои, и каждый слой находится в сложном и динамичном отношении к другому» [3, с. 14].

Самое распространенное среди австралийских ученых широкое употребление понятия «культура» в настоящее время подразумевает целый стиль жизни и практически синонимично понятию «общество», что подчеркивает связь между политикой, экономикой и культурой. Именно в данном контексте трактуются в настоящее время такие понятия, как «австралийская культура», «американская культура», «японская культура» и т. п. [1, с. 81].

Австралийские ученые справедливо относят культурные компетенции к важнейшим составляющим квалифицированного труда современного специалиста. Это убедительно продемонстрировано в отчете Квинсландского Департамента по образованию, который так и называется «Культурные понимания как восьмая ключевая компетенция» («Cultural Understandings as the Eighth Key Competency») [3]. В нем признается важность взаимоотношений между культурой и обучением. «Культура возникает посредством социализации и обучения; она по-

стоянно развивается и ... влечет за собой различные личные и социальные знания, отношения, практический опыт и ценности», – справедливо замечают Д. Броснан, Х. Ширез и Д. Слэйд [1, с. 208]. Австралийские ученые уверены, что не существует фиксированных границ культур, все культуры всегда находятся в процессе изменения. Такое глобальное понимание культуры позволяет рассматривать культуру рабочего места (*work place culture*), под которым понимается производственная культура на современном предприятии, как важный компонент кросс-культурного обучения, помогающий увидеть взаимосвязь и взаимозависимость культуры, из которой приходят работники и клиенты, и обучения.

Опираясь на разные трактовки понятия «культура», в австралийском дополнительном образовании разрабатываются и разные подходы к пониманию и организации кросс-культурного обучения. Многообразие взглядов австралийских теоретиков может быть обобщено в шести основных концептуальных подходах, активно используемых в настоящее время в корпоративном обучении на предприятиях Австралии: 1) этноспецифический (*ethnospecific*); 2) антидискриминационный (*antidiscrimination*); 3) социоисторический (*sociohistorical*); 4) лингвистический (*linguistic*); 5) психологический или межличностный (*psychological or interpersonal*); 6) подход производственного разнообразия (*productive diversity*) [1; 2; 4; 7].

Все шесть подходов выделены с позиций задействования конкретного понятия «культура», видения места языка и коммуникации в образовательной программе, использования компетенций, педагогической направленности программ и соотношения кросс-культурного обучения с общим курсом обучения на рабочих местах.

Предлагается рассмотреть каждый из подходов подробнее.

1. **Этноспецифический подход** (*ethnospecific approach*) [1; 2; 4; 8]. Этот подход представляет собой ознакомление учащихся с определенной культурой, которая ранее была им не известна. Участников таких программ знакомят со специфическими проявлениями определенных культур на практике, например, японский стиль управления [8]. Этот подход рассматривает культуру с точки зрения этнических различий и трактует ее как нечто статичное, а не как динамичный процесс, открытый

для развития. Язык не составляет явный предмет обсуждений в этом подходе, хотя способы преодоления возможных коммуникационных барьеров предлагаются. Они включают в себя следующие предложения практического характера: эффективное использование переводчиков; употребление простого и понятного английского языка с минимизацией трудностей технической лексики; использование невербальных средств коммуникации; акцентирование важности активного слушания; обсуждение возникающих коммуникативных проблем, исходящих из культурного разнообразия.

Так как этот подход учитывает, прежде всего, различия между этническими группами, культурные группы рассматриваются как однородные и различия внутри групп игнорируются. Сильная сторона этого подхода заключается в том, что он привлекает внимание к специфическим культурным проявлениям (*cultural practices*), свойственным этническим группам, и может быть полезным в обучающих контекстах, когда андрагоги работают с людьми одной национальности.

2. **Антидискриминационный подход** (*antidiscrimination approach*). С середины 80-х годов XX века область кросс-культурного обучения в Австралии расширилась и диверсифицировалась. Программы стали фокусироваться на миграционных движениях с последующим акцентом на социальной справедливости и равенстве. Именно эти положения лежат в основе антидискриминационного и социоисторического подходов [1; 5]. Центральным положением в программах антидискриминационного обучения является идея равных возможностей взрослых в культурно и лингвистически разнородных производственных условиях (рабочих местах) и в общинах. По мнению австралийских экспертов, расистское поведение и дискриминация вредно влияют на производительность труда [1, с. 210]. В этой связи австралийскими андрагогами разработаны специальные обучающие кросс-культурные программы с позиций антидискриминационного подхода, снимающие сложности, вызванные многообразием культур. Первый учебный пакет под названием «Мультикультурный доступ: руководство по тренингам» («*Multicultural Access: Trainings Manual*») был опубликован Миграционным центром Кантебери-Бэнкстаун (*Canterbury-Bankstown Migrant Resource Centre*) еще в 1989 году [5]. В последующих разработках

представителей данного подхода усиливалась практическая значимость программ для увеличения прибыли предприятий, а одна из них даже красноречиво называлась «Многообразие делает хороший бизнес» («Diversity Makes Good Business») [6]. В этом учебном пакете были исследованы кросс-культурные производственные условия в контексте законодательных регулятивов, влияющих на каждодневную работу в организациях. В комплекте с обучающим пакетом был предложен видеокурс под названием «Расовая дискриминация на рабочих местах» («Racial Discrimination in the Workplace»), в котором разъяснялась влияние расистского поведения и дискриминации на производственные показатели. Обучающий пакет данного миграционного центра направлен также на помощь общинному сектору в развитии кросс-культурных услуг. Для преодоления языкового барьера предлагалось: использование переведенного материала; использование руководств по переводам и услуг переводчиков; увеличение письменной коммуникации на рабочем месте и ряд других мер. Важное место отводилось разъяснениям законодательной базы, пониманию правительственных документов, регулирующих кросс-культурные взаимоотношения. Этот подход к кросс-культурному обучению предполагает, что существует ответственность перед законом (*legal responsibilities*), которой каждый человек должен придерживаться. Понятие «культура» охватывает все аспекты социальной жизни, включая род, класс, социоэкономический статус, этническую принадлежность и «культуру рабочего места». Кросс-культурное обучение при данном подходе направлено на устранение пробела между теорией и практикой.

3. Социоисторический подход тесно связан с историей австралийской миграции [1; 2]. Он определяет демографические и социальные факторы разнообразия и проводит исторический обзор мультикультурализма в Австралии. Акцент в обучающих программах, разработанных сторонниками данного подхода, делается на презентации факторов, социоисторической информации, способствующих пониманию культурного и лингвистического разнообразия и позволяющих адекватно воспринимать проведение кросс-культурных политик и разработку стратегий на всех рабочих местах. Социоисторический подход к кросс-культурному обучению не связан явным образом с языком.

Однако он обеспечивает информацией о логистике языка в миграционных процессах. Преимущество этого подхода заключается в показе ясной и полной картины происхождения и объема культурного и лингвистического разнообразия работников. Но участники таких программ, по мнению педагогов-исполнителей, могут находить их слишком трудными для восприятия, и поэтому их отношение к работе и их практическая производственная деятельность могут не поменяться [2].

4. Лингвистический подход к кросс-культурному обучению, как следует из названия, фокусируется прежде всего на языке [1; 2; 7]. Авторы считают, что непонимание, происходящее при кросс-культурной коммуникации, связано не только с отсутствием исторического контекстуального или культурного знания, но и с лингвистическими факторами, такими как разные способы структурирования коммуникативного дискурса (речевого построения) или разные интонационные модели языков. Коммуникационные барьеры включают также произношение английских звуков, грамматику английского языка, разное восприятие значений многозначных слов [7, с.vii]. Преимущество данного подхода, по мнению австралийского андрагога С. Кинга, состоит в том, что отношения, верования, ценности представителей разных культур могут быть исследованы через язык, на котором они говорят, например, через анализ устной интеракции или письменного текста. Следует отметить, что хотя акцент в обучающих пакетах, основанных на лингвистическом подходе, ставится на языке, они также отмечают важность понимания культурных вопросов и анализа собственного опыта, который в свою очередь оказывает обратное воздействие на культуру. Таким образом, признается динамизм культуры. Преимущество лингвистического подхода состоит в акцентировании важности языка при кросс-культурной коммуникации. Однако, как отмечают австралийские исследователи, существует риск, что при использовании этого подхода происходит сужение кросс-культурного обучения до языковых трудностей населения, не говорящего на английском языке.

5. Психологический или межличностный подход [1; 2; 4; 7]. В обучающих программах, основанных на данном подходе, культура рассматривается как «способ проживания», основанный на ценностях и практиках

общества, включая верования, отношения и обычаи. Акцент ставится на индивиде и его опыте, важное место занимает процесс самоисследования собственных ценностей и отношений. Цель обучающих программ состоит в том, чтобы через переживание собственного жизненного опыта участники были способны видеть альтернативные способы поведения. Центральное положение в кросс-культурном обучении занимают переговоры, основанные на уважении к культурным различиям. Язык в этом подходе воспринимается через действия, стимулирующие обмен мнениями, активное слушание, посредничество и невербальное поведение. Достоинством данного подхода является внутренняя перестройка культуры каждого работника и его стереотипов, помогающая выстраивать новые, более продуктивные отношения с сотрудниками, что очень важно в бизнесе. Однако, как верно отмечают австралийские исследователи Д. Броснан, Х. Шиарз и Д. Слэйд, акцент на индивиде может превращаться в недостаток этого подхода [1, с. 212]. Создается впечатление, что социальный контекст и динамика предубеждений и расизма являются недостатками отдельных индивидов, что не способствует искоренению главных причин. Культура также рассматривается только в отношении личных чувств и восприятий.

6. Подход «производственного разнообразия» [1; 2; 4; 6; 7] зародился в контексте современных экономических реформ Австралии и реструктуризации рабочего места и в максимальной степени ориентирован на бизнес. По мысли авторов этого подхода, коммуникация и культура лежат в основе экономических изменений. Главным положением при разработке программ является тезис о том, что культурное и лингвистическое разнообразие, которое существует в Австралии в настоящее время, следует рассматривать как источник развития, а не только как реальность, которую следует принимать [1, с. 215]. Этот обучающий подход фокусируется на важности управления культурным и лингвистическим разнообразием, ведущим к эффективности, продуктивности, конкурентоспособности и получению прибыли. Поэтому кросскультурное обучение должно составлять неотъемлемую часть обучения всех работников. Интерес представляет точка зрения сторонников данного подхода о том, что не должно существовать понятия единой рабочей культуры, в которую люди должны ассимили-

роваться. Сама рабочая деятельность трактуется как культурная деятельность. Центральная идея создаваемых программ состоит в том, что учет культурного разнообразия является важной частью работы в команде. Такой подход к разработке этого направления кросс-культурного обучения основывается на разнообразии точек зрения, стилей коммуникации, способов работы и интересов. Главный вывод авторов данного подхода гласит: работа в мультикультурных командах и группах более эффективна и инновационна, чем в монокультурных [6].

В подходе производственного разнообразия принято широкое определение культуры, которая охватывает многие черты, акцентированные в других подходах. Однако главный фокус сосредоточен на культуре рабочего места. Культура рабочего места, делимая всеми, кто работает в команде, соотносится со всеми культурными различиями, которые люди «приносят в рабочие места» [1, с. 216]. Главная конструктивная идея состоит в признании разнообразия как продуктивного источника бизнеса, «совмещения многих культур вместе» [4, с. 63]. Учащимся объясняются способы трансформации центральных принципов реструктуризации австралийских предприятий – управление культурой, тотальное управление качеством, мультинавыки и тому подобное, когда разнообразие рассматривается как продуктивный источник. Практика внедрения данных технологий кросс-культурного обучения на современных предприятиях Австралии проходит успешно и свидетельствует о продуктивности данного подхода.

Содержание программ фокусируется на профессиональном и жизненном опыте людей, давая возможность рефлексии и сравнению, что позитивно сказывается на результате. Однако из-за сильного акцента на культуре рабочего места в этом подходе существует тенденция пренебрегать ролью языка и коммуникации как в управлении, так и в работе.

Каждый из рассмотренных подходов к кросс-культурному обучению взрослых в Австралии имеет свои преимущества и недостатки, но может эффективно использоваться в специфических контекстах в силу культурного разнообразия страны. Так как язык и культура неразрывно связаны, то все предложенные подходы взаимосвязаны и, более того, усиливают свое значение этим взаимоотношением. И если культурное и лингвистическое разнообразие

следует рассматривать в настоящее время как общественную и производственную ценность, то кросс-культурное обучение должно быть интегрировано в общее образование и обучение взрослых и предложено на всех уровнях рабочих мест.

Предложенная систематизация кросс-культурных подходов к обучению является полезным эвристическим средством, позволяющим практикующим андрагогам проводить различия между разными подходами к кросс-культурному обучению, критически оценивать и выявлять практическую пользу каждого из них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Brosnan D., Scheeres H., Slade D.* Cross-cultural training in the workplace. In: G. Foley(ed.). *Understanding Adult Education and Training*. Sydney: Allen & Unwin, 2000.
2. *Kalantzis M., Brosnan D., Cope B.* *Managing Cultural Diversity: Culture*. Sydney: NLLIA Centre for Workplace Communication and Culture, University of Technology, 2010.
3. *Cultural Understandings as the Eighth Key Competency*; Queensland Department of Education, 1994.
4. *Cope B., Pauwels A., Slade D., Brosnan D., Neil D.* *Local Diversity, Global Connections*. Canberra: Office of Multicultural Affairs, 2004.
5. *Canterbury-Bankstown Migrant Resource Centre.* *Multicultural Access: Training Kit: A Trainer's Manual*. Sydney: Canterbury-Bankstown Migrant Resource Centre, 1989.
6. *Human Rights and Equal Opportunity Commission,* *Diversity Makes Good Business: A Training Package for Managing Cultural Diversity in the Workplace*. Sydney: Australian Government Publishing Service, 1993.
7. *King S.* *Module 2: culture and language in Multicultural Skills for Adult Educators*. Sydney: School of Adult and Language Education, 2002.
8. *Multicultural Centre, Sydney College of Advanced Education, Communication, Cultural Diversity and the Health Professional*, Sydney: Multicultural Centre, Sydney College of Advanced Education, 2009.

УДК 316. 77
ББК С 524. 224. 022

В. В. Токарев, Н. В. Дулина

**МОНГОЛИЯ – ЦЕНТР ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Волгоградский государственный технический университет

В начале сентября 2010 года в Монголии состоялась Международная научно-практическая конференция «Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)», в работе которой по приглашению отдела социологии Института философии, социологии и права Академии наук Монголии приняли участие авторы этого материала. Тема конференции стоит в ряду иных таких же тем, востребованных поисками новых моделей миропорядка (многополярный мир, демократический транзит и т. д.). Среди этих моделей особую известность приобрела концепция диалога цивилизаций, впервые обоснованная в работах А. Тойнби в качестве идеала исторического знания, «независимого от особенностей восприятия, обусловленных местом и временем» [2, с. 141]. На конференции были предложены и обсуждались интересные доклады, велись споры. Казалось бы, все как обычно бывает на научных конференциях. Но следует признать, что восприятие всего сказанного и услышанного было, вопреки положению концепции А. Тойнби, обусловлено местом и временем. Вдруг стало понятно, что Монголия имеет какую-то особую притягательность и протяженность места и времени...

Через пару дней пребывания в Монголии становится понятно, что протяженность эта определяется не теми данными, которые обычно приводятся в любом справочнике (см., напр., [3, 4] и др.), а людьми, которые соединили в себе в единое целое и время, и пространство. Жителей Монголии отличает четкая евразийская позиция – любовь к родной Монголии сочетается с ясным пониманием глубинного ценностного единства народов Евразии, уходящего корнями в глубины их общей истории и культуры.

В предисловии к книге Наваанзоча Х. Цэдэва «Ценности и культурные константы народов Западной Монголии (Евразийские этюды)»

(кстати, подаренной с пожеланиями дальнейшего сотрудничества В. В. Токареву самим автором) заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета, доктор философских наук профессор А. В. Иванов, отмечает, что «одной из ключевых исторических фигур, задающих единый ценностный идеал государственного и социального бытия, является для кочевых степных народов (монголов, казахов, татар, туркмен, киргизов и т. д.) фигура Чингисхана. Действительно, монгольская империя при нем стала первой подлинно евразийской державой, простершейся от Тихого океана до Средиземного моря и объединившей ключевые этносы континентальной Евразии – славянский, монгольский, тюркский, угро-финский. В это время кристаллизуются и воплощаются в практике государственной жизни ключевые евразийские ценности – этническая и религиозная терпимость, верность общественному долгу и законам воинской чести, дух боевого братства и взаимовыручки, искреннее гостеприимство. Этим по праву гордятся и современные монголы, ибо это – их вклад в ценностную сокровищницу евразийской и мировой цивилизации» [6, с. 4].

У жителей нашей области и жителей Монголии достаточно много общего. Причем, как выяснилось при знакомстве со страной и жителями, гораздо больше, чем обычно принято думать. Заметим, что на исторические корни формирования отношения к миру и самим себе жителей степи, которое сейчас демонстрируют монголы, обращают в своих работах и волгоградские исследователи (см., напр., [1]). И искреннее сожаление присутствует в словах, когда монголы говорят о смене приоритетов в политике стран. «Правительство Монголии объявило главным иностранным языком – английский. Русский язык в Монголии уступил место английскому международному. Прави-

тельство потребовало изменить программы обучения в отношении иностранных языков, большое количество часов стало отводиться английскому, меньшее – русскому» [6, с. 83]. Действительно, молодежь в качестве иностранного языка больше ориентирована на английский язык, старшие поколения – на русский. Русский язык широко используется в разговорной практике. Он был одним из языков (кроме монгольского и английского) официально заявленных на конференции.

Ориентация на обучение и необходимость передачи опыта молодежи присутствует практически повсеместно. В рамках конференции прошла международная школа молодых этносоциологов «Методология и методика сравнительных исследований: монгольский ракурс», хотя по размаху и организации данная школа могла бы претендовать на статус самостоятельного мероприятия. В рамках этой школы было прочитано большое количество как отдельных лекций, так и целых курсов.

Так, например, курс этносоциологии читали ведущие специалисты различных институтов АН Монголии (Цооху Хинаят, д-р физ.-мат. наук, профессор, директор Института исследований Монгольского Алтая, секретарь Национального Совета Монголии по науке и технологиям; Цэцэнбилег Цэвээний, канд. соц. наук, зав. отделом социологии Института философии, социологии АН Монголии; Бум-Очир Дулам, Ph. D., зав. кафедрой антропологии, Монгольский государственный университет; Цэдэв Наваан зоч Х., академик Института образования Монголии, и др.), Института социологии РАН (Горшков М. К., чл.-корр. РАН, директор ИС РАН; Голенкова З. Т., д-р филос. наук профессор, зам. директора по науке ИС РАН; Железняков А. С., д-р полит. наук, зав. отделом сравнительных исследований социально-политических систем ИС РАН), Института философии и права Сибирского отделения РАН (Попоков Ю. В., д-р филос. наук профессор, зам. директора по науке, зав. сектором этносоциальных исследований; Абрамова М. А., д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН; Анжиганова Л. В., д-р филос. наук профессор, зам. министра региональной и национальной политики Республики Хакасия, Ерохина Е. А., канд. филос. наук, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН, и др.).

В рамках школы молодых этносоциологов авторы прочли лекции и провели мастер-класс на тему «Конкретные социологические исследования: теория и практика проведения». Данный курс был повторен еще дважды, но уже для другой аудитории – для преподавателей университетов и институтов г. Улаанбаатара и для государственных служащих. В рамках конференции, на школе молодых этносоциологов, при проведении мастер-классов выступать приходилось не один раз, но оживленную дискуссию всегда вызывали сообщения, подготовленные по итогам социологического исследования, выполненного по сопоставимой методике в России и Монголии. Желание лучше понимать своего соседа звучало практически в каждом вопросе. Сами же хозяева (организаторы конференции, школы, Институт философии, социологии АН Монголии) позаботились о том, чтобы познакомить гостей с культурой, традициями и обычаями своего народа, наглядно и зримо демонстрируя, что общеевразийский дух синтеза, культурной и человеческой открытости не исчез, а продолжает успешно воплощаться в деятельности ныне живущих представителей монгольского этноса. Великая степь объединяет людей вне зависимости от их языка, вероисповедания, национальности... У степи свои законы, и выжить можно только объединяясь и доверяя друг другу, следовательно, и межкультурный диалог между россиянами и монголами будет обязательно продолжен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамонтов, В. И. Далекое прошлое Волго-Донских степей: научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына / В. И. Мамонтов. – Волгоград: Принт, 2010. – 208 с.
2. Следзевский, И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики / И. В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 141–156.
3. Социально-политические трансформации: идентичности и структуризации в меняющемся мире. Доклады научно-практической конференции. – Улан-Батор, 2010. – 135 с.
4. Страны мира: краткий полит.-экон. справочник. – М.: Политиздат, 1991. – 512 с.
5. Страны мира: краткий полит.-экон. справочник / под общ. ред. И. С. Иванова. – М.: Республика, 1997. – 480 с.
6. Цэдэв, Н. Х. Ценности и культурные константы народов Западной Монголии (Евразийские этюды) / Н. Х. Цэдэв. – Улан-Батор, 2009. – 98 с.

УДК 378.034
ББК Ч 481.3

О. И. Ситникова

«КРАЙ РОДНОЙ, НАВЕК ЛЮБИМЫЙ...»

Волгоградский государственный технический университет

23 ноября 2010 г. в ВолгГТУ состоялись пятые по счету межвузовские студенческие краеведческие чтения «Край родной, навек любимый...», организатором которых является Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ).

В этом году в них приняли участие свыше 30 студентов из ВолгГТУ и его филиалов в Волжском и Камышине, ВолгГАСУ, Волжского филиала МЮИ. Свои работы представили также учащиеся лицей № 3, гимназий Волгограда.

Доклады заслушивались в двух секциях: «Путешествуем по Волжскому краю в пространстве и времени» и «Летопись памяти в камне». Ребятами были представлены исследования в области истории – от первобытно-общинного строя до современности, культуры, экологии, социологии.

Главная цель чтений – вызвать интерес к изучению своей малой родины. Как было сказано на открытии чтений, работа по изучению нашего удивительного края, жизни замечательных людей делает молодых людей счастливыми, так как родная земля щедро одаривает их впечатлениями, обогащает прекрасным их душу. Эти впечатления останутся в памяти надолго. Именно они делают из человека биологического историческое существо, которое осуществляет историческую преемственность.

Среди победителей смотра-конкурса следующие студенты:

Секция «Летопись памяти в камне»: 1 место – *Бородачева Елена Сергеевна* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа: «Развитие шахмат в Камышине в довоенное время», научный руководитель Сорокин Д. Ю.; 3 место – *Александрова Дарья Владимировна* (ВолгГТУ). Работа: «Женское служение многогранно», научный руководитель Бобровников В. Г.; *Погорелов Иван Анатольевич, Сафронов Александр Денисович, Третьяков Анатолий Игоревич* (МОУ лицей № 3). Работа: «Мамаев курган в цифрах и фактах», научные руководители Дородникова Н. М., Погорелова Г. В.; *Шилина Алена Александровна* (ВолгГТУ). Работа: «Граффити – искусство городских улиц», научный руководитель Естри-

на О. В.; поощрительное место – *Бабенко Светлана Михайловна* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа: «История одного здания в истории России», научный руководитель Латкина Т. В.; *Афанасьева Евгения Владиславовна, Зайникаева Алена Рамилевна* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа: «История Камышинского лесопитомника», научный руководитель Кудинов Н. И.; *Гриценко А. Ю.* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа: «Камышане – Герои Советского Союза», научный руководитель Кудинов Н. И.

Секция «Путешествуем по Волжскому краю в пространстве и времени»: 2 место – *Дегтярева Мария Константиновна, Рыженко Екатерина Валерьевна* (ВПИ, филиал ВолгГТУ). Работа: «Факторы распространения наркомании в современном городе (на примере Волжского)», научный руководитель Дубровченко Ю. П.; *Мартьянов Илья Андреевич* (ВолгГТУ), *Гриценко Полина Владиславовна* (ученица 9 кл., МОУ гимназия № 3), научные руководители Соловьева А. В., Мартьянова О. А.; поощрительное место – *Пошелюжный Станислав Владимирович* (ВолгГТУ). Работа: «Маргиналы и демократия», научный руководитель Дулина Н. В.; *Шуринова Дарья Александровна* (ВолгГТУ). Работа: «Прогулки по улицам Михайловки», научный руководитель Самчук М. М.

Значительная группа студентов – участников чтений представляет традиционно филиал ВолгГТУ, Камышинский технологический институт (КТИ). В КТИ преподавателями кафедры «Гуманитарные науки» (заведующая кафедрой Димитрова Светлана Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры) ведется со студентами большая работа по патриотическому воспитанию, по изучению исторического наследия г. Камышина и его окрестностей. Не случайно, многие работы студентов КТИ получают дипломы за яркое отражение краеведческой темы. На протяжении нескольких лет команду КТИ возглавляет Николай Иосифович Кудинов, преподаватель истории Отечества. Это настоящий краевед, увлеченный историей родного города, беззаветно преданный своему делу. Приезд гостей из Камышина всегда со-

проводится показом небольшой экспозиции артефактов, Н.И.Кудинов демонстрирует ценнейшие образцы из музея института.

Камышанам есть чем гордиться: у города – славное прошлое и интересное настоящее, удивительная природа, замечательные люди. Камышинский край – это настоящий перекресток миров, наций и культур. На территории современной Волгоградской области расположены всего два исторических города – Волгоград и Камышин, поскольку только они имели статус города в досоветский исторический период. Волгоград (Царицын) и Камышин (Дмитриевск) изначально были основаны как военные города-крепости и получили статус уездных центров еще в 1780 году. Но если старый Царицын (Сталинград) был фактически целиком уничтожен во время второй мировой войны, то Камышин частично сохранил свой исторический облик. Еще и сегодня можно наблюдать целые исторические районы города. Камышане чтят свою историю. На территории города к категории памятников истории и культуры отнесены свыше 70 объектов.

В работах студентов КТИ находят отражение разные темы, но всегда присутствует тема войны, ибо тысячи горожан отдали жизнь за свободу Родины. Всемирную славу снискал камышанин, военный летчик Алексей Маресьев, герой книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Об Алексее Маресьеве рассказали в своем выступлении студенты в прошлом году, а в юбилейный год Победы в Великой Отечественной войне они подготовили работу о солдатах – Героях Советского Союза, призванных в дни войны Камышинским военкоматом.

В последние годы в программу чтений непременно включаются работы, посвященные уникальным природным памятникам Камышинского района: урочищу Щербаковский буерак – «Волжской Швейцарии», горам Камышинские Уши, Столбичам. Волжской Швейцарией, очевидно, за сходство с невысокими горами Европы, назвали приподнятое, расчлененное короткими, но глубокими долинами и балками плато поселившиеся здесь по приглашению

Екатерины II колонисты из Германии, Швейцарии, Эльзаса и Лотарингии. Живописная местность объявлена природным парком. Ее уникальность состоит в том, что в зоне сухих степей, где почти все лесные массивы посажены человеком, Щербаковский лесной массив является естественным оазисом, созданным самой природой. Другой удивительный природный объект – горы Камышинские Уши, памятник геологической истории планеты Земля. Нет на всей Волге более экзотических обрывов, чем Столбичи близ Камышина. Здесь человек оказывается лицом к лицу с вечностью. Десять вертикальных колонн-столбов вздымаются к небу прямо из воды, зафиксировав береговую линию древнейшего палеогенового моря.

В этом году студенты первого курса КТИ Евгения Афанасьева и Алена Зайникаева представили на краеведческие чтения работу, посвященную истории Камышинского лесопитомника. Лесопитомник (бывший опорный пункт ВНИАЛМИ, ныне станция по распространению древесных пород) был заложен в 1903 году при участии будущего премьер-министра Российской империи, саратовского губернатора Петра Столыпина. Значение закладки этого лесного массива в зоне сухих степей переоценить невозможно. Благодаря лесопитомнику и городскому парку, пыльный Камышин, в котором совсем не было деревьев, получил своеобразные «зеленые легкие». Сегодня лесопитомник – любимое место отдыха горожан, и не только летом.

Популярная тема камышан – спорт. В 2010 г. первое место было присуждено работе Елены Бородачевой, которая рассказала о развитии шахмат в Камышине в довоенное время. Интерес к истории спорта, шахмат не случаен. Только за 2009 г. ведущие спортсмены и команды города приняли участие в 215 областных, региональных, всероссийских, международных соревнованиях. В Камышине существует сильная шахматная школа, которая на равных соперничает с волгоградской. Отрадно сознавать, что студенческая молодежь Камышина целенаправленно изучает прошлое, с уважением относится к истории и традициям родного города.

УДК 378.13
ББК Ч 481.4

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

**ШКОЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ВолгГТУ:
ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Волгоградский государственный технический университет

Новая методология образования, формируемая под воздействием Болонского процесса, построена на применении компетентного подхода в подготовке специалиста, то есть приобретение студентом в ходе обучения способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

Обретение студентами компетенций – важнейшая задача, которая стоит перед современной системой образования. Такой подход объективно требует смещения акцентов от образования к самообразованию, то есть увеличению компонента собственного социокультурного опыта индивида в образовательном процессе. Необходимость уметь добывать материал заставит индивида апеллировать все больше к различным формам образования и самообразования.

И большое значение в формировании будущего специалиста имеют не только знания преподавателя как эксперта в определенной профессиональной области, но и его личностные качества. Именно поэтому так важно обращать внимание на необходимость формирования у преподавателей организаторских способностей, коммуникативных способностей и компетентности в общении, владения не только специальными знаниями по предмету, но и общекультурными.

Профессиональная компетенция – способность к успешной профессиональной коммуникации, производственной, научно-исследовательской, организационно-управленческой деятельности, владение соответствующими знаниями; личностные качества, призванные обеспечить эффективность деятельности.

Общекультурные компетенции преподавателя можно классифицировать следующим образом:

– универсальные: способность воспринимать, анализировать, обобщать информацию; получать новые знания, управлять собственным речемыслительным процессом;

– инструментальные: свободное владение письменной и устной речью в различных жанрах научного и делового стиля; аргументированное изложение собственной точки зрения, ведение дискуссии и полемики;

– социально-личностные: стремление к саморазвитию, формирование в себе целеустремленности, ответственности, гражданственности, толерантности.

Среди профессиональных компетенций преподавателя можно выделить такие, как:

– научно-исследовательские: оперирование специальной терминологией; создание научных произведений разных жанров; представление результатов экспериментов в форме публикаций и др.;

– организационно-управленческие: составление технической документации и подготовка отчетов по установленным формам; составление и оформление служебной документации; владение методами и приемами работы с персоналом и др.

Несмотря на вышеперечисленный широкий спектр компетенций преподавателей высшей школы, не все из них могут быть освоены преподавателями в техническом вузе. Являясь, по своему образованию, специалистами в области техники и производства, они становятся педагогами самостоятельно, на практике осваивая необходимые компетенции, методом проб и ошибок.

Новые приоритеты образования привели к необходимости в специальной профессиональной научно обоснованной подготовке специалистов технического профиля. Первый в России Экспериментальный центр переподготовки и повышения квалификации преподавателей технических университетов и инженерных вузов был создан в 1993 году в МГТУ им. Н. Э. Баумана, а затем и в ряде ведущих технических вузов России. Так, например, в Санкт-Петербургском горном университете проводится повышение квалификации преподавателей не

только в сфере профильных дисциплин, но и в сфере педагогических компетенций, например, коммуникативных, речевых и т. п.

Та же объективная необходимость привела к созданию в 1996 году Школы педагогического мастерства (ШПМ) преподавателей в Волгоградском государственном техническом университете.

Цели и задачи ШПМ включают:

- повышение уровня педагогического мастерства преподавателей;
- организацию психолого-педагогической, методологической и методической поддержки процесса преподавания;
- освоение преподавателями новых форм преподавания дисциплины (деловые игры, видеотренинг, обеспечение обратной связи и т. д.);
- принятие гуманистических идей и гуманитарных методов в преподавании естественно-научных и технических дисциплин;
- создание банка данных по методологическим разработкам гуманитарного блока.

Занятия в Школе педагогического мастерства проводятся по безотрывной форме обучения в течение всего учебного года. Учебный план ШПМ рассчитан на 200 часов и включает проведение лекционных и семинарских занятий.

Занятия ведут опытные преподаватели, специалисты в данной области, ведущие профессора и доценты Волгоградского государственного технического университета и Волгоградского государственного педагогического университета. Руководителем ШПМ с 2003 года является кандидат технических наук, доцент кафедры ТВВМ ВолгГТУ В. Д. Васильева.

За прошедшие годы работы школы педагогическую подготовку прошли более 200 слушателей из числа преподавателей вуза самых разных возрастов и ученых рангов.

В настоящее время Школа педагогического мастерства успешно развивается, постоянно обновляется и расширяется ее функциональный

ресурс, получая высокую оценку качества преподавания своих выпускников.

Дисциплины курса, которые обеспечивают освоение профессиональных компетенций преподавателя, следующие:

1. Дидактика высшей школы.
2. Теория воспитания.
3. Проблемы высшей школы и качества образования.
4. Проектирование образовательных систем.
5. Основы ораторского мастерства преподавателя.
6. Образовательные технологии в вузе.
7. Психологические основы делового общения преподавателя: теория и практика.
8. Лингвистические основы устного и письменного общения.
9. Организация научно-методической работы в вузе.
10. Профессиональная этика преподавателя.
11. Социальные технологии в системе образования.
12. Социологические методы оценки качества и эффективности обучения в вузе.

Из представленного перечня видно, что дисциплины ориентированы в первую очередь на формирование общекультурных и ряда профессиональных компетенций преподавателя, но не посягают на специфические, научно-исследовательские, профильные области знания.

Еще раз хочется особо подчеркнуть значение речевой компетенции преподавателя, ибо передача знаний, работа со студентами, организация их занятий в аудитории и вне ее по-прежнему реализуется через взаимодействие, требующее хороших коммуникативных навыков. Так, дисциплины «Основы ораторского мастерства в вузе», «Психологические основы делового общения преподавателя: теория и практика», «Лингвистические основы устного и письменного общения» напрямую влияют на развитие речевых умений преподавателей, другие курсы тоже делают это, но косвенно.

УДК 316.7
ББК С 5

Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина

**«МЫ СЛУШАЕМ НЕ РЕЧЬ, А ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ГОВОРИТ...»
(об итогах очередного межвузовского смотра-конкурса научных работ
студентов «Социокультурные исследования – 2011»)**

Волгоградский государственный технический университет

Межвузовский смотр-конкурс научных работ студентов «Социокультурные исследования», ставший уже доброй традицией Волгоградского государственного технического университета, завершился проведением 27 мая заключительной конференции. На смотр-конкурс «Социокультурные исследования» было подано почти полторы сотни заявок. К участию в заключительной конференции отобрано 99 работ. Отмена смотра-конкурса в прошлом, юбилейном для ВолгГТУ году (напомним, что политех праздновал свое 80-летие, и график проведения праздничных мероприятий был очень насыщенным), не могла не сказаться на количестве участников и представленности вузов в этом году. Количество участников заключительной конференции уменьшилось, но, как заметили члены оргкомитета и члены жюри, быть может, именно количество участников, не превышающее сотни человек, является оптимальным. Конференция прошла очень организованно, отработала строго по графику и завершила работу

вручением грамот, дипломов и призов, предоставленных Комитетом по делам молодежи администрации Волгоградской области (председатель КДМ – В. А. Васин), в назначенное время.

Сухая статистика прошедшего смотра-конкурса выглядит следующим образом. Всего участниками заключительной конференции стали 106 студентов, среди которых более трети (36 %) составляют юноши, понятно, что остальные (64 %) – девушки. Самыми активными участниками смотра-конкурса оказались студенты ВолгГТУ, ими подготовлено больше половины всех работ (57,5 %), а с учетом филиалов вуза (КТИ и ВПИ) – две трети работ (68 %). Сводные данные по участию студентов вузов в смотре-конкурсе представлены в таблице. Ряды участников конкурса впервые пополнились студентами из Астрахани, что само по себе уже приятный факт. Общие данные по количеству работ, заявленных в программе смотра-конкурса, и вузам – участникам заключительной конференции представлены в таблице. И хотя

**Количество работ, представленных студентами вузов на смотр-конкурс
«Социокультурные исследования –2011»**

Учебные заведения	История	Культурология	Педагогика и психология	Политология	Социология	Философия	Экономика и управление	Всего
Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)	2	11	5	14	18	5	2	57
Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета (ВПИ)	1	2			3	1		7
Камышинский технологический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета (КТИ)		2		1				3
Волгоградский государственный университет (ВолГУ)		5	3	4		1	4	17
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолгГАСУ)	3	1		5				9
Волгоградская академия государственной службы (ВАГС)						2		2
Астраханский государственный университет					2			2
Астраханский инженерно-строительный институт							1	1
Лицей № 2 г. Волгограда					1			1
Всего	6	21	8	24	24	9	7	99

оргкомитет сохранил в этом году секцию «Молодежь в современном мире», ни одной работы на эту секцию подано не было.

Во время заключительной конференции заслушивало выступления студентов и выносило свой окончательный вердикт жюри, в состав которого входили профессор и доценты разных вузов города. Секция «История»: профессор Г. В. Орлов (председатель), доцент С. Е. Прошечкин, доцент А. Е. Песков, доцент В. Г. Бобровников, ст. преподаватель С. Г. Стафеев, ст. преподаватель А. М. Страхов. Секция «Культурология»: профессор Э. Г. Баландина (председатель), доцент Т. В. Латкина, доцент О. В. Естрина, доцент О. И. Ситникова, ст. преподаватель А. В. Соловьева. Секция «Педагогика и психология»: профессор Р. М. Петрунева (председатель), доцент М. М. Самчук, доцент Т. И. Игнатенко, доцент Р. В. Ященко. Секция «Политология»: доцент А. Н. Леонтьев (председатель), доцент Е. П. Воробьев, доцент Н. А. Скобелина, доцент И. Г. Селезнева, доцент И. Н. Наумов. Секция «Социология»: профессор О. И. Сгибнева (председатель), доцент С. О. Лебедева, доцент Н. А. Овчар, доцент Ю. П. Дубровченко. Секция «Философия»: профессор Е. Ю. Леонтьева (председатель), профессор Ю. В. Артюхович, профессор Н. Л. Виноградова, доцент А. П. Стручалина. Секция «Экономика и управление»: профессор Н. В. Дулина (председатель), доцент В. В. Токарев, доцент Н. А. Овчар, доцент Е. Г. Ефимов, ст. преподаватель Р. В. Соколов.

Предваряя изложение итогов смотра-конкурса 2011 года, необходимо заметить, что количество работ, поданных на разные направления (см. таблицу), с учетом качества самой работы и ее представления на заключительной конференции, где-то вызвало необходимость ввести дополнительные премии, где-то отказаться от вручения премии вообще.

Итак, по секции «История» места распределились следующим образом: 1 место – *Харитоновна Д. М.*, студентка ВолгГАСУ (научный руководитель – Р. С. Романенко); 2 место – *Авдеев А. Р.*, *Федченков П. В.*, студенты ВолгГТУ (научный руководитель – канд. ист. наук доцент О. И. Ситникова); 3 место – *Григоряни Г. А.*, студент ВолгГАСУ (научные руководители – д-р ист. наук профессор Г. В. Орлов, канд. полит. наук доцент А. Е. Песков).

Секция «Культурология»: 1 место – *Сницарук Д. Г.*, студент ВолгГТУ (научный руково-

дитель – канд. ист. наук доцент О. И. Ситникова); 2 место – *Артюхина Д. К.*, *Свиридович К. О.*, студентки ВолгГТУ (канд. филос. наук доцент О. В. Естрина); 3 место – *Арлаков А. С.*, студент ВолгГТУ (научный руководитель – старший преподаватель А. В. Соловьева). Поощрительные премии: *Акимова А. М.*, студентка ВолгГАСУ (научные руководители – д-р ист. наук профессор Г. В. Орлов, канд. полит. наук доцент А. Е. Песков); *Тарлецкий А. А.*, *Степаненко Д. И.*, студенты ВолгГТУ (научный руководитель – старший преподаватель А. В. Соловьева).

Секция «Педагогика и психология»: 1 место – *Журавлева Е. А.*, студентка ВолгГТУ (научный руководитель – канд. ист. наук доцент М. М. Самчук); 2 место – *Подина К. В.*, *Микулич Е. М.*, студентки ВолгГТУ (научный руководитель – канд. пед. наук доцент Р. В. Ященко); 3 место – *Макаренкова Н. Ю.*, студентка ВолгГТУ (научный руководитель – д-р филос. наук профессор О. И. Сгибнева). Поощрительную премию получила *Горчакова А. Я.*, студентка ВолгГТУ (научный руководитель – канд. ист. наук доцент М. М. Самчук).

Секция «Политология»: 1 место – *Крапивина Н. В.*, студентка ВолгГТУ (научные руководители – канд. соц. наук доцент Н. А. Овчар, канд. филос. наук доцент А. Н. Леонтьев); 2 место – *Аболенцева Я. А.*, студентка ВолГУ (д-р филос. наук профессор О. И. Сгибнева); 3 место – *Черников Я. К.*, *Юдина Д. В.*, студенты ВГАСУ (научные руководители – д-р ист. наук профессор Г. В. Орлов, канд. полит. наук доцент А. Е. Песков). Поощрительные премии: *Максимова Я. В.*, студентка ВГАСУ (научный руководитель – канд. ист. наук доцент Е. П. Воробьев); *Пасько А. А.* – студентка КТИ (филиал ВолгГТУ) (научный руководитель – канд. филос. наук доцент Р. А. Абдуллаева); *Громова А. В.* – магистрант ВолГУ (научный руководитель – д-р филос. наук профессор О. И. Сгибнева).

Секция «Социология»: 1 место – *Ваганова Т. В.*, *Аракелян А. А.*, студентки ВолгГТУ (научные руководители – д-р соц. наук профессор Н. В. Дулина, канд. тех. наук доцент И. М. Дородникова); 2 место – *Веселова Е. С.*, студентка ВолгГТУ (научный руководитель – канд. техн. наук доцент В. В. Токарев); 3 место – *Литвинова Анастасия*, ученица 10 «В» лицея № 2 г. Волгограда (научные руководители – учитель лицея № 2 г. Волгограда Д. А. Загуменнов, канд. филос. наук доцент А. Н. Леонтьев). Поощрительные премии: *Мыльников П. А.*, магистрант ВолгГТУ

(научные руководители – д-р техн. наук профессор В. А. Гудков, д-р соц. наук профессор Н. В. Дулина); *Пошелюжный С. В.*, студент ВолгГТУ (научный руководитель – канд. ист. наук доцент Е. Г. Ефимов).

Секция «Философия»: 1 место – *Королева Н. Н., Хохлова С. В.*, студентки ВолгГТУ (научный руководитель – канд. филос. наук доцент А. П. Стручалина); 2 место – *Канцедалов Д. А.*, магистрант ВПИ (филиал) ВолгГТУ (научный руководитель – канд. филос. наук профессор Э. Г. Баландина); 3 место – *Белкина Е. А.*, студентка ВолгГТУ (научный руководитель – д-р филос. наук профессор Ю. В. Артюхович).

Секция «Экономика и управление»: 1 место – *Сергиенко В. С.*, магистрант ВолГУ (научный руководитель – д-р филос. наук профессор И. В. Василенко); 2 место – *Лапина А. В.*, магистрант ВолГУ (научный руководитель – д-р филос. наук профессор И. В. Василенко).

Широко известные слова великого философа античности Аристотеля, вынесенные в название данного материала, можно считать своеобразным девизом, которым руководствовались жюри при обсуждении итогов смотра-конкурса. Мы, действительно, на заключительной конференции слушаем не речь, а человека, который говорит. Жюри оценивает как студент говорит, правильно ли, красиво, логично, оценивает не только уровень доклада и компетентность докладчика при обсуждении работы на секции, но и, если можно так выразиться, особенности речевой культуры выступающего. Умение выступать публично, адекватно выражать свои мысли в устной речи, делать смысловые и эмоциональные акценты, владеть своим голосом считается важной характеристикой любого спе-

циалиста. И в этой части предварительные итоги (по результатам прочтения заранее представленных текстов) несколько разошлись с окончательными, что не могло не разочаровать в некоторой степени жюри.

В положении о смотре-конкурсе сказано, что заявленная работа, по которой не сделан авторский доклад ни на одной из секций, с конкурса снимается. Такая оговорка не случайна. Авторы полагают, что устное выступление с докладом – это хороший тренинг для студентов в приобретении практики публичного выступления. В подтверждение необходимости приобретения такого навыка следует сослаться на слова А. М. Пешковского: «Говорить литературно, то есть в полном согласии с законами письменной речи, и в то же время с учетом особенностей устной речи и отличая психику слушателей от психики читателей, не менее трудно, чем говорить просто литературно. Это особый вид собственно литературной речи – вид, который я бы назвал в известном смысле подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную».

Итоги смотра-конкурса убедительно продемонстрировали, что студенты, особенно старших курсов и магистранты, достаточно хорошо владеют навыками публичного выступления и умеют справиться «со стихией устной речи» и «в должной мере» ориентироваться в своем выступлении на речь письменную, соединяя различные жанры научного представления и результаты выполненного исследования.

УДК 378.034
ББК Ч 481.3

О. И. Ситникова, А. В. Соловьева

ЭКСКУРСИЯ КАК ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Волгоградский государственный технический университет

Начиная с 2005 года, технический университет в течение нескольких лет предоставлял студентам первого и второго курсов прекрасную возможность для предметного знакомства с историческими и культурными памятниками г. Волгограда и области. По результатам экскурсий студенты писали эссе, проводились со-

циологические исследования в виде анкетирования.

После небольшого перерыва весной 2011 г. вновь появилась возможность организовать экскурсии по памятным местам. Целью данных краеведческих экскурсий является приобщение, развитие и поддержание интереса студентов

к истории, культуре и природе родного края; воспитание у них любви к родному краю, городу, вузу, Отчизне; приобщение к процессу познания культурного и исторического богатства Волгоградской области и края.

28 и 29 мая были осуществлены четырехчасовые автобусные экскурсии на темы: «Царицын – Сталинград – Волгоград: история и современность», «Легенды и были старого Царицына: культурное наследие». Данные экскурсии проводились в рамках учебного процесса дисциплин: «Отечественная история» «Культурология». В экскурсиях по городу приняло участие около 900 студентов первого курса, около 150 человек имели возможность посмотреть достопримечательности края на маршрутах: «Волгоград–Элиста» – «Памятники истории и краеведения Нижневолжского региона», «Волгоград–Камышин» – «Природные и исторические места: богатства нашего края».

Путешествие с выездом в соседний регион – Республику Калмыкия относится к числу самых востребованных экскурсионных маршрутов. В ходе этой однодневной экскурсии студенты видят уникальную деревянную мечеть в с. Малые Чапурники, православный храм Св. Никиты-Мученика в с. Дубовый Овраг, а также два буддийских хурула в г. Элиста. Там же в калмыцкой столице они знакомятся с памятником жертвам репрессий работы знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного, посещают «Сити-Чесс» – шахматный городок, Золотые Ворота – «Алты Босхо», памятник Остапу Бендеру. В ходе экскурсии студенты узнают о жизни и творчестве российского поэта Велимира Хлебникова, родившегося в Калмыкии в селе Малые Дербеты, а также пробуют блюда национальной кухни – калмыцкий чай и борцики. Путешествие в Элисту очень много дает студентам в плане знакомства с буддизмом, ментальностью калмыков.

Большие возможности для реализации этнической составляющей дает также экскурсия в историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта». Музей открыт в 1995 г. на месте поселения немцев-гернгутеров, прибывших в Россию в XVIII веке по манифесту Екатерины II. Пустынная местность в устье реки Сарпы трудолюбием колонистов буквально в несколько лет была превращена в цветущий, благоустроенный и укрепленный городок. Сарептянам принадлежат особые заслуги в развитии ремесленного и промышлен-

ного производства, в культивировании новой в России сельскохозяйственной культуры – горчицы. Как правило, у студентов вызывает огромный интерес знакомство с достижениями сарептян, их бытом и образом жизни. Однако восхищение и гордость за славное прошлое Сарепты перемежаются с чувствами досады и горечи, связанными с гибелью этого уникального поселения.

Трудно переоценить пользу подобных экскурсий. Свидания с памятными местами, достопримечательностями города, области, края создают определенные, личные, представления о своей земле, и каждая подобная поездка прибавляет новые живые краски и черты к понятию «Отчизна». Подтверждением служат отзывы студентов об экскурсиях: «У каждого своя Родина. Это, в первую очередь, страна, в которой ты рожден, а также тот уголок родной земли, где ты появился на свет. То место, в котором, несмотря на продолжительное отсутствие в нем, чувствуешь себя дома. Для меня это родной город Волгоград. Уезжая куда-нибудь, с нетерпением жду возвращения, чтобы вновь получить удовольствие от прогулки по его улице Мира и проспектам, полюбоваться домами и зданиями, от которых так и веет стариной. Даже воздух здесь кажется особенным! А сколько исторических мест и памятников, что хранят в себе отпечаток истории города и страны для последующих поколений! Мой город имеет большую историю, и, гуляя по нему, невозможно не обратить на это внимание...». «Больше всего мне понравился музей «Старая Сарепта». В нем собрано много экспонатов: хозяйственная утварь, жернова для мукомольного производства, корзины, которые плели из чакары (их называли зембель – большие сумки и сейчас называют так по имени немца), очень много видов горчицы, плошек, тарелок, фарфоровые сервизы. Показан домик зажиточного немца, его музыкальные инструменты, быт, мебель, фотографии с одеждой тех времен. Мне хотелось, чтобы такие экскурсии проводились чаще». «Здорово было узнать, что у нас в Волгограде, практически под боком, есть такое любопытное место – Сарепта». «Мне безумно понравилась экскурсия по памятным местам нашего города-героя Волгограда. Я считаю, что каждый живущий здесь человек должен знать историю своего родного края. Как говорится: «Где память есть, там слов не надо!». Нужно также помнить тех людей, которые отдавали

жизнь ради жизни на этой земле и никогда нельзя забывать о них, а передавать истории и рассказы нашим последующим поколениям...». «Есть города-вспышки, тихие и незаметные, они неожиданно проявляют себя во всем величии, становятся центром внимания человечества. Ведь все происходящее в них определяет судьбу мира. Нам есть чем гордиться. Мы живем в городе-вспышке. Мы живем в городе, который вписал себя в мировой исторический контекст – ярко и навсегда... Волгоград – это еще и частичка нашего сердца. Ведь мы любим его именно за то, что мы родились и выросли здесь и всегда будем

связаны с ним неразрывными узами родства и памяти».

В целом, радует то, что ребятам, побывавшим на экскурсии, наш город и памятные места региона очень понравились, они узнали для себя много нового и интересного. Подтверждается в очередной раз то обстоятельство, что краеведческая экскурсия крайне необходима не только для иногородних, но и коренных жителей. Высокий интерес к проведению экскурсий со стороны студентов позволяет нам надеяться, что краелюбие – это не просто слова, а истинная духовная потребность многих современных молодых людей.

ББК С 524. 224

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

«ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫХ НЕЛЬЗЯ НЕ СЛУШАТЬ»

Волгоградский государственный технический университет

Слова английской поговорки, вынесенные в название статьи, как нельзя лучше характеризуют цель программы повышения квалификации «Инновационные подходы к разработке и реализации образовательных модулей: академическая риторика как основа коммуникативной компетенции научно-педагогических работников технических вузов». Организаторы краткосрочного повышения квалификации (общий объем 72 часа) в рамках данной программы, предложенной ФПК Санкт-Петербургского государственного горного университета, все сделали для того, чтобы слушателей курса можно было уверенно отнести к третьей группе, а именно к людям, которых нельзя не слушать.

Очередная сессия ФПК состоялась с 30 мая по 10 июня 2011 года, успешно прошли обучение на этой сессии 35 преподавателей из разных вузов страны. География регионов, из которых приехали преподаватели для прохождения курса, весьма обширная – от Сахалина до Мордовии, что лишний раз свидетельствует о востребованности как подобного рода курсов в целом, так и конкретной программы в частности. От ВолгГТУ по данной программе прошли обучение преподаватели кафедры «История, культура и социология» профессор Н. В. Дулина и доцент Н. А. Овчар.

Научный руководитель программы – профессор кафедры русского языка и литературы Д. А. Щукина, куратор – доцент той же кафед-

ры Н. А. Егоренкова. Структура курса, формы и методы, использованные на занятиях, без сомнения, свидетельствуют о высокой квалификации организаторов программы. Перечислить все, что было предложено слушателям, просто невозможно. Вот лишь некоторые темы прочитанных лекций, проведенных семинарских занятий и тренингов. Профессор Д. А. Щукина прочла лекции «Коммуникативная компетенция – основа профессиональной деятельности преподавателя вуза», «Психолого-педагогические аспекты взаимодействия преподавателя и студента» и провела «круглый стол» «Культура речи как обязательный компонент коммуникативной компетенции научно-педагогического работника технического вуза».

Доцент О. Г. Згурская прочла лекции «Актуальные аспекты теории и практики научной дискуссии» и «Виды и жанры академического красноречия в современном образовательном процессе».

Доцент Е. В. Атаева познакомила слушателей с основными положениями теории коммуникации, уровнями и видами коммуникации, видами и жанрами академического красноречия, предложила собственную методику подготовки к публичному выступлению.

Доцент С. А. Рассадина не только прочла две весьма содержательно насыщенные лекции («Коммуникативная парадигма современности: культурологический аспект», «Возникновение

и развитие риторики в контексте европейской культуры»), но и как профессиональный культуролог и человек, влюбленный в свой город, провела удивительную экскурсию по Санкт-Петербургу (среди слушателей лекция получила рабочее название «Задворки Петербурга»).

Неизменным успехом пользовались занятия старшего преподавателя Т. М. Синельниковой, которая, знакомя слушателей с элементами лекторского мастерства, пыталась поставить им дикцию, дыхание, темп речи, громкость голоса.

Перечень прочитанных лекций и проведенных семинаров можно еще долго продолжать. Однако, подводя краткий итог участия в программе, можно заключить, что слушатели ознакомились с целями и задачами, стоящими перед современными вузами в связи с проходящей в России реформой системы высшего профессионального образования, обсудили вопросы формирования компетентностно-ориентированного подхода при проектировании программ учебных дисциплин в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения. Были также прослушаны лекции по проблемам академической риторики, вопросам современного состояния норм русского языка, истории развития русского литературного языка. Завершил программу семинар, на котором слушатели выступили с сообщениями по темам своих аттестационных работ. Н. В. Дулина в своем выступлении рассказала о научных школах и ведущих

ученых ВолгГТУ, отвечая на вопросы слушателей, познакомила с опытом внеучебной работы. Н. А. Овчар выступила с сообщением «Формирование коммуникативной компетенции у студентов технического вуза на занятиях по социологии». Следует заметить, что заключительный семинар превратился в серьезный обмен опытом научными знаниями и накопленным опытом не только в области лекторской практики преподавателей, но и организации работы в аудитории вообще.

Ректоратом Горного университета были созданы оптимальные условия для комфортного пребывания и эффективного обучения участников программы повышения квалификации. Слушатели с большим интересом ознакомились с экспозициями Горного музея, с научной и учебно-методической литературой, издаваемой в университете. В часы, отведенные программой для самостоятельной подготовки, слушатели работали в читальных залах Главной библиотеки университета, в свободное время посещали музеи, театры и концертные залы Санкт-Петербурга – культурной столицы России.

Знания, полученные в рамках программы, несомненно, будут реализованы в адаптированном виде при работе со студентами, магистрантами, аспирантами, послужат основой для совершенствования курса ораторского мастерства, который с этого года по просьбе слушателей включен в учебный план школы педагогического мастерства ВолгГТУ.

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 7(80), 2011 г.

Серия «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ»
(Выпуск 9)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан 2011 г. (научные издания). Поз. № 1 н.
Подписано в печать 17.10.2011. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,92. Уч.-изд. л. 21,83.
Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются до 30 апреля каждого года.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем статьи – 5–10 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- а) *на русском и английском языках* (полностью идентичные по содержанию):
 - заглавие и подзаголовочные данные;
 - фамилию, имя, отчество автора; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
 - e-mail;
 - аннотацию;
 - 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).
- б) *на русском языке*:
 - индекс УДК и ББК;
 - текст статьи;
 - библиографический список (при необходимости – примечания, приложения).

4. Схема построения статьи: индекс УДК; далее *на русском языке* – название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций); e-mail; аннотация, ключевые слова, далее *на английском языке* – название статьи, инициалы и фамилии авторов, наименование организации (или организаций), аннотация, ключевые слова, *на русском языке* – текст статьи, библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций звездочками указать принадлежность каждого автора.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

5. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

6. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Excel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4.

7. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.

- Пристатейный список литературы, озаглавленный как **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бурдые, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

2. *Витгенштейн, Л.* Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.

3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.

5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

8. Статья должна быть подписана всеми авторами.

9. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ,

кафедра истории, культуры и социологии, ауд. В-804,

тел. (8442) 24–84–85, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией

высылается наложенным платежом.

Редакционный совет

◆═══════════ ДЛЯ ЗАМЕТОК ═══════════◆